Земля!

сб. 5

ЗЕМЛЯ

сборникъ пятый

В. Винниченко. — Честность съ собой.
Евгеній Чириковъ. — Лѣсныя тайны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

66 10

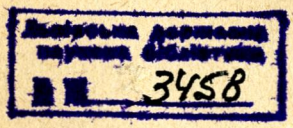
ЗЕМЛЯ

сборникъ пятый

В. Винниченко. — Честность съ собой.
Евгенiй Чириковъ. — Лѣсныя тайны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

Ш5(2=Уи)57 Вс-644



Текстъ печатанъ въ типографіи Т-ва скоропечатни А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. Москва.

Титулъ и обложка напечатаны въ типографіи Л. В. ГУТМАНЪ. С.-ПБ., Калашниковскій пр., 13.

В. Винниченко.

ЧЕСТНОСТЬ СЪ СОБОЙ.

(ПОВѢСТЬ.)

I.

Вѣра сильно закусила верхнюю губу и сразу замолчала. Со сдвинутыми густыми бровями, съ которыми сливались черные злые зрачки ея глазъ, она, казалось, что-то пережидала въ себѣ.

Миронъ курилъ, щурилъ отъ дыма лѣвый глазъ и обѣими руками подкручивалъ усы къ глазамъ. Но словно сдѣланные изъ конскаго хвоста ржаваго цвѣта усы не поддавались никакимъ его усиліямъ и упрямо торчали по своему усмотрѣнію.

— Такъ вы, значитъ, одобряете?—вдругъ рѣзко повернулась къ нему Вѣра. Миронъ захватилъ нѣсколько волосковъ, подтянулъ ихъ къ глазамъ, надулъ щеки и сказалъ:

— Одобря-я-ю...

Онъ, по обыкновенію, протягивалъ послѣдніе слоги, точно пѣлъ ихъ.

— Одобряете?! Все это и... даже то, что онъ заразился? Да?

— Да-а, даже и э-это...

Вѣра не сводила съ него глазъ.

— И если мальчишка окончательно развратится, вамъ будетъ очень пріятно? Да?

Миронъ мелкомъ взглянулъ на Вѣру. По лицу ея пробѣгала уже знакомая нервная струйка, начинаясь у висковъ и сбѣгая къ губамъ. Вѣра всякій разъ нетерпѣливо прику-

Публичная Церковная Научная библиотека
№ 3458

сывала свои тонкія красивыя губы, словно желая придержать струйку, надоѣдавшую, какъ муха.

— Что же вы молчите? Да?

Миронъ пересталъ крутить усы, сейчасъ же разогнувшіеся, какъ пружины, во всѣ стороны, вынулъ изо рта папиросу и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Вѣру. Вѣра напряженно ждала

— Ну, допу-устимъ, да-а... Хотя, собственно, мнѣ не я-ясно, что васъ огорчаетъ. У васъ есть бра-атецъ. Братецъ пошелъ въ публичный до-омъ. Но такъ какъ въ публичныхъ домахъ водятся болѣ-ѣзни, то онъ заразился. Что васъ огорчаетъ: то, что существуютъ дома, или что тамъ водятся болѣ-ѣзни? Или что бра-атецъ позаимствовалъ одну изъ нихъ?

Въ открытую форточку вмѣстѣ съ сырымъ осеннимъ вѣтромъ безпорядочно, торопливо вскакивали волны городского шума, точно спасаясь отъ кого-то, злобно гонявшагося за ними тамъ, на дворѣ.

Съ виска Вѣры отдѣлилась одна матово-черная прядь и безсильно, вяло рвалась куда-то въ сторону. Вѣра своей блѣдной, очень тонкой, до жалости тонкой рукой разсѣянно закладывала ее за ухо, но волосы выбивались снова...

Миронъ ждалъ.

Вѣра порывисто встала. Нервная струйка очень замѣтно и быстро сбѣгала по лицу, точно подъ кожей кто-то продергивалъ внизъ ниточки.

— Я съ вами не желаю больше говорить! Дѣйствительно, съ такимъ субъектомъ, какъ вы, нужно иначе разговаривать. Теперь я это ясно вижу... ясно! И если я когда-то думала о васъ иначе, то... теперь такъ не думаю... И всѣ ваши идеи, эта «проповѣдь», не болѣе, какъ сознательная ложь для оправданія своей подлости и мерзости... Да, мерзости.

Миронъ взглянулъ на часы. Половина пятаго.

— Я сейчасъ ухожу, можете спрятать свои часы. Хочу еще только вотъ что сказать. Слушайте. Оставьте Дару въ

покоѣ. Слышите? Ищите себѣ для своего гарема въ другомъ мѣстѣ. Она васъ не замѣчаетъ. А если замѣчаетъ ваши поползновенія, то только смѣется надъ ними!..

— Почему же вы волну-у-етесь?—засмѣялся Миронъ.

— И не думаю волноваться! Смѣхъ вашъ неуменъ. Дара—жена Сергѣя. Понимаете: жена, а не... любовница.

— Зако-онная...—добавилъ Миронъ.

— Да, законная! Сергѣй—мой братъ, а для брата я могу многое сдѣлать. Это его безпокоитъ и вообще заставляетъ кое-что предполагать. А это оскорбительно... даже мысль одна оскорбительна ему и Дарѣ. Понимаете? Если у васъ нѣтъ ни чести, ни семьи, то у другихъ это есть, и они не позволятъ всякому лѣзть... съ грязными лапами!.. Затѣмъ... Прошу васъ слушать внимательно!

— Я слу-ушаю...

— Затѣмъ, если вы когда-нибудь посмѣете мнѣ или кому другому говорить о нашихъ отношеніяхъ въ Х., когда я имѣла глупость вѣрить вамъ, если вы даже посмѣете думать про себя... Да, да! даже думать. Не бойтесь, я всегда по вашему лицу узнаю, что вы думаете. Да, да! И вотъ говорю: если вы посмѣете кому-нибудь говорить или даже подумать, что между нами есть какія-то отношенія, что я безъ взаимности люблю васъ,—то я вамъ при всѣхъ закачу такую пощечину, что вамъ дѣйствительно станетъ непріятно. Слышите?

Она блѣднѣла все больше и больше, а Миронъ остановилъ на ней свои зеленоватые небольшіе глаза и смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ. Одинъ усъ его торчалъ вверхъ, а другой внизъ. Давно небритое сѣро-смуглое лицо выражало что-то въ родѣ легкой насмѣшки или участія.

— Я васъ теперь поняла, совсѣмъ, до конца поняла! Прежде я не соглашалась, но теперь вижу, что вы—только развратникъ, герой пола, извращенный человѣкъ. Потому къ вамъ такъ тянетъ женщинъ. Думаете—ихъ привлекаетъ ваша угловатая физіономія или кошачьи глаза? Ха! Вамъ сіе не-

пріятно? Да, вы—некрасивы, сударь! И физически и еще болѣе нравственно. И вотъ это ваше нравственное безобразіе, мерзкое уродство и привлекаетъ къ вамъ дуръ женщинъ. Дуръ, глупыхъ, идіотокъ... Это всегда было и...

Послышался звонокъ. Миронъ не спѣша всталъ и протянулъ:

— Нашъ занима-ательный разговоръ прерывается. Если хотите...

— Я ничего не хочу! Я только хочу вамъ сказать...

Опять позвонили. Миронъ быстро вышелъ въ коридорчикъ.

Пришла Дара съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Молодой человѣкъ былъ слегка сутуловатъ, ниже и не такъ крѣпко сложенъ, какъ Миронъ. На немъ были плохонькіе штаны, одѣтые, очевидно, на сапоги, отчего ноги казались внизу толще, чѣмъ вверху. Сверхъ черной косоворотки пиджачокъ. На головѣ странной формы фуражка. Безъ пальто.

— Мы, собственно, на минутку,—сказала Дара, входя въ комнату.—А, и ты здѣсь!—бросила Вѣрѣ.—Вотъ товарищъ хочетъ съ вами познакомиться и кое-что попросить у васъ. Познакомьтесь... Товарищъ Тарасъ... Товарищъ Миронъ...

Говорила слегка сухо, не глядя на Мирона.

— А, такъ это вы Тарасъ?—съ интересомъ посмотрѣлъ Миронъ на молодого человѣка и подалъ ему руку. Тотъ пробормоталъ что-то и неловко пожалъ ее.

Лицо его, впрочемъ, не выражало ничего особеннаго: тяжело-смущенное, изжелта-блѣдное, покрытое жиромъ и черными точками угрей на вискахъ и даже ушахъ. Глаза мутные, далеко спрятавшіеся, неспокойные, точно неувѣренно чувствующіе себя въ глубокихъ орбитахъ. Единственно, что было интересно у него, это ротъ и подбородокъ. Ротъ сухой, безъ изгибовъ, словно безъ всякихъ мудрствованій, но увѣренно выдолбленный въ лицѣ и выражавшій что-то не совсѣмъ обыкновенное. Это подтверждалъ и подбородокъ, круто срѣзанный, упрямый, неподвижный.

Когда Тарасъ снялъ свою клѣтчатую съ необыкновенно длиннымъ лакированнымъ козырькомъ фуражку, лицо его стало какъ будто длиннѣе и не такое угрюмое.

Ничего не сказавъ Мирону, онъ тотчасъ же отвернулся, подошелъ къ стѣнѣ и сталъ разсматривать развѣшенные этюды и рисунки, словно только за этимъ и пришелъ сюда. Возлѣ кровати стоялъ мольбертъ, закрытый простыней. Миронъ поглядывалъ на Тараса и на мольбертъ.

— Вы художникъ?—не оборачиваясь, рѣзко бросилъ Тарасъ, какъ человѣкъ, который чувствуетъ себя неловко, злится на себя и не желаетъ показать этого.

— Нѣтъ, не худо-ожникъ—протянулъ Миронъ.

Дара и Вѣра о чемъ-то шептались.

Тарасъ круто отвернулся, подошелъ къ дивану, сѣлъ и, не глядя ни на кого, заговорилъ:

— Я... это... Я къ вамъ по одному дѣлу... То-есть, и не дѣло, а просто... Ну, словомъ, я хочу васъ просить, чтобы вы познакомили меня съ анархистами... Дарья Михайловна... Товарищъ Дара (онъ смущенно улыбнулся и сейчасъ же нахмурился)... говорила мнѣ, что у васъ должны быть связи... Такъ вотъ мнѣ бы хотѣлось... Если можете...

Онъ нервно повелъ головой и безпокойно, не глядя все-таки никому въ лицо, посмотрѣлъ по комнатѣ. Потомъ поднялъ руку и вытеръ лобъ. Въ комнатѣ было довольно прохладно.

Миронъ все съ той же, не то лѣнивой, не то насмѣшливой, улыбкой смотрѣлъ на него, подтягивая одинъ усъ вверхъ. Но глаза его, какъ всегда, казалось, схватывали каждое движеніе, каждый звукъ даже, вбирали ихъ въ себя, тутъ же разрѣзали и разсматривали. Живые, твердые, ясные, они какъ-то удивительно гармонировали съ лѣнивой, небрежной улыбкой и медленными движеніями Мирона.

— Съ анархи-истами!—потянулъ онъ другой усъ кверху и скосилъ глаза на него.—Могу-у... Вамъ какихъ: передѣльцевъ, безначальцевъ, коммуни-и-стовъ, индивидуалистовъ?

Тарасъ быстро остановилъ на немъ свой взглядъ и снова забѣгалъ глазами.

— Видите ли...—онъ усиленно началъ мять свою фуражку, повидимому, чувствуя все бо́льшую и бо́льшую неловкость,— мнѣ бы хотѣлось съ такими, которые отрицаютъ... духовное, то-есть... душу... То-есть, понимаете, которые матеріалисты...

Вѣра наклонилась къ Дарѣ и что-то шепнула ей, улыбнувшись. Дара ничего не отвѣтила. Строго и внимательно смотрѣла на Тараса своими чистыми темно-карими глазами.

— Они всѣ больші-і-е матеріалисты,—сказалъ Миронъ.

Тарасъ встрепенулся.

— Ну, нѣтъ!.. О, нѣтъ! Я знаю. У насъ въ тюрьмѣ были такіе, которые именно отвергали все это самое... матеріальное... Вполнѣ отвергали... Одна душа...

Онъ вдругъ усмѣхнулся злобно, насмѣшливо и быстро посмотрѣлъ въ сторону Вѣры.

Отъ Мирона не ускользнулъ этотъ взглядъ.

— Хорошо-о... Могу-у... А вамъ это скоро нужно?

— Да, я бы хотѣлъ какъ можно скорѣе. Я уже съ перваго дня, какъ вышелъ изъ тюрьмы, ищу. И цѣлую недѣлю какъ-то... Мнѣ хочется разрѣшить одинъ вопросъ... Мнѣ сказали, что у васъ всякія знакомства...

— Да-а, немно-о-го есть... Я самъ въ этомъ городѣ мѣсяца два, но... кое-какія связи съ анархистами найду-у-тся...

— Еще бы!— вдругъ громко сказала Вѣра.—Если вамъ, Тарасъ, нужны будутъ связи съ ворами, шулерами, проститутками, то смѣло обращайтесь...—И вдругъ, густо покраснѣвъ, не окончила и замолчала.

Дара рѣзко повернулась къ ней, но, увидѣвъ ея смущеніе, встала, подошла къ окну и забарабанила пальцами по столу.

Даже Тарасъ, сначала ничего не понявшій, сразу какъ-то смутился и тоже для чего-то всталъ.

 Одинъ Миронъ остался спокойнымъ. И казалось, что сму-

тившее всѣхъ было сказано не о немъ, а о комъ-то другомъ, кого Миронъ совсѣмъ не знаетъ. Но сказанное ему понятно.

— Простите!—сорвалась Вѣра съ мѣста и подбѣжала къ нему, съ мольбой хватая за руку.—Увѣряю васъ, совсѣмъ не хотѣла, я ничего не думала... Я...

Миронъ засмѣялся.

— Ну, во-отъ еще! Ничего вѣдь дурного вы и не сказали... Совершенно пр-а-авильно: и воры и шулера... Очень почте-е-нныя личности... А собственная сестра — проститу-у-тка...

— Но вы не думаете, что я съ цѣлью? Не думаете?

— Ей-богу, не ду-у-маю... Обидѣть, конечно, хотѣли, но не такъ... И это не ва-ажно...

Какъ только Вѣра сорвалась со стула, Дара быстро повернулась и, опершись своимъ стройнымъ крупнымъ тѣломъ о столъ, пытливо стала смотрѣть въ лицо Мирона: остро, испытующе, строго.

— Но я отъ своихъ словъ не отказываюсь! — сердито встрепенулась опять Вѣра.—И повторяю, что у васъ и среди воровъ знакомства есть. И даже пріятели..

— Да-а, даже пріятели,—согласился Миронъ и повернулся къ Тарасу: — Если нужно, могу познакомить... А вы развѣ изъ тюрьмы не могли взять явокъ къ анархи-и-стамъ?

— Нѣтъ, я съ ними ругался, они бы не дали, — угрюмо буркнулъ Тарасъ, исподлобья и недовѣрчиво поглядывавшій на Мирона во время разговора съ Вѣрой.

— Я, вѣдь—не интеллигентъ,—пояснилъ онъ.—Впрочемъ, вы, кажется, знаете... Вы съ моей сестрой знакомы.., Олей, чулочницей...

— Зна-а-ю, она мнѣ много о васъ говори-ила...

Тарасъ какъ-то странно вскинулъ на него глазами и снова вытеръ лобъ.

— До свиданія, я ухожу!—вдругъ рванулась къ дверямъ

Миронъ ничего не сказалъ, только посмотрѣлъ на нее.

— Подожди, вмѣстѣ пойдемъ,—бросила вслѣдъ ей Дара, но безъ особенной живости.

— Нѣтъ, я не могу... До свиданія!

И нервно, торопливо, цѣпляясь за собственныя ноги, вышла изъ комнаты. Миронъ, чуть улыбаясь, проводилъ глазами ея небольшую фигурку съ длинной тальей и тяжелымъ чернымъ узломъ волосъ на затылкѣ. Потомъ обратился къ Тарасу:

— Хорошо-о... Я это устро-о-ю вамъ. Да сади-итесь, что стоите... Садитесь, товарищъ Да-а-ра...

Дара отошла немного отъ стола.

— Нѣтъ, мы тоже сейчасъ идемъ. Мнѣ нужно лишь нѣсколько словъ сказать вамъ.

— Я слу-у-шаю...

Изъ-подъ грязно-свинцовой тучи, тяжело нависшей надъ горизонтомъ, вдругъ освободились нѣсколько солнечныхъ лучей, ударились съ разгону въ окно и залили всю стѣну, диванъ, Тараса и темно-золотые волосы Дары желто-оранжевымъ свѣтомъ. Дара быстро обернулась, прищурила глаза и чуть-чуть улыбнулась. И лицо ея съ нѣжной, дѣтской округлостью внизу сразу сдѣлалось отъ улыбки или лучей инымъ,—свѣтлымъ, нѣжнымъ. Обыкновенно глаза ея съ чуть удивленнымъ изгибомъ темныхъ бровей смотрѣли слишкомъ умно и внимательно. Нѣжность ея обычно скрывалась лишь въ шаловливомъ изгибѣ губъ, чувственныхъ, свѣжихъ и невинныхъ, какъ у дѣтей. Но теперь вмѣстѣ съ улыбкой эта нѣжность разлилась по всему лицу, и оно все свѣтилось теплотой и лаской.

— Я слушаю, Да-ара.

Она повернулась къ Мирону.

— Лучъ-то какъ,—кивнула она назадъ. И вдругъ, нахмурившись, сказала:—Да, такъ я вотъ что хочу сказать...

— Извините, пожалуйста...—перебилъ ее Тарасъ, вставая и обращаясь къ Мирону·—Вы ничего не будете имѣть

противъ, если я закрою форточку... Шумъ тамъ, на улицѣ... Мнѣ тяжело, я не выношу, очень въ уши бьетъ, я раздражаюсь.. Или вамъ это нужно для воздуха?

— Нѣтъ, пожалуйста...

— Сидите, я закрою,—сказала Дара и, перегнувшись черезъ столъ, захватила пальцемъ форточку и захлопнула.

— Спасибо...—виновато сказалъ Тарасъ и продолжалъ, обращаясь къ Мирону:—Это смѣшно, правда? Господская болѣзнь... Но я не могу... Больше всего шумъ... Это меня очень безпокоитъ всегда...

— Нервы?

— Да, да!—съ благодарной живостью подхватилъ Тарасъ.—Очень это... нервы... Я вотъ и смущаюсь все такъ потому, что нервы... Вы, конечно, замѣчаете, что я очень смущаюсь и держу себя глупо?

Миронъ засмѣялся:

— Вы сами находите, что глупо, или вамъ кажется, что мы это находимъ?

Тарасъ, очевидно, не могъ сразу отвѣтить.

— Я?.. Конечно, я хотѣлъ бы держать себя не такъ, но... Я думаю, что вамъ кажется глупымъ, а потому и я тоже...

— Ну, такъ это не важно... Садитесь и думайте, что мы находимъ очень у-умнымъ. Какъ будете са-ами думать, такъ и бу-удетъ... Я васъ слу-ушаю, Дара.

Тарасъ нѣкоторое время продолжалъ смущенно улыбаться, потомъ сразу, точно проглотилъ улыбку, нахмурился и потупился.

Дара отвела отъ Тараса глаза.

— Я хочу сказать... Вамъ ничего Вѣра не говорила о Колѣ?

— Нѣтъ, говори-ила.

— И то, что онъ боленъ?

— И то-о...

— Значитъ, вы знаете, что всѣ хотятъ потребовать у васъ объясненій?

Миронъ молча съ веселымъ удивленіемъ поднялъ брови. Жесткіе, безпорядочно торчащіе волосы, казалось, тоже удивились и безпорядочность ихъ почему-то стала особенно замѣтна.

— Очевидно, не знаете.

— Это любопы-тно!—воскликнулъ Миронъ.— Но по поводу чего же объясне-е-нія? Неужели по поводу Ко-о-ли?

Дара строгимъ, наблюдающимъ взоромъ слѣдила за нимъ.

— Вообще, по поводу всего... всѣхъ вашихъ идей, пропаганды...

Тарасъ поднялъ голову и обратился къ Мирону:

— Да, это вы вѣрно!.. Это можетъ быть... Это одинъ изъ родовъ самовнушенія... Хм!.. Это вы отчасти вѣрно...

И Миронъ и Дара посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Вы это о чемъ?—спросилъ Миронъ.

— О томъ, что вы сказали... Но это не всегда удается... не всегда. О, если бы можно было внушить себѣ, что хочешь!..

Вдругъ замѣтивъ ихъ удивленные, пристальные взгляды, сконфузился, виновато забормоталъ что-то и сталъ искать фуражку, которую самъ же все время неистово мялъ руками. Замѣтивъ и это, поднялся и сталъ прощаться.

Тогда Дара спокойно и властно взяла его за руку выше локтя, усадила снова на диванъ и сказала:

— Сядьте и сидите. Вамъ сегодня плохо. Сейчасъ вмѣстѣ пойдемъ.

Онъ покорно сѣлъ, вытеръ лобъ и съ печалью согласился:

— Да, сегодня плохо... Тучи эти... Когда вотъ такія тучи, тяжелыя, мнѣ ужасно нехорошо... Тяжело, жарко и вотъ тутъ—указалъ онъ на нижнюю часть груди — давитъ... Но это ничего... Вы говорите,—уже проходитъ...

Дара еще немного молча поглядѣла на него и повернулась къ Мирону.

— Да... По поводу всего...

Отвернулся и Миронъ, пристально разсматривавшій Тараса. Улыбнулся и обѣими руками поднялъ усы вверхъ.

— Это занима-а-тельно... Но почему теперь? Они же и раньше зна-али эти иде-еи.

Онъ надулъ щеки и внимательно покосился на Дару.

— Они говорятъ, что теперь это потому, что ваши идеи... что вы начинаете распространять ваши идеи среди рабочихъ и молодежи... И появляются результаты. Вотъ и съ Колей и... другіе... Вообще, хотятъ выяснить этотъ вопросъ объ организаціи проституткъ, свободнаго хожденія въ публичные дома и тому подобное... Если бы это касалось только васъ одного, то имъ дѣла нѣтъ, но вы агитируете и среди рабочихъ...

— Я это подтверждаю!—громко вырвалось у Тараса.

Миронъ взглянулъ на него, ничего не сказалъ и повернулся къ Дарѣ.

— Это любопытно... А этотъ Ко-о-ля... Онъ какъ,—просто пошелъ въ публичный домъ или съ пропагандой?

— Говоритъ, что съ пропагандой...

Миронъ весело засмѣялся.

— Это хорошо-о... Я дово-о-ленъ...

— И тѣмъ, что онъ заразился, тоже довольны?—не поднимая головы, опять неожиданно буркнулъ Тарасъ.

Миронъ опять внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ну, это непрія-я-тно... Но не такъ важно... И та-акъ, бу-у-детъ су-удъ... Я дово-о-ленъ... Это занима-а-тельно.

Дара не сводила съ него испытующихъ, строгихъ глазъ.

Миронъ, казалось, былъ искренно доволенъ. Улыбался всѣмъ лицомъ, и въ глазахъ его мелькало что-то веселое, смѣшливое. И когда онъ такъ улыбался, лицо становилось какимъ-то инымъ,—мягкимъ, простымъ, влекущимъ къ себѣ съ какой-то странной силой.

И вдругъ онъ поднялъ усы вверхъ и протянулъ:

— Хорошо-о... Значитъ, вы пришли предупреди-и-ть меня?

Дара слегка покраснѣла.

— Да, если хотите... Мнѣ казалось, что нехорошо нападать на неприготовленнаго. Для самого себя нехорошо, какъ будто крадешь... А они хотятъ врасплохъ... Поэтому, кажется, и Вѣра не сказала. Я съ этимъ не соглашалась и заявила, что беру на себя передать вамъ приглашеніе и вмѣстѣ разсказать о цѣли его... Вотъ и все... Собраніе завтра. У насъ.

— Хорошо-о... А Ко-оля какъ себя чувствуетъ? Я вѣдь недѣльки двѣ-ѣ уже никого изъ васъ не видѣлъ.

— Коля ничего... Задоренъ и ничего не боится...

— Вы, кажется, этого не одобря-я-ете?

Дара будто не слышала,—повернулась къ Тарасу и сказала:

— Идемъ? Да?

Миронъ усмѣхнулся, а Тарасъ засуетился, нашелъ въ рукахъ у себя фуражку и всталъ.

Но выйти имъ не удалось.

Послышался шумъ отпираемой входной двери, чьи-то шаги въ коридорчикѣ, и дверь къ Мирону безъ стука распахнулась. На порогѣ показалась Маруся, сестра Мирона. Дара видѣла ее раза два издали, а Тарасъ вовсе не видалъ, но всякій тотчасъ же, не зная даже, что она сестра Мирона, угадалъ бы это по сходству ихъ лицъ. Та же угловатость, только смягченная у Маруси, тѣ же широкія твердыя губы, та же смуглость и глаза,—у Маруси красивѣе и открытѣе.

Остановившись на порогѣ, она окинула всѣхъ страннымъ, быстрымъ взглядомъ, вдругъ безшабашнымъ жестомъ откинула шляпу назадъ и шагнула въ комнату. Одѣта она была скромно, даже со вкусомъ. Красивая, крѣпко сложенная,

чуть плоская фигура ея покачивалась, глаза слишкомъ блестѣли, подъ скулами горѣлъ румянецъ.

Дара, отошедшая уже отъ стола, опять подошла къ нему и оперлась, какъ раньше, словно намѣреваясь посмотрѣть на что-то

Лучъ на стѣнѣ давно погасъ, сумерки ползли изъ угловъ.

Тарасъ тоже отошелъ къ дивану.

— А! Мару-уся! — весело сказалъ Миронъ. — А я жду тебя еще со вчерашняго ве-е-чера... А дверь нужно закр-ы-ть...

Маруся послушно закрыла дверь и направилась прямо къ Дарѣ. Остановившись недалеко отъ нея, она усмѣхнулась, кивнула Мирону головой и заговорила:

— Ждеть... И никакихъ сибѣ. Драстуйте. А это вашъ дружокъ?—показала она кивкомъ головы на Тараса.—Ну, драстуйте и вамъ. Чево конфузитесь?.. Загуляла я, Ронька... И домой ночевать не пришла...

— Ви-и-жу...—улыбнулся Миронъ

И Дара и Тарасъ съ того момента, какъ только вошла Маруся, внимательно наблюдали за нимъ.

— Видишь? А ежели видишь, радуйся... Што жъ гости твои не садятся? Пошли за полубутылкой да закусочки... Выпьете?—обернулась къ Дарѣ.

— Нѣтъ, я не пью,—спокойно улыбнулась Дара.

— Правда, изъ благородныхъ не пьютъ,—пренебрежительно согласилась Маруся и усѣлась на диванъ, протянувъ ноги въ ботинкахъ съ лакированными носками

— Заморилась я здорово... Да садитесь, чево стоите?—потянула она за рукавъ Тараса и заставила его сѣсть рядомъ съ собой. Тотъ неловко улыбался.

— Знаешь, съ кѣмъ гуляла? — небрежно вдругъ обратилась къ Мирону.

— Нѣтъ, не зна-а-ю...

Онъ тянулъ оба уса внизъ, сравнивая который длиннѣе.

Маруся на секунду остановила на немъ глаза странно усмѣхнулась и продолжала:

— Съ твоимъ пріятелемъ... Ермолкинымъ. На двадцать два рубля нагуляла у Петрушенки. Да катались еще... А потомъ спать къ нему. Десять рубликовъ отъ него все-таки заработала...

Миронъ быстро пробѣжалъ глазами по Дарѣ и Тарасу. Тарасъ былъ смущенъ, а Дара смотрѣла въ упоръ на Мирона.

— Не вѣришь, можетъ? Хочешь, покажу?

— Нѣтъ, вѣ-ѣ-рю...

— Вѣришь? Хм!.. Ну, ладно... Ермолкина знаете?—вдругъ повернулась она къ Дарѣ.

Та посмотрѣла на нее и тихо сказала:

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ? Ермолкина не знаете? Да изъ вашихъ же! Сицилистъ!

Миронъ съ улыбкой смотрѣлъ на сестру. Она умѣла правильно выговаривать это слово и вообще чисто говорила и по-украински и по-русски, если же употребляла жаргонъ, то въ шутку. Но теперь она не улыбалась и, видимо, хотѣла, чтобы слова ея были приняты какъ можно серьезнѣе.

— Не слыхала...—потупилась Дара.

Маруся даже обидѣлась.

— Ну, вотъ, не слыхали! Онъ же, говорятъ, изъ главныхъ у васъ. Муженька вашего знаетъ. Смѣялся съ его страхъ... Называлъ его какъ-то такъ... Не припомню. Елейный, что ли... Чего это онъ такъ его называлъ? А, Миронъ?

— Не зна-а-ю...

— Не знаешь? Хм! Ты не знаешь... Онъ у меня все знаетъ,—вдругъ повернулась къ Дарѣ; та подняла голову и смотрѣла на нее.—Все, какъ есть! Даже чего нѣтъ. И мине хочетъ научить, штобъ и я знала. Еографію учимъ. Какъ же. Въ Фершалицы мине готовитъ. Вонъ и книжки всѣ...

Кивнула головой на этажерку и посмотрѣла на Мирона.

— Можетъ, не вѣрно говорю? Чего смѣешься?

Въ голосѣ ея послышалось злое раздраженіе.

— Вѣ-ѣ-рно, вѣрно... Только раздѣ-ѣ-ться бы нужно.

— Безъ тебя раздѣнемся! А, можетъ, и не раздѣнемся, а пойдемъ опять. Што ты минѣ сдѣлаешь?

— Ничего-о...

— Позволяешь?

Миронъ улыбался.

— Позволя-я-ю...

Маруся остановила на немъ злой взглядъ, потомъ рѣзко повернулась къ Дарѣ.

— Слыхали? Все позволяетъ... Любезный... И вы думаете, это правда?! Думаете, что смѣется это онъ отъ сердца? Вретъ, все вретъ, отъ начала до конца! Я жъ его знаю... Да чего глядишь такъ на мине? Въ первый разъ такой видишь? Не первый, не преставляйсь, братъ, не надуешь. Знаемъ васъ. И завтра, и послѣзавтра пойду и буду продавать себя. А ты вонъ тамъ сиди да рисуй. Ночи сидитъ, какъ проклятый, рисуетъ чертежи какіе-то, чуть не по копейкѣ за листъ получаетъ, а туда же форсъ показать хочетъ. Врешь, не надуешь, видали! «Ты, говоритъ, для мине и теперь такая же сестра, какъ и раньше была, и все равно, што всяка друга профессія: чы докторъ, чы столяръ, чы носильщикъ. Служишь, дескать, тоже людямъ; только глупые, молъ, не понимаютъ этого ничего». А онъ, молъ, умнѣе всѣхъ и понялъ. Но въ модиски мине все жъ помѣстилъ. Нѣтъ, шалишь: все равно што шлюха, што модиска? Ну, дакъ не желаю модиской быть, желаю шлюхой. Взяла и ушла опять въ домъ. На, получай, Наташа, свое счастіе, коли такъ. Не понравилось: опять взялъ, въ другой городъ перевезъ. Квартиру изъ двухъ комнатъ вотъ снялъ, небель купилъ. Будемъ жить, молъ, вдвоемъ. Работать и поживать...

— Будетъ, Маруся...—не улыбаясь на этотъ разъ, устало сказалъ Миронъ.—Намъ поговорить нужно.

Львівська державна наукова бібліотека
№ 3458

Маруся съ живостью обернулась къ нему. Его топъ словно подбодрилъ ее.

— Будетъ? А почему? Я тоже поговорить желаю. Ты успѣешь еще, ты у меня говорунъ хорошій, наговоришься. Куды спѣшить? Гости обождутъ, я имъ еще кой-что скажу... Васъ я ужъ давненько собираюсь встрѣтить,—обратилась она снова къ Дарѣ.—Что-то онъ больно часто спрашиваетъ, не заходили ль вы... И дѣла будто никакого.

Миронъ мелькомъ взглянулъ на сестру и вдругъ жестко, рѣзко, словно отрывая слова, проговорилъ:

— Довольно, Маруся. Сочинять начинаешь. Выспаться нужно. Напрасно все это. Будетъ!

— А-а!—злорадно вскричала Маруся, словно только и ждала этого. — «Довольно»? Задѣло таки? Шлюхѣ, молъ, нельзя касаться такихъ предметовъ!..

— Глупости говоришь. Скучно. Шла бы спать лучше.

— Нѣтъ, не крутись! Спать я не пойду. Слышь? Не пойду я спать! Гулять пойду, къ Ермолкину, Иванченкѣ... Они лучше тебя... Да, лучше, чтобъ ты зналъ! Они меня хоть шлюхой зовутъ да прямо, въ глаза, деньги платятъ, а ты... тамъ у себя въ душѣ... а тутъ улыбочки строишь, съ докторомъ равняешь, наукамъ учишь. Гордость свою замазываешь. Что? Вотъ въ душѣ стыдишься сейчасъ передъ этими (она ткнула пальцемъ въ сторону Дары) за разговоръ мой и за всю меня, а дурака корчишь. Думаешь, ежели смѣешься, такъ ладно? Слабо твое дѣло, все вижу! Думаешь, не вижу? Думаешь, не знаю, какъ корчитъ тебя тамъ внутри? Знаю, хоть ты и скрытный. Да не смотри ты на меня такимъ казанскимъ сиротою! Стыдно? Такъ гони меня, бей, швырни меня ногой, чего стоишь?

— Будетъ, Маруся, не нужно. Лишнее все это,—тихо и серьезно сказалъ Миронъ.

— Что лишнее?—грубо крикнула она.

— Все это, и слова твои и... твое страданіе. Къ чему? Не нужно. Да еще при постороннихъ...

— А-а!—ѣдко усмѣхнулась она.—Вотъ такъ бы давно говорилъ! Вотъ это дѣло... Вотъ это...

— Идемте, Тарасъ—вдругъ двинулась къ дверямъ Дара.—А вы, Миронъ, извините.

Тарасъ медленно всталъ, потеръ рукою лобъ и одѣлъ фуражку.

Поднялась и Маруся.

— Нѣтъ, стойте! Подождите. Онъ сказалъ-таки свое слово! Я этого только и ждала. Я давно этого хотѣла. Этого гнѣва, въ гнѣвѣ-то комедіи ломать не такъ-то... Стой, теперь говори, зачѣмъ бралъ меня оттуда? Изъ дому? Зачѣмъ? Я просила тебя? Просила, говори? Нѣтъ, говори, я просила тебя?!

Она все больше и больше волновалась; щеки уже лихорадочно горѣли, глаза страшно, неестественно блестѣли.

Миронъ страннымъ, глубокимъ взглядомъ смотрѣлъ на нее. И была въ этомъ взглядѣ не то грусть, не то боль, не то тоска. Молчалъ.

— Отвѣчай же, зачѣмъ?

— Развѣ тебѣ хорошо было тамъ?—тихо сказалъ онъ.

— А здѣсь, ты думаешь, мнѣ хорошо?

— Неужели хуже?

Маруся почему-то еще больше разсердилась.

— Да ты не крути! Я тебя не спрашиваю, гдѣ мнѣ лучше, а гдѣ хуже. Я тебя спрашиваю, зачѣмъ *ты* меня бралъ оттуда?

— Чтобы *тебѣ* лучше было.

— А тебѣ все равно, шлюха ль твоя сестра или докторъ?

— Все равно.

— И ты передъ кѣмъ угодно, на всякомъ мѣстѣ назовешь меня сестрой, такой, какова я есть?

— Назову.

Маруся неподвижно смотрѣла въ его тихое лицо. Отшатнулась, быстро повернулась къ Дарѣ и шопотомъ бросила:

— Слыхали?

И сразу жъ снова повернулась вся къ Мирону, сжала кулаки и съ ненавистью зашипѣла:

— Ну? И ты не подлецъ послѣ этого? Нѣтъ? Ты не хуже всякаго Ермолкина? Ты не достоинъ, чтобъ плюнуть тутъ же въ рожу тебѣ за ложь твою подлую, безмѣрную... «Все равно, что докторъ...» Да гдѣ это видано? Кому говоришь ты это? Кого обмануть хочешь?! Жалѣй меня, жалѣй, ежели ты братъ мнѣ, да не такъ же подло! Скажи хоть разъ въ лицо мнѣ, что думаешь... Говори же! Не мучь, говори, а то я тебѣ не знаю, что сдѣлаю...

Миронъ снова странно и молча взглянулъ на сестру, потомъ медленно взялъ стулъ и сѣлъ на него, глядя въ окно задумчивымъ, чуть усмѣхающимся взглядомъ.

— Такъ ты не хочешь и отвѣчать?!—дрожала уже вся Маруся.—Не хочешь? Да? Ну, такъ на жъ тебѣ! Теперь отвѣтишь!

И быстро шагнувъ къ нему, близко наклонилась и плюнула прямо въ лицо мокрымъ густымъ плевкомъ.

Дара встрепенулась, вспыхнула, двинулась къ нимъ и остановилась. Тарасъ поблѣднѣлъ весь, часто задышалъ и снялъ для чего-то фуражку.

Маруся же, плюнувъ, подалась назадъ и съ ужасомъ, съ дикимъ ожиданіемъ смотрѣла въ лицо Мирону широкими напряженными глазами.

Миронъ въ первое мгновеніе отшатнулся назадъ, потомъ быстро поднесъ руку къ щекѣ, по которой въ бѣлыхъ пузырькахъ стекала слюна, медленно засунулъ руку въ карманъ, вытащилъ платокъ и вытеръ лицо. Смотрѣлъ въ землю и тяжело дышалъ. Вытеревъ, положилъ платокъ въ карманъ, взглянулъ на застывшую въ ожиданіи Марусю и тихо сказалъ:

— Безъ нужды ты это... Но ничего. Все это понятно... Лечь тебѣ нужно...

— Ро-о-ня!—вдругъ ринулась къ нему Маруся.—Ро-

нечка!—и, упавъ на колѣни передъ нимъ, обхватила ноги его и, судорожно припавъ къ нимъ, цѣловала и билась лицомъ о нихъ. Шляпа мѣшала, цѣплялась за руки его и такъ же судорожно дрожала чернымъ пышнымъ перомъ.

— Ну, Маруся, полно, полно... Пустякъ, чего тамъ... Оставь... Не нужно...

— Роня! Родненькій! Убей меня, подлую, истопчи, разотри меня! За что я тебя?! За что тебя, бѣднаго? Счастье жъ ты мое единственное, братъ мой! Не надо прощать меня, выгони меня, недостойную! Роня мой, Роня!..

Дара оглянулась по комнатѣ, нашла глазами на столикѣ возлѣ мольберта графинъ съ водой и стаканъ, налила и поднесла Мирону. Глаза ея смотрѣли строго, губы побѣлѣли отъ волненія, рука со стакаиомъ слегка дрожала.

— Дайте ей...

Миронъ взялъ стаканъ, но сейчасъ же отдалъ назадъ и, наклонившись къ рыдавшей Марусѣ, нѣжно, какъ къ обиженному ребенку, заговорилъ:

— Будетъ, Марусечка, будетъ... Ну, что тамъ... Идемъ къ тебѣ. Да? Ну, идемъ, хорошая, идемъ, полно... Нужно успокоиться, заснуть, все это пустяки и не важно... Идемъ, славная, идемъ...

Маруся затихла и стала тяжело подниматься.

Онъ помогъ ей и, какъ больную, прижимая къ себѣ, медленно увелъ изъ комнаты. На порогѣ обернулся къ Дарѣ:

— Обождите минутку, я сейчасъ.

Дара кивнула головой и отошла къ окну...

Внизу рождались огоньки города, вверху, какъ пьяныя, тяжело копошились тучи. Домъ былъ пятиэтажный, стоялъ на горѣ, и видно было изъ окна далекую линію желѣзной дороги, уже покрытую разноцвѣтными сигнальными огнями.

Тарасъ ходилъ по комнатѣ, потирая лобъ, останавливаясь возлѣ рисунковъ и сейчасъ же отрываясь отъ нихъ, точно при первомъ же взглядѣ убѣждался, что это не то. Каблуки сапогъ его стучали какъ-то нелѣпо, одиноко и безпорядочно

въ наступившей тишинѣ. Постучатъ, постучатъ и затихнутъ, потомъ снова разъ-два и затихнутъ.

Изъ сосѣдней комнаты чуть доносился мягкій баритонъ Мирона. Представлялось его странное затихшее лицо съ жесткими растрепанными усами, склоненное надъ такимъ же смуглымъ лицомъ, темнымъ отъ возбужденія и слезъ.

Дара глубоко и тяжело вздохнула. Сумерки ползли смѣлѣе изъ угловъ.

Вскорѣ голоса совсѣмъ затихли, и въ комнату вошелъ Миронъ. Подошелъ сейчасъ же къ Тарасу и обыкновеннымъ своимъ протяжнымъ, лѣниво-небрежнымъ голосомъ сказалъ:

— Такъ мы это устро-о-имъ... Зайдите на-дняхъ. Это мо-о-жно бу-у-детъ.

Дара быстро обернулась на звукъ его голоса, а Тарасъ поспѣшно, виновато забормоталъ:

— Да, да... Спасибо... Я зайду...

— А что каса-а-ется суда-а,— повернулся Миронъ къ Дарѣ,—то я съ удово-о-льствіемъ. Больше всего, конечно, волну-у-ется Іона? Почте-енный молодой человѣ-ѣ-къ... Онъ немножко невпопадъ отвѣчаетъ... Но это... не важно... И Кисельскіе за Ко-о-лю, конечно?

Дара молча и пристально смотрѣла на него.

— Хорошо-о... Любопы-ытно... Завтра? Это же собраніе и о забасто-овкѣ?.. Прійду-у... Немножко, можетъ, опоздаю, но это не ва-ажно...

Дара не сводила съ него глазъ.

— Вы слишкомъ часто употребляете «это не важно»— неожиданно замѣтила она, не переставая слѣдить за нимъ.

— Да? Не замѣ-ѣтилъ... Можетъ-быть...

Дара вдругъ встрепенулась, странно усмѣхнулась и громко сказала:

— А знаете, шарлатански вы хорошій актеръ, Миронъ!

Миронъ круто повернулся всѣмъ тѣломъ къ ней и молча посмотрѣлъ ей въ лицо,—молча, глубоко и тихо, какъ смотрѣлъ на Марусю. И также чуть усмѣхнулись глаза его не

то отъ грусти, не то отъ боли. И отошелъ къ окну. Посмотрѣлъ въ него и громко замѣтилъ:

— А ту-у-чки собира-аются. Будетъ дождикъ... Я люблю-ю осенній до-о-ждикъ.

— До свиданія!—рѣзко сказала Дара.—Идемте, Тарасъ.

Тарасъ медленно надѣлъ фуражку, еще разъ исподлобья посмотрѣлъ на Мирона и, буркнувъ «до свиданія», пошелъ за ней. Миронъ любезно проводилъ ихъ и закрылъ за ними дверь.

II.

На улицѣ ихъ сейчасъ же встрѣтилъ вѣтеръ, который словно давно ужъ поджидалъ у подъѣзда, соскучился и, какъ вѣрный песъ, въ буйномъ восторгѣ накинулся на нихъ.

По грязно-сѣрому небу надъ городомъ ползли неуклюжія тучи, точно гигантскія кошки, и зловѣще терлись грудью о крыши домовъ и верхушки тополей.

Зажигались фонари.

Была та пора, когда всѣ усиленно спѣшатъ домой, къ лампамъ, а на улицахъ незримой легкой паутиной плаваетъ грусть и, прилипая къ сердцу, вызываетъ въ немъ что-то забытое, сожалѣніе о чемъ-то далекомъ.

Извозчики сидѣли сгорбившись, будто въ скорбной думѣ; лошаденки ихъ смотрѣли въ землю неподвижно, безнадежно.

Только вѣтеръ чему-то бѣшено радовался и задѣвалъ всѣхъ.

Долго шли молча. Дара придерживала шляпу и задумчиво глядѣла прямо передъ собою. Тарасъ хмурился, разсѣянно ежился отъ вѣтра и засовывалъ руки въ рукава.

— Да! Актеръ...—вдругъ рѣшительно сказалъ онъ.

Дара повернула къ нему свое еще хранящее задумчивость лицо, вслушалась въ прозвучавшія слова и улыбнулась.

— Безусловный актеръ!—съ сердитымъ, глубокимъ убѣжденіемъ повторилъ Тарасъ.—Безусловный.

— А если нѣтъ?—вдругъ спросила Дара, странно улыбнувшись.

— То есть какъ?

— Ну, вотъ такъ, если онъ не актеръ, а все это искренно? А? А мы такъ его обидѣли, и я, и сестра, и Вѣра, и вы даже? А? Бѣдненькій, правда?

Тарасъ понялъ насмѣшку и сказалъ:

— Да, жаль, конечно, невинно страдаетъ... Но я бы его, собственно, не такъ... Фу, какъ эти тучи давятъ меня!.. Ну, наплевать... Ничего... И главное, какое-то наивное нахальство: всякому жъ видно, ну, проститутка твоя сестра, несчастье, ну, чего ужъ тутъ? Нѣтъ: мнѣ это, дескать, ничего... Говорятъ, онъ и ходитъ съ ней вездѣ, а если спрашиваютъ, чѣмъ занимается сестра, отвѣчаетъ: «теперь ничѣмъ, а занималась проституціей.» И нахально смѣется... Знаете, тутъ дѣйствительно можно въ рожу плюнуть. Какая-то слишкомъ ужъ циничная гордость. Я этого не понимаю! Ну что ты этимъ хочешь показать? Ну, что? «Моя сестра—проститука». Ну, къ чему это бахвальство?

Дара засмѣялась:

— А если это не бахвальство и не гордость? Что тогда?

Тарасъ посмотрѣлъ на нее: серьезно ли она спрашиваетъ или шутитъ.

— Какъ не бахвальство? А что же тогда?

— А если онъ въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ, что проституція такая же профессія, какъ и другія? Ну вотъ вообразите, что онъ такъ дѣйствительно думаетъ. Вѣдь тогда мы—смѣшные и глупенькіе? А? Вообразите, что человѣкъ настолько переродился, что ему наши понятія о позорномъ совершенно чужды! Человѣкъ совсѣмъ съ другой планеты? А?

Тарасъ все-таки не могъ понять, шутитъ ли она или говоритъ серьезно. А Дара, придерживая правой рукой

шляпу и глядя изъ-подъ руки на Тараса, какъ смотрятъ на солнце, все такъ же усмѣхалась и продолжала:

—Вѣдь вы знаете его «честность съ собой»? Нѣтъ? Фу, какой же вы! Значитъ, вы, дѣйствительно, ничего не понимаете? Честность съ собой, это—новая мораль. Понимаете? Все старое нужно отбросить. Вотъ тебѣ жизнь, смотри, живи и дѣлай свои собственные выводы. Понимаете: собственные! Эти выводы, мысли доведи до чувства. Когда доведешь, тогда долженъ получиться огонь...

Вѣтеръ, словно какъ бы разсердился за все болѣе и болѣе насмѣшливый тонъ Дары, гнѣвно налетѣлъ на нее и сильно толкнулъ своей мягкой грудью. Тарасъ съежился.

— Фу, вѣтеръ какой! Понимаете: огонь. А огонь этотъ есть воля, которая и дѣйствуетъ. Чѣмъ полнѣе вы доведете вашу мысль до чувства, тѣмъ жарче будетъ огонь. Огонь этотъ сожжетъ всѣ препятствія, всякія мелкія старыя мыслишки, чувства. Вотъ какъ два рода электричества; сами по себѣ они ничего, а соединивъ, получаемъ силу. Вотъ какъ! Поняли?

— Хм! Не очень что-то,—усмѣхнулся Тарасъ.

Дара засмѣялась.

— Ахъ, вы чудакъ! Это вѣдь такъ просто. Ну, вотъ возьмемъ его. Смотрите: пошла сестра въ проститутки. Ладно. Тутъ онъ начинаетъ думать: что такое проституція. Замѣтьте: отбрасываетъ все, что говоритъ мораль. Дѣлаетъ свой выводъ: проституція—обыкновенная профессія. Вы слушаете?

— Да, да!—торопливо сказалъ Тарасъ.

— Ну, хорошо. Обыкновенная профессія. Это только мысль. Чтобы быть честнымъ съ собой, нужно довести до чувства. Доводитъ. Получается огонь. Огонь сжигаетъ всѣ предразсудки, и человѣкъ уже совсѣмъ по-иному смотритъ и дѣйствуетъ. Понимаете? И, конечно, онъ уже не понимаетъ, почему стыдно назвать свою сестру проституткой. А мы — смѣшные и глупенькіе люди—не понимаемъ его и

смѣемся надъ нимъ! Вотъ видите, съ какимъ человѣкомъ вы познакомились.

— Хм! — проворчалъ Тарасъ, — этакъ и всякаго шпика оправдать можно.

— Конечно!—подхватила Дара.—Вотъ придите вы, напримѣръ, къ выводу, что шпикомъ быть не позорно, не безнравственно, доведите до чувства выводъ, идите въ шпики—и онъ васъ даже похвалитъ. Хотя, можетъ, на темной улицѣ и прикокошитъ.

— Говорятъ, онъ мать свою отравилъ. Тоже, должно, изъ честности съ собой?—хмуро, злобно бросилъ Тарасъ.

— Навѣрно! Вотъ и съ матерью. Она была совершенно слабоумная, Понимаете, старая, слабоумная, больная... Никуда негодная, словомъ. Никого уже не узнавала и только мучилась. Онъ взялъ и отравилъ. Понимаете: довелъ мысль до чувства, и отравилъ. А вотъ ни вы, ни я этого бы не сдѣлали! Сдѣлали бы вы или нѣтъ? А?

Тарасъ злобно усмѣхнулся.

—Такого субъекта, какъ онъ,я бы, дѣйствительно,отравилъ.

— Но за что?—засмѣялась Дара. Смѣхъ ея былъ какой-то странный, глубокій, съ самаго дна груди, вздрагивающій.— Вѣдь вы подумайте: мать только мучится и другихъ мучитъ. Она не живетъ, а страдаетъ. Не выздоровѣетъ... Старая...

— А кто ему сказалъ, что не выздоровѣетъ?

— Онъ самъ пришелъ къ такому выводу.

— «Онъ самъ»!

— На основаніи отзывовъ врачей...

— *Врачей!..* Знаемъ мы этихъ врачей. А врачи — боги? Сегодня такой отзывъ, а завтра изобрѣли, открыли что-нибудь, и весь отзывъ къ чорту.

— Тогда Миронъ и не убивалъ бы...

— Какъ?

— Ахъ, чудакъ! Вѣдь онъ говоритъ, что выводы нужно дѣлать изъ того, что есть. А ждать, пока будутъ другіе отзывы, онъ не можетъ. Выводъ такой, что мать не выздо-

ровѣетъ, медленно гніетъ, мучитъ себя и другихъ. Чтобъ не было ненужныхъ, какъ онъ говоритъ, мукъ, онъ убиваетъ мать. Понимаете: изъ великой любви убиваетъ. Изъ честности съ собой. А мы, можетъ, теоретически согласимся съ этимъ, а сдѣлать не сдѣлаемъ. Вотъ мы и нечестные съ собой, слабые, нецѣльные. Поняли? А онъ новый, цѣльный. Иной! Поняли? Вотъ за это его женщины такъ и любятъ. И неудивительно. Мы народъ такой, что сразу умѣемъ оцѣнить...

Тарасъ съ хмурой внимательностью поглядывалъ на Дару.

— Вы это серьезно?—наконецъ спросилъ онъ.

Дара снова разсмѣялась.

— Конечно, серьезно! Да развѣ вы сами не видите? Ну скажите, если бы ваша сестра пошла въ публичный домъ... Вотъ вообразите себѣ это. Какъ бы вы реагировали? А?

Тарасъ молча испытующе бѣгалъ по ней глазами.

— Ну, глупости!—вдругъ прервала она сама себя.—Конечно, шучу все... Будетъ... Вы лучше вотъ что скажите мнѣ: ваша сестра, Оля, это такая худенькая дѣвушка съ сѣрыми большими глазами? Вся такая свѣтлая, да? Блондинка, на биржѣ бываетъ... Развитая такая...

Тарасъ слушалъ невнимательно.

— Да, сѣрые...—задумчиво проговорилъ.—Бываетъ... То есть... Да, сѣрые... А что?

— Ничего. Она, значитъ, близко знакома съ Мирономъ?

Тарасъ угрюмо посмотрѣлъ на Дару.

— Да, они знакомы...

— Вамъ... это не нравится?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Да, не нравится.

— Почему?

Тарасъ съежился и глубже засунулъ руки въ рукава.

— Такъ...

Замолчали. Вѣтеръ злился, что на него не обращали вниманія. Забѣгалъ то съ одной стороны, то съ другой, разго-

нялся сзади и сильно толкалъ въ спину. Потомъ затихалъ, словно наблюдая, что теперь будетъ. И снова начиналъ злиться.

Тарасъ вдругъ освободилъ руки, полѣзъ въ карманъ и вытащилъ записную книжку.

— Какъ онъ говоритъ, я забылъ... — неловко улыбаясь спросилъ, не глядя на Дару.

Она съ удивленіемъ повернула къ нему лицо.

— Кто говоритъ?

— Да Миронъ. Чувство до мысли?.. Или какъ?

— А-а! Мысль до чувства или наоборотъ,—это все равно... Лишь бы цѣльность. Вы что, записать хотите?

— Да, я это... У меня, понимаете, бываютъ такія состоянія, что я все забываю... Ну, и записываю...

Онъ опять неловко, виновато ухмыльнулся и, остановившись подъ фонаремъ, записалъ:

«Потомъ подумать. Миронъ: мысль до чувства или наоборотъ».

Дара молча разсматривала его своими большими строгими глазами. А дѣтскія невинныя губы чуть раскрыты были любопытствомъ.

Пошли. Вѣтеръ, тоже будто наблюдавшій, подсмотрѣвшій, радостно закружился вокругъ нихъ.

Тарасъ все больше и больше хмурился.

— Дарья Михайловна!—вдругъ грубо сказалъ.—Скажите по правдѣ: вы очень презираете меня за то, что я живу у Кисельскихъ.

Дара даже пріостановилась.

— Что это вамъ приснилось?! Откуда вы взяли?

— Нѣтъ, вы должны меня презирать. Я это понимаю и даже согласенъ... Меня Анисья иногда даже впускать не хочетъ, даже злится, что со мной, какъ съ равнымъ, а не нахлѣбникомъ... Впрочемъ, нахлѣбникомъ, навѣрно, всѣ считаютъ, только...

— Позвольте! — съ легкой улыбкой перебила Дара.—

Значитъ, вы думаете, что я одинаково съ Анисьей смотрю на людей?

— Ахъ, нѣтъ!—Что вы! Нѣтъ, я совсѣмъ не къ тому. Я къ тому, что это понятно, если вы меня презираете. Но даю вамъ слово... Нѣтъ, вы подождите, даю вамъ слово, Дарья Михайловна, и только вамъ да самому себѣ, больше никому, даю вамъ слово, что это недолго. Мнѣ нужно только кое-что рѣшить, установить, и кончено. Одну идею. Тогда иное... Между прочимъ, вы не обращайте вниманія, что я такъ быстро и лихорадочно говорю. Мнѣ сейчасъ очень плохо. Черезъ полчаса буду весь, какъ вата... А сейчасъ... Или мнѣ только кажется, что я скоро?.. У меня это бываетъ... Или потому, что—съ вами. Вы — страшно хорошая, «Дара... Дара» очень красивое имя, мнѣ всегда такъ хочется васъ называть, а я не смѣю. У васъ косы, какъ вѣнки изъ темно-зеленой пшеницы, которые, знаете, плетутъ мужики? Въ особенности, когда вы ихъ надо лбомъ складываете. Какъ корона... Вы не обижаетесь? Нѣтъ?

— Милый, чего же мнѣ обижаться?

— Нѣтъ, другія, можетъ, обидѣлись бы. Неприлично, можетъ? Впрочемъ, я не знаю. Простыя дѣвушки не обидѣлись бы, а... «изъ благородныхъ», какъ сказала эта... Маруся, не знаю...

— Да откуда же вы знаете, что я «изъ благородныхъ»?— засмѣялась Дара.

— А какъ же?

— Я изъ такихъ же простыхъ, какъ и вы и Маруся. Мой отецъ былъ сапожникомъ, мелкимъ даже. А что я въ господа затесалась, такъ это случай. Учительница одна меня полюбила, въ гимназію отдала. Ну, и сдѣлалась «благородной».

— Да что вы?! — съ необыкновеннымъ изумленіемъ пріостановился Тарасъ.

Дара тоже удивилась.

— Да чего вы такъ? Самая обыкновенная крестьянка,

даже не мѣщанка... «Изъ благородныхъ». Ого!—усмѣхнулась она.—Послушали бъ вы, какъ въ гимназіи меня аттестовали: «Уличная дѣвчонка» и «Разбойникъ Орша», иначе и не звали. «Разбойникомъ Оршей» одинъ кривой столяръ назвалъ меня. Я была, дѣйствительно, разбойникъ. Всегда съ бандой мальчишекъ. Непремѣнно во главѣ. Дѣвчонокъ не любила. Всѣ сады обкрадывала. Хороша «благородная»!

Дара весело разсмѣялась.

— Бѣлая вся была, кудрявая, какъ баранъ, отчаянная. Учительница моя всегда съ ужасомъ смотрѣла на меня. Но любила. Славная была.

Тарасъ слушалъ въ какомъ-то нетерпѣливомъ восторгѣ. Выхватывалъ руки изъ рукавовъ, снова засовывалъ, волновался. Наконецъ, не выдержалъ:

— Но позвольте же, позвольте! Господи! А я вѣдь васъ все время считалъ барыней... Вы такъ изящно одѣваетесь, такая... Ахъ ты жъ Боже мой! Вотъ то-то я смотрю, что вы такая страшно простая, веселая... И потомъ, знаете, у васъ есть одинъ жестъ, знаете, такой какой-то залихватскій, широкій... и слова, простыя совсѣмъ. Впрочемъ, это, можетъ, и ничего не значитъ, то-есть жесты и слова... Но меня тянуло, ужасно тянуло къ вамъ... Я, какъ увидѣлъ васъ, такъ сразу и полюбилъ. Не потому, что вы очень красивы, хотя, можетъ, и это есть, а потому, что... Вы смѣетесь? Ахъ, ха-ха-ха, да, да!.. Но вы понимаете, что я сказалъ «полюбилъ» не въ томъ смыслѣ, а душевно. Фу, дурацкое слово! Не люблю этого слова! Просто, какъ человѣка... Ну, да вы вѣдь понимаете? Да? Понимаете?

— Да понимаю, понимаю, комикъ вы этакій. Только не волнуйтесь такъ. Что тутъ такого необычайнаго? подумаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ! Это очень важно, очень важно! То-есть для меня, для меня важно... Но какъ это я раньше не спросилъ! Мнѣ даже и въ голову ни разу не пришло. И вотъ вы смотрите, вотъ я совсѣмъ уже иначе чувствую себя съ вами, совсѣмъ иначе... То-есть не во всѣхъ отношеніяхъ, а

въ томъ, что я уже не стѣсняюсь съ вами... Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ не стѣсняюсь... Фу, какъ у меня голова горитъ. Это тучи... Но ничего... Я радъ, ужасно радъ! Вы знаете, я до муки стѣсняюсь съ интеллигентами. И я совсѣмъ не такой, какимъ кажусь. Ей-Богу! Я, напримѣръ, когда одинъ, наединѣ съ собой, я знаю, что значительнѣе многихъ изъ нихъ, умнѣе даже (я не для хвастовства говорю, ей-Богу, а вѣрно это) да, а при нихъ робѣю и такъ глупо держу себя, что можно заболѣть отъ стыда. Но, главное, Дара, главное въ томъ... что я все-таки въ глубинѣ души робѣю, какъ рабъ, какъ низшее существо. Вотъ въ чемъ подлость! Понимаете: я вотъ умомъ понимаю, что они не лучше меня, что живутъ они, какъ и всѣ, а все-таки гдѣ-то тамъ я всегда страшно робѣю, считаю ихъ высшими и ужасно интересуюсь, а какъ они у себя тамъ эти... благородные, студенты... Понимаете? Наслѣдіе вѣковъ, мужикъ еще во мнѣ! А вѣдь...

— Вотъ видите,—вдругъ перебила Дара,—а если бы вы были честны съ собой, то-есть мысль о томъ, что ничѣмъ вы не ниже ихъ, довели до чувства, получили бы огонь и тогда не стало бы наслѣдія вѣковъ... А то мысль недоконченная.

И она со странной, грустной какой-то усмѣшкой поглядѣла на него изъ-подъ руки, придерживающей шляпу.

Тарасъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее.

— Но вы правы...—вдругъ добавила она тихо.—Это есть... То-есть не какъ на высшихъ, а, дѣйствительно, какъ на чужихъ. Это вы вѣрно...

Она говорила, какъ-то сразу задумавшись. Тарасъ взволнованно встрепенулся.

— Вѣдь правда? Правда? И вы это замѣтили? А вы вѣдь сколько съ ними... И замужемъ цѣлый годъ. А и то... Нѣтъ, это...

- Да, понятно... Иная жизнь съ дѣтства... А это на всю жизнь... Всегда чувствуешь что-то неродное... Ну, а на-

счетъ нахлѣбничества, то во всякомъ случаѣ не мнѣ судить!—вдругъ рѣзко и неожиданно вырвалось у Дары.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — даже съ испугомъ вскрикнулъ Тарасъ.—Съ какой стати? Я — одно, а вы — жена, товарищъ, законная...

— Ну, это вопросъ сложный. Нахлѣбникъ—всякій, кто на себя не зарабатываетъ!.. Вы сейчасъ... домой, то-есть, къ намъ или... куда?

— Нѣтъ я... къ своимъ... Но я васъ провожу... Нужно пойти. Ждутъ...

Замолчали.

— Они меня презираютъ. Мои... За то, что не живу съ ними... И это понятно. Но не могу я... Когда хоть малѣйшій шорохъ, не могу спать. Весь вздрагиваю, внутренно такъ, знаете... и потомъ сердце щемитъ — щемитъ... Я навѣрно съ ума сойду...

— Ну глупости! Полѣчиться вамъ надо серьезно.

— Э, лѣчиться! Тутъ вонъ у моихъ цѣлая исторія... Эхъ! Я вамъ когда-нибудь, можетъ, разскажу все... И этотъ Миронъ еще... Ухъ, гадость какая! Ну, пусть только это случится, я съ нимъ поговорю, я ему покажу всякія теоріи... Я не потребую суда надъ нимъ, не по-интеллигентски, я по-своему раздѣлаюсь съ нимъ, брата позову. Братъ у меня грубый, злой, то-есть, скорѣе озлобившійся, черносотенецъ, я съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, но противъ такого субъекта я съ чортомъ войду въ соглашеніе!

— Что же онъ сдѣлалъ? Миронъ-то?

— Эхъ! Не могу я вамъ сказать... То-есть, могу, но не хочется сейчасъ... Можетъ, все это такъ пройдетъ... У меня тутъ цѣлый ворохъ всякихъ... А скажите, Вѣрѣ очень нравится Миронъ?—вдругъ выпалилъ Тарасъ.

Дара съ удивленіемъ обернулась къ нему и сейчасъ же лукаво улыбнулась.

— Не знаю... А вы что, ревнуете здорово?

Тарасъ въ смущеніи задалъ свой вопросъ, но, задавъ его, окончательно смѣшался.

— Ну, что вы... Я только такъ... Мнѣ говорили...

Дара разсмѣялась.

— Ну, ничего, ничего. Я никому не скажу. Только сами не показывайте. Нехорошо, когда другіе видятъ твое интимное...

Тарасъ не зналъ, куда дѣться, бормоталъ что-то смѣшно, съ удивленіемъ подергивалъ плечами и, наконецъ, попрощавшись, быстро повернулъ назадъ.

Дара смѣялась.

— Слушайте, но вы вѣдь не обидѣлись? — крикнула она ему вдогонку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ и онъ ей въ отвѣтъ, наскоро обернувшись.

Дара улыбнулась, наклонила противъ вѣтра голову и, придерживая шляпу, пошла дальше.

III.

У своихъ Тарасъ оставался недолго. Произошла одна изъ тѣхъ обычныхъ сценъ, которыя доводили его до такого возбужденія, что съ нимъ чуть не случился обморокъ. Послѣ сцены наступила «вата»—состояніе полнаго безсилія и вялаго отупѣнія. Казалось, подъ черепъ и въ грудь кто-то напихалъ ваты, и ни одна мысль, ни одно чувство не могло пошевелиться. Это было знакомое состояніе, за которымъ должно было опять послѣдовать возбужденіе.

Еле добрался Тарасъ до Кисельскихъ. Анисья ворчала, впуская его,—онъ не слышалъ.

Въ квартирѣ было тихо и темно. Въ гостиной на потолкѣ и стѣнѣ лежали блѣдныя полосы отъ фонарей съ улицы. За гостиной была «репетиторская», которую занималъ теперь Тарасъ. Тутъ тоже блѣдная полоса лежала на

потолкѣ и стѣнѣ. Тарасъ любилъ ее. Ему дѣлалось почему-то сладко и грустно, когда онъ долго смотрѣлъ на нее.

Не зажигая лампы, онъ легъ на кровать и безсильно свѣсилъ руку. Тихо—тихо. Даже наверху не слышно было топота ногъ, который всегда такъ раздражалъ его. Такая тишина бывала иногда въ тюрьмѣ.

Вдругъ далеко гдѣ-то послышались голоса. Ближе. Голосъ Дары. Еще чей-то, мужской.

Въ гостиную со свѣчей въ рукѣ вошла Дара. За ней Сергѣй. Косы золотой короной лежали надо лбомъ; высокій, выпуклый лобъ ея былъ нахмуренъ, на нѣжныхъ дѣтскихъ губахъ не было всегдашней шаловливой ироніи,—онѣ были крѣпко сжаты, точно рѣшились не выпускать изъ устъ того, что пряталось въ груди.

Дара вставила свѣчу въ подсвѣчникъ піанино, открыла крышку и стала перелистывать ноты.

Сергѣй остановился за ея стуломъ. Голубые точно опухшіе глаза его въ пенснэ глядѣли грустно и робко. Очень широкій, умный лобъ покрылся рябью складокъ. Это всегда бывало у него, когда онъ переживалъ что-нибудь непріятное. Обыкновенно тогда Дара одной рукой брала его за голову, а другой растирала складки до тѣхъ поръ, пока тонкія, сухія, заостренныя губы его не умягчались улыбкой. Тогда и рябь расходилась.

Стоя за ея спиной, онъ одной рукой поглаживалъ желтую, похожую на обвисшую съ воза солому, бородку, а другой все искалъ мѣста на спинкѣ стула Дары, чтобы опереться. Но рука соскальзывала и наконецъ задѣла Дару. Дара оглянулась, вопросительно посмотрѣла на Сергѣя, потомъ на его руку и снова молча отвернулась къ нотамъ.

Сергѣй смутился, заложилъ руки за спину и заходилъ по комнатѣ. На ногахъ у него были широкія брюки; грудь узкая, плоская, голова большая. Отъ этого грудь и плечи казались самой тонкой частью тѣла. Иногда онъ покашливалъ, какъ больные грудной болѣзнью.

Вдругъ Сергѣй опять остановился за спиной Дары и тихо, неувѣренно сказалъ:

— Дара... Нельзя же такъ...

Дара нетерпѣливо молча перелистывала ноты.

— Что ты ищешь? Можетъ, я знаю... Дара!

— Нѣтъ, ты не знаешь.

— Дара!

Дара досадливо обернулась

— Ну, чего тебѣ? «Дара, Дара»... Ну что такое?

— Что съ тобой?

— А?

Опять отвернулась и стала искать.

— Ага! Есть... Что со мной? — вдругъ странно посмотрѣла на него.—Слушай, я скажу.

И усмѣхнувшись, Дара склонила слегка голову къ нотамъ и сильно ударила по клавишамъ. Изъ-подъ нихъ вырвались звуки, смѣлые, быстрые. Они, какъ кони, гривы ихъ вѣютъ, головы подняты, звонко и крѣпко бьютъ копыта. Дикіе кони, уши прижали, рванулись, вытянулись и бѣшено несутся; комья земли летятъ изъ-подъ копытъ.

— Дара!

Звуки,—какъ вѣтеръ; устало дышитъ, силъ больше нѣтъ... Блѣдными устами рожь сѣдую цѣлуетъ, рожь томно склоняетъ головку и стыдливо шепчетъ что-то голубымъ васильками.

Вмигъ вѣтеръ рванулся. Нѣтъ, не вѣтеръ, а блѣдный кто-то и лютый. Хватаетъ скрюченными руками крики изъ сердца, швыряетъ ихъ въ небо, въ землю, въ Бога. Тѣсно ему, душно ему! Больше мукъ, больше!

— Дарочка!

Потокъ несется. Пѣна клочьями летитъ на берегъ. Къ чорту преграды! Разъ! Разъ! Несется потокъ. Схватилъ ребенка,—съ берега,—завертѣлъ, взмахнулъ объ скалу, разъ!— и нѣтъ. Камни съ ужасомъ катятся, громадные, безсильные

камни. Грохотъ, ревъ, свистъ, сизыя полосы небо разсѣкаютъ, небо налилося кровью...

— Дара!!

Земля вздрогнула, треснула. Конечно, нѣтъ ничего...

Сергѣй стоялъ блѣдный съ мучительно искривленными губами.

Дара рѣзко встала, обернулась къ нему и усмѣхнулась.

— Красивая вещь... Правда?

Ноздри ея приподнимались и опускались, это было признакомъ большого волненія. Она чуть поблѣднѣла.

Сергѣй молча отошелъ и сѣлъ въ кресло, склонивъ голову на руку.

Дара подошла къ нему, тихо погладила по головѣ и сказала:

— Ну, полно... Тяжело мнѣ немножко, но это пройдетъ. Не нужно такъ близко къ сердцу принимать все это...

— Но почему тяжело?—съ мукой поднялъ онъ голову.

— Не знаю... Такъ... Многое. Пустяки.

Онъ опять склонился и задумчиво, чуть слышно проговорилъ:

— Измѣнилась ты очень за послѣднее время. Задумываешься, нервничаешь. Такая моя бодрая, свѣтлая... и что-то... Не знаю я...

Онъ замолчалъ. Молчала и она, глядя въ окно нахмуренными, строгими глазами.

— Дара! — вдругъ тихо сказалъ Сергѣй, не поднимая головы.

Она молча посмотрѣла на него.

— Я эту ночь... буду спать у тебя...

Дара вся встрепенулась.

— Нѣтъ!—отрѣзала какъ-то рѣзко и злобно.

— Но почему же?

— Самъ знаешь. Оставь.

— Но Дара... Нельзя же такъ... Вѣдь ты...

— Нѣтъ, говорю! Оставь. Будешь опять боленъ цѣлую

недѣлю. Ты и такъ теперь кашляешь много. Это вредно тебѣ... А если это для меня, то... Ну, словомъ, этого не будетъ,—вотъ и все. Довольно. И кромѣ того, вотъ что. Ты долженъ быть теперь какъ можно здоровѣе, именно теперь. Слышишь? Ты долженъ наконецъ покончить съ Мирономъ! Окончательно разбить, уничтожить, просто стереть, не оставить камня на камнѣ отъ его теорій. Понимаешь? Непремѣнно!

— Господи! Да его уничтожать нечего, это вѣдь такъ ясно... Профессіональные союзы проститутокъ... Хм!.. Вѣдь это только смѣшно.

— Ну не для всѣхъ. Тебѣ ясно, а другимъ нѣтъ. Нужно, чтобы всѣмъ это было ясно. Завтра ты долженъ все для этого сдѣлать. Слышишь, Сережа, я многаго жду отъ тебя завтра. Слышишь?

Она даже покраснѣла. Тонкія ноздри приподымались и опускались и когда приподымались, кончики ихъ становились бѣлѣе.

— Ты очень волнуешься...

— Да, волнуюсь. Но развѣ... Ну, конечно, волнуюсь, и что же тутъ непонятнаго, я не понимаю.

— Да развѣ я говорю, что это непонятно?! Очень понятно.

— Что понятно?

Сергѣй окончательно былъ удивленъ.

— Право, Дара, я не понимаю тебя. Понятно то, что... есть причина для твоего волненія. Этотъ... человѣкъ достаточно надоѣлъ всѣмъ и... кромѣ того, онъ просто вреденъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что тебя это такъ волнуетъ...

— Зачѣмъ же эти замѣчанія?

— Ахъ, Дарочка, ну я сказалъ такъ себѣ... Можетъ, на ноздри твои посмотрѣлъ...

— Ноздри мои не при чемъ!

Сергѣй замолчалъ. Грустно смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Измѣнилась ты, измѣнилась... Онъ опять помолчалъ. Дара!.. Я приду къ тебѣ...

Дара вспыхнула.

— Сергѣй! Если ты еще... Я тебѣ сказала: нѣтъ. Этого больше у насъ не будетъ, слышишь? Я жертвовать твоимъ здоровьемъ не хочу! Не могу, не имѣю права, стыдно и гадко. И затѣмъ... Ну, довольно. Больше не нужно объ этомъ говорить. Будетъ!

Въ комнатѣ Тараса что-то упало. Оба повернули туда головы и стали слушать.

— Фу, какъ это непріятно! — всталъ Сергѣй. — Онъ все слышалъ, могъ бы предупредить. Пойдемъ.

И быстро вышелъ изъ гостиной.

Дара нахмурилась и медленно направилась къ Тарасовой комнатѣ.

Тарасъ стоялъ и, видимо, ждалъ ее. Какъ только она появилась на порогѣ, онъ сейчасъ же громко, отчетливо и злобно заговорилъ:

— Да, я все слышалъ! И я—подлецъ, я самъ знаю. Тѣмъ болѣе подлецъ, что еще вначалѣ хотѣлъ встать и затворить дверь... Но не всталъ и не затворилъ И все, что вы говорили, слышалъ. Все. И какъ вы играли и... все. Вотъ.

Онъ страшно волновался.

Дара сначала остановилась, потомъ подошла къ нему, ласково взяла за руку и подвела къ кровати.

— Сядьте и успокойтесь, Тарасъ. Что ужъ тамъ, слышали такъ слышали.

— Но я могъ не слыхать! Я могъ закрыть дверь...

Онъ словно глотнулъ что-то.

— А вы не закрыли. Вотъ и все. Во всякомъ случаѣ волноваться такъ нечего. Почему лампу не зажигаете? Все думаете? Да успокойтесь, милый, не надо... Бываетъ... Да и не знали вы, о чемъ мы будемъ говорить.

— Да, я поэтому и не закрылъ сначала... Я такъ усталъ...

 Потомъ хотѣлъ, когда... И не закрылъ. Думалъ, что вамъ

непріятно будетъ, что я слышалъ. Думалъ, уйдете и не будете совсѣмъ знать... И упала фуражка на полъ... И шумъ. Но я—подлецъ!

Дара засмѣялась.

— Ну, вы, конечно, сейчасъ же должны распять себя. Вы-таки—фанатикъ. Я вамъ говорила, что у васъ ротъ фанатика. Ну, довольно. Сядьте, успокойтесь, зажгите лампу, читайте что-нибудь и не думайте объ этомъ. «Это не ва-ажно», какъ говоритъ... нашъ знакомый. Почему вы такъ скоро вернулись отъ вашихъ? Да сядьте же...

— Нѣтъ, Дарья Михайловна, я не сяду. Я не могу... Позвольте мнѣ... Впрочемъ, если вы хотите, я сяду... Я могу... Ну, вотъ...

— Чудакъ. Да не садитесь, если не хочется. Я только такъ... Почему такъ скоро отъ вашихъ ушли?

Тарасъ вдругъ сорвался съ мѣста, забѣгалъ по комнатѣ и потомъ сразу остановился предъ Дарой.

— Дара! У меня есть большая просьба къ вамъ. — Голосъ у него былъ хриплый, возбужденный.—Ахъ, опять горитъ! — съ злобой схватилъ онъ себя за голову.

— Что горитъ?

— Мозгъ. Мозгъ проклятый. Но плевать. Это все равно. Я хочу васъ просить. Я только что былъ у своихъ. Это ужасъ! Я больше не могу! Я больше не могу!.. Хорошо, я вамъ разскажу.

— Только вы не волнуйтесь такъ... Сядьте, спокойно разскажите все, какъ слѣдуетъ.

Дара сама сѣла на кровать и повела рукой возлѣ себя. Но Тарасъ не обратилъ вниманія.

— Спокойно!.. Ха! Нѣтъ, я спокойно не могу... Ахъ, если бъ вы знали. Но, въ самомъ дѣлѣ, оставимъ этотъ тонъ. Это все потому, что мой мозгъ... Я буду спокойнѣе. Да нужно спокойнѣе. Вотъ въ чемъ дѣло. Мнѣ нужно денегъ, много денегъ. Если я не достану денегъ, Оля пойдетъ въ содержанки или проститутки. Да, да! Ее выгналъ

хозяинъ изъ мастерской за то, что она не хочетъ идти къ нему на содержаніе. Братъ свирѣпствуетъ. Мать преслѣдуетъ ее за атеизмъ. Сейчасъ была сцена. Я чуть ножомъ не пырнулъ брата. Онъ хотѣлъ, чтобы она послѣ ужина перекрестилась. Она не хотѣла. Отца они ѣдятъ за то, что онъ парализованъ и ничего не зарабатываетъ. Ѣдятъ картошку, спятъ въ одной комнатѣ, всѣ пятеро... И вы представьте: такой ужасъ, грязь, вонь, тѣснота, а послѣднія копейки идутъ на лампадки, свѣчи... Боже мой, я не понимаю... И вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слушайте, мать ведетъ переговоры съ этимъ Салдѣевымъ, хозяиномъ мастерской, торгуется изъ-за Оли, хочетъ сто, онъ не соглашается. Какой-то кошмаръ... Оля бьется, какъ въ чаду. Меня проситъ. Но что я, гадкій, гнилой, что могу для нея, бѣдной моей, сдѣлать, что?.. И опять же: отца необходимо полѣчить, и онъ сможетъ работать. Мать съ пѣной у рта ни на какія лѣченія не соглашается: нельзя, дескать, нарушать волю Божью: онъ покаралъ отца за безбожіе,—и нужно терпѣть. То-есть я вамъ говорю, какой-то нелѣпый чадъ, хаосъ, одурѣли всѣ отъ голода, отчаянія, злобы. Господи, если бы я могъ вырвать сердце свое и накормить ихъ, я бы... Ахъ, да что тамъ говорить! А я гнилой, я не могу на ногахъ стоять иногда... Нельзя лѣчиться! Ну? Вы видѣли такое безуміе? Это—безуміе, помѣшательство. Нѣтъ, я не могу больше. Мнѣ все равно, я долженъ найти выходъ. Скажите, Дара, Семенъ Васильевичъ можетъ дать мнѣ взаймы рублей триста?

Дара сидѣла, наклонивъ голову. Тарасъ часто дышалъ, но смотрѣлъ на нее рѣшительно, съ ожиданіемъ.

— Вамъ непремѣнно триста?—тихо спросила.

— Да! То-есть, сколько дастъ, все равно, я буду выпрашивать по копейкѣ. Я не могъ, не хотѣлъ просить, но теперь... Я не могу Олю такъ... А тутъ еще съ ней эта сволочь, этотъ Миронъ. Онъ ее, кажется, уговариваетъ идти въ проститутки... О, пусть только!..

— Да что вы?!—быстро подняла голову Дара.

— Кажется. Она не говоритъ, но видно, что не безъ его вліянія.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ!—рѣшительно сказала Дара.—Не можетъ! Нѣтъ, нѣтъ!.. Это вы... Но это потомъ... Сейчасъ... Вы знаете что: подождите здѣсь, я пойду... А впрочемъ, нѣтъ. Идите сначала къ Семену Васильевичу. Если неудачно, тогда нужно будетъ иначе...

— Значитъ вы сомнѣваетесь?—тихо спросилъ Тарасъ.

Дара слегка замялась. Потомъ посмотрѣла прямо въ лицо ему и твердо, жестко сказала:

— Вотъ что я вамъ скажу, Тарасъ: я сомнѣваюсь. То-есть, я не знаю. Возможно, что и дастъ. Но вотъ что примѣчайте; какъ только начнете говорить, такъ слѣдите: если съ перваго же намека согласится и очень охотно, и будетъ брать за талію, и очень вѣжливъ будетъ, тогда, значитъ, не дастъ. Это ужъ извѣстно. А если начнетъ хмуриться и разспрашивать,—дастъ. Но послѣднее очень рѣдко бываетъ съ нимъ.

— Значитъ я ему долженъ все разсказать?—глухо проговорилъ Тарасъ.

— Да... Но не все... О сестрѣ не нужно. Ну, идите. А я пойду къ Вѣрѣ и Сергѣю. Вѣрѣ сказать можно?

— Да,—тихо, чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ идите. Скоро. Да не надо такъ волноваться и отчаиваться. Все устроится. Идите, хорошій, и желаю вамъ успѣха.

Тарасъ медленно пошелъ впередъ, наклонивъ голову и потирая правый високъ. Въ лѣвой рукѣ была фуражка. Дара замѣтила ее, осторожно взяла изъ руки и бросила на кровать. Тарасъ разсѣянно, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Дару, но она сейчасъ же легонько толкнула его и сказала:

— Ничего, это я фуражку. Идите.

— Ахъ, да, фуражка. А вы къ Вѣрѣ?

— Да...

Тарасъ пошелъ дальше. Въ передней остановился. На-

право была дверь въ комнату Сергѣя, налѣво—въ кабинетъ Семена Васильевича. Тарасъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, опять остановился и долго стоялъ неподвижно, наклонивъ голову, точно соображалъ что-то. Въ комнатѣ Сергѣя заскрипѣлъ стулъ. Тарасъ испуганно встрепенулся, быстро подошелъ къ двери кабинета и съ отчаяніемъ постучалъ.

— Войдите!—чуть слышно раздался голосъ изнутри.

Тарасъ вошелъ. И сейчасъ же въ глаза ему бросилось желтое, на половину освѣщенное электрической лампочкой въ зеленомъ абажурѣ лицо съ выжидательно пристально устремленными на него глазами. Большой рѣзной письменный столъ былъ освѣщенъ, а верхняя часть кабинета дремала въ полутьмѣ.

Семенъ Васильевичъ, узнавъ его, торопливо всталъ и засуетился. У него была такая же бородка, какъ у Сергѣя, только походила на сѣно, пожелтѣвшее отъ непогоды, сѣроватое. Онъ былъ лысъ и лысину безуспѣшно закрывалъ сѣдыми рѣдкими и длинными волосами съ висковъ. Низенькій и юркій. Взглядъ ласковый и умный.

— У меня къ вамъ дѣло, Семенъ Васильевичъ,—сейчасъ же хрипло и отрывисто началъ Тарасъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. Съ удовольствіемъ...

«Соглашается», съ тоской подумалъ Тарасъ.

— Большое дѣло? Что вы такой блѣдный? А? Лѣчите нервы? Надо лѣчить, надо лѣчить...

— Я хотѣлъ просить васъ... Не можете ли вы дать мнѣ взаймы... триста рублей... У меня...

— Триста рублей? Отчего же!.. Можно, можно... Съ удовольствіемъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Сумма немножко того... но можно будетъ. Вамъ очень необходимо?

«Не дастъ», совершенно упалъ духомъ Тарасъ, но все-таки слѣдилъ, не полѣзетъ ли въ карманъ за бумажникомъ или вообще не проявитъ ли какъ-нибудь иначе своего согласія. Но тотъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и очень серьезно, ласково, охотно говорилъ:

— Можно, можно... Съ большимъ удовольствіемъ...

— Я вамъ возвращу какъ можно скорѣе,—бѣгая глазами мимо Семена Васильевича, угрюмо началъ опять Тарасъ.— У меня очень плохо...

— Ахъ, голубчикъ, не нужно... Понятно, возвратите. Вамъ сейчасъ?

— Да, я очень...

— Хм! Что же мы сдѣлаемъ? Видите ли, голубчикъ, у меня сейчасъ какъ разъ... Такъ непріятно сложилось... Хм! Сейчасъ у меня вышли большіе расходы... А мужички все не везутъ аренды. Бѣда съ ними! Все надѣются на уравнительное землепользованіе или даже соціализацію... Представьте, до сихъ поръ... Но ничего,—онъ ласково взялъ Тараса выше локтя,—мы это устроимъ. Вы немножко обождите, а я поищу, и мы это уладимъ. Правда? Правда? Да что вы такъ блѣдны?—и Семенъ Васильевичъ даже слегка обнялъ Тараса, участливо заглянувъ ему въ глаза. — Надо лѣчиться, голубчикъ, лѣчиться. Неврастенія, это—скверная штука. Такъ вы навѣдайтесь, мы это устроимъ. Правда?

— Хорошо... Я это... До свиданія!

Тарасъ неуклюже поклонился и вышелъ изъ кабинета. Семенъ Васильевичъ любезно проводилъ его до самыхъ дверей.

Въ комнатѣ Тараса сидѣли Вѣра и Дара. На столѣ горѣла уже лампа.

Вѣра была очень взволнована и горячо говорила что-то Дарѣ. Дара слушала невнимательно, сурово сдвинувъ брови.

Когда вошелъ Тарасъ, обѣ съ ожиданіемъ посмотрѣли на него.

— Ну?—нетерпѣливо спросила Вѣра.

— Нѣтъ. Обѣщалъ на-дняхъ... Господи!—вдругъ схватилъ онъ себя за голову.—Какой же я идіотъ! Какой идіотъ! «Триста рублей». Будто три копейки. Какъ онъ долженъ смѣяться надо мною, какъ онъ долженъ смѣяться. Охъ, какъ мнѣ стыдно!

Вѣра покраснѣла.

— Ну, чего же стыдно? Чего стыдно?—какъ-то виновато заспѣшила она.—Ничего стыднаго нѣтъ. И смѣяться онъ не будетъ. Это онъ такъ... Онъ дастъ. Мы съ Сергѣемъ еще будемъ говорить съ нимъ. Нехорошо, что вы пошли, нужно было не такъ. Но это ничего... Мы это...

Дара вдругъ встала и, обратившись къ Тарасу, сурово сказала:

— Я лично, Тарасъ, ничѣмъ вамъ помочь не могу. Слышите? У меня нѣтъ ни копейки. Устраивайтесь, какъ хотите.

И, повернувшись, быстро вышла изъ комнаты. Тарасъ разсѣянно поглядѣлъ ей вслѣдъ.

— Она поссорилась съ Сергѣемъ,—опять заспѣшила Вѣра.—Не обращайте вниманія, она чудачка, у нихъ это всегда съ деньгами. Успокойтесь, Тарасъ, милый, хорошій, успокойтесь, мы все сдѣлаемъ... Сядьте... Сюда.

Тарасъ машинально сѣлъ. Вѣра усѣлась возлѣ него и, взявъ его руку, стала съ виноватой, мучительной жалостью гладить ее. Тарасъ отнялъ руку. Вѣра, заглядывая ему въ глаза, снова взяла ее.

— Не надо!—съ мукой буркнулъ онъ.

— Нѣтъ, надо. Я такъ хочу... Ишь какой строптивый сдѣлался. Сидѣть смирно!

А сама въ то же время безпокойно, виновато засматривала ему въ лицо.

Тарасъ искоса посмотрѣлъ на нее и криво усмѣхнулся.

— Чему смѣетесь?

— Такъ...

— Ну, чему?

— Не скажу... А впрочемъ... Я смѣюсь тому, что вамъ нужно, чтобы я... Чтобъ видѣть меня несчастенькимъ... Тогда только вы... хороши со мной. Вамъ бы найти себѣ какую-нибудь паршивенькую собачку. Чѣмъ гаже и несчастнѣе,

тѣмъ больше любить и жалѣть будете... Главное—жалѣть. Но я вамъ заявляю...

— Это—неправда...—тихо и неловко сказала Вѣра, выпустивъ его руку.

— Нѣтъ, это—правда!—рѣзко, даже злобно вдругъ вспыхнулъ Тарасъ.—Правда! И вы сами знаете, что правда. Да, да! Когда я былъ въ тюрьмѣ, несчастенькій, вы... Э, что тамъ! вы чуть не любили меня. А вышелъ и... Да постойте! Я знаю, знаю, что ни о какой любви не можетъ быть и рѣчи, куда тамъ! Развѣ я самъ не понимаю. Какой-то жалкій наборщикъ и дочь помѣщика, интеллигентка...

— Тарасъ!—вскочила Вѣра, засверкавъ глазами.

— Если вы еще разъ мнѣ скажете объ этомъ, о рабочихъ и интеллигентахъ, я съ вами... я съ вами говорить больше не буду! Не въ этомъ дѣло, если хотите знать! Совсѣмъ не въ этомъ!

— А въ чемъ?—зло посмотрѣлъ на нее снизу вверхъ Тарасъ.—Что «колѣни, какъ у кузнечика»?

— Какія колѣни?

— Какія? вы забыли? Хм! А помните, въ тотъ день, когда я вышелъ изъ тюрьмы, я сидѣлъ у васъ въ комнатѣ, вы посмотрѣли на мои колѣни и сказали: «какія у васъ худыя колѣни, какъ у кузнечика! Помните? Я-то, во всякомъ случаѣ, очень хорошо помню.

Вѣра покраснѣла.

— Что же изъ этого?—съ удивленіемъ произнесла она.

— Ничего! Только то, что все дѣло въ моихъ тощихъ колѣняхъ и... Ну, словомъ, тѣломъ я не вышелъ. Вотъ и все... А душа... Это...

— Тарасъ!—гнѣвно, быстро перебила Вѣра.— Не смѣйте говорить дальше! Иначе... И запомните вы себѣ разъ навсегда: мнѣ противны, гадки, слышите, гадки до омерзѣнія эти ваши такъ называемыя реальныя отношенія, это тѣло ваше. Я считаю это униженіемъ человѣка. Униженіемъ! Слышите? Если же я сказала о колѣняхъ, то просто такъ,

а не потому, что къ вамъ нѣтъ такой любви. Ни къ кому у меня нѣтъ и не будетъ ея! Вотъ въ чемъ дѣло, если вамъ хочется знать. Ваши же... ваша склонность объяснять все тѣлесными причинами мнѣ страшно не нравится. Вотъ почему я вамъ говорила о несходствѣ нашихъ душъ.

— Несходство душъ?—глухо переспросилъ Тарасъ

— Да. Но... меня къ вамъ тянетъ что-то... Я не знаю, что. У васъ есть что-то хорошее...

— Э!—всталъ Тарасъ.—Оставьте эти подачки изъ жалости... Все равно...

Онъ искалъ чего-то глазами. Увидѣвъ, что фуражка на кровати, онъ взялъ ее, нахлобучилъ на голову и направился къ дверямъ.

— Куда же вы?—изумилась Вѣра.—Тарасъ!

— А вамъ что?—грубо бросилъ, полуобернувшись Тарасъ.—Пойду, куда хочу.

— Но сейчасъ придетъ Сергѣй. Мы должны поговорить, Тарасъ!

— Не надо. Ничего мнѣ не надо! До свиданія.

Но Вѣра подбѣжала и схватила его за рукавъ.

— Подождите. Не ходите... Я васъ прошу... Очень прошу, останьтесь... Никуда не нужно идти. Мнѣ очень больно. Вы не вѣрите? Нехорошо вы усмѣхаетесь, но все равно. Мнѣ страшно больно, я готова сейчасъ упасть передъ вами ницъ и цѣловать ваши эти самыя колѣни. Хотите?

Она была очень блѣдна. Тѣни подъ скулами стали глубже и по нимъ сбѣгали внизъ струйки, отчего лицо казалось мигающимъ; дышала часто и тяжело.

Тарасъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее своимъ угрюмымъ, вздрагивающимъ взглядомъ и нерѣшительно остановился.

— Не ходите. Идите сюда... Сядьте... Ну, я васъ прошу, сядьте... Снимите вашу фуражку. Дайте ее сюда...

— Не дамъ...

— Дайте, я вамъ говорю! Дайте фуражку. Боже, что вы

со мной дѣлаете! Да не улыбайтесь такъ больно... Перестаньте... Вы—измученный. У васъ страшный видъ... Я васъ прошу, дайте же мнѣ вашу фуражку?..

И, неожиданно схвативъ его руку, прижала къ губамъ своимъ и зарыдала, цѣлуя и сжимая ее.

— Вѣра... Вѣра...—испуганно забормоталъ Тарасъ, самъ чуть не плача и вырывая руку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сидите, сидите...

Тарасъ вдругъ съ силой выдернулъ руку и всталъ весь дрожа.

— Не надо! Слышите? Не надо мнѣ! И я васъ не понимаю... И... Э, къ чорту все и больше ничего!

И, бросившись изъ комнаты, выбѣжалъ въ гостиную. Навстрѣчу ему быстро шелъ Сергѣй.

— Вы куда? Тарасъ! Въ чемъ дѣло? Идите, я хочу съ вами...

Тарасъ полуобернулся.

— Ничего мнѣ не надо! Ничего! Слышите? Ничего не хочу отъ васъ!.. Я самъ... Обойдусь... Довольно... Нищимъ... Не надо!

И опять бросился впередъ, зацѣпился въ дверяхъ въ столовую, чѣмъ-то загремѣлъ, съ шумомъ вылетѣлъ въ коридорчикъ и исчезъ по черному ходу.

Сергѣй ошеломленный молча смотрѣлъ ему вслѣдъ. Въ рукѣ онъ держалъ нѣсколько кредитокъ.

Въ комнатѣ Тараса было тихо.

IV.

Миронъ осторожно, стараясь не шумѣть, натянулъ на себя пальто и хотѣлъ выйти, но въ это время изъ комнаты Маруси послышалось:

— Ты уже уходишь, Миронъ?

Миронъ остановился.

— Нѣ-ѣ-тъ, я сейчасъ приду-у. Ты можешь еще спа-а-ть.

— Я давно уже встала. Который часъ?

— Девять.

Миронъ выжидательно посмотрѣлъ въ дверь, послушалъ. Потомъ одѣлъ шляпу и вышелъ.

Минутъ черезъ пятнадцать онъ вернулся и постучалъ къ Марусѣ.

— Да входи, чего тамъ!—вяло отозвалась она.

Миронъ, не раздѣваясь, вошелъ.

Маруся сидѣла на кровати, опершись локтемъ о столъ и положивъ голову на руку. Лицо было усталое, сѣрое, подъ глазами желто-синіе круги. Губы, очевидно, ежеминутно сохли, потому что она часто облизывала ихъ. Смотрѣла она въ окно куда-то вдаль, поверхъ моря крышъ и трубъ. Небо все такъ же сплошь покрыто было тучами, то темными, то сѣрыми. Онѣ, тоже будто съ похмелья, усталыя, неохотно, еле двигаясь, налѣзали одна на другую.

— Я, Мару-уся, сейчасъ ухожу-у,—началъ Миронъ,—и до вечера, должно быть, не приду-у... Такъ вотъ я тебѣ на завтракъ купи-илъ селе-едочки и во-о-тъ...

Онъ вынулъ изъ кармана небольшую бутылочку «монополькн».

— Освѣжи-и-ться... А обѣ-ѣдъ ты сама-а себѣ устроишь. И не на-а-до конфу-узиться. Деньги есть у тебя на обѣдъ?

— Есть,—хмуро бросила Маруся. — Вчерашнія... Десять рублей...

— Ну, это не твои вѣдь деньги...

Маруся съ удивленіемъ повернула къ нему голову.

— Не мои? А чьи же?

— Ермо-олкина. Вѣдь ты по оши-ибкѣ взяла ихъ?

— Какъ это по ошибкѣ?

— Вѣдь ты же не для денегъ гуля-я-ла?.. А для развле-че-е-нія... На-а-до, значитъ, отда-а-ть...

Маруся долго и пристально смотрѣла на него. Миронъ

съ улыбкой ожидалъ. Зеленоватые переливающіеся желтыми искрами глаза его слѣдили за Марусей.

— А если для денегъ? Откуда знаешь?

— Ну, тогда, конечно, твои-и... Только... мы еще не нужда-а-емся пока.

— А если бы нуждались, тогда, можетъ, самъ послалъ бы.

Миронъ добродушно разсмѣялся.

— Ахъ, хи-и-трая кака-ая!.. Вѣдь ты знаешь, что я не посла-а-лъ бы...

— Почему?

Лицо Маруси все такъ же было мрачно, сѣро и устало. И спрашивала она какъ-то ровно, точно для процесса разговора. Искоса поглядывала на «монополькy».

— Ну, что же, Мару-у-ся, отда-ать Ермо-о-лкину?

Она вдругъ глубоко вздохнула.

— Какъ знаешь... Только вотъ что...

И Марусю точно дернуло что-то.

— Отдашь иль не отдашь, это теперь мнѣ все равно. Я сегодня ухожу опять въ... домъ. Еще третьяго дня встрѣтилась съ одной старой пріятельницей... Она здѣсь теперь. Зоветъ. Пойду...

Миронъ сталъ серьезенъ. Пристально смотрѣлъ онъ на сестру.

— Для чего же ты пойдешь?—тихо спросилъ.

— Такъ... Хочется... Для того и пойду.

— Скучно со мной?

— Да тебѣ что? — злобно взглянула она на брата. — Не все ли равно?

Миронъ, молча, серьезно продолжалъ смотрѣть на нее. Снова въ глазахъ у него появилось что-то не то тоскливое, не то грустное. Онъ оглянулся кругомъ, медленно взялъ стулъ и сѣлъ.

Маруся брезгливо поморщилась:

— Э, разговоръ будетъ... Надоѣло...

— Нѣтъ, разговора не будетъ...—тихо сказалъ Миронъ, задумчиво глядя въ окно.—Разгово-о-ра не будетъ...

Онъ помолчалъ. Потомъ повернулъ къ ней лицо и не то съ любопытствомъ, не то грустно спросилъ:

— Скажи мнѣ ясно: почему ты хочешь уйти туда?

Маруся злобно сорвала руку со стола и спросила въ свою очередь:

— А ты мнѣ тоже скажи ясно: почему ты хочешь, чтобъ я не шла туда? Ну?

— Скверно тебѣ тамъ.

Маруся вспыхнула.

— Опять?! Но вѣдь ты врешь! Потому что стыдно тебѣ. Потому что стыдъ это и позоръ! А ты хоть и тянешь меня да съ гордости кричишь, что ничего стыднаго нѣтъ, а скверно, дескать, мнѣ. Да почему мнѣ скверно, я тебя спрашиваю? Голодно, холодно мнѣ тамъ? Скучно?.. Мерзко, позорно, вотъ что скверно тамъ! Понялъ? Словно грязь глотаешь день и ночь. Болотную, такую синюю грязь, вонючую... Видалъ? Вотъ что тамъ скверно!

— Такъ хочешь еще глотать?

— Да, хочу. Нравится... Хе!

Миронъ молча смотрѣлъ на нее. Маруся глядѣла въ окно.

— Зачѣмъ же дѣлать то, что сама считаешь сквернымъ?—опять тихо началъ онъ.—Вѣдь это именно и скверно. Если бъ ты не считала это позорнымъ, развѣ я сталъ бы удерживать тебя? Иди и дѣлай, что хочешь, лишь бы ты сама вѣрила, что дѣлаешь хорошо.

Онъ замолчалъ и поглядывалъ на нее, точно чего-то ожидая. Маруся молчала.

— А если съ тобой еще сквернѣе, чѣмъ тамъ?—вдругъ, не поворачиваясь, бросила.

Миронъ наклонилъ голову, счистилъ крошки со стола и медленно всталъ.

— Ну, дѣлай, какъ находишь лучше... Если хуже со мной, иди туда, гдѣ лучше...

Маруся повернулась къ Мирону. Глаза ея внимательно и виновато остановились на немъ.

— Тогда... прощай!.. Когда уходишь?

Маруся протянула по столу руку, точно хотѣла остановить его.

— Не сердись, Роня... Не хочу тебя обидѣть... Вижу, что ты жалѣешь и любишь меня, но не могу я... Тяжело мнѣ тутъ... Каждый смотритъ на тебя, какъ на... погибшую, гадкую... Самъ вѣдь говоришь, что всѣ на насъ такъ глядятъ: либо съ жалостью, либо съ омерзѣніемъ. Такъ чего жъ больше? А мнѣ съ людьми жить...

— Да тебѣ что, какъ смотрятъ другіе?!—вдругъ покраснѣлъ весь Миронъ. — Ты какъ смотришь? Позорно тамъ,— не дѣлай. Предъ собой чиста будь. Вѣдь они, эти люди, не такъ жили, какъ ты, по иному и думать должны. Вѣдь ты мучишься больше оттого, что сама считаешь гадкимъ то, что дѣлаешь. Не дѣлай. Разъ гадко, то хоть умри, а не дѣлай! Или же, если дѣлаешь, то дѣлай такъ, чтобы и умъ твой оправдалъ то, что ты дѣлаешь. А на другихъ плюнь, забудь о томъ, что они думаютъ! И на меня плюнь: я думаю, что не позорно, но тяжело. А ты думаешь, что не тяжело, но позорно. Зачѣмъ же ты хочешь, чтобы я думалъ такъ, какъ ты? Дѣлай по-своему!

И опять въ глазахъ его за гнѣвомъ промелькнуло любопытство.

Маруся вздохнула.

— Да потому, что не отъ души ты всѣ свои мысли говоришь, потому и дѣлаю. Ну, будетъ, Роня, ни къ чему мы съ тобой не договоримся... Не держи меня, не уговаривай, уйду я. И тебя стѣснять не хочу и сама... Все равно... Кто разъ попалъ туда, — каюкъ ужъ ему... И не пробуй... Не сердись, Роня... Право... Ну, а теперь я выпью, все равно вѣдь теперь...

Она жалко улыбнулась, хлопнула донышкомъ о ладонь и прямо изъ горлышка стала жадно пить. Глаза полузакрылись, широкія губы сморщились воронкой, по горлу съ бульканьемъ прокатывался шарикъ.

Миронъ внимательно тихо смотрѣлъ на нее. Маруся отняла бутылку отъ губъ, вытерла ихъ рукавомъ и, улыбнувшись Мирону, сказала:

— Да... Вотъ и за это тамъ не судятъ. Всѣ такія. Ни жалости, ни стыда,—свои.

Посмотрѣла на свѣтъ на бутылку, кивнула съ усмѣшкой головой, снова полузакрыла глаза и стала пить. Казалось, она хотѣла какъ можно скорѣе выпить всю бутылку.

Миронъ все такъ же смотрѣлъ и молчалъ.

— Вотъ такъ...—сказала она.—Такъ лучше, а за водочку спасибо...

Глаза ея стали живѣе, лицо покраснѣло и посвѣжѣло.

— Знаешь, Маруся, обожди еще немного,—вдругъ тихо проговорилъ Миронъ.

— Зачѣмъ?—насторожившись окинула она его взглядомъ.

— Такъ... Поживи, посмотри... Всегда вѣдь успѣешь... Погоди... А если въ чемъ нужда будетъ, дѣлай все, что хочешь. Выпить хочется, выпей, я вѣдь понимаю... Въ мужчинѣ надобность, иди, любого выбери, веди сюда, дѣлай, что хочешь...

Маруся покраснѣла, но пристально посмотрѣла на него. У Мирона будто усмѣшка пробѣжала въ лицѣ. Но онъ продолжалъ говорить все такъ же тихо, серьезно, чуть грустно:

— Вѣрно, Маруся... Чего предъ собой лгать? У тебя ужъ привычка создалась. Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Это стыдятся признать, а многія, которыхъ «спасаютъ» изъ домовъ, часто отъ этого идутъ назадъ... Не нужно... Ничего дурного въ этомъ нѣтъ. Зла вѣдь никому оттого не будетъ, если приведешь мужчину, сама себя успокоишь и ему дурного не сдѣлаешь...

Маруся не сводила съ него глазъ.

— И ты это отъ души говоришь?—съ затаеннымъ негодованіемъ тихо спросила.

Опять легкая усмѣшка пробѣжала, какъ мышь, по губамъ Мирона.

— Зачѣмъ же лгать мнѣ?

— И это тоже хорошо? Не стыдно?

— А что же здѣсь стыднаго?

Маруся вдругъ злобно усмѣхнулась.

— Да, впрочемъ, понятно... Для меня чего тутъ стыднаго... Дѣло привычное... Хм!.. Пошла, взяла, привела...

Миронъ нахмурился.

— Никому не стыдно. Каждая, если нужда есть, пусть пойдетъ, возьметъ и приведетъ. Мужчина ль, женщина,—все равно...

Маруся тоже гнѣвно нахмурилась.

— Знаешь, Миронъ, не лги больше! Видно. Выкрутиться хочешь. Оставь. Сказалъ, не подумавши, а оно самое вѣрное и есть. Ну, только не хочу я ни ходить, ни водить къ тебѣ никого... Сами придутъ... будетъ иль не будетъ нужды... И говоришь еще, что не лжешь мнѣ! Да вѣдь ты самъ вонъ какъ смотришь на меня: пойдешь, приведешь. Небойсь той, которую полюбилъ бы, не сказалъ «пойдешь, приведешь». Своими руками задушилъ бы отъ ревности да стыда. А я что жъ... привычная...

— Нѣтъ, и той бы сказалъ,—медленно проговорилъ Миронъ, смотря прямо на Марусю.—Стыднаго въ этомъ нѣтъ, и ревновать нечего. Значитъ, не сумѣлъ я ей дать удовлетворенія, потребность есть. Безъ потребности не пойдешь искать въ другомъ мѣстѣ. Кто сытъ, тотъ не станетъ картошку ѣсть... Только то бѣда, что женщины привыкли, чтобъ ихъ брали. А сами брать и думать не смѣютъ...

— А, оставь!—съ раздраженіемъ отвернулась Маруся.— Будетъ. Не понять намъ другъ друга. Глупа я слишкомъ, видно... Прощай... Уходи.

Миронъ не уходилъ. Задумчиво, прищуривъ глаза, смотрѣлъ онъ въ окно на чуть замѣтно двигавшіяся тучи. Лицо поблѣднѣло, губы сжались въ кривую застывшую усмѣшку. Маруся тоже смотрѣла въ окно.

— Да,—вдругъ глубоко вздохнулъ Миронъ.—Мы не поймемъ другъ друга...

— Да и врядъ ли кто другой тебя пойметъ...—угрюмо и насмѣшливо бросила Маруся.—Поискать придется...

— А все-таки обожди, Маруся. А?—тихо улыбнулся Миронъ.—Не уходи... Авось какъ-нибудь уживемся... Тяжело вѣдь тамъ тебѣ. А, Маруся?

Маруся молчала.

— Думай себѣ по-своему, я—по-своему... Зачѣмъ же лишнія страданія? Вѣрно, Марусикъ... Вѣдь мы любимъ другъ друга.. Подучишься немножко, экзаменъ сдашь. Вмѣстѣ работать будемъ. А тамъ полюбишь кого-нибудь, ребеночка заведешь...

Маруся быстро взглянула на него. Покраснѣла.

— Вѣрно. Вѣдь это самое нужное тебѣ. Подумай... А уйдешь, не вырвешься скоро, и дѣтей не будешь имѣть... Зачѣмъ же это? А то бъ этакаго маленькаго... А? Вѣдь бьется у тебя сердце, какъ подумаешь, бьется, Марусикъ? Славно бы такъ зажили... Хоро-о-шимъ бы его сдѣлали, сильнымъ, крѣпкимъ... Право, хорошая, не нужно этого. Ну, смотри на меня, какъ на дурака какого-то; пусть я вру тебѣ даже, плюнь... Пусть себѣ человѣкъ гордость свою хоть ложью ублаготворитъ. А, Маруся?

Маруся неспокойно пошевелилась.

— Уходи, Роня... Не нужно...

— Право, хорошая... Оставайся. Съ людьми тебя хорошими сведу... Упираешься ты, а все жъ таки скучно все со мной да со мной... Вотъ эта... Дара, напримѣръ. Ты это напрасно говорила, что я все жду ее. Когда я ее ждалъ? Ну, да это... Съ ней сойдешься. Она—хорошая... И сама мнѣ она когда-то говорила, что хотѣла бы поближе сойтись съ тобой.

Да и съ другими... А не захочешь, не нужно. Хочешь, въ другой городъ переѣдемъ. Чего тамъ? Будемъ жить, работать... Еще какъ заживемъ! А, Маруся?.. Подумай. Сейчасъ и не отвѣчай. Подумай хорошенько, а вечеромъ отвѣтъ скажешь... Ладно?

Маруся глубоко вздохнула.

— Хорошо... Подумаю... Не знаю... Но...—она повернулась къ нему и мягкимъ, нѣжнымъ взглядомъ обвила всю крѣпкую, костистую фигуру его.

— Чудной ты все-таки... Богъ тебя знаетъ.

— А ты подумай... Ну, до свиданія.

— Прощай...—проговорила она.

Миронъ окинулъ ее внимательнымъ взглядомъ, ласково улыбнулся и вышелъ.

V.

Миронъ зашелъ къ анархисту и условился, что тотъ завтра придетъ къ нему въ пять часовъ. Потомъ забѣжалъ въ контору завода, куда поставлялъ чертежи. Было воскресенье и занятій въ конторѣ не было, но дежурный сообщилъ, что завѣдующій конторой собирается Мирону отказать отъ работы «за вредное вліяніе» на рабочихъ и служащихъ. Въ чемъ проявилось это вліяніе, добиться отъ дежурнаго онъ не могъ.

Послѣ обѣда занесъ Ермолкину деньги, запечатавъ ихъ въ конвертъ, и передалъ квартирной хозяйкѣ. И только къ тремъ часамъ пришелъ къ Ѳедору. Его ждали. Но обычнаго шума и оживленія онъ не принесъ на этотъ разъ съ собой. Не подкручивалъ своихъ усовъ изъ конскаго хвоста, чѣмъ всегда вызывалъ на остроумныя замѣчанія женскую половину собраній; не растягивалъ словъ, какъ капризный ребенокъ и не бѣгали живо и ласково его зеленоватые глаза. Собранія эти обыкновенно устраивались у Ѳедора, и на нихъ разрѣшалось каждому дѣлать что угодно, только не приходить съ

нелегальщиной. Большею частью здѣсь назначались любовныя свиданія, пѣли, танцовали, играли. Интеллигентовъ рѣдко приглашали, Миронъ же считался «полуинтеллигентомъ», такъ какъ имѣлъ работу на томъ же заводѣ, что и Ѳедоръ. Но часто вспыхивали и теоретическіе споры. Тогда Ѳедоръ въ критическія минуты затягивалъ пѣсню, и спорщики поодному присоединялись къ нему. Самъ Ѳедоръ женатый, большой, желтокурчавый, рабочій-комитетчикъ, игралъ недурно на мандалинѣ и страстно любилъ театръ. Сегодня долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ организаціи автистическаго рабочаго партійнаго кружка. Намѣчались уже пьесы для постановки. Ждали только Мирона. Но Миронъ, противъ обыкновенія, отнесся безъ особенной живости къ проекту, чѣмъ вызвалъ нетерпѣливую досаду у дѣвицъ и разочарованіе у «учредителей». Обсужденіе, впрочемъ, начали. Миронъ понемногу оживился, хотя неожиданно вдругъ задумывался.

— Товарищи! Прощайтесь съ Мирономъ Антоновичемъ,— разъ даже крикнула высокая Галя съ синими бѣлками карихъ глазъ.—Видно, жениться хочетъ. Вишь задумывается...

Миронъ улыбнулся. Но скоро попрощался и ушелъ, сославшись на неотложное дѣло.

Было уже часовъ шесть, когда онъ подходилъ къ углу Медвѣдевской и Малой-Переѣзжей, гдѣ у него было назначено свиданіе съ Олей.

Онъ тотчасъ же увидѣлъ ее. Оля стояла подъ фонаремъ, куталась въ большой платокъ и смотрѣла во всѣ стороны. Замѣтивъ его, она быстро пошла навстрѣчу. Поздоровались. Миронъ внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо. Оля была въ какомъ-то возбужденіи, тревогѣ, почему-то озиралась, хотя безъ всякаго вниманія. Глаза выглядывали изъ-подъ платка напряженно и очень блестѣли. Она жадно какъ-то ухватилась за руку Мирона и заговорила:

— Ну, хорошо, что вы пришли. Хорошо. Я думала уже, что не придете. Идемте дальше, въ темную улицу.

Миронъ приглядывался къ ней

— А почему, Оля, волнуетесь такъ? А?

— Сейчасъ, сейчасъ. Я хочу вамъ сегодня много сказать... Можно взять вашу руку? Почему вы такъ поздно? Впрочемъ, я раньше вышла... Вы Тараса не видѣли?

— Нѣтъ... Но что съ вами, Оля?

— Сейчасъ, сейчасъ... Ну, хорошо, слушайте. Во-первыхъ, вы должны беречься... Гаврила вчера очень грозилъ. Онъ думаетъ, что это вы всю забастовку устраиваете на заводѣ...

— Чѣмъ же онъ грозилъ?

— Не знаю... Вообще... Онъ даже убить можетъ...

усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, Миронъ, вы не смѣйтесь! Ей Богу, вы не смѣйтесь, я васъ очень прошу...

— Ну, ладно, ладно... Это, во-пе-ервыхъ... А во-вторы-ы-хъ?

— Нѣтъ, вы мнѣ должны обѣщать... Ахъ, Миронъ, обѣщайте мнѣ это! Вы не знаете...

— Ну, хорошо, Оля, обѣщаю. И спасибо.

— Ну, это... не важно.

И вдругъ засмѣялась.

— Вотъ и я теперь замѣтила. Знаете, Тарасъ мнѣ вчера сказалъ, что я, какъ и вы, тоже часто говорю «это не важно...» Ну, хорошо. А теперь Тарасъ. Миронъ Антоновичъ! Вы должны что-нибудь... Я не знаю, но нужно какъ-нибудь присмотрѣть за нимъ... Онъ вчера прибѣжалъ часовъ въ одиннадцать, какъ безумный, къ намъ. Это второй разъ, онъ былъ уже разъ... Такое было!.. Прибѣжалъ. Мы уже спали, Я, положимъ, не спала... Ну, это не важно. (Вотъ опять!) Блѣдный весь, страшный, дрожитъ. Объявилъ, что къ Кисельскимъ больше не пойдетъ и съ завтрашняго дня будетъ искать работы...

— Что же у васъ такое вчера вышло?

— Ахъ!.. Все то же... Захотѣли, чтобъ я перекрестилась

послѣ ужина. А я, тяжело мнѣ было, отказалась наотрѣзъ. Гаврила чуть не побилъ меня, Тарасъ съ ножомъ на него... Крикъ, слезы... Мама лампаду зажгла, чтобъ Богъ не покаралъ меня... А! все то же... Ну, это... Насилу уложили мы его... Онъ не спалъ всю ночь. Я тоже. Я все слышала. Вздыхалъ, сопѣлъ, вставалъ, потомъ снова ложился. Сегодня утромъ, ничего не ѣвши, заявилъ, что онъ недостоинъ ѣсть и убѣжалъ. Даже мама чуть не заплакала, а вы же знаете, какая она суровая... Ну, хорошо... За нами никто не идетъ? Мнѣ все почему-то кажется... Ну, хорошо... Потомъ послѣ обѣда вдругъ прибѣгаетъ. Нарочно послѣ обѣда, чтобъ не ѣсть! Вызвалъ меня во дворъ... Самъ чуть не шатается... Навѣрно, ничего не ѣлъ... Впрочемъ, такъ показалось. Вдругъ начинаетъ меня цѣловать. Цѣлуетъ и молчитъ. Цѣлуетъ и молчитъ. «Что, говорю, Тарикъ». (Мы его такъ маленькимъ называли.) Что, говорю. А сама ... Ну, это не важно... «Я, говоритъ—подлецъ, Оля, ты это знай и запомни. Но тебя люблю, хоть и подлецъ». Понимаете? «Да почему подлецъ?» «Я, говоритъ, не могу работать, я не смогу, я—дохлый, я не долженъ жить. Кто не работаетъ, тотъ не долженъ жить.» Понимаете? Все въ такомъ родѣ. Я не выдержала и заплакала Больно же это! Боже, какъ больно! Ну, хорошо. Стала я его утѣшать, спрашивать, а онъ уже и отвѣчать не можетъ, ослабѣлъ весь и не слышитъ даже. «Это—вата», говоритъ. Что такое, какая вата? Какая это вата, Миронъ? Что это значитъ?

— Не знаю,—съ недоумѣніемъ проговорилъ Миронъ.—Но дальше, дальше...

— Ну, хорошо... Повела я его все-таки въ комнату. Дала ему картошки. (Мы теперь все картошку ѣдимъ.) Поѣлъ онъ, съ жадностью поѣлъ. «Это, говоритъ, лучше панскаго.» А его мама все упрекаетъ, что онъ работать не хочетъ и живетъ у Кисельскихъ... Да, сказалъ это и такъ улыбнулся, что просто сердце перевернулось. «Но вы, говоритъ, мама, не безпокойтесь, деньги будутъ, достану». Онъ все о

деньгахъ безпокоится. И такъ это говоритъ, что, видно, мысль у него какая-то есть, да, или самъ боится ее, или... и сама, право, не знаю... Можетъ, и самъ отгонялъ, все надѣялся на Кисельскаго, а какъ тотъ отказалъ, такъ теперь и... .

— Постойте!—живо перебилъ Миронъ.—Какъ отказалъ? Развѣ Тарась просилъ у него?

— Господи!—махнула рукой Оля.—Какая же я дура! Самаго главнаго не сказала... Вотъ что значитъ... А вы тоже... Слушайте. Вчера вѣдь просилъ у него. Такъ тотъ даже выслушать не хотѣлъ и сейчасъ же пообѣщалъ. Ну, а это ужъ у нихъ извѣстно, ежели пообѣщаетъ, значитъ не дастъ...

— Умгу-у,—протянулъ Миронъ.—Такъ. Ну, теперь понятно. Ну, дальше.

Оля быстро обернулась. Но улица была небольшая, полутемная, пустынная.

— Да что вы все оглядываетесь? А, Оля?

— Ничего... И сама не знаю... Ну, хорошо... Ну, такъ вотъ. О чемъ же я?.. Голова у меня болить сильно... Ага! Такъ вотъ, очевидно, мысль у него есть какая-то и... боюсь я, Миронъ Антоновичъ, нехорошая мысль. Вдругъ экспропріацію задумалъ? Страшно боюсь... Какъ ни допытывалась, ничего не узнала. Твердитъ одно «деньги будутъ» и больше ничего. Уже и мама отъ своихъ словъ отказывается, то она ему все время говоритъ: «возьми попроси денегъ у твоихъ пановъ. Они тебя, дескать, завлекли, засадили въ тюрьму, пускай даютъ.» Вотъ такія понятія. А теперь уже и этого не хочетъ. «Было бы здоровье, а деньги будутъ»—«Ну, говоритъ, пока денегъ не будетъ и здоровья не будетъ.» Вотъ и говори Да и правда, куда ему работать! Его лѣчить нужно, и его, и отца, а чѣмъ лѣчить? Миронъ Антоновичъ, голубчикъ, поговорите все-таки вы съ нимъ, вы умный, вы сможете выпытать, уговорить... Ради Бога! Онъ васъ не любитъ, но вы не обращайте вниманія,—онъ не знаетъ васъ, по слухамъ только... Ради Бога!

— Хмъ!—озабоченно протянулъ Миронъ.—Дѣло не въ томъ, что не любитъ, а въ томъ, что не скажетъ ничего. Попробую. Завтра онъ долженъ увидѣться у меня съ... однимъ человѣкомъ. Мнѣ его надо бы увидѣть. Онъ будетъ сегодня на собраніи у Кисельскихъ, не знаете?

— Это на судѣ-то?—живо спросила Оля.—Будетъ. Говорилъ, что будетъ. И про забастовку сегодня рѣшать будутъ. Господи! Какъ закроютъ заводъ, и еще Гаврила безъ работы останется... Ну, все равно! Слушайте, Миронъ, можно мнѣ пойти съ вами на этотъ судъ? Можно? Ой, если бъ вы знали, какъ это мнѣ хочется! Прямо... Можно, скажите? Я буду въ уголку гдѣ-нибудь...

Миронъ разсмѣялся.

— Хочется посмотрѣть, какъ изгонять будутъ?

— Какъ?—испуганно воскликнула Оля.—Тарасъ мнѣ говорилъ... Но за что же изгонять?

— За вредное мы-с-слей направле-еніе... Вотъ и съ завода тоже за это изгнать собираются. Ну, это не важно... Но пойти вамъ можно... Я думаю, что это общедоступное зрѣлище...

— Но за что же?—широкими глазами продолжала смотрѣть Оля.

— Не сходимся въ мысляхъ...

— Ну, нѣтъ! Они этого не посмѣютъ... Рабочіе будутъ за васъ... Обязательно! Съ какой стати!

Миронъ улыбнулся, глядя на нее.

— Конечно!—успокоительно подтвердилъ,—это я въ шутку. Просто разговоръ будетъ... Идемте, послушаете... Теперь часовъ семь есть?..

Онъ взглянулъ на часы.

— Да еще рано...

— Слушайте, Миронъ, — вдругъ инымъ тономъ сказала Оля.—Можно мнѣ познакомиться съ вашей сестрой?

Миронъ усмѣхнулся.

— Съ сестрой? Хм!.. Это и я не разъ думалъ... И къ

Ѳедору хотѣлъ затащить ее... Не хочетъ... Никого не хочетъ... Но сейчасъ... Знаете что, пойдемте, въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ ко мнѣ, авось съ вами и на собраніе удастся вытянуть... Въ самомъ дѣлѣ, вѣрно! Идемте!

Но Оля вдругъ какъ-то странно, сразу задумалась. Потомъ испуганно, тревожно оглянулась, очевидно, не слыша его, крѣпко прижалась къ нему и стала тяжело, взволнованно дышать.

Миронъ съ удивленіемъ заглянулъ ей въ лицо.

— Что съ вами, Оля? Что съ вами?

Оля силилась что-то сказать и не рѣшалась. Мирону показалось, что она странно поблѣднѣла.

— Да что же съ вами, дѣточка?

Вдругъ останавилась, глянула въ лицо ему большими напряженными глазами и сказала:

— Я... рѣшилась.

— На что рѣшились?—остановился и Миронъ.

— Я... иду въ проститутки.

— Что-о?

Но, отважившись на первое слово, Оля словно покатилась сама собой дальше. Задыхаясь, хватая Мирона за руки, торопливо, возбуждено заговорила:

— Да, да! Я рѣшилась! Я сегодня послѣ Тараса это рѣшила. Конечно! Я не могу... Не могу больше! Я не могу смотрѣть. Я должна... Вѣдь вы ничего? Правда? Да и что тутъ такого? Я буду такъ же служить людямъ, какъ и всѣ. Только я сначала къ Салдѣеву... Возьму сто рублей, отдамъ нашимъ, и тогда уже туда. И прямо въ домъ, прямо въ домъ, въ самый настоящій, гдѣ... это все. Или мнѣ и въ домѣ сразу дадутъ сто рублей? Дадутъ или нѣтъ? Я думаю, тамъ не дадутъ. Ну, все равно, я сначала къ Салдѣеву...

Миронъ оглянулся, увидѣлъ скамейку у маленькихъ воротъ и молча повелъ туда Олю.

— Сядьте... тихо сказалъ.

— И заявлю Салдѣеву, что житъ у него не буду, по-

тому что... если проститутка, такъ должна быть настоящая. А сама закажу визитную карточку и напечатую: «Проститутка Ольга Матвѣевна Щербина». И нашимъ пошлю и всѣмъ... И сейчасъ же поведу агитацію... тамъ. Нужно будетъ прокламацій... Нѣтъ, впрочемъ, я рѣшила, что сначала не нужно никакихъ прокламацій, сначала такъ... подругамъ... Тамъ какъ, всѣ вмѣстѣ... или какъ?

Миронъ не сводилъ съ нея глазъ. Чуть усмѣхаясь своей странной грустной улыбкой, взялъ ее за руку—рука страшно холодная была—и осторожно сказалъ:

— Вотъ вы послушайте меня, Олечка: прежде всего посидите немножко молча. Понимаете? Вотъ немножко помолчите, успокойтесь, а я подумаю. Хорошо?

— Но почему? Почему?

— Ну, такъ...

— Постойте. Вы думаете, что я это такъ, сгоряча? Вы *это* думаете? Но я же вамъ говорю, что я уже послѣ обѣда это рѣшила. Почему вы усмѣхаетесь? Не вѣрите? Я, дѣйствительно, сначала ничего такого не думала о домѣ... Я думала только, что придется итти къ Салдѣеву... Но сегодня я рѣшила прямо въ домъ... Но почему вы усмѣхаетесь? Ну почему? Вы не вѣрите мнѣ? Нѣтъ?

— Нѣтъ, Оля, я вѣрю...

— Ну такъ почему? Почему? Вы не согласны? Вѣдь вы сами же говорите всѣмъ, что ничего позорнаго... Или вы только—о другихъ, а если... надо, такъ вы несогласны?

— Говорилъ и согласенъ. И очень радъ, что вы это рѣшили... Только нужно немножко обождать... Понимаете! Дня два три...

— Но почему же? Почему?

— Странная вы, дѣтка. Ну, можетъ, что-нибудь выяснится, можетъ, другое что придумаемъ. Вѣдь вы туда идете не потому, что нравится, а жить нечѣмъ. Если не позорно, то не значитъ еще хорошо... Чистить помойныя ямы не позорно, но почему, если можно, не поискать лучшей работы?

Понимаете? Нельзя же такъ, въ самомъ дѣлѣ... И никакихъ Салдѣевыхъ вамъ не нужно. Обождать надо...

— Господи! Какой вы!—нетерпѣливо, съ тоской вскричала Оля.—Да вѣдь я черезъ два—три дня, можетъ, уже... Впрочемъ, глупости, я рѣшусь... Но что тутъ такого? Что?

— Для васъ это большой подвигъ, Оля.

— Ну такъ что? Ну такъ что? Развѣ я не могу пойти на подвигъ? Вѣдь идутъ же на каторгу за свои мысли, идутъ въ тюрьмы, ссылки, почему же нельзя идти въ публичный домъ? Позоръ? Болѣзни? Но почему нельзя взять на себя и позоръ и болѣзни за свои мысли? Чѣмъ тяжелѣе, тѣмъ лучше подвигъ, правда? Вѣдь вы же сами мнѣ когда-то сказали, что если бы ваша сестра увѣровала, вы бы сами ей предложили пойти... Развѣ я не вѣрую?

— Нѣтъ...—грустно усмѣхнулся Миронъ.

Оля была поражена.

— Какъ? Я не вѣрую?

— Нѣтъ, Оля. И вы этимъ не огорчайтесь, это не такъ скоро дѣлается...

— Но почему? Почему? Господи! Вѣдь я...

— Да хоть потому, Оля, что вамъ такъ тяжело сейчасъ отъ одной мысли... Погодите! А затѣмъ вы сказали о позорѣ. А разъ позоръ, то... нѣтъ того, о чемъ я вамъ говорилъ. Вы не поняли меня, дѣтка. Мнѣ не нужно, чтобы люди думали такъ, какъ я. Это невозможно. Они всегда будутъ думать такъ, какъ живутъ. Вотъ и у меня съ вами. Я жилъ такъ, а вы иначе, и думать мы должны по-иному. Это естественно. Но я лишь хотѣлъ бы, чтобы у каждаго были свои мысли, честныя и такія продуманныя, чтобы уже никакихъ колебаній не было, а только дѣйствіе. Понимаете? А вы вотъ считаете это позоромъ и все-таки хотите дѣлать. Никогда этого не нужно допускать. Позорно? Не дѣлайте. Думаете, что не позорно, тогда думайте такъ, чтобы мысль о позорѣ просто смѣшной и нелѣпой казалась вамъ. Но это, дѣточка, ужасно трудно. Намъ такъ долго вбивали всякія понятія, что

отъ обѣда до вечера нельзя отъ нихъ избавиться. Большимъ страданіемъ, упорной мыслью они выжигаются. Вотъ вы о сестрѣ говорите... Сестра другое дѣло. Она безъ всякихъ подвиговъ проститутка, это—профессія ея. А потомъ—она сильная. Э, если бъ она посмотрѣла на это такъ, какъ я! А то и она... Да и не въ этомъ суть. Лишь бы мысль появилась, а жизнь заставитъ принять или отбросить. Только не нужно насиловать жизнь, Оля. Пусть сами проститутки за себя борются... Онѣ прежде всего должны сами съ себя сбросить позоръ, тогда и другіе будутъ иначе смотрѣть на нихъ... А вы при чемъ тутъ? Хотите пропагандировать эту мысль? Идите вечеромъ на улицу, познакомьтесь съ проститутками и говорите съ ними. А если иного выхода не будетъ и сами войдете въ эту профессію, тогда ваша пропаганда будетъ самая настоящая, нормальная... Вотъ я читалъ въ газетѣ, что проститутки послали губернатору коллективное заявленіе объ улучшеніи условій осмотра. Это уже шагъ къ уваженію себя... Ихъ не агитаторы научили, а жизнь. Да и не выдержали бы вы этой профессіи, дѣтка, слабенькая, хрупкая...

Оля слушала нетерпѣливо, порой остро взглядывая на Мирона. Наконецъ не выдержала и перебила:

— Вы кончили? Хорошо. Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: если я пойду туда... Хорошо, пусть я сама еще считаю это позоромъ, хотя это... но пусть! Хорошо, пускай даже совсѣмъ такъ, хорошо, но развѣ мой подвигъ не больше... сестры вашей? Для нея, это—профессія, ей легче, а мнѣ тяжело. Но развѣ тотъ подвигъ больше, гдѣ легче? Позоръ очень тяжелъ... а если я иду и на позоръ, развѣ это не хорошо? И потомъ что особеннаго, если сильный человѣкъ придетъ и сломаетъ вонъ то деревцо? Ничего удивительнаго. А если это сдѣлаетъ ребенокъ? Развѣ это не подвигъ?

— Хм! А если деревца ребенокъ не сломаетъ, а только руки?

— Нѣтъ, это я къ примѣру только.

— Я понимаю... Но примѣръ-то какъ разъ неудачный... Я вѣдь не противъ подвига, Оля... Но подвигъ долженъ быть отъ избытка силъ, понимаете? Отъ такой силы, когда чувствуешь, что... Эхъ!—Миронъ даже кулакъ сжалъ,—сила выхода требуетъ. Тогда подвигъ хорошъ. А когда отъ отчаянія... Ну, что это за подвигъ? Вотъ наши интеллигенты... Многіе такъ, какъ вы, либо увлекшись геройствомъ другихъ, бросились въ революцію и на каторги, либо съ отчаянія да со стыда отъ сытой жизни... Ну, и что видимъ? Не по силамъ и удрали, какъ мыши изъ подполья. Не ихъ это дѣло было, не насущное, необходимое, какъ воздухъ, а либо геройство, либо муки совѣсти. Геройство, подвигъ на мгновеніе, дѣтка, хороши и для самого героя, а если всю жизнь да насильно еще... Э... скучно и безполезно. У васъ то же самое будетъ, тоже каяться будете... Вѣрно, Олечка, надо осторожно на подвигъ итти. Осторожно и честно предъ собой. Вотъ вы, напримѣръ, съ отчаянія идете, насильно, а хотите сдѣлать изъ этого подвигъ, сами себя обмануть хотите. А этого не надо, кого хотите обманывайте, а себя... никогда не слѣдуетъ.

— Нѣтъ, я не согласна, я не согласна! И зачѣмъ вы такъ? Зачѣмъ такъ говорите?!—съ раздраженіемъ и тоской перебила Оля.—Вы нарочно это, чтобы унизить мое намѣреніе и чтобъ я не пошла... Я вижу, вы усмѣхаетесь... Вы, конечно, умнѣе... и я... Но вы не имѣете права такъ говорить! Не имѣете! Вы должны быть честны съ собой! Разъ вы говорите одинъ разъ одно, вы не должны говорить иное въ другой разъ... И потомъ вы меня не понимаете. Не понимаете! Но я иду. Я это рѣшила. Я сама пойду! Пусть я совсѣмъ, совсѣмъ одна буду. Пусть! Это даже лучше, это лучше... Пусть... Слушайте, вы мнѣ только разскажите, какъ это все... куда нужно итти, что говорить... Я вѣдь не знаю... И затѣмъ больше мнѣ ничего не говорите о подвигахъ! Я не могу иначе! Вотъ и все! Жить такъ дальше я не могу! Не

могу! И мнѣ все равно, рѣшительно все равно! Когда вы мнѣ скажете?

— Оля! Ну что вы, въ самомъ дѣлѣ?

Оля даже встрепенулась отъ раздраженія и еще чего-то, что все время проглядывало у ней.

— Да что вы мнѣ «Оля, Оля»?! Что вамъ до этого, вамъ-то что? Если бы любили и ревновали, а то вѣдь... Вѣдь не ревнуете же вы ничуть, вамъ просто... непріятно, что я не согласно съ вами думаю... Все равно вамъ, такъ чего же... Развѣ не вѣрно?

Миронъ молчалъ. Оля искоса выжидательно посматривала на него. Потомъ вся какъ-то вдругъ ослабѣла и тихо сказала:

— Ну, все равно... Я такъ и знала... Да и что тамъ! Но я иду... Пусть... Слушайте!—вдругъ всѣмъ тѣломъ повернулась къ нему.—Не будете смѣяться надо мной? Нѣтъ?

— Нѣтъ, Оля, не буду...

— Правда?.. Нѣтъ, не стоитъ...

Она, видно, снова волновалась, но волновалась уже поиному, особенно, со сладкимъ, мучительнымъ, горькимъ стыдомъ.

— Впрочемъ... Слушайте... Я хочу васъ... поцѣловать. Охъ, только не смѣйтесь! Можно васъ поцѣловать крѣпко, крѣпко?

Должно быть, кусала себѣ сердце отъ стыда и муки.

Миронъ съ какой-то чрезмѣрной и серьезной поспѣшностью обнялъ ее и наклонилъ къ ней свое лицо. Оля глянула ему въ глаза, близко, близко и, вдругъ оттолкнувъ, быстро встала:

— Нѣтъ! Не хочу... Идемте... Идемте скорѣе! Все это...

И торопливо пошла впередъ. Миронъ поспѣшалъ за ней, наклонивъ голову. И такъ они шли долго, — она впереди, онъ сзади шага на два отъ нея. При свѣтѣ фонарей видно было, что Оля была очень блѣдна, а глаза напря-

 женно, неестественно блестѣли и, казалось, смотрѣли не

передъ собой, а внутрь себя. Она безсознательно все время поправляла платокъ.

Вдругъ Оля остановилась, оглянулась и подождала Мирона. Не глядя въ глаза ему, она быстро проговорила:

— Вы подождите здѣсь, я забѣгу, скажу дома, что ухожу... Я скоро... Вы непремѣнно подождите. Я хочу съ сестрой вашей увидѣться... Теперь во что бы то ни стало... И судъ... Тоже теперь очень хочу... Подождете?

— Подожду, идите.

— Я скоро.

И она чуть не бѣгомъ повернула въ переулокъ, гдѣ жили Щербины. Миронъ медленно сталъ ходить по тротуару, закуривъ папиросу и не выпуская ея изо рта. Порой онъ останавливался у фонаря, опирался о него спиной и долго неподвижно смотрѣлъ въ одну точку. Тогда въ губахъ его появлялось то же выраженіе насмѣшливой тоски и грусти, что бывало иногда въ разговорахъ съ Марусей. Потомъ, вздохнувъ, опять медленно ходилъ взадъ и впередъ.

Оля подошла какъ-то неожиданно.

— Идемте,—запыхавшись, быстро проговорила и снова пошла впередъ.

— Подождите... Возьмите мою руку.

— Не нужно.

— Возьмите, я вамъ говорю, — настойчиво и строго повторилъ Миронъ.

Она съ удивленіемъ поглядѣла на него.

Лицо его было нахмурено, съ выраженіемъ чего-то жестокаго, твердаго. Послушно и даже робко взяла она его руку.

— А теперь вотъ что, Оля. Слушайте внимательно. Мысль о публичномъ домѣ оставьте. Слышите? Я вамъ говорю, оставьте. Драмъ нечего устраивать. Молчите. Драмъ, говорю, нечего устраивать. Вамъ тяжело и трудно. Совершенно вѣрно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно дѣлать глупости. Нужно дѣлать то, что поможетъ выйти

изъ труднаго положенія, а не забираться въ еще худшее. Я завтра поговорю съ Тарасомъ. Въ крайнемъ случаѣ... потолкую съ кѣмъ-нибудь изъ высоконравственнаго семейства Кисельскихъ.

— Нѣтъ! — рѣзко вскричала Оля.—Ни за что съ Кисельскими! Ни за что! Послѣ исторіи съ Тарасомъ—ни за что!

Миронъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Вѣрно. Вы правы. Это хорошо, что вы такъ. Но это—не единственный выходъ. Есть много другихъ.

— Я ни у кого не прошу помощи!

— И это хорошо. Только не кричите такъ, на насъ смотрятъ. Отъ Тараса не будетъ считаться помощью. А все сдѣлаетъ Тарасъ.

— Какимъ образомъ?

— Тамъ увидимъ. Но вы сейчасъ же и безъ всякихъ колебаній даете слово, что ничего не будете предпринимать, не поговоривъ со мной. Слышите? Сейчасъ же.

— Позвольте, я...

— Оля! Не нужно много говорить.

Оля молчала.

— Оля, я жду.

— Хорошо, я даю слово, но...

— Вотъ и хорошо. Теперь еще одно. Съ сестрой никакихъ разговоровъ о публичныхъ домахъ и... обо всемъ этомъ. Слышите?

— Да.

— Вотъ. Вамъ не холодно? Почему рука ваша вздрагиваетъ?

— Такъ... Не знаю...

— Гаврила сколько получаетъ въ мѣсяцъ?

— Гаврила?.. Право, точно не знаю... Нѣтъ, знаю! Сейчасъ. Тридцать два рубля въ этотъ мѣсяцъ вышло.

— Почему еще два?

— Не знаю... Тамъ какъ-то у нихъ.

— И Петя пять?

— Да...

Замолчали. Сталъ накрапывать мелкій, чуть замѣтный, какъ пыль отъ фонтана, дождикъ.

— Миронъ Антоновичъ! — робко и тихо проговорила Оля.

— Что?

— Я васъ хочу спросить объ одномъ..

— Спрашивайте.

Оля не рѣшалась и робко взглядывала на него. Потомъ сразу нахмурилась и сердито сказала:

— Вы можете сердиться, но я спрошу... Это правда, говорятъ, будто вы... можете сойтись съ женщиной даже не любя ея? Просто такъ... для одного удовольствія?

Миронъ искоса посмотрѣлъ на нее

— Да, если она согласна...

— Ну, да, конечно... конечно...

Видно, волновалась.

— И если ребенокъ, если отъ этого ребенокъ... То-есть, отъ этого же могутъ быть дѣти?

— Нѣтъ, въ такихъ случаяхъ не должно быть дѣтей...

Миронъ еще внимательнѣе поглядывалъ на нее.

— Но почему не должно быть? А если она хочетъ? Она хочетъ имѣтъ отъ васъ ребенка?

Миронъ повернулъ совсѣмъ лицо къ ней и молча нѣсколько секундъ смотрѣлъ ей въ глаза. Она, какъ-то странно, напряженно улыбаясь безсознательной кривой улыбкой, глядѣла ему въ отвѣтъ.

— Слушайте, Оля,—жестко началъ Миронъ,—васъ вязать чулки *учили?*

— Да...—съ легкимъ недоумѣніемъ отвѣтила она.

— И учили любить человѣчество будущаго? Да?

— Да...

— Конечно. А какъ производить дѣтей, ближайшее человѣчество, правда, не учили? Вѣрно? Вещь не хитрая. Какой-то мудрый насмѣшникъ даже сказалъ: «кому, дескать, ро-

дить дѣтей ума недоставало». Вѣдь такъ? Или нѣтъ? Говорили вамъ агитаторы о томъ, что это будетъ посерьезнѣе чулка?

Оля съ недоумѣніемъ смотрѣла на него.

— Ну что же вы? Говорили о томъ, что рабочему мало знать политическую экономію, а еще нужно быть сильнымъ, здоровымъ, цѣльнымъ? А вѣдь и рабочіе родятся тѣмъ же манеромъ, что и прочіе люди? Не такъ ли?

— Я васъ разсердила?

— Слушайте, Оля, вы мнѣ скажите, вы думали когда-нибудь о томъ, что̀ такое дѣти?

— Да... я не знаю... Иногда...

— Ну, значитъ, не думали. Да и о чемъ думать? Лишь бы женились, а дѣти сами родятся. Правда? Эхъ, Олечка, вѣдь этого мало хотѣть... Вѣдь дѣти не куклы, которыми пріятно позабавиться. Понимаете? Это—люди, это—то человѣчество, которое соціализмъ добывать будетъ... Развѣ можно такъ? Дѣтей только тогда родить можно, когда во-первыхъ, обѣ стороны неудержимо тянутся другъ къ другу, когда чувствуютъ, что вотъ отъ кого они бы хотѣли дѣтей, когда чувствуютъ, что навѣкъ сплелись. Пусть черезъ мѣсяцъ разойдутся, но родить дѣтей надо только такъ. Ну, а если только она одна... Развѣ это хорошо? Вѣдь это, Олечка, глубочайшій актъ, самый важный, не чулокъ, а новый человѣкъ получается. А вѣдь для чулка нужно умѣніе, подготовка. Вотъ и вы... «Почему же нельзя, если она хочетъ?» А я же какъ? Вѣдь и мой это ребенокъ или нѣтъ! А я его какъ рожу? Я думаю о томъ, что зачинаю новую жизнь? Я провѣрилъ себя, я могу съ чистой совѣстью сказать, что сдѣлалъ все, что могъ, чтобы мое дитя было здорово, сильно? Дѣйствительно ли я хочу съ этой женщиной имѣть дѣтей? Подошелъ ли я къ этому акту съ любовью и сознаніемъ? Говорятъ наши моралисты о животныхъ, а сами, дѣйствительно, какъ животныя дѣтей родятъ. Родилъ калѣку и правъ, такъ вышло... Эхъ, Олечка, это великая вещь, это

вещь... Нельзя такъ къ этому... Нельзя, Оля... Мало хотѣнія...

Оля слушала, наклонивъ голову. Миронъ хотѣлъ заглянуть ей въ лицо, она еще больше наклонилась. Миронъ замолчалъ. Онъ, видно, взволновался.

— Я бы такъ любила его... — вдругъ тихо, не подымая головы, сказала Оля.—И ничего бы мнѣ... тогда не надо... Вы бъ даже... не знали. Ничего бы отъ васъ не требовала...

— Олечка! — воскликнулъ Миронъ и безпомощно замолчалъ, усмѣхнувшись.

Молчала и Оля. Дождикъ сталъ увеличиваться. Миронъ подозвалъ извозчика, усадилъ Олю и, поддерживая, обнялъ ее. Она мягко, но рѣшительно отвела его руку и сидѣла, едва прикасаясь къ нему. До самаго дома не говорили ничего.

— Темно въ окнахъ...—смотря вверхъ, проговорилъ Миронъ, расплатившись съ извозчикомъ. — Должно, въ кухнѣ Маруся.

— Мнѣ подождать здѣсь? — тихо спросила Оля, наклонивъ голову и кутаясь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Можетъ, Маруся, не захочетъ итти съ нами... Идемте.

Первые этажи лѣстницы были освѣщены, а верхніе почему-то оставались въ полутьмѣ. Передъ дверью въ свою квартиру Миронъ вдругъ обернулся къ Олѣ, взялъ ее за руку и, прижавъ руку къ лицу своему, съ горячей, глубокой нѣжностью прошепталъ:

— Дѣточка моя бѣдная! Хорошая, славная! Не нужно на меня сердиться.

И не успѣлъ договорить: Оля порывисто отвернулась, прижалась лицомъ къ стѣнѣ и горько-горько, какъ покинутый, обиженный ребенокъ, зарыдала. Рука осталась въ рукѣ Мирона. Онъ, молча, наклонивъ голову, стоялъ, не шевелясь.

Вдругъ внизу гдѣ-то открылась дверь, и на лѣстницѣ послышались голоса.

— Хорошо! Непремѣнно! — кричалъ кто-то любезнымъ, веселымъ теноромъ.—Обязательно!

И слышно было торопливые шаги по лѣстницѣ, только нельзя было разобрать, вверхъ или внизъ идутъ.

Оля быстро вытерла глаза концомъ головного платка, отняла руку у Мирона и повернулась къ нему. Миронъ сталъ отпирать дверь.

Въ квартирѣ было тихо и темно. Въ кухнѣ тоже.

— Странно... — пробормоталъ Миронъ, зажигая вторую спичку.

Оля остановилась у входной двери и ждала. Глаза ея были красноваты, смотрѣли какъ-то безучастно, неподвижно; губы сложились горько.

— Маруся!—постучалъ къ ней Миронъ.

Тихо.

Онъ отворилъ дверь и вошелъ. Спичка догорѣла. Онъ зажегъ новую, и ему сейчасъ же бросилась въ глаза что-то бѣлое на столѣ. Быстро подошелъ ближе.

На туалетномъ зеркалѣ стоялъ листъ бумаги: на бумагѣ что-то написано. Миронъ торопливо зажегъ лампу и сталъ читать.

«Дорогой, родненькій Роня! Прости меня, сквернную, но не могу иначе, ухожу таки. Не ищи и не вытягивай меня больше. Не нужно, прошу и умоляю тебя. Ты самъ говорилъ, чтобы не заставлять другихъ жить такъ, какъ ты думаешь лучше. Пусть живутъ, какъ сами могутъ. А за помощь твою я тебя до конца моей жизни не забуду. Ты моя единственная любовь, а всѣ... (зачеркнуто) Всякому своя жизнь, ты живи такъ, а я такъ. Мнѣ тамъ лучше будетъ, хоть тебя не буду мучить, потому-что ты хоть и не показываешь, а мнѣ все кажется, что ты стыдишься за меня. Не сердись, мнѣ все такъ кажется. А меня это сердило, и я раздражалась очень на тебя, мой любимый, дорогой братъ.

Ключи всѣ у тебя на столѣ. Когда прачка принесетъ бѣлье, выругай ее за то, что испортила твою любимую рубаху. Я хотѣла сама, да не успѣла. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя и желаю не помнить меня совсѣмъ, никакъ. А я тебя никогда не забуду. Твоя *не* сестра Маруся».

«Не» было подчеркнуто два раза.

Миронъ прочиталъ и стоялъ, не двигаясь, только пальцы его медленно, точно впиваясь, сжимали бумагу. А лицо становилось темнѣе, темнѣе, наливалось кровью, небольшіе глаза тоже будто покраснѣли, усы вздрагивали. Что-то дикое, страстно-бѣшеное сжало всѣ черты.

Судорожнымъ, короткимъ движеніемъ скомкалъ записку въ кулакъ, задулъ лампу и вышелъ.

Оля отъ темноты вздрогнула.

— Что?—словно очнувшись, испуганно проговорила.

— Ничего. Идемъ.

— А гдѣ Маруся?

— Пошла къ знакомымъ. Поздно придетъ. Идемъ!

Въ голосѣ было что-то такое, что Оля испуганно и внимательно раза два заглянула въ лицо его на лѣстницѣ, но оно было какъ обыкновенно, только глаза какъ-то странно щурились, точно у хищнаго звѣря, готоваго прыгнуть на врага.

Дождя не было. Тучи спѣшили съ нимъ куда-то въ другое мѣсто.

Плиты тротуаровъ жирно блестѣли подъ фонарями, и у длинныхъ заборовъ, надъ которыми свѣшивались голыя вѣтви деревьевъ, пахло сырымъ, опавшимъ листомъ.

VI.

Въ гостиной Кисельскихъ собралось душъ двадцать. Мирона еще не было, но споръ о немъ уже кипѣлъ по угламъ. Были и непартійные, которыхъ съ согласія пар-

тійныхъ пригласили старые Кисельскіе, Семенъ Васильевичъ и Катерина Андреевна.

Спорили, не слушая другъ друга, съ раздраженіемъ, враждебностью, ненавистью. Особенно нападали на Петра, сторонника Мирона, который съ злой улыбкой доказывалъ что всякая проститутка выше самой добродѣтельной буржуазной дѣвицы. Лицо у Петра было блѣдное, красивое, усталое; въ наглыхъ глазахъ поблескивала застарѣлая злоба. Часто посматривалъ на Вѣру, которая въ спорѣ участія не принимала, сидя съ закрытыми глазами въ углу. У нея болѣла голова.

Петромъ возмущались всѣ, но, зная его привычку смѣяться надъ самимъ собой, не особенно вѣрили его искренности.

Въ другомъ углу Семенъ Васильевичъ, разгорячившись, но съ тонкой иронической усмѣшкой заостренныхъ губъ увѣрялъ Іону, Кита и другихъ партійныхъ, что они ни за что не осмѣлятся выгнать Мирона изъ организаціи. Хотя и находятъ, что это—единственный способъ огражденія себя отъ деморализаціи, но не осмѣлятся. Партійные усмѣхались.

— Посмо-о-тримъ,—говорилъ Іона нараспѣвъ.

— Смотрите,—насмѣшливо соглашался Семенъ Васильевичъ.

Сергѣй спокойно, объективно и чуть грустно доказывалъ редактору мѣстной либеральной газеты и дядѣ, Ивану Андреевичу, что Миронъ совсѣмъ не единичное случайное явленіе, какъ утверждаетъ редакторъ, и не больной психически, какъ хочетъ доказать Иванъ Андреевичъ, а продуктъ реакціи, подобно пѣнѣ, необходимо появляющейся во время кипѣнія. Доказывая, онъ по временамъ останавливался глазами на Дарѣ. Дара была необыкновенно оживлена, весела, глаза сіяли, внизу щекъ горѣлъ такой яркій румянецъ, что, казалось, что даже на нѣкоторомъ разстояніи отъ щеки можно почувствовать его теплоту. Она ни съ кѣмъ не спорила.

 Собравъ молодежъ вокругъ себя, травила Рисецкаго, тяже-

лаго, неуклюжаго, съ женской фигурой товарища, служившаго, самъ того не замѣчая, предметомъ шутокъ всѣхъ партійныхъ дѣвицъ. Рисецкій любилъ спорить. Спорилъ такъ же, какъ и ходилъ, тяжело переваливаясь съ одного слова на другое, упрямо стремясь къ своей цѣли и никого никогда не слушая. На этотъ разъ Рисецкій только улыбался, отдѣлываясь высокомѣрными и презрительными фразами. Но онѣ вызывали еще большій смѣхъ. Кудрявая Женя все время съ жадностью ловила его слова и почти послѣ каждаго падала головой себѣ на колѣни отъ хохота.

Возлѣ Дары сидѣлъ Тарасъ, облизывая губы и неловко улыбаясь. Видимо, онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. По поводу вчерашняго у него произошло объясненіе съ молодыми Кисельскими, которое окончилось примиреніемъ и заявленіемъ Тараса, что онъ дуракъ и подлецъ, если не сознательный, то безсознательный навѣрно. Но о деньгахъ просилъ больше не упоминать никогда, онъ ихъ достанетъ въ другомъ мѣстѣ. Рѣшили его не раздражать и до времени исполнить просьбу.

Дара иногда ловила взгляды Сергѣя и улыбалась ему въ отвѣтъ, весело и радостно. Но Сергѣй еще внимательнѣе окидывалъ всю ея стройную, сіящую фигуру съ короной темно-золотыхъ волосъ на головѣ и еще спокойнѣе отвѣчалъ своимъ противникамъ. Дара немножно нахмурилась, но сейчасъ же снова обращалась къ Рисецкому. Потомъ вдругъ громко отозвала Петра и велѣла ухаживать за собой весь сегодняшній вечеръ, а споры пока оставить. Вмѣшалась въ горячій разговоръ Катерина Андреевна съ Натальей и со смѣхомъ упросила послѣднюю спѣть. У Натальи былъ мягкій контральто, и она хорошо пѣла народныя пѣсни. Катерина Андреевна была недовольна: она только что начала мысль о томъ, что единственное средство поднять падающую нравственность молодежи—это съ корнемъ вырывать и отбрасывать элементы, деморализующіе ее. Наталья же была довольна: горячая, безпорядочная, нервная страстность

Катерины Андреевны, ея напряженные глаза и истерически-раздраженный голосъ утомили ее. Сама Наталья была немного полная, крупная, съ кокетливыми, красивыми глазами, очень блѣднымъ лицомъ и чувственнымъ яркимъ ртомъ.

Но, оттащивъ Наталью, Дара словно забыла о ней и опять подняла смѣхъ вокругъ Рисецкаго. Петра тоже опять отозвала и сдѣлала выговоръ за самовольную отлучку. Петръ, какъ предъ королевой, склонился предъ ней на одно колѣно. При каждомъ звонкѣ она вдругъ замолкала, ноздри ея приподнимались и бѣлѣли на концахъ, но затѣмъ она становилась еще веселѣе. Казалось, она даже не знала о томъ, что собрались для какихъ-то споровъ, всѣмъ мѣшая и разъединяя спорящихъ.

Вѣра иногда подымала на нее глаза и пристально слѣдила за ней.

А Миронъ все не появлялся. Это начало уже раздражать. Послышались голоса, что онъ себѣ слишкомъ много позволяетъ и что не мѣшало бы проучить. Кто-то предложилъ даже начать безъ него и, если не явится, безъ него же и разбирать до конца его «дѣятельность». Предложеніе нашло поддержку, но Сергѣй, Китъ, Семенъ Васильевичъ и другіе рѣшительно и горячо запротестовали.

Сталъ разгораться споръ.

Въ это время раздался звонокъ, и появился Миронъ съ Олей. Появленіе Оли вызвало легкое удивленіе, но ее сейчасъ же взяла подъ свое покровительство Вѣра, къ которой присоединился Тарасъ. Оля застѣнчиво улыбалась и робко посматривала на шумное многочисленное собраніе.

Мирона встрѣтили съ подчеркнутымъ равнодушіемъ, хотя каждый, здороваясь, говорилъ что-нибудь веселое или любезное. А Семенъ Васильевичъ даже за талью обнялъ и прошелъ такъ съ нимъ по всей гостиной.

Миронъ усмѣхался и капризно растягивалъ слова на концахъ. Лицо было сѣрое, шелъ своей тяжелой, будто небрежной, походкой, одной рукой подтягивалъ усъ къ глазу

Но глаза его остро, холодно, съ искрами чего-то затаеннаго и жгучаго пробѣгали по лицамъ собравшихся.

Дара равнодушно кивнула ему головой и сейчасъ же сказала что-то Рисецкому въ отвѣтъ, отчего лицо того съ небольшими лягушечьими глазами и пробковымъ цвѣтомъ лица налилось кровью и смутилось, а слушатели прыснули отъ смѣха. Дара тоже засмѣялась.

Стали готовиться къ засѣданію. Послышалось шиканье, грохотъ стульевъ.

Дара вдругъ взяла за руку Рисецкаго, крѣпко пожала ее и, заглянувъ въ лицо, ласково, просто сказала:

— Не сердились, голубчикъ... Хорошо? Я сегодня немножко нехорошо себя веду... Ладно?

Рисецкій сконфузился, но просіялъ, увѣренный, что въ спорѣ восторжествовалъ.

— Ну, а теперь, господа, усаживайтесь — и тишина!— серьезно добавила Дара ко всѣмъ и, повернувшись, неожиданно подошла къ Мирону.

Миронъ стоялъ въ самомъ дальнемъ углу комнаты. Это было его обыкновеніе на всѣхъ собраніяхъ выбирать самый дальній уголъ и оттуда, стоя и подтягивая усы вверхъ, возражать и спорить.

— У меня была ваша сестра сегодня, — сейчасъ же начала Дара, холодно и испытующе глядя въ лицо ему.

Миронъ быстро посмотрѣлъ на нее.

— Когда? Сегодня? Вечеромъ?

— Да, передъ вечеромъ. Васъ это удивляетъ?

Миронъ прикусилъ губу.

— Умгу! — буркнулъ, — да-а, немно-о-го удиви-и-ло... уже небрежно и тоже холодно растянулъ онъ.—Что же она дѣ-ѣлала у ва-асъ?

— Мы говорили... О ней и о васъ...

Миронъ съ странной усмѣшкой взглянулъ ей въ глаза. Потомъ медленно засунулъ руку въ боковой карманъ, вы-

нулъ записку Маруси и лѣниво протянулъ ее Дарѣ со словами:

— Прочти-и-те... Лыбопы-ытно... Навѣрно, результа-а-тъ вашихъ разгово-о-ровъ

Дара взяла записку и стала читать. Во время чтенія взглянула на Мирона. Онъ глядѣлъ куда-то вдаль, прищуривъ глаза, точно присматриваясь къ чему-то, и чуть усмѣхался.

— Я это знала,—возвращая записку, сказала Дара и посмотрѣла прямо ему въ лицо. Онъ, не отворачиваясь, спряталъ бумажку въ карманъ.

— Да-а? Можетъ, даже посовѣ-ѣ-товали?

— Нѣтъ.

— А что же вы ей говори-ли?

Все такъ же глядѣлъ куда-то вдаль и усмѣхался.

— Что говорили, то ужъ говорили. Когда увидите ее, скажите, что она напрасно такъ скоро ушла. Скажите, что я очень жалѣю о томъ.

— Чего же она приходи-и-ла и почему скоро ушла?

— Приходила, видно, потому, что тяжело ей!—рѣзко сказала Дара.—А ушла... Она недолго была у меня. Пришла Вѣра ко мнѣ и смутилась... И... немного странно себя держала... Даже обидно для вашей сестры. По-моему. Сергѣй и Вѣра этого не находятъ. Сестра сейчасъ же ушла. Передайте ей, что *на меня* она напрасно разсердилась. Вотъ и все. Передадите?

Миронъ тяжело посмотрѣлъ на нее.

— Это я виноватъ. Я посовѣтовалъ ей сойтись съ вами поближе. Жалѣю. Но передамъ.

Послышался призывной стукъ къ тишинѣ. Дара хотѣла еще что-то сказать, но отошла и сѣла рядомъ съ Натальей на диванѣ. Миронъ сталъ крутить усы. Въ глазахъ искры сдѣлались острѣе. Иногда казалось, что вмѣсто глазъ у него два сильно заостренныхъ блестящихъ кончика гвоздей. Но поза была лѣниво-небрежная, движенія рукъ медленныя.

Выбрали предсѣдателемъ Кита. Онъ расправилъ свои густые, красивые усы, придалъ еще болѣе холодности неподвижно-красивому лицу и предложилъ докладчику, товарищу Іонѣ, изложить тему собранія.

Іона медленно подошелъ къ предсѣдательскому столу, оперся на него рукой и обвелъ гостиную своими выпуклыми зеленовато-сѣрыми глазами. Бритый ротъ его растянулся въ тонкую улыбку. За улыбкой лучистыми складками растянулась и желтая дряблая кожа.

Всѣ невольно посмотрѣли въ сторону Мирона. Онъ попрежнему крутилъ усы и поблескивалъ глазами.

Іона сталъ излагать предметъ засѣданія, каковой заключается собственно въ запросѣ товарищу Мирону о нѣкоторыхъ идеяхъ, которыя этотъ пропагандируетъ среди рабочихъ. Пропагандируетъ же онъ слѣдующее.

Іона развернулъ бумажку, которую держалъ въ рукахъ, и, заглянувъ въ нее, продолжалъ съ той же сдержанно-насмѣшливой улыбкой.

— Хотя миновало время всякихъ половыхъ свободъ, и общество снова вступаетъ на путь трезвой дѣятельности, тѣмъ не менѣе находятся люди, которые отъ «свободъ» не могутъ отказаться. Товарищъ Миронъ одинъ изъ таковыхъ. У него много этихъ «свободъ».

Іона заглянулъ опять въ бумажку.

— Первая—свобода хожденія въ публичные дома. По «ученію» товарища Мирона, ходить въ публичные дома отнюдь не позорно, а, наоборотъ, похвально и достойно подражанія.

— Это ложь!—вдругъ крикнулъ изъ угла покраснѣвшій весь Коля.

На него зашикали. Но Іона посмотрѣлъ въ его сторону и, улыбнувшись, сказалъ:

— Даже младенцы вступаются за товарища Мирона.

— Вы—сами младенецъ!

— Тише! Тише!

Іона продолжалъ.

— Вторая свобода,—свобода «труда» проституток. Сей трудъ не только не унизителенъ, не вреденъ, не только не заслуживаетъ порицанія, но, наоборотъ, благодѣтеленъ для общества, равенъ труду поэта и философа и заслуживаетъ поощренія. Въ виду этого товарищъ Миронъ настойчиво рекомендуетъ рабочимъ всѣми мѣрами поддерживать проституцію. Одной изъ такихъ мѣръ онъ считаетъ организацію профессіональныхъ союзовъ «трудящихся» проституток. Пусть собраніе замѣтитъ: не борьбу, а поддержку и развитіе этого благодѣтельнаго и полезнаго института.

— И это ложь!—опять крикнулъ Коля.

— Коля!—закричала Катерина Андреевна.—Если ты еще скажешь одно слово, ты уйдешь учить уроки.

Послышался смѣхъ.

— Это слабо! Пусть не вретъ!

Миронъ все такъ же крутилъ усъ.

— Если я вру, товарищъ Миронъ можетъ опровергнуть меня,—начиная краснѣть, сказалъ Іона.—Товарищъ Миронъ! Вру я или нѣтъ?

Всѣ повернулись къ Мирону.

— Продолжа-айте...—неопредѣленно усмѣхнулся онъ.

Іона кивнулъ съ усмѣшкой головой, посмотрѣлъ въ бумажку и продолжалъ:

— Третья свобода—свободная любовь. Пусть собраніе не упускаетъ изъ виду, что дѣятельность товарища Мирона распространяется на опредѣленную область. Подъ названіемъ «свободная любовь» у товарища Мирона собственно подразумѣвается свобода половыхъ, чисто физическихъ сношеній. По «ученію» товарища Мирона эта свобода есть новая форма семьи, ибо старая семья отжила свой вѣкъ. Съ цѣлью пропаганды этой «новой» формы товарищемъ Мироном устраиваются среди рабочихъ нѣкія собранія, на которыхъ пропагандируется и «пробный бракъ», то-есть сожительство на время (тоже очень удобная форма брака, какъ собраніе мо-

жетъ себѣ представить). Послѣ этого брака, очевидно, проституція тоже получаетъ поддержку натурой.

Оля большими недоумѣвающими глазами смотрѣла то на Іону, то на Мирона и Ѳедора. Ѳедоръ сидѣлъ красный и потиралъ руки, что съ нимъ бывало всегда, когда волновался или собирался говорить.

— На этихъ рабочихъ собраніяхъ устраиваются также и другія дѣла того же рода. Онъ, Іона, могъ бы для поясненія назвать ихъ извѣстнымъ именемъ «лигъ свободной любви», только не у гимназистовъ, а у рабочихъ.

— Это неправда!—неожиданно тихо вырвалось у Оли.

Всѣ лица повернулись къ ней. Она густо покраснѣла, но твердо смотрѣла на Іону своими большими робкими глазами.

— Неправда?—удивился Іона.

— Тише!—застучалъ предсѣдатель.

— Да, это неправда! — вдругъ съ другой стороны отозвался Ѳедоръ. И, волнуясь, даже всталъ.

— Эти самыя, какъ вы сказали, лиги у меня собираются, но... ничего этого нѣтъ... Это... Мы для отдыха... Чтобы стѣснять кого-нибудь, этого, дѣйствительно, нѣтъ, но... пробныхъ браковъ не заводимъ... Миронъ Антоновичъ очень часто бываетъ, но чтобы... Всякое, конечно, говорится, но не такъ... Это, извините, невѣрно вы говорили... И это очень обидно. Рабочій тоже человѣкъ и удовольствія хочетъ... Одной политической экономіей трудно... это... Да... Нехорошо!

Онъ сѣлъ и вытеръ ладонью лобъ.

Миронъ все также усмѣхался и крутилъ усъ. Только глаза блестѣли острѣе.

Іона немного смутился, но сейчасъ же оправился. Предсѣдатель стукомъ прекратилъ шушуканье. Іона продолжалъ.

Конечно, онъ можетъ ошибаться относительно характера этихъ собраній и вообще всей дѣятельности товарища Мирона, но настоящее собраніе именно для того и устроено, чтобы выяснить. Онъ, Іона, надѣется, что товарищъ Миронъ укажетъ самъ на ошибки доклада. А пока онъ будетъ про-

должать... О четвертой свободѣ, именно: свободѣ отъ контроля общества въ дѣлахъ любви, то-есть отрицаніе даже гражданскаго брака. Собственно — разновидность «пробнаго брака». Собраніе, конечно, можетъ оцѣнить, насколько эта свобода нова и полезна... Затѣмъ еще одна: свобода отъ интеллигенціи. Товарищъ Миронъ думаетъ, что интеллигенція не должна играть никакой роли въ рабочемъ движеніи. Поэтому...

— Фу, какъ вретъ!—въ негодованіи крикнулъ Коля и демонстративно вышелъ изъ гостиной.

Всѣ улыбнулись.

— Поэтому товарищъ Миронъ, несмотря на неоднократныя предложенія, не хочетъ вступить въ комитетъ. У комитета же имѣются свѣдѣнія о томъ, что товарищемъ Мирономъ ведется, напримѣръ, агитація за организацію рабочей газетки, которая велась бы одними рабочими. Насколько это продуктивно и полезно для движенія, собраніе можетъ само оцѣнить. Но онъ, Іона, хочетъ этимъ указать только на извѣстную мѣщанскую анархическую тенденцію дѣятельности товарища Мирона. Если все сообщенное невѣрно, пусть товарищъ Миронъ соблаговолитъ указать, въ чемъ именно заключается уклоненіе отъ истины.

Іона закончилъ и отошелъ къ Сергѣю. Тотъ что-то зашепталъ ему тотчасъ же на ухо. Іона закивалъ головой.

Всѣ лица были обращены къ Мирону. Многіе шептались. Непартійные переглядывались. Редакторъ внимательно и съ видимымъ любопытствомъ разсматривалъ Мирона.

— Вы желаете дать объясненія, товарищъ?—обратился къ послѣднему предсѣдатель.

— Да, я жела-а-ю дать объясне-е-нія,—закладывая руки за спину и оттого нѣсколько перегибаясь впередъ, отвѣтилъ Миронъ. И такъ какъ въ лицѣ появилось что-то злобно-веселое, хищное, то казалось, что онъ собирается прыгнуть на кого-то.

— Пожалуйста,—разрѣшилъ Китъ.

Миронъ подождалъ минутку, пока стихнетъ совсѣмъ, и негромко началъ:

— Това-а-рищъ Іона допустилъ въ своемъ докла-а-дѣ небольшую оши-и-бочку. Вмѣсто мои-и-хъ взглядовъ излага-алъ, навѣ-ѣ-рно, свои... Это часто быва-а-етъ съ художниками... Кромѣ этого я больше ничего не имѣю сказать.

— Вотъ именно!—громко разсмѣялся Коля, снова возвратившійся.

Іона насмѣшливо улыбнулся.

— Вы отрицаете, значитъ, все, что говорилось товарищемъ Іоной о васъ?!—вдругъ всѣмъ тѣломъ повернулась Дара къ Мирону. Глаза ея глядѣли чуть не грозно, ноздри приподымались.

— Тише, господа! — остановилъ предсѣдатель.—Такъ нельзя, нужно брать слово. Говоритъ товарищъ Миронъ.

Миронъ странно посмотрѣлъ на Дару.

— Да, я отрицаю.

— Но вѣдь это же...

— Господа! Такъ нельзя! Товарищъ Миронъ, за вами слово.

Миронъ отвернулся отъ Дары.

— Такимъ образомъ, господа-а...—опять началъ онъ,—мнѣ кажется, мы можемъ закончить наше засѣданіе. Вопросъ исчерпанъ.

— Ловко!—пробормоталъ кто-то насмѣшливо.

— Позвольте, товарищъ!—вдругъ сердито вмѣшался Сергѣй. — Намъ всѣмъ извѣстно, что именно эти взгляды вы всегда высказываете и чуть ли не за взгляды партіи выдаете ихъ. Такъ нельзя. Мы желаемъ объясненій.

Миронъ улыбался.

— Вы желаете знать мои взгляды на эти вопросы или то, что я говорю рабочимъ?

— Это одно и то же, надѣюсь...

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Такъ что вамъ желательно?

Миронъ уже не растягивалъ словъ Движенія стали рѣзки, порывисты, въ глазахъ сверкали веселыя мстительныя искры.

— То, что вы, конечно, говорите рабочимъ. До остального намъ нѣтъ дѣла!—тоже рѣзко сказалъ Сергѣй.

— Ладно! Я имъ говорю слѣдующее: если дѣлаете что, дѣлайте всѣмъ существомъ своимъ. Ни разумомъ, ни чувствомъ, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Мысль простая, ничуть не преступная. Правда? И иллюстрирую ее всѣмъ тѣмъ, о чемъ такъ остроумно говорилъ товарищъ Іона. Напримѣръ. Возьмемъ хотя бы эту самую проституцію и этого самаго товарища Іону. Онъ, конечно, ходитъ къ проституткамъ и конечно...

— Не судите по себѣ!—вспыхнулъ Іона.

— Вы не ходите?—удивился Миронъ.

По собранію прошелъ гулъ негодованія.

Миронъ будто не замѣтилъ ничего. Только въ губахъ промелькнуло что-то веселое.

— Прошу личностей не касаться!—строго замѣтилъ предсѣдатель.

— Меня это удивляетъ... — поднялъ брови Миронъ.— Недѣли три тому назадъ товарищи Петръ, Рисецкій и товарищъ предсѣдатель вмѣстѣ съ вами были въ публичномъ домѣ... Не правда ли, товарищъ Петръ?

— О, і-а-а... по-нѣмецки протянулъ Петръ такимъ тономъ, точно гордился, что былъ, и важно расправилъ пальцемъ небольшіе усики.

Предсѣдатель и Рисецкій покраснѣли. Іона же быстро выступилъ впередъ и, взмахнувъ рукой, закричалъ:

— Я ходилъ туда, чтобы наблюдать такихъ... какъ вы и вашъ товарищъ Петръ! Можете даже у него спросить!

— Совершенно вѣрно!—важно и невозмутимо подтвердилъ Петръ.—Товарищъ Іона только подержалъ на колѣняхъ маленькую грѣшницу и въ чистотѣ удалился. Мы же всѣ

 остались.

Послышались возгласы негодованія и смѣхъ. Коля что-то горячо и громко сталъ доказывать Женѣ.

— Это низко и гадко! — вдругъ быстро и возмущенно поднялась въ своемъ углу Вѣра. — Это всегдашняя манера господина Мирона отвѣчать на непріятные ему вопросы. Мы не желаемъ здѣсь слышать мерзостей! Слышите! Вы отвѣчайте на поставленные вопросы. Предсѣдатель! Слѣдите же за порядкомъ собранія!

Предсѣдатель шептался съ Сергѣемъ. На окрикъ Вѣры обернулся и постучалъ карандашомъ по столу. Красивые глаза его злобно блестѣли, на щекахъ еще не сошли красныя пятна.

Миронъ, казалось, любовался происходящимъ и съ любопытствомъ приглядывался къ лицамъ. На крикъ Вѣры улыбнулся.

— Товарищъ Миронъ! Вы желаете отвѣчать на запросъ организаціи?—вдругъ рѣзко спросилъ предсѣдатель.

Въ гостиной стихло.

— Я вѣдь, отвѣчаю,—сказалъ Миронъ.

— Въ такомъ случаѣ личностей прошу не касаться. Это не отвѣтъ! За вами слово.

— Вѣдь вамъ вопросъ поставленъ ясно,—закричала опять Вѣра,—не вертитесь и отвѣчайте: вы признаете въ проституціи зло или нѣтъ?

— Признаю,—усмѣхнулся Миронъ.

— А-а... Въ чемъ же это зло?

— Въ чемъ? Хм... Во многомъ... Ну, хотя бы въ томъ, что порокъ торжествуетъ, а добродѣтель унижается. Что попирается нравственность. Что человѣкомъ пользуются какъ какимъ-нибудь мужикомъ въ помѣщичьей экономіи.

Вѣра поблѣднѣла и сильно закусила губу.

— А еще въ чемъ? — не сводя съ него потемнѣвшихъ глазъ, глухо, угрожающе бросила.

— Еще? Хм! Мало ли въ чемъ?—пожалъ онъ плечами.— Ну, скажемъ, еще хотя бы въ томъ, что ни одна порядоч-

ная женщина не гарантирована отъ измѣны мужа съ этими тварями. Ни одна мать не можетъ быть спокойна за своего сына. Ни одна порядочная дѣвица не можетъ вечеромъ выйти на улицу, чтобы не наткнуться на этихъ падшихъ. И мало того, онѣ иногда даже имѣютъ нахальство являться въ порядочную семью! Это ли не зло? А безпокойство многимъ жалостливымъ дамамъ, которыя пріюты устраиваютъ?

Катерина Андреевна покраснѣла.

— Развѣ это не зло? А старичкамъ нѣкоторымъ развѣ не забота? Мнѣ пришлось слышать однажды объ одномъ почтенномъ высоконравственномъ старичкѣ, который до того воспылалъ братской любовью къ одной твари, что даже къ насилью долженъ былъ прибѣгнуть. Нашлись глупые люди, которые хотѣли въ судъ подать, но старичокъ имѣлъ настолько довѣрія въ обществѣ, что до суда не дошло. Подумайте, сколько приходится порядочнымъ людямъ страдать изъ-за этихъ мерзкихъ дѣвокъ!

Иванъ Андреевичъ сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало, хотя на него бросались бѣглые взгляды. Но Катерина Андреевна въ явномъ возмущеніи наклонилась къ Семену Васильевичу и что-то быстро и горячо зашептала ему. Семенъ Васильевичъ съ насмѣшливо-злой, чуть замѣтной, улыбкой, покусывалъ усъ, глядя себѣ подъ ноги.

Петръ ухмылялся и громко протягивалъ:

— О, іа-а...

Вдругъ къ предсѣдательскому столу выступилъ Сергѣй съ какимъ-то листомъ бумаги въ рукахъ. На вискахъ у него выступили красныя пятна, лобъ покрытъ былъ рябью складокъ, глаза блестѣли раздраженно и зло.

— Виноватъ! Господинъ предсѣдатель! — началъ онъ громко.

Всѣ затихли и повернулись къ нему.

— Въ виду того, что господинъ Купченко по своей, очевидно, скромности не желаетъ подѣлиться съ нами своими цѣнными мыслями о проституціи и отдѣлывается...—Сергѣй

будто сдержалъ себя,—неумѣстными и грубоватыми шуточками, то позвольте мнѣ прочитать собранію вотъ этотъ документъ. Я его не читалъ еще, мнѣ только что дали его, но, судя по заглавію и нѣкоторымъ просмотрѣннымъ мною мѣстамъ, это должно быть что-то въ родѣ символа вѣры сторонниковъ проституціи. Нѣчто въ родѣ агитаторской программки. Если собраніе ничего не имѣетъ противъ...

— Читайте, читайте!—послышались голоса.

— Господинъ Купченко, вамъ знакомъ этотъ листъ?—поднялъ немного вверхъ бумагу Сергѣй.

Миронъ улыбнулся.

— Да, знакомъ.

— Можетъ, вы согласны съ нимъ?

— Вполнѣ-ѣ...

— Тѣмъ лучше, прошу вниманія.

Сергѣй поправилъ пенснэ и громко, съ усиліемъ разбирая гектографированныя буквы, сталъ читать:

«Отношеніе къ проституціи».

«Если идешь къ проституткѣ честно, не лукавя съ собой, дай отчетъ себѣ, почему идешь къ ней».

— Конечно!—вставилъ Іона.

«Опытомъ жизни своей и разумомъ провѣрь свое желаніе. И если опытъ жизни твоей и разумъ сходятся съ желаніемъ твоимъ, — ты правъ. Иди и дѣлай, что хочешь».

— Ого!—опять пустилъ онъ. На него зашикали.

«Если же опытъ жизни и мысль возстаютъ, то сдѣлай ихъ столь ясными самому себѣ, чтобы отъ нихъ родилось чувство отвращенія къ желанію твоему. И желаніе исчезнетъ, ты будешь также правъ.

«Но не дѣлай того, что разумъ твой или чувство признаютъ дурнымъ. Ложь предъ другими оправдана можетъ быть, предъ собой—никогда.

«Оттого лгущіе себѣ крадутся, какъ воры, къ проституткѣ въ сознаніи, что дѣлаютъ дурное. Мужъ, безъ любви купившій жену, не краснѣетъ идя къ ней, ибо самъ думаетъ,

что покупать женщину съ благословенія общества — не дурно».

— Стиль изъ апостольскаго посланія!—бросилъ Іона.

Всѣ слушали очень внимательно; Дара вся впилась глазами въ Сергѣя, слегка даже наклонившись впередъ.

«Но какъ бы ты ни шелъ, помни, что идешь къ человѣку, отъ котораго ждешь удовлетворенія твоего желанія.

«Если безобразенъ, одинокъ, бѣденъ, если жизнью обиженъ, въ семьѣ несчастливъ и не можешь иначе удовлетворить желанія тѣла своего, идя къ проституткѣ, помни, что она оказываетъ посильную услугу тебѣ.

«Если нравомъ горячъ и кровь покоя не даетъ и къ проституткѣ идешь за успокоеніемъ, помни, что идешь къ человѣку, въ которомъ чувствуешь надобность.

«Если неумѣренной жизнью пріучилъ себя къ похоти, какъ пьяница къ вину, идя къ проституткѣ, помни, что ищешь въ ней пьянаго удовлетворенія.

«Но какъ бы ты ни шелъ,—какъ къ доктору за успокоеніемъ, какъ въ кабакъ за возбужденіемъ, какъ на базаръ за кускомъ хлѣба,—помни, что идешь за услугой.

«Поэтому, если идешь, иди не какъ воръ, не какъ чувствующій себя преступникомъ, а какъ нуждающійся.

«Не осуждай также, уходя, проститутку за то, что не дала того, чего не можетъ дать.

«Если будешь помнить это, не будешь мучить себя и проститутку презрѣніемъ къ ней. Поймешь, что ни ты, ни она не виноваты за то, что создано многовѣковой жизнью.

«Но много лишняго зла устранишь.

«Поднявъ ее въ ея собственныхъ глазахъ, облегчишь ея тяжелую профессію. Дашь ей возможность бороться за себя всѣми доступными средствами. Возвратишь великое благо быть матерью, гражданиномъ и членомъ общества.

«Помни это, идя къ проституткѣ. А болѣе всего пусть помнятъ близкіе ея и сами проститутки: не презирающіе, жалѣющіе и лгущіе себѣ устраняютъ зло. Презрѣніемъ,

жалостью и ложью они увеличиваютъ его. Не устранятъ его также сытые и довольные, но только нуждающіеся, недовольные, страдающіе отъ него.

«Болѣе же всѣхъ пусть рабочіе подумаютъ надъ этимъ. Ихъ дочери и сестры и составляютъ бо́льшую часть обитательницъ публичныхъ домовъ. Пусть помнятъ, что они, какъ проститутки, продаютъ себя и продажей своего труда такъ же лишаютъ себя способности творить, какъ ихъ сестры—родить. Не съ моралью считаться, а съ собой и своимъ опытомъ. Всякая мораль устанавливается господствующими; рабочіе же въ господствѣ не повинны, а потому не ихъ и мораль теперешняя. Только съ собой пусть честны будутъ. Всякій въ подобномъ ихъ положеніи будетъ согласенъ съ ними. Итакъ, помни все это. И пусть каждое дѣйствіе твое будетъ плодомъ согласія разума и чувства твоего и только твоего, но не тѣхъ, кто иначе живетъ и чувствуетъ. Будь честенъ только съ собой!»

Сергѣй закончилъ и, усмѣхаясь, сложилъ бумагу.

Собраніе, видимо, ждало не того. Зашелестилъ шопотъ. Большинство, судя по нерѣшительному выраженію лицъ, не знало, какъ реагировать. Коля горячился и съ пылающими щеками доказывалъ что-то Женѣ. Многіе посматривали на Мирона. Онъ съ видимымъ интересомъ и съ усмѣшкой приглядывался къ лицамъ.

Дара не подымала глазъ и играла бахромой скатерти. Видно было нижнюю часть щеки, покрытую румянцемъ.

Шопотъ сталъ переходить въ негромкій говоръ, и наконецъ стали раздаваться отдѣльныя слова спорящихъ.

— Безусловно наивно!.. Утопія!

— Дебаты! Дебаты!

— Предсѣдатель! Къ порядку!

— Этакъ до анархизма—два шага... Мѣщанскій индивидуализмъ.

— Полное отрицаніе!..

— Предсѣдатель!

Крикъ увеличивался. Мирона не трогали, точно ждали чего-то.

Оля не сводила глазъ съ него, какъ бы ловя его взглядъ, чтобы сказать что-то. Но онъ не глядѣлъ въ ея сторону.

Предсѣдатель же совѣщался о чемъ-то съ Іоной и Сергѣемъ. Крикъ и безпорядокъ увеличивались.

— Предсѣдатель! Къ порядку! Предсѣдатель!

— Господа!—наконецъ занялъ онъ свое мѣсто.—Въ виду того, что у насъ времени очень мало, вопросъ же ставится очень серьезно, поступило предложеніе товарища Сергѣя отложить дебаты до слѣдующаго собранія, назначивъ его какъ можно скорѣе. Остальное же время употребить на слѣдующія объясненія товарища Мирона, если онъ пожелаетъ дать таковыя.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сейчасъ дебаты!.. Сейчасъ!.. Не желаемъ. Струсили!..

— Отложить! Отложить!.. Поздно...

Крики перемѣшались. Ничего уже понять нельзя было. Миронъ вдругъ поднялъ руку и рѣзко, сильно сказалъ:

— Господа! Минуту вниманія.

Всѣ обернулись къ нему и скоро затихли.

— Господа! Будутъ ли дебаты сейчасъ или потомъ, дѣло ясное—для этого собранія эта «программка», какъ сказали здѣсь, не годится. Ей мѣсто не тутъ. Больше никакихъ объясненій давать не желаю. Скучно и безполезно. Обсуждайте ее сами. По поводу же другихъ вопросовъ, задѣтыхъ товарищемъ Іоной, если желательно, могу дать объясненія и сейчасъ. Но такъ какъ времени у меня мало, прошу меня не перебивать. Угодно собранію слушать меня?

На лицахъ была разочарованность, недовольство, нерѣшительность.

— Позвольте нѣсколько вопросовъ,—вдругъ тихо и спокойно промолвилъ Иванъ Андреевичъ.

— По поводу проституціи?

— Да... Какъ вы относитесь...

— По поводу проституціи я больше объясненій давать не желаю!

— Позвольте!—рѣзко, злобно крикнула Вѣра. — А какъ вы объясните то, что, несмотря на полезную и почетную профессію проститутокъ, вы все-таки взяли свою сестру изъ публичнаго дома? Это честно съ собой?

Миронъ пристально посмотрѣлъ на Вѣру. На лицѣ ея быстро, какъ капли дождя по стеклу, сбѣгали внизъ струйки, подергивая губы.

Настала полная тишина.

Дара, быстро поднявшая голову при вопросѣ Вѣры, какъ бы затаила дыханіе, ожидая отвѣта.

Миронъ усмѣхнулся.

— Вотъ оттого, что честенъ только съ собой, никому отчета давать не желаю. А тѣмъ болѣе вамъ, Вѣра Семеновна.

— А-а! «Отчета»?! Другимъ проповѣдывать легко, а сами лжете. Ложь вся эта ваша прокламація. Ложь! Только свою развращенность хотите теоріями обставить... Гадко! Я сегодня видѣла вашу сестру, и она сама мнѣ сказала, что ей только теперь хорошо, когда она среди честныхъ людей живетъ. Сама сестра ваша! Что же вы лжете здѣсь надъ своими проповѣдями?! Честность ваша къ другимъ—нечестна! Слышите вы!

— Я никогда и не «проповѣдовалъ» правдивости и честности съ другими, Вѣра Семеновна. Напрасно вы такъ волнуетесь и залѣзаете въ чужую жизнь. Если же съ собой нечестенъ, то не вамъ это знать. Итакъ, — рѣзко бросилъ онъ къ собранію,—угодно слушать мои дальнѣйшія объясненія? Пора оканчивать эту комедію!

— Если они будутъ таковы, какъ это... — начала было Вѣра, но ей не дали договорить.

— Слушаемъ!.. Слушаемъ... Продолжайте.

Лицо Мирона было нахмурено, губы сдѣлались тонкими, голосъ звучалъ рѣзко, рѣшительно.

— Объясненія мои будутъ въ томъ же духѣ. Ни о бракѣ, ни о любви, ни объ интеллигенціи я своихъ взглядовъ не навязываю. Если же говорилъ рабочимъ объ интеллигентахъ, то какъ иллюстрацію нецѣльности, дряблости и нечестности съ собой приводилъ. И подражать имъ не совѣтовалъ, считаться съ ихъ мнѣніемъ не совѣтовалъ. Интеллигентъ живетъ моралью и привычками, унаслѣдованными отъ дѣдовъ-угнетателей. А интеллектъ приспособляетъ къ угнетаемымъ. Отъ этого разорванность и лживость съ собой. Напримѣръ: каждый интеллигентъ *умственно* признаетъ полную интимность и свободу въ дѣлѣ любви. Любовь — личное дѣло каждаго, и никто въ это мѣшаться не можетъ. Тѣмъ не менѣе идутъ вѣнчаться такъ же, какъ и тѣ, кто считаетъ необходимымъ контроль церкви въ дѣлѣ любви. Это — полная отчужденность разума отъ чувства. Напримѣръ, самые искренніе... вотъ хотя бы изъ этого даже собранія, искренно убѣждены, что санкція церкви не нужна. Тѣмъ не менѣе всѣ обвѣнчаны. Что это? Мысль сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Лживость съ собой, раздвоенность, *различіе корней въ мысляхъ и морали!* И, дѣйствительно, я не совѣтовалъ рабочимъ подражать, напримѣръ, хотя бы... ну, товарищамъ Сергѣю, Дарѣ, Михаилу и другимъ. Пусть со своимъ опытомъ считаются. Нужна санкція? Иди и вѣнчайся. Не нужна? Не лги себѣ и не лукавь съ собой.

— Позвольте!—вдругъ перебилъ Семенъ Васильевичъ.—А дѣтей своихъ вы понесете крестить въ церковь?

Миронъ остановился. Вопросъ былъ неожиданный. Забѣлѣли улыбки на лицахъ.

— Да, понесу!—рѣшительно сказалъ онъ.

Улыбки разсыпались въ рѣдкій смѣхъ.

— Какъ же это? Развѣ вы признаете санкцію церкви?

— Нѣтъ, а потому, что безъ метрическаго свидѣтельства нѣтъ паспорта, а безъ паспорта, какъ и вамъ извѣстно, что безъ души. Моихъ дѣтей не будетъ на свѣтѣ, ихъ никто не

приметъ ни на какую работу. Работу. Понимаете? Изъ двухъ золъ меньшее.

— Вотъ то-то же!—кивнулъ головой Семенъ Васильевичъ— То же самое и съ вѣнчаніемъ,—изъ двухъ золъ меньшее.

Миронъ усмѣхнулся.

— Не вѣрно. Не вѣнчаясь, вы можете жить и работать. Это—главное. Безъ паспорта—вы работать не можете. Признать вы это должны, а разъ такъ, то этотъ вамъ доводъ и есть та нечестность, лукавство съ собой.

— А другое вы забываете?—вдругъ не выдержала Катерина Андреевна.

— Что именно?

— А то, чему вы подвергаете женщину своей свободой любви? Ваша теорія очень удобна... только не для женщинъ! Хм!

— Я не понимаю, чему же подвергаю женщину?

— Не знаете? А оскорбленія, а шопотъ всякихъ лавочниковъ, дворниковъ, а грязные намеки? Конечно, на васъ это не ложится! Хм! Но если женщина даже согласна, то всякій порядочный мужчина, если онъ любитъ ее, а не желаетъ подъ видомъ теоріи воспользоваться довѣріемъ ея, долженъ оградить ее отъ грязи! Самъ долженъ это сдѣлать!

— Скажите пожалуйста,—перебилъ ее Миронъ,—если бы вы попали среди негровъ и они стали дѣлать намеки и насмѣшливо шептаться, что вы бѣлая, вамъ бы это казалось оскорбленіемъ? Или только смѣшнымъ?

— Извините, милостивый государь, ваше сравненіе очень неудачно.

— Какъ вамъ угодно. А мнѣ кажется, что человѣку, до конца пропитавшемуся какимъ-нибудь убѣжденіемъ, просто смѣшны шептанія другихъ. Но дѣло, конечно, въ томъ, что этому мужчинѣ и этой женщинѣ оскорбительны шептанія дворниковъ потому, что они, въ сущности, мнѣніемъ дворниковъ дорожатъ и сами думаютъ какъ дворники, Тогда

зачѣмъ же насиловать себя? Конечно, вѣнчаться безъ всякихъ разговоровъ. Но тому, кто проникся этимъ убѣжденіемъ до конца, кто честенъ съ собой только, тому смѣшны шептанія дворниковъ. И жену свою ограждать не имѣетъ надобности, потому что и ей только смѣшно. Если же не смѣшно, тогда на чемъ же ихъ союзъ любви? Люди разные, разойтись и кончено.

— Какъ просто и легко! А дѣти? Гдѣ гарантія?

— Ну, знаете,—брезгливо поморщился Миронъ,—если вы собираетесь родить съ человѣкомъ дѣтей и съ самаго начала другъ другу не вѣрите и на всякій случай контракты пишете, то вамъ именно и книги въ руки. Такого брака я во всякомъ случаѣ рабочимъ рекомендовать не буду. Да! И съ вашимъ мнѣніемъ дѣйствительно считаться ему не посовѣтую. Какъ и съ дворникими и лавочниками!

— Съ собой только?—усмѣхнулся Семенъ Васильевичъ.

— Да! Ему будетъ это выгоднѣе, чѣмъ съ вами,

— А если ему выгоднѣе красть, то и тутъ посовѣтуете только съ собой считаться?

— Безусловно!

— Не даромъ у него столько пріятелей-воровъ!—крикнула Вѣра.

— О, да!—злобно подхватилъ Миронъ.—Недалеко и ходить: первая вы, Дара, Сергѣй, ваши почтенные родители... Господинъ..

Но окончить ему не удалось. Точно вихрь ворвался откуда-то въ комнату.

— Мерзавецъ! — закричала подскочившая вся Катерина Андреевна. — Убирайся вонъ отсюда! Вонъ! Убирайся изъ моей квартиры! Что это такое?

— Это, дѣйствительно...—въ негодованіи быстро поднялся редакторъ, разстегивая для чего-то сюртукъ и озираясь.

— Вонъ, негодяй! Развратникъ! Вонъ!

— Мама! Мама!—блѣдный весь, оттягивалъ Сергѣй Ка-

терину Андреевну, которая, яростно сжимая кулаки, стремилась къ Мирону.

У Вѣры начиналась истерика, она дико смѣялась. Всѣ толпились, кричали, нѣкоторые спѣшили въ переднюю и торопливо одѣвались. Даже Петръ былъ блѣденъ и съ неодобреніемъ говорилъ что-то Натальѣ, очень взволнованной.

Оля испуганно тянула Тараса, который теръ рукою лобъ и странно усмѣхался. Оля чуть не плакала.

Дара тоже встала и, тяжело дыша, прислонилась къ стѣнѣ. Она ничего не говорила. Губы были плотно сжаты, точно держала въ нихъ нитку, глаза двигались по собранію, но, видно, ничего не замѣчали.

Іона, Рисецкій и другіе, окруживъ Мирона, кричали ему въ лицо, грозили, даже ругались.

Миронъ, весь смугло-сѣрый молча, странно-любопытно и зло всматривался въ лица. Казалось, не къ нему были обращены крики, а къ кому-то другому; самъ же Миронъ невидно присутствуетъ въ комнатѣ, и ему нѣтъ дѣла ни до того, кому кричатъ, ни до кричащихъ.

Гостиная стала пустѣть. Катерину Андреевну и Вѣру увели. Гости расходились. Китъ кричалъ еще партійнымъ о забастовкѣ и останавливалъ. Оставались неохотно.

— Ну, господа, до свиданія!—вдругъ двинулся къ дверямъ Миронъ.—Устраивайте судъ, судите меня, дѣлайте, что хотите. На все согласенъ.

Его проводили крикомъ. Кто-то даже свистнулъ.

— До свиданія, Оля!—наткнувшись на нее въ дверяхъ, сказалъ Миронъ.

Оля испуганно подняла къ нему глаза и тихо сказала:

— До свиданія. Идемъ, Тарикъ, скорѣе.

Миронъ усмѣхнулся.

— А вы, Тарасъ, если хотите анархиста, приходите завтра ко мнѣ въ пять часовъ.

Тарасъ вдругъ странно оглядѣлъ его съ ногъ до головы, всмотрѣлся для чего-то въ лицо и отвѣтилъ:

— Хорошо. Приду.

Миронъ одѣлся и вышелъ. Обогналъ на улицѣ Наталью и хотѣлъ пройти впередъ, но она остановила его.

— Подождите. Пойдемъ вмѣстѣ. Намъ по дорогѣ.

— Если не боитесь меня,—идемте.

— Мнѣ бояться нечего.

Но они почти всю дорогу молчали. Миронъ задумчиво посвистывалъ, и Наталья куталась,—вѣтеръ сталъ холодный, рѣзкій, злой.

— Нѣтъ, Миронъ, вы очень грубо поступили!—вдругъ проговорила Наталья.—Очень грубо!

Миронъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Вы были злы, но это еще не оправданіе для такого оскорбленія...

Миронъ задумчиво улыбнулся.

— И главное, *искренно* оскорбились нѣкоторые, — тихо проговорилъ онъ.—Вотъ что любопытно... Ничуть не сомнѣваются... А теоретически согласны, что эксплутація—воровство. Всѣ обвѣнчаны, а любовь должна быть свободной... Или же: Сергѣй готовъ изъ жалости принять въ партію союзъ проститутокъ. Но теоретически—проституція абсолютное зло. И не замѣчаютъ даже этой своей оторванности... Вотъ что любопытно... Даже желанія быть цѣльными нѣтъ... Еще кусаются за свою дряблость... «Не трогай!» Признаешь, что проституція зло? Такъ признавай же такъ, чтобъ никакой жалости не было... А то изъ жалости зло поддерживать согласенъ... Судить меня собрались... Съ соціалистической точки зрѣнія... Они знаютъ эту соціалистическую мораль? Гдѣ она? У Кисельскихъ? Гдѣ соціалисты хоть слово сказали о проституціи? Объ этомъ дѣйствительно униженномъ классѣ? Повторяютъ себѣ отдѣльные члены то, что придумываютъ разные моралисты. А партіи молчатъ... Ну соціалисты — народъ очень цѣломудренный, порнографіей не занимаются. А втихомолочку себѣ услугами проституціи пользуются. Но услуги этой признать не хотятъ... Да еще обижаются! И

нѣкоторые очень искренно. Вотъ что любопытно! А въ этомъ-то и наибольшая ложь съ собой, оторванность мысли отъ чувства.

— Ну, а вы-то сами очень правдивы и честны съ собой?— вдругъ рѣзко спросила Наталья.

— Я *хочу* быть такимъ. Это очень трудно, но...

— Да? Вотъ вы третьяго дня меня назвали... лгуньей, нечестной съ собой, дескать, тянусь къ вамъ тѣломъ, а закрываюсь душой. Потому что *принято*, дескать, осуждать только тѣлесную любовь... Ладно, а вы мнѣ скажите...

— Но развѣ это не вѣрно, Наталья?

— Конечно, нѣтъ! Если хотите, то, можетъ, душа-то и наибольшую роль играетъ въ этомъ влеченіи. Но я вамъ...

— Ко мнѣ?—разсмѣялся Миронъ.—У *васъ* ко *мнѣ?* Ха-ха-ха! Да что же такое душа въ такомъ случаѣ? Вотъ это любопы-ы-тно! Мы ни въ одной мысли не согласны, стремленія, цѣли наши совершенно различны. Вы для меня и я для васъ духовно, какъ люди съ разныхъ планетъ. И вдругъ «души». Эхъ, Наталья! Ложь это самой себѣ, вѣрно! А дѣло просто: вы давно мужа не видѣли, я, какъ мужчина, не противенъ вамъ. Можетъ, даже есть, въ самомъ дѣлѣ, что-то, что роднитъ наши тѣла. Вотъ и все... Ну, и зачѣмъ тутъ еще какія-то души. Зачѣмъ ложь? Любовь тѣла? Ладно. Даетъ радость? Зла ни вамъ, ни мнѣ не дала бы? Ну, такъ чего вамъ? Ищете *полнаго* сліянія? Ищите. Любовь духовная и физическая лучше только физической? Прекрасно. Но если я нахожу персикъ вкуснѣе вишни, то поэтому я долженъ отъ вишни отказаться? Почему? Наоборотъ, чѣмъ больше у меня вишенъ будетъ, тѣмъ съ большей тоской я буду желать персика. Все есть цѣнность: и мечта, и сапогъ, и тѣло, и душа. Чѣмъ больше цѣнностей человѣкъ видитъ въ мірѣ, тѣмъ онъ самъ цѣннѣе... А вы многаго боитесь, потому что ветхозавѣтная мораль ихъ осуждаетъ. Тѣло издавна въ опалѣ у моралистовъ... Но вы-то мораль эту будто не признаете, а тѣмъ временемъ все-таки живете по ней, потому что она у васъ въ крови. Вотъ

это-то я и называю вашей ложью, нечестностью съ собой. Поэтому говорю вамъ: или же доведите ваше темное влеченіе до мысли и признайте, цѣльно признайте любовь тѣла. И отдавайтесь ей смѣло, просто, красиво. Или же ваши мысли о невозможности одной любви тѣла доведите до чувства и убейте это темное влеченіе. Не придавливайте себя, нѣтъ, а сдѣлайте такъ, чтобъ оно невозможно было, просто невозможно, ну, какъ, скажемъ, невозможна для васъ любовь къ жандарму. Вотъ это и будетъ сильно, честно. И то канитель эта наша, сказать по правдѣ, надоѣла ужъ мнѣ. А иногда подъ скверную минуту раздражаетъ и хочется просто взять да наказать васъ за ваше упорство. Именно, доказать на васъ же, что есть и можетъ быть.

— Ну, это слабо!—усмѣхнулась Наталья.—Я вамъ разъ сказала, что такому, какъ вы, принадлежать не могу. Можете быть увѣрены, что сумѣю... быть честной съ собой. А вотъ вы-то, несмотря на проповѣдь, этого не умѣете. Если вы такой мудрецъ, почему вы не убьете своего влеченія къ Дарѣ? А? Она родственна вамъ?

— Къ Да-а-рѣ?—отъ неожиданности даже остановился Миронъ.

— Да-съ, именно къ ней! Думаете, не видно? Боже, какъ онъ удивленъ! Не ожидали? Ха-ха-ха! Да, врачу, исцѣлися прежде самъ. Ну, до свиданія, я уже дома. Ко мнѣ больше не приходите. Кончать, такъ кончать. Я быть одной изъ многихъ не желаю. Идите къ Дарѣ, и желаю успѣха. Только сомнѣваюсь... Придется вамъ «убивать свое влеченіе», ха-ха!

Наталья сухо засмѣялась и, насмѣшливо кивнувъ головой, скрылась въ подъѣздѣ дома.

Миронъ молча посмотрѣлъ ей вслѣдъ, задумчиво поднялъ воротникъ и медленно повернулъ назадъ. На губахъ и въ глазахъ выступала усмѣшка, а въ ней не то тоска, не то боль.

VII.

Миронъ работалъ надъ картиной. Приближались сумерки. Краски сливались, и слившіеся образы казались чужими, новыми, сами по себѣ родившимися.

Миронъ задумчиво съ кистью и палитрой въ рукахъ, съ засученными рукавами смотрѣлъ на полотно.

Вдругъ въ коридорчикѣ послышались шаги, голоса, и въ дверь постучали. Миронъ быстро повернулся на стукъ, кинулъ безпокойный взглядъ на картину, поспѣшно закрылъ ее простыней и крикнулъ:

— Войдите!

Дверь медленно, нерѣшительно отворилась, и на порогѣ показалась Дара. За Дарой стоялъ Тарасъ. На перьяхъ шляпы, на плечахъ и длинныхъ рѣсницахъ сверкала пыль дождя.

— Можно къ вамъ?

— Пожалуйста!

Миронъ почему-то сильно покраснѣлъ.

— Вы такъ долго не отвѣчали. Думала, заняты съ кѣмъ-нибудь. Я къ вамъ по небольшому дѣлу. Здравствуйте.

Подала руку. Ни смущенія, ни большей, нежели обыкновенно, холодности, только взглядъ внимательнѣе и строже прежняго. Подозрительно обвела комнату глазами и остановилась на картинѣ.

Тарасъ молча за Дарой пожалъ руку Мирону. Былъ желтѣе сегодня, глаза, казалось, спрятались еще дальше, и лобъ, какъ выпуклая скала надъ норками, тяжело нависъ надъ ними.

Онъ сталъ ходить вдоль стѣнъ, пристально, но безъ всякаго вниманія, присматриваясь къ рисункамъ и сейчасъ же отворачиваясь.

Миронъ искоса опасливо слѣдилъ за нимъ.

— Я къ вамъ за книжкой, которую вы мнѣ обѣщали

когда-то дать...—начала Дара.—О проституціи... Нѣмецкаго профессора, что стоитъ на вашей точкѣ зрѣнія... Можете?

Миронъ быстро внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Я вамъ завтра возвращу...

— Можете не спѣшить,—тихо уронилъ Миронъ.

— Нѣтъ, я спѣшу.

Тарасъ подошелъ къ полотну и взялся за край простыни. Миронъ торопливо бросился къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ, Тарасъ!.. Это нельзя. Это такъ. Тутъ, видите... Вы извините, но это нельзя...

И смущаясь, онъ сгребъ картину въ объятія и оттащилъ ее въ уголъ.

Дара мягко, смѣшливо улыбнулась, но сейчасъ же спрятала улыбку, а Тарасъ удивленно склонилъ голову на лѣвое плечо, слѣдя за нимъ.

Миронъ, неловко улыбаясь, подошелъ къ этажеркѣ и протянулъ:

— Я вамъ сейчасъ найду кни-и-гу... Если хоти-ите, можете сѣ-ѣ-сть...

Книжка сейчасъ же нашлась. Дара взяла ее, прочитала заглавіе, закрыла и сказала:

— Хорошо. Спасибо. Завтра принесу.

Тарасъ тоже взялъ какую-то книгу и съ тѣмъ же пристальнымъ, но разсѣяннымъ видомъ перелистовалъ ее.

— Мнѣ еще нужно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ,—добавила Дара, не глядя на Мирона.

— Пожалуйста...—нѣсколько удивленно протянулъ онъ.

— Мы выйдемъ. До свиданія, Тарасъ. Вы у насъ сегодня ночуете?

Тарасъ точно очнулся. Быстро положилъ книгу на столъ и обернулся.

— Что вы сказали?

— Я сказала, вы у насъ сегодня ночуете?

— Да, да!.. Я... Да, я ночую у васъ...

— Ну, такъ я не прощаюсь.

— Да, да...

Дара вышла; за ней Миронъ. Остановились въ коридорчикѣ. Свѣтъ изъ открытыхъ дверей кухни робко и блѣдно поцѣловалъ щеку Дары. И видно было, какъ чуть волновались чуткія ноздри.

— Вотъ что,—начала она сейчасъ же, смотря прямо въ лицо ему.—Тарасъ въ очень нервномъ состояніи. Нужно быть съ нимъ осторожнымъ... Скажите, вы, въ самомъ дѣлѣ, убѣждаете Олю итти въ проститутки?

Миронъ удивленно поднялъ широкія свои брови.

— Нѣтъ, не убѣжда-а-ю...

— Я такъ и думала. Слишкомъ... неподходяще... Ну, хорошо. Тарасъ убѣжденъ, что убѣждаете. Будетъ, можетъ, говорить объ этомъ. Успокойте его. Да?

— Да.

— Затѣмъ...

На мгновеніе замялась.

— ...Затѣмъ такая просьба... Вы будете отыскивать сестру?

Миронъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Да, бу-у-ду...

— Когда?

— Не знаю... Можетъ, черезъ недѣлю... Раньше...

— Почему черезъ недѣлю?

— Такъ... Сейчасъ не нужно... Пусть побудетъ...

Дара помолчала. Потупилась, будто соображая. Ноздри подымались и опускались сильнѣе. Нѣжная округлость щекъ покрылась краской.

— Ну, хорошо. Такъ вотъ у меня просьба къ вамъ... Когда найдете сестру, скажите ей, что я хочу притти къ ней... въ гости. Слышите?

Въ голосѣ чувствовалась даже надменность какая-то. Миронъ весь встрепенулся.

— Въ гости? Такъ сказать? Да?

Зачѣмъ-то сталъ торопливо отсучивать рукава, точно собирался сейчасъ итти.

— Да. Она согласится?

— Не знаю...

— Подумаетъ, изъ любопытства?

— Да, мнѣ кажется...

— Скажите, что нѣтъ. Впрочем , любопытство тоже есть. Но не главное...

— Скажу, Дара! Почему вы такъ измѣнились ко мнѣ въ послѣднее время? Я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ ничѣмъ... До свиданія!

— Вчерашнимъ... вы очень... оскорблены?

Миронъ говорилъ глухо, видимо, волнуясь.

— Вы что? Извиняться уже хотите?—быстро посмотрѣла она на него.

— Нѣтъ... я просто спрашиваю.

— Это должно быть для васъ безразлично. До свиданія.

Кивнула головой и пошла къ выходу. Миронъ, наклонивъ голову, медленно направился за ней. Но на лѣстницѣ Дара вдругъ обернулась и, точно сердясь на кого-то, отрывисто спросила:

— Слушайте, сколько у васъ брошенныхъ дѣтей?

— Ни одного...—тихо съ легкимъ удивленіемъ отвѣтилъ Миронъ.

— А отъ горничной, которая называется Сашей, не было?

— Саша? Никакой Саши не знаю. Откуда у васъ эти свѣдѣнія?

— Китъ говорилъ. И еще, говоритъ, знаетъ какія-то грязныя исторіи про васъ.—Это—правда о Сашѣ?

— Нѣтъ.

— До свиданія.

И Дара пошла внизъ.

— Вы не вѣрите? — глухо, нахмурившись, бросилъ ей вслѣдъ Миронъ.

— Не знаю... — полуобернувшись, сухо отвѣтила она и стала быстро спускаться.

Миронъ стоялъ, не двигаясь. Дара на поворотѣ подняла къ нему голову, пріостановилась и сказала:

— Когда скажете сестрѣ, вы мнѣ о томъ сообщите? Да?

— Нѣтъ! — рѣзко отрубилъ Миронъ, поворачиваясь уходить.

— Почему?

— Не хочу!

— Значитъ, сестрѣ не скажете?

— Нѣтъ.

— Адресъ ея мнѣ не дадите?

Миронъ замялся, потомъ грубо и хмуро отвѣтилъ:

— Могу.

— Хорошо.

И Дара такъ же быстро пошла опять.

Миронъ круто повернулся и, закрывъ дверь, прошелъ къ себѣ.

Тарасъ сидѣлъ на диванѣ, тупо и задумчиво глядя предъ собой.

Миронъ прошелъ къ столу, отшвырнулъ какую-то книгу, сѣлъ на стулъ, всталъ и быстро заходилъ по комнатѣ.

Тарасъ безпокойно зашевелился и началъ искать свою фуражку. Найдя возлѣ себя, надѣлъ и сталъ подыматься.

— Вы куда? — хмуро бросилъ Миронъ.

— Я, можетъ, вамъ мѣшаю... Такъ я пойду...

— Не мѣшаете. Сидите. Сидите, говорю! Только вотъ что...

Онъ остановился передъ сидѣвшимъ опять Тарасомъ.

—... Слушайте, что я вамъ скажу. Ваша сестра, кажется, любитъ меня. И даже навѣрно любитъ. Слышите? А я не люблю ея. Она хочетъ имѣть отъ меня ребенка и потомъ жить съ нимъ. Это невозможно. Въ проститутки не совѣтую ей итти. Вѣрите мнѣ или нѣтъ?

Тарасъ былъ смущенъ и быстро поглядывалъ на него.

— И у васъ... ничего съ ней не было?—съ мучительной неловкостью спросилъ, бѣгая глазами.

— Нѣтъ...

— Я слышалъ другое...

— Отъ кого? Отъ Оли?

— Нѣтъ... Товарищи говорятъ...

— Кто именно?

— Китъ, напримѣръ...

— Опять этотъ пачкунъ... Ничего не было. Если вѣрите, сидите. Нѣтъ—уходите, намъ не о чемъ говорить. Это мнѣ надоѣло.

Тарасъ съ неловкимъ вниманіемъ глянулъ снизу вверхъ и сказалъ:

— Я вѣрю.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ сидите. Сейчасъ анархистъ долженъ быть.

И Миронъ опять заходилъ изъ угла въ уголъ. Потомъ подошелъ къ кровати, легъ, закинулъ руки за голову и замеръ въ хмурой, злой неподвижности.

Тарасъ съ безпокойствомъ и неловкостью поглядывалъ на него. Затѣмъ, очевидно, забылъ о немъ и снова впалъ въ свое тупое, разсѣянное состояніе.

Молчаніе длилось долго. По стекламъ оконъ осторожно, еле слышно шелестилъ дождь, точно не хотѣлъ мѣшать ихъ думамъ.

Неслышно сгущались сумерки, выступая синеватымъ дымомъ изъ угловъ.

Миронъ вдругъ глубоко вздохнулъ, приподнялся и сѣлъ.

— А анархи-и-ста нашего нѣ-ѣ-тъ...—протянулъ онъ капризнымъ своимъ тономъ. — Надулъ, каналія... Это нехорошо-о...

Онъ подошелъ лѣниво къ столу и сталъ дѣлать папиросу.

Тарасъ, очнувшійся при звукѣ его голоса и снова забезпокоившійся, словно вспомнивъ недовольство Мирона, съ удивленіемъ смотрѣлъ теперь на него. Миронъ набивалъ

папиросу и чуть-чуть углами губъ и глазъ улыбался. А лицо все отсвѣчивало какой-то радостью, точно на кровати ему кто-то сообщилъ или разъяснилъ что-то очень хорошее.

Закуривъ, Миронъ вдругъ усѣлся такъ близко къ Тарасу, что тотъ даже немного отодвинулся, положилъ на его острое колѣно свою большую смугло-сѣрую руку и, какъ ни въ чемъ ни бывало, протянулъ:

— Ну-у... какъ забасто-вка? Рѣшили?

— Да, рѣшили...

— Та-а-къ... И вы за забасто-о-вку?

— Да, и я...

Тарасъ исподлобья съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Мирона.

— Любопы-ытно... А кто больше всего? Вѣра?

— Да, она... очень...

Миронъ усмѣхнулся.

— Та-а-къ... А Да-а-ра?

— Она была противъ... Чтобъ сами рабочіе рѣшали...

— Та-а-къ... Любопы-ы-тно... Это о-очень любопытно... Ну, а заводъ, значитъ, закро-о-ютъ?

— Да...

Тарасъ отвѣчалъ неохотно. Облизывалъ губы.

— Гаврила въ штрейкбрехерахъ? А?

Тарасъ, видно было даже въ сумеркахъ, покраснѣлъ. Миронъ замѣтилъ это.

— И стачечный комитетъ пособія ему не да-а-стъ... Плохо вашей семьѣ бу-у-детъ...

Тарасъ молча угрюмо смотрѣлъ въ землю.

— А Олѣ совсѣмъ скве-е-рно будетъ... Къ Салдѣ-ѣ-еву пойдетъ...

Тарасъ какъ-то нервно повелъ головой въ сторону. Вздохнулъ. Но ничего не сказалъ.

— А вѣдь на васъ вся наде-е-жда...

— На меня?—съ раздраженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изумленно повернулъ къ нему голову Тарасъ.

— Да-а... На ва-асъ...

Тарасъ злобно усмѣхнулся. Откинулся на спинку дивана и закрылъ глаза.

— Что усмѣхаетесь?

Тарасъ пересталъ усмѣхаться, но глазъ не открывалъ; съ глубокими тѣнями отъ нависшаго лба въ полутьмѣ онъ казался мертвымъ.

— А? Тарасъ!

Тарасъ бы тро открылъ глаза и съ раздраженіемъ наклонился къ Мирону.

— Да вы видите, каковъ я или нѣтъ?

— Ви-ижу... Больны-ы немного.

— «Больны-ы немного!» — усмѣхнулся Тарасъ. — Калѣка я, вотъ кто! Понимаете ли вы это? Калѣка, негодный, гнилой, дохлый, паршивый калѣка съ колѣнями какъ у кузнечика. На меня надежда Оли...Ха!

Онъ даже всталъ и началъ было ходить по комнатѣ, но потомъ вдругъ повернулся къ Мирону и сказалъ:

— Дайте вашу руку! Скорѣе... Дайте, не бойтесь...

Миронъ съ удивленіемъ протянулъ руку. Тарасъ схватилъ ее и приложилъ къ своей груди у сердца.

— Слышите, какъ бьется? Слышите? Точно вырывается. Слышите? Точно въ отчаяніи лупитъ головой объ стѣнку... Правда?

— Да-а... Бье-е-тся... И вы хорошо это выразили.

Похвала, казалось, еще больше раздражила Тараса.

— Правда? — грубо отнявъ руку Мирона, усмѣхнулся онъ.—Да, когда только то и дѣлаешь, что слушаешь, какъ оно бьется или замираетъ, то въ концѣ-концовъ можно найти самое вѣрное выраженіе... Хм! Да вы знаете, чѣмъ я бо́льшую часть дня занятъ? Ну?.. Я слушаю себя. Вы думаете, я вчера много слыхалъ изъ этихъ дебатовъ? Какъ же.. Я даже не сразу понялъ, когда вы то сказали... Я только слыхалъ, какъ у меня билось сердце и надувалась голова... Знаете, какъ дѣтскій шаръ... И всегда... Вѣдь я ни минуты не живу, какъ всѣ!.. Ни минуты! Особенная лич-

ность. Я сплю съ ватой въ ушахъ и подушкой на головѣ... Мое собственное дыханіе—такой шумъ для меня, что я готовъ прямо убить себя, чтобъ не шумѣть... На меня надежда... Хм! Да... А я собакѣ, простой, дворовой собакѣ завидую... Вы не смѣйтесь (Миронъ серьезно слушалъ его), не для выраженія, а вотъ такъ, какъ есть, говорю... Смотрю на какую-нибудь собаку и думаю, что у ней нѣтъ нервовъ, она можетъ спать, когда захочетъ. Я, безъ шутокъ, хотѣлъ бы быть обыкновенной собакой, задирать хвостъ, лаять, кусаться, спать... Понимаете: спать!

Онъ даже съ яростью сжалъ кулакъ, точно раздавилъ въ немъ это слово.

Миронъ хотѣлъ что-то сказать, но Тарасъ торопливо, точно боясь, что не дадутъ ему окончить, продолжалъ:

— Развѣ я человѣкъ? Развѣ я имѣю убѣжденія? Раздражите меня кашлемъ, и я буду съ ненавистью спорить съ вами противъ того, что самъ считаю вѣрнымъ... Вѣдь это... Я, напримѣръ, ненавижу всѣхъ людей до крови, до пѣны на губахъ... А за что? Они производятъ шумъ. Ну? Люди и собаки. Вся природа, какъ природа, а люди и собаки ежеминутно шумятъ. Ежеминутно. Развѣ я гожусь къ жизни? Мнѣ жить бы на какой-нибудь мертвой горѣ, гдѣ не только людей нѣтъ, но даже маленькой птички не водится, гдѣ трава не растетъ, гдѣ все мертво, молчитъ. Вотъ тамъ бы мнѣ жить! Вы понимаете это? Вѣдь это—ужасъ! Это — смерть. Это... Боже, я не знаю, какъ назвать это... Вѣдь вы поймите только, вы поймите: я два года не сплю. Ну? Вы понимаете, — два года не знать, что̀ такое сонъ. Я вспоминаю, какъ что-то безконечно далекое, невозвратное то время, когда, бывало, хочется спать. Когда это чувствуешь, такую пріятную теплоту, слабость, глаза слипаются, — сладко сладко... Вы понимаете: два года! Вѣдь одно сознаніе этого приводитъ въ такую ярость, что... Я, напримѣръ, только знаю, что нужно спать. Я никогда не хочу, а ложусь потому, что нужно. И каждую ночь лежишь и слушаешь,

какъ другіе спятъ... Вы знаете это состояніе? Когда лежишь, голова тяжелая, больная, все спитъ, ночь, какъ вѣчность... Боже!.. Но и это еще ничего!.. И это еще перенесешь... А вотъ какъ заведется гдѣ-нибудь собачонка и лаетъ. О, это—погибель... это—мука невыносимая, это—стыдъ нестерпимый. Вы подумайте: паршивенькая, глупая собачонка гдѣ-то далеко тявкаетъ, безъ нужды, безъ толку, никто ея не слушаетъ, она даже не подозрѣваетъ о дѣйствіи своего тявканія, мечтать даже не смѣетъ, глупая, подленькая собачонка, гдѣ-то далеко, на другой даже улицѣ, а я, разумное существо, всю ночь занятъ ею, всю ночь извиваюсь отъ ея тявканія, визжу отъ бѣшенства и отчаянія, закрываю голову подушкой, мечусь, сажусь въ темнотѣ на постели и, вѣрите, плачу... Плачу. Ну, не ничтожество ли я, не...

У Тараса задергались губы, подбородокъ, онъ быстро отвернулся и забѣгалъ по комнатѣ.

Миронъ взволнованно всталъ, подошелъ къ нему, тихо обнялъ и повелъ къ дивану.

— Не нужно, голубчикъ, волноваться, не нужно. Вы больны, но это пройдетъ. Ей Богу, пройдетъ, Тарасъ. Сядьте, милый, сядьте. Я васъ всѣмъ сердцемъ понимаю, я самъ такой былъ... Сядьте. Это пустяки, то-есть не пустяки, это очень серьезно, но пройдетъ.

— Нѣтъ, вы подумайте!—покорно садясь и поворачиваясь къ Мирону, съ какой-то дѣтской жалобой заспѣшилъ опять Тарасъ,—быть въ такомъ состояніи и ни отъ кого никакого участія, никто даже не вѣритъ. Вѣдь онъ ходитъ, говоритъ, даже смѣется, ну, какой-де онъ больной?

— Вамъ лѣчиться нужно, Тарасъ.

— Что же лѣчить мнѣ? Что лѣчить?

— Какъ «что»? Нервы, конечно.

— А почемъ я знаю, что это нервы? Что такое нервы? Душа? Но что такое душа? Нѣтъ, погодите, вы не смѣйтесь. А, можетъ, это душа болитъ у меня? Иногда я даже

хочу этого, чтобы душа... Вѣдь я все время только и дѣлаю, что смотрю въ себя и вижу, что когда мнѣ лучше, то-есть, когда эти нервы немного спокойнѣе, я самъ становлюсь бодрѣе, нравственнѣе, люблю людей. Понимаете? Но достаточно перемѣниться погодѣ, и я мѣняюсь, «душа» мѣняется, я дѣлаюсь злымъ, грубымъ, безнравственнымъ, мнѣ все противно. Ну? Что же это такое?.. Нѣтъ, погодите... Вотъ я думалъ, вчера... Всю ночь думалъ: почему это такъ, почему вы безнравственный (вы не обижайтесь, я буду все откровенно) да, вотъ, вы такой, развратникъ, считаете, что всякое тамъ съ женщинами можно, проституцію тамъ... А почему другіе иначе? Не Богъ же такъ устроилъ? Какія причины? Почему Сергѣй, напримѣръ, противъ? Онъ вѣдь тоже соціалистъ... А можетъ, это просто потому, что у васъ болѣе горячая кровь и тѣло, чѣмъ у него... Какая же тутъ нравственность? Развѣ заслуга, если у тебя холодная кровь и тебѣ не нужно грѣшить? При чемъ же тутъ душа?.. Нѣтъ, погодите, дайте мнѣ сказать, не то забуду... Вотъ въ тюрьмѣ я все думалъ: «выйду на волю, все это рѣшу». Ну, вышелъ. И ничего не понимаю... Спуталось все... Напримѣръ, говорятъ: «безнравственность», «несходство душъ». Но что же такое душа? Нервы? Нѣтъ, погодите, я не понимаю, какъ можно жить, не опредѣливъ точно этого? Если есть душа, есть все: есть и грѣхъ, и законъ, и преступленіе, и нравственность... Правда? А если нѣтъ? А? Если нѣтъ никакой души, что тогда? Ну?..

И онъ со страхомъ, широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ Мирону въ лицо. Миронъ хотѣлъ что-то говорить, но Тарасъ предупредилъ его.

— Вѣдь тогда все ложь! Ложь! Ложь! Все! Тогда нѣтъ ни грѣха, ни нравственности, тогда только тѣло. Никакого сродства душъ, ничего. Вѣдь ужасно важно знать это! Правда? Правда? Да?.. Погодите? Вотъ, смотрите, говорятъ, что можно загипнотизировать человѣка. Хорошо. Но что загипнотизировать? Душу? Правда? Погодите! Ладно, душу. До-

пустимъ, допустимъ, что душу. Такъ. Но вы знаете, что можно загипнотизировать животныхъ и даже деревья? Я читалъ, что одинъ ученый гипнотизировалъ дерево,—гладилъ рукой по одной вѣткѣ, и на этой вѣткѣ плоды получались гораздо крупнѣе и лучше, чѣмъ на всемъ остальномъ деревѣ. Я не понимаю: значитъ, у дерева есть душа? Значитъ, есть нравственность?.. Позвольте еще... Недавно я тоже читалъ, что одинъ какой-то докторъ доказываетъ, что мысль, желаніе есть самая матеріальная вещь, которую отъ одного человѣка къ другому можно передать безъ помощи слуха или зрѣнія. Какъ-то такъ: беретъ онъ листъ чистой бумаги, подержитъ въ рукахъ и что-нибудь при этомъ думаетъ и при этомъ—при свидѣтеляхъ (обязательно при свидѣтеляхъ!) говоритъ, о чемъ онъ думалъ, и записываютъ. Потомъ этотъ совершенно чистый листикъ бумаги запечатываютъ въ конвертъ и потомъ, распечатавъ, даютъ медіуму. Тотъ въ одну руку беретъ листикъ этой бумаги, а другую кладетъ на азбуку... Знаете, какъ у спиритовъ? Съ медіумомъ говорятъ, смѣются, а рука его пишетъ безъ всякаго участія сознанія и пишетъ все то, что думалъ тотъ докторъ. Вѣдь это что же? Это просто душа доктора осталась на бумагѣ, а потомъ вошла въ руку медіума, въ другую руку и опять на бумагу. Въ родѣ какъ изъ бутылки черезъ воронку перелили въ стаканъ. Ну?.. Развѣ нельзя сойти съ ума отъ всего этого? Сой-ти съ у-ма...—вдругъ тише и раздѣльно произнесъ онъ.—Куда сойти? Какъ это «сойти»? Гдѣ же я буду тогда? Еще говорятъ: «душевно-больной». Значитъ, сойти съ души... Куда же сойти? Въ сторону?.. Вѣдь это странно... Правда?

И Тарасъ растерянно, съ какимъ-то начинающимся холоднымъ испугомъ посмотрѣлъ на Мирона. Тотъ серьезно и нахмурившись всматривался въ него. Потомъ взялъ за руку и, крѣпко пожимая ее, строго заговорилъ:

— Вотъ что, Тарасъ: о душѣ и о тѣлѣ вы пока оставьте
 въ сторонѣ...

— Какъ?—тревожно встрепенулся Тарасъ.—Почему? Вѣдь это—главное... Вѣдь если...

— Слушайте, что я вамъ говорю. О душѣ оставьте. Это васъ теперь не должно безпокоить. Нѣтъ никакой ни души, ни тѣла. Все это глупости.

— Какъ?.. Позвольте...

— Глупости, милый, безполезныя и ненужныя. Какое вамъ дѣло, душа ли чувствуетъ страданіе и радость или тѣло? Вы страдаете, это—важно, а все остальное только названія болѣе или менѣе удачныя. Плюньте на нихъ. Оставьте...

— Какъ названія?

— Ну, такъ. Люди для удобства раздѣлили въ сущности нераздѣлимое да и забыли объ этомъ. И дерутся за то, что лучше, духовное или тѣлесное. Все хорошо, что даетъ радость, и все дурно, что страданіе. Душа въ тѣлѣ, тѣло въ душѣ. Когда животъ болитъ,—это такъ же непріятно душѣ, какъ и скорбь о кончинѣ міра. А если это скорбь искренняя, то и животъ отъ этого страдаетъ. Чувство, чувство жизни важно... Ну, объ этомъ мы когда-нибудь потолкуемъ, а теперь слушайте меня внимательно. Слушайте, я вамъ говорю.

Миронъ крѣпко сжалъ его руку.

— Вы объ этомъ пока совсѣмъ перестаньте думать. Слышите? Вамъ сначала нужно полѣчиться. У васъ нарушенъ правильный ходъ этого самаго вашего тѣла. Понимаете?

— Вы меня хотите загипнотизировать...—хитро и слабо скривилъ Тарасъ въ улыбку свой запавшій ротъ.—Зачѣмъ вы жмете мою руку?

— Ну, такъ что?—еще строже проговорилъ Миронъ.—Ну, гипнотизирую, такъ что? Вся жизнь людей — взаимный гипнозъ. Не бойтесь, изъ шатена не сдѣлаю васъ блондиномъ. Можно загипнотизировать къ тому, къ чему есть хоть малѣйшая склонность. А, я, можетъ, хочу загипнотизировать васъ къ тому (если вамъ такъ хочется называть), что свойственно всѣмъ людямъ,—къ чувству жизни.

— Не всѣмъ... свойственно.

— Неправда. Кому несвойственно, тотъ умираетъ. Оставьте, говорю, въ покоѣ свою душу, заботясь теперь о томъ, чтобы исправить то, что испорчено у васъ. Испорчены нервы, главный органъ чувства. Исправить можете. Предоставьте всякимъ дегенератамъ, безнадежнымъ выродкамъ заниматься душами и мистицизмами. Вамъ стыдно, вамъ работать нужно, у васъ сестра есть. Заниматься нытьемъ да дешевой метафизикой должны праздные и умирающіе отъ праздности и негодности. Это ихъ утѣшаетъ и украшаетъ въ собственныхъ глазахъ. Это—для нихъ средство борьбы за существованіе. Вы же больны не отъ природы, а заболѣли. Вѣдь вы не всегда такимъ были. Мнѣ Оля говорила, что вы были здоровы, веселы и очень мечтательны?

— Да, я былъ когда-то здоровъ... и мечтателенъ...

— Вотъ видите. А больны всего годъ или два?

— Два года... Въ тюрьмѣ...

— Вотъ видите... Почему вы заболѣли, не знаете?

— Тюрьма и... все такое...

— Ну, въ тюрьмѣ не вы одинъ сидѣли... Много сидятъ и не на всѣхъ такъ дѣйствуетъ. Скажите, вы ..... не занимались?

Тарасъ вдругъ забѣгалъ глазами и мучительно, густо покраснѣлъ, такъ, что даже въ полутьмѣ видно было, какъ потемнѣло его лицо. Миронъ твердо и съ какимъ-то любопытствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Смущаться нечего. Душу сокрушать беретесь, а краснѣете, какъ высоконравственный лицемѣръ. Въ этомъ нѣтъ ничего такого ужаснаго. Ну, говорите прямо, не бойтесь. Я спрашиваю потому, что по себѣ знаю, какъ это дѣйствуетъ на нервную систему. Я тоже въ періодъ своей нравственности въ этомъ прятался отъ грѣха... Что глядите? Ахъ, вы!.. Тѣло превозноситъ, а самъ его боится... Ну, что же вы? Говорю же вамъ, что мнѣ просто интересно, я вѣдь

тоже знакомъ съ этой ватой въ ушахъ, подушками на головѣ, боляхъ въ спинѣ, груди... Болитъ спина у васъ?

— Да... Нѣтъ... То-есть...

— Ну, вотъ, вы боитесь теперь сказать, болитъ или нѣтъ, чтобъ по этому не узналъ... Да не смущайтесь такъ, говорю. Что тутъ такого? Если бъ туберкулезомъ были больны, вѣдь не краснѣли бы такъ? А еще говорите, что мы, безнравственные, много придаемъ значенія половой жизни. А вамъ только скажи что-нибудь, такъ словно святая святыхъ задѣлъ. Ну, говорите просто, безъ корчей. Да?

Тарасъ точно глотнулъ что-то.

— Да...—наконецъ тихо, съ мукой стыда выдавилъ онъ изъ себя.

— Ну, разумѣется...—спокойно сказалъ Миронъ.—Только не мучайте себя такъ. Страдаютъ отъ того, что нравственность нарушаютъ, а отъ того, что организмъ разрушаютъ, не страдаютъ! «Тѣло»... Знаю даже сошедшихъ съ ума отъ стыда и угрызеній совѣсти. Ну, довольно. Вотъ лучше поглядите на меня, я когда-то былъ такимъ же какъ вы, а теперь, какъ видите, здоровъ и живу безъ ненависти къ жизни. Скорѣе наоборотъ. То же и вы можете сдѣлать. Только прежде всего лѣчиться нужно. Физически. Понимаете?

— Да.

— Вотъ. Но ..... необходимо оставить. Необходимо. Вотъ тутъ придется вамъ преодолѣть свою мораль. Придется къ женщинѣ итти. Не имѣть совсѣмъ половыхъ сношеній вы теперь уже ни за что не сможете. Ни за что. Если даже и не будетъ дѣйствительной нужды, вамъ все будетъ казаться, что страшно нужно, что васъ давитъ, гнететъ и т. д. Понимаете? Я это знаю. И опять примитесь за прежнее. А разъ нервная система нарушена въ извѣстномъ направленіи, то самый малый толчокъ въ этомъ же направленіи способенъ разрушить все, что пріобрѣтено лѣченіемъ. Ни за что нельзя! Нужно итти къ женщинѣ. Понимаете? Не извиваясь отъ мукъ стыда, не съ нахальствомъ сознанія

совершаемаго преступленія, а просто и сознательно, какъ къ доктору. Лучше всего жениться. Но это въ двѣ недѣли не дѣлается. А вамъ каждый день дорогъ. Вотъ и задача. Конечно, беречься болѣзней. Прочтите книжки, какъ предохранить себя. Да вы не вертитесь, а слушайте. Выхода вамъ другого нѣтъ: или гніеніе, сумасшедшій домъ, смерть—или женщина. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ. Это главное. Сможете безъ женщины? Тѣмъ лучше. Но врядъ ли. Потомъ въ санаторію куда-нибудь, пожить спокойно, и будете тѣмъ же живымъ мечтателемъ, что прежде, будете хотѣть спать, работать, не будете замѣчать собачекъ и будете любить людей. Понимаете? А канители нечего устраивать. Нечего подражать этимъ разочарованнымъ душамъ изъ «благородныхъ», всѣ эти анархическіе мистики, нытики, вся эта заоблачная дребедень въ большинствѣ случаевъ—больные вашей же болѣзнью. Расшатаетъ нервную систему и, конечно, весь міръ ему одна тюрьма. Кто самъ широкъ, тотъ и въ мышиной норкѣ умѣстится. Вотъ. Лѣчиться вамъ нужно. Полѣчитесь, будете работать и Олю не допустите до глупостей...

Тарасъ при имени Оли наклонилъ голову.

— ...И это нужно какъ можно скорѣе устроить. Она только за васъ и держится. Слышите, Тарасъ?

— Я ничего не могу,—угрюмо сказалъ Тарасъ.—Лѣчиться... Хм!.. И Кисельскій это совѣтуетъ... Спасибо... А какой же чортъ будетъ платить за мое лѣченіе? Ну?

Онъ поднялъ голову и злобно посмотрѣлъ на Мирона. Тотъ испытующе слѣдилъ за нимъ.

— Нужно денегъ достать...—спокойно сказалъ Миронъ.

— Достать? Гдѣ? Ограбить кого?

— А если и ограбить?—согласился Миронъ.

Тарасъ удивленно всмотрѣлся ему въ лицо.

— Что смотрите? Серьезно говорю. Вы развѣ объ этомъ сами не думали? А?

Тарасъ вдругъ почему-то пришелъ въ раздраженіе.

— А, къ чорту! Бросьте! Все это... Гдѣ живетъ этотъ дурацкій анархистъ, я самъ пойду къ нему. Дайте записку.

— Хорошо. Но вы подождите. Въ самомъ дѣлѣ, Тарасъ, почему вы такъ относитесь къ тому, чтобъ ограбить? Ну, хоть бы этого самаго господина Кисельскаго? А?

— Вы... серьезно? — вдругъ очень тихо съ какимъ-то испугомъ спросилъ Тарасъ.

Миронъ еще внимательнѣе приглядывался къ нему. Въ комнатѣ становилось темнѣе, и Миронъ даже перегнулся немного впередъ.

Тарасъ всталъ, медленно провелъ рукой по всклоченнымъ волосамъ, сдѣлалъ два шага въ сторону, возвратился и посмотрѣлъ на Мирона.

— Я думалъ...—тихо, застѣнчиво прошепталъ.

— Сядьте...—повелъ рукой Миронъ возлѣ себя.

Тарасъ сѣлъ.

— Ну? И что же вы думаете?

— Не знаю... Не смогу...

— Почему?

— Слишкомъ ужъ подло... У кого другого, не знаю, а у нихъ... охъ, какъ подло!..

— Вы думаете, что очень подло?

— Безусловно...—съ какой-то разсѣянной грустью сказалъ Тарасъ. Онъ впадалъ снова въ свое тупое, вялое состояніе.

— Но почему же подло?—настойчиво повторилъ Миронъ.

Тарасъ молчалъ.

— Слышите? Тарасъ!

— Да, я слышу.

— Ну?

Тарасъ не двигался. Потомъ сразу встряхнулся, точно испугался чего-то.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—быстро, съ испуганнымъ раздраженіемъ заговорилъ.—Это—глупости! Это нѣтъ... Ну, что вы?! Это... Фу, какъ сердце бьется! Думаете—отъ мыслей?

Отъ «души»? Ничего подобнаго. Душа тутъ ни при чемъ. Просто не сдѣлаю...

— Но почему?

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ?! Ну, какъ я это могу сдѣлать? Вотъ, ей Богу! Давайте записку къ анархисту... Ну, какъ это сдѣлать? Ну, вы подумайте! Да меня изъ партіи выгонятъ, меня...

— А если Оля въ проститутки пойдетъ, а вы въ сумасшедшій домъ, это лучше?

— Слушайте, — вдругъ совершенно другимъ тономъ, страшно серьезнымъ, испуганно-предупреждающимъ проговорилъ Тарасъ,—вы мнѣ больше не говорите о сумасшедшемъ домѣ... Хорошо?

Миронъ пристально всмотрѣлся въ него.

— Хорошо. Не буду. Но вы отвѣчайте: что̀ лучше?

Тарасъ теръ лобъ и правый високъ.

— Слышите, Тарасъ: что̀ лучше?

Тарасъ подумалъ, точно вспоминая, что̀ нужно отвѣчать.

— Что̀ лучше?.. Хмъ!.. Лучше... все, чѣмъ подлость...

— Это, быть можетъ, вѣрно, но почему подлость?

Тарасъ рѣзко оторвалъ руку со лба и повернулся къ Мирону:

— А почему вы сами этого не дѣлаете?

— Мнѣ не нужно.

— Не нужно? Вы—богаты?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ что же? Развѣ лучше быть бѣднымъ?

— Для меня, да.

— Почему?

— Потому, что будучи богатымъ, я не работалъ бы. Скучно было бы, стоналъ бы. Это—неинтересно. Но если бы нужно было, вотъ такъ, какъ вамъ, сдѣлалъ бы... Но ужъ подлостью не считалъ бы то, что̀ сдѣлалъ.

— Не считали бы?

— Нѣтъ. Считаю, что для меня подлости въ этомъ нѣтъ.

Если бы вы у вора отняли кошелекъ, украденный имъ, и часть его дали погибающему отъ нужды, это была бы подлость? Да?

Тарасъ молчалъ.

— Я тоже такъ разсуждалъ... — наконецъ прошепталъ онъ.—Но это—софизмъ, это—логика, а сдѣлать... О... Но, знаете что, довольно объ этомъ. Я васъ прошу.

— Нѣтъ, подождите. Еще вопросъ... Скажите, когда я вамъ предложилъ это, вы были увѣрены, что я самъ считаю это подлостью?

Тарасъ замялся.

— Да... Я думалъ... Но...

— Нѣтъ, ничего, ничего... Это я просто изъ любопытства... Сидите спокойно... Но о предложеніи моемъ подумайте. Я вамъ смогу достать помощниковъ... Только знаете что? Доведите мысль о ворѣ до самаго конца, то-есть когда мысль о подлости будетъ только смѣшна. Но до тѣхъ поръ, пока сами считаете подлостью, ни за что не дѣлайте, хоть бы дѣйствительно пришлось умирать. Слышите? Очень скверно потомъ будетъ. Вспомните хоть Раскольникова изъ Достоевскаго. Человѣкъ осмѣлился на преступленіе. А тутъ именно преступленія и не должно быть. Теперь вотъ вамъ другой примѣръ. Посмотрите на этого самаго Кисельскаго. Вѣдь онъ вчера искренно оскорбился, онъ искренно, значитъ, думаетъ, что его грабежъ мужиковъ дѣло правое, онъ — честенъ съ собой. А усомнись онъ... и начнутся муки совѣсти Какъ у Сергѣя. Этотъ не посмѣлъ кричать на меня, этотъ уже съ собой разошелся: ренту съ мужиковъ беретъ, а уже не совсѣмъ вѣритъ, что это такъ и слѣдуетъ. На партію даетъ, какъ какой-нибудь слишкомъ зарвавшійся въ обманѣ купчина на благотворительность... Виидте, все дѣло въ себѣ... Рабочему теперь слушать пѣсни объ абсолютной справедливости да нравственности надо осторожнѣе. Больше къ себѣ прислушиваться Не бойтесь, Кисельскіе-то, конечно, васъ осудятъ, а вотъ кто находится въ

вашихъ условіяхъ, тотъ не осудитъ и не прогонитъ отъ себя... И мораль вашу приметъ. Лишь бы противъ себя не шли, а на всѣхъ Кисельскихъ плюньте. Подумайте... Да поскорѣе... Оля еле держится... А?

Миронъ даже близко заглянулъ въ лицо неподвижному Тарасу. Тотъ странно поглядѣлъ на него, поднялся и надѣлъ картузъ. Потомъ вдругъ наклонился и тихо спросилъ:

— А душа?

— Что «душа»?

— А душа, своя собственная, что скажетъ? Вѣдь она есть или нѣтъ? А?

— Да зачѣмъ она вамъ?

— То-то же!—съ какимъ-то угрюмымъ торжествомъ отклонился Тарасъ и молча пошелъ къ двери.

— Да подождите вы, чудакъ! — поднялся за нимъ Миронъ.—Вы мнѣ скажите, что́ вы думаете. Такъ же нельзя. Нужно что-нибудь дѣлать.

Тарасъ остановился у порога. Лицо смутно свѣтлѣло на фонѣ темнаго прямоугольника дверей. Помолчалъ.

— Я подумаю...—тихо, вдумчиво проговорилъ. — Мысль до чувства... Хмъ!.. Все это надо... Да... Очень какъ бы сказать... Тогда все рѣшится... И Кисельскій...

— Вы сейчасъ куда идете?—съ нѣкоторой ужъ тревогой присматриваясь къ нему, перебилъ Миронъ.—Можетъ, проводить васъ?

Тарасъ поднялъ голову.

— Вы думаете, что я ужъ съ ума схожу?—вдругъ громко, рѣзко засмѣялся — Ха-ха-ха! А что если я все дурака съ вами валялъ, чтобы испытать васъ? А? И разговоръ о болѣзни и... все? Если я насочинилъ все о своихъ состояніяхъ? А вы ужъ такъ и повѣрили, что вы мнѣ стали другомъ? Умаслили, дескать, меня? Ха-ха-ха! Ошибаетесь!

— Тѣмъ лучше, — сказалъ Миронъ, подходя ближе и всматриваясь.

— Ну, такъ до свиданія, коли такъ!—крикнулъ насмѣшливо и злобно Тарасъ, и быстро вышелъ.

Миронъ медленно прошелъ къ окну. Углы глазъ и рта чуть замѣтно грустно-насмѣшливо улыбались.

На улицѣ зажигались фонари.

VIII.

На слѣдующій день Тарасъ и Дара снова пришли къ Мирону, но оставались у него недолго. Тарасъ взялъ адресъ анархиста и записку къ нему, а Дара возвратила книжку. Ничего о ней не сказала и сейчасъ же попрощалась. И только уже на порогѣ обернулась къ Мирону и сухо, даже съ враждебностью бросила:

— Адреса сестры вашей мнѣ не нужно. Слышите?

— Ладно... — равнодушно отвѣтилъ Миронъ, принявшій ихъ какъ-то устало, невнимательно, даже разсѣянно. Дара искоса зорко оглянула его. Онъ, не ожидая ихъ ухода, усѣлся снова за чертежи.

Послѣ этого Тарасъ исчезъ на нѣсколько дней. Никто не зналъ, гдѣ онъ. Впрочемъ, Кисельскіе особенно и не безпокоились о немъ, — у нихъ были свои заботы. Заботы эти точно толстымъ пластомъ прикрыли всѣ звуки въ квартирѣ. Не пѣли, не играли, говорили тихо, точно боялись кого-то разбудить.

Вѣра цѣлые дни лежала, глядя въ потолокъ горячими напряженными глазами. А вечеромъ уходила куда-то съ Петромъ и возвращалась поздно. Петръ, прощаясь съ ней, странно улыбался, а Вѣра не глядѣла на него, мучительно хмурила брови, и нервныя струйки угрожающе сбѣгали къ губамъ, передергивая ихъ. На другой день она казалась раз-

битой, въ глазахъ стояла тоска, а вечеромъ снова приходила Вѣра въ странное, какое-то задорно-злобное возбужденіе и ждала Петра. Петръ являлся, и они уходили. Катеринѣ Андреевнѣ говорили, что идутъ по партійнымъ дѣламъ. Дѣйствительно, днемъ часто прибѣгалъ къ Вѣрѣ Костя и совѣщался съ ней по поводу забастовки. Иногда и Вѣра выходила съ нимъ.

Катерина Андреевна была недовольна Вѣрой, но не приставала къ ней съ разспросами и всегдашними спорами. Иногда только замѣчала будто вскользь за обѣдомъ, что если теперь Вѣра сядетъ въ тюрьму, то это будетъ для нея смертнымъ приговоромъ. Вѣра молча и презрительно поджимала губы. Больше ничего не говорила Катерина Андреевна, но по вечерамъ очень долго бесѣдовала съ Семеномъ Васильевичемъ. Тотъ, по обыкновенію, насмѣшливо-тонко улыбался и скоро уѣзжалъ въ клубъ. Казалось, онъ зналъ что-то очень важное и только до поры скрывалъ его. Но Катерина Андреевна уже привыкла къ этой усмѣшкѣ, и она раздражала ее. И послѣ разговоровъ съ нимъ становилась еще безпорядочнѣе, разсѣяннѣе. Вездѣ по угламъ диванов и креселъ валялись ея платки, начатыя книги, которыя она съ раздраженіемъ искала, голова чаще была повязана платкомъ въ уксусѣ, и она почти ежедневно ѣздила къ врачу по женскимъ болѣзнямъ.

Дара и Сергѣй изъ своихъ комнатъ почти не выходили. Когда кто-нибудь входилъ къ нимъ, ихъ всегда заставали за книгой. Впрочемъ, когда уходили, Дара откладывала книгу, и, скрестивъ руки на груди, ходила по комнатѣ, грозно нахмуривъ брови. Иногда вдругъ рѣшительно и быстро шла къ Сергѣю. Сергѣй встрѣчалъ ее ласковой улыбкой, ни о чемъ не спрашивалъ и говорилъ о самомъ обыкновенномъ и неважномъ. Впрочемъ, во всемъ домѣ никто никакихъ «вопросовъ» не подымалъ, точно всѣ молчаливо уговорились объ этомъ. Дара садилась на диванъ, подзывала Сергѣя,
120 клала голову его себѣ на грудь и тихо гладила по воло-

самъ. Но почти всякій разъ задумывалась и иногда до того, что не замѣчала, какъ Сергѣй освобождалъ голову, съ грустной усмѣшкой вставалъ и усаживался за столъ.

Поэтому неожиданное появленіе Тараса всѣхъ оживило. Стали его съ безпокойствомъ разспрашивать, упрекать, возиться съ нимъ. Но Тарасъ на всѣ разспросы бормоталъ что-то неясное, изъ чего можно было понять только то, что ему не хотѣлось давать никакихъ объясненій. Однако въ лицѣ его появилось что-то новое, какая-то усмѣшка, какой-то скептически-наблюдающій взглядъ. Говорилъ мало, но уже не отъ смущенія, а по какой-то иной причинѣ. Иногда вдругъ вынималъ свою записную книжку и быстро что-то вписывалъ. Однажды, когда Дара и Вѣра неожиданно горячо заспорили о забастовкѣ, Тарасъ, усмѣхаясь, что-то записалъ. Дара потомъ пристала къ нему, вытащила книжку и прочитала: «Вѣра». «Мы должны показать, что мы не придавлены». «Себѣ о себѣ самой хочетъ доказать. Для чего?» Дара молча усмѣхнулась и возвратила книжку.

Иногда во время обѣда тоже что-то записывалъ. На него уже перестали обращать вниманіе. Часто кто-нибудь ловилъ на себѣ его взглядъ, разсматривающій, любопытный, точно онъ въ первый разъ видѣлъ это лицо.

Появлялся на кухнѣ и заводилъ религіозные разговоры съ кухаркой Горпыной, внимательно, бѣгающими, сверлящими глазами впиваясь въ нее.

— Ну, а если человѣкъ обидитъ чѣмъ-нибудь Бога, то что Онъ..? вдругъ задавалъ вопросъ.

Горпына, толстая, спокойно-добродушная, какъ волъ, очень охотно и съ знаніемъ дѣла отвѣчала:

— А понятно, прогнѣвается... Васъ обидѣть и то разсердитесь... Ну, конечно, пусть Господь милуетъ, чтобъ человѣкъ дожилъ до этого... Но и то таки слѣдуетъ сказать, что и обида всякая бываетъ... Смотри человѣкъ того совсѣмъ не думаетъ и не гадаетъ, а Бога обидѣлъ... Ну, понятно, всякая значитъ и обида...

— А напримѣръ?

Горпына, не спѣша, моя посуду, разъяснила ему и это, при чемъ выказывала самую основательную точную освѣдомленность въ подобныхъ вопросахъ.

Онъ слушалъ внимательно.

— Ну, а какъ же Богъ терпитъ зло на землѣ?—спрашивалъ.

— До поры до времени терпитъ... А какъ лопнетъ терпѣніе, такъ... и перестанетъ терпѣть...

— Правильно. А теперь же зачѣмъ терпитъ?

— Надо, такъ и терпитъ... И не наше это дѣло спрашивать...

— Ну, и то, что вы на старости лѣтъ чужую посуду моете, что сына убили, что болѣете,—все это тоже надо?

— Понятно. Богъ даетъ, не ропщи... А будешь роптать, еще хуже будетъ...

Тарасъ вынималъ книжечку и записывалъ: «Горпына сегодня сказала, какъ всѣ загипнотизированные: «такъ надо». «Полное отсутствіе критики и анализа. Завтра поговорить о смерти».

И заговаривалъ о смерти, загробной жизни, раѣ и пеклѣ. Горпына и съ этими вещами была знакома не менѣе, чѣмъ съ кухонной посудой. Тарасъ снова записывалъ, а Горпына, думая, что слова ея «въ лѣсъ не идутъ», какъ признавалась Анисьѣ, даже по нѣскольку разъ повторяла, чтобъ повѣрнѣй записалъ.

Ходилъ и къ Сергѣю. Онъ и прежде не разъ заходилъ поговорить о томъ, о семъ. Но теперь спрашивалъ только о соціализмѣ, душѣ, тѣлѣ Богѣ. Спрашивая, разсматривалъ Сергѣя такъ же, какъ и Горпыну.

Въ комнатѣ у Сергѣя всегда было необыкновенно чисто, тихо, печально, какъ въ кельѣ монаха, стоящаго на закатѣ
 жизни. Шторы всегда были полуопущены, освѣщеніе ров-

ное, неяркое. И вездѣ были книги: на столѣ, на полкахъ, въ большомъ шкапу, даже на полу въ аккуратныхъ столбикахъ. Получалось впечатлѣніе огромнаго книжнаго шкапа, такъ что даже не замѣчалось ни кожанаго кресла, ни стола, ни дивана.

Сергѣй почти никуда не выходилъ и часто пульверизировалъ комнату какой-то странно пахнувшей жидкостью. Легонько покашливалъ, словно пробуя, не оторвалось ли что-то хрупкое въ груди. Говорилъ всегда ходя, а ходилъ медленно, размѣренно, поглаживая желтую бородку.

Тарасъ обыкновенно устраивался въ уголку дивана и слушалъ, порой вставляя неловкіе вопросы. Иногда приходила Дара и садилась въ другомъ углу дивана. Среди какого-нибудь монолога Сергѣя, когда онъ приходилъ въ слишкомъ большое волненіе, она вдругъ подзывала его къ себѣ, молча поправляла ему волосы или галстукъ и отпускала. Сергѣй благодарно взглядывалъ на нее и говорилъ уже спокойнѣе.

Книги тоже слушали Сергѣя, молчаливо одобряя за правильное пониманіе ихъ.

Такъ бывало прежде. Теперь же кое-что измѣнилось. Правда, книги, шторы, пульверизаторъ, даже мягкія туфли были на своемъ мѣстѣ, но люди измѣнились. Тарасъ не сидѣлъ спокойно, а все время то наклонялся впередъ, то откидывался на спинку дивана; вопросы задавалъ не съ прежней застѣнчивостью и неловкостью, а настойчиво, сильно; въ отвѣты вслушивался съ усиленнымъ, часто нетерпѣливымъ вниманіемъ и усмѣхался, точно пряча ихъ въ себя, складывая ко всѣмъ другимъ отвѣтамъ. Присутствовавшая при этомъ Дара пристально посматривала на него, но онъ не обращалъ на нее вниманія и не разъ разсматривалъ и ее такъ, словно видѣлъ въ первый разъ.

Сергѣй не замѣчалъ ничего и все такъ же ходилъ и говорилъ. Но голосъ его сталъ еще тише, съ нотками какой-то покорной печали и задумчивости. И говорилъ преимуще-

ственно объ отвлеченныхъ предметахъ, о такомъ, что невольно создавало грустное, сладкое настроеніе отдаленности отъ міра. Мелькали въ представленіи картины какой-то странной природы и жизни, печали потухающаго дня, тихихъ городовъ съ бѣлыми грустно-пустынными стѣнами. Ни о чемъ подобномъ Сергѣй не говорилъ, но почему-то всегда его рѣчи вызывали такіе образы.

Прежде Тарасъ охотно поддавался силѣ его рѣчей, но теперь нетерпѣливо шевелился и часто перебивалъ Сергѣя новыми вопросами.

— Ну, а если я не вѣрю, что будетъ когда-нибудь миръ на землѣ? — однажды упрямо и настойчиво спросилъ онъ.

— Онъ будетъ,— снисходительно, съ тихой увѣренностью усмѣхнулся Сергѣй, даже не взглянувъ на Тараса, словно кто-то невидимый задавалъ ему этотъ вопросъ. — Онъ долженъ быть уже хотя бы потому, что мы знаемъ о немъ. Онъ есть въ нашемъ сознаніи, значитъ, онъ уже существуетъ. А изъ сознанія онъ никогда не уйдетъ, потому что хорошо человѣку съ нимъ. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры. Высокое и святое всегда будетъ жить въ нашей душѣ; религія всегда будетъ отличіемъ человѣка отъ животнаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше человѣкъ будетъ жить духовной жизнью. Современныя условія, капитализмъ и прочее,— въ соціальной жизни — то же, что въ индивидуальной процессы чисто тѣлесные. Да, такъ именно: нужно сначала понять для того, чтобы понять религію соціализма. Рели-гі-ю, а не теорію. Религія охватываетъ всего человѣка, всего безраздѣльно, со сладкими мечтами о далекомъ, безмѣрно отдаленномъ, смутномъ и съ самыми ближайшими потребностями. Величавая, грандіозная связь явленій проходитъ чудной цѣпью въ душѣ. Это воодушевляетъ, это глубоко умиротворяетъ, это объясняетъ угрюмую загадку исчезновенія поколѣній. Нѣтъ, религія умереть не можетъ,
124 она вѣчна. Теперь идетъ новая форма ея, болѣе свѣтлая,

болѣе кроткая и благостная, чѣмъ всѣ прочія, — религія соціализма.

— Кто же Богъ ея? — угрюмо усмѣхнулся Тарасъ.

— Богъ—Міровая жизнь, Великій Процессъ, Великая Связь, въ которой всякое существованіе необходимо.

— Даже жандармовъ?

— Да, даже жандармовъ.

Тарасъ болѣзненно-насмѣшливо улыбнулся и посмотрѣлъ на Дару. Но Дара сидѣла ровно, прислонивъ голову къ спинкѣ дивана, какъ у фотографа, и смотрѣла передъ собой суровымъ, задумчивымъ взглядомъ. Можетъ быть, и не слышала ничего.

— Зачѣмъ же мы боремся съ ними, коли такъ? — Тарасъ приложилъ руку ко лбу.

— Зачѣмъ боремся? Затѣмъ, что это—Процессъ, Движеніе, затѣмъ, что въ движеніи Богъ, а движеніе — борьба. Мы движимся, движемся дальше въ глубь Процесса. Вотъ почему всякое стремленіе къ низменнымъ животнымъ инстинктамъ вызываетъ гадливое чувство... Это шествіе назадъ, ниже...

— Хм! — усмѣхнулся Тарасъ. — Этимъ вы также объясняете отвращеніе нѣкоторыхъ людей... къ половой, напримѣръ, жизни?

— Безусловно! — съ тѣмъ же тихимъ убѣжденіемъ покачалъ головой Сергѣй.— Организаціи съ болѣе тонкой духовной жизнью не выносятъ грубаго, низменнаго. Онѣ, какъ нѣкоторыя растенія...

Но Тарасъ не слушалъ. Вынулъ книжку и быстро записалъ: «Непремѣнно припомнить. Сергѣй: потому отвращеніе къ половому, что очень духовный. Разговоръ съ Дарой, когда подслушалъ. Тоже самогипнозъ».

Дара искоса слѣдила за нимъ. А Сергѣй ходилъ и говорилъ:

...Наивное объясненіе. Атеистовъ нѣтъ среди нормальныхъ людей, какъ нѣтъ людей, стремящихся вводить въ организмъ

яды,— вмѣсто здоровой пищи. Совѣсть не выдумка, а внутренній инстинктъ религіи. Долгъ—совѣсть общественности.

— «Такъ надо»,—засмѣялся вдругъ хриплымъ злымъ смѣхомъ Тарасъ и всталъ.— Горпына тоже говоритъ, что такъ надо. А если скажу «не надо», и вся ваша религія куда дѣнется? Охъ, вездѣ это... До свиданія!

И въ тотъ же день снова исчезъ, не появляясь у Кисельскихъ нѣсколько дней. Его видѣли изрѣдка на улицѣ. Вѣра встрѣтила возлѣ университета. Стоялъ, поднявши голову, и разсматривалъ зданіе со своей странной усмѣшкой. Что-то быстро записывалъ. Увидѣвъ Вѣру, вдругъ поблѣднѣлъ весь, смутился, не поклонился даже и побѣжалъ въ сторону.

Нѣсколько разъ его видѣли у оконъ магазиновъ все съ тѣми же страшно-блестящими, точно свѣже-полакированными глазами и странной, саркастической улыбкой, отъ которой становилось жутко.

У своихъ онъ появлялся за это время всего раза два. Оля, которая стала почему-то ходить къ Дарѣ, разсказывала, что въ каждое свое появленіе Тарасъ пугалъ всѣхъ. Прежде онъ бывалъ и мраченъ, и раздражителенъ, и грубъ, но было видно, что все это отъ болѣзни и тяжелыхъ обстоятельствъ, а теперь всѣ не знали просто, что́ думать. Съ матерью въ оскорбительномъ тонѣ говоритъ о Богѣ, смѣется, ругается; отца увѣряетъ, что тому необходимо загипнотизировать себя христіанскими добродѣтелями, тогда у него не станетъ паралича. Къ ней, Олѣ, оба раза приставалъ съ предложеніемъ усыпить и внушить ей, что ѣсть и пить ничего не нужно, что главное—духъ, а потому ей всякую тѣлесную гадость легко будетъ сдѣлать. А въ послѣднее посѣщеніе вдругъ объявилъ, что еще немного, что скоро дойдетъ мысль до чувства и все будетъ хорошо. И деньги и здоровье будутъ. Хотя на всѣ разспросы о здоровьѣ смѣется и обнадеживаетъ, что съ ума или, какъ самъ выражается, «съ души» еще не сошелъ. Очень странно!

 И Оля быстро вытирала глаза, наполнявшіеся слезами.

Между тѣмъ приготовленія къ забастовкѣ производились какъ-то безпорядочно, небрежно, нервно. Наталья, начавшая снова заходить къ Мирону, разсказывала, что все идетъ такъ, словно взяли на себя скучную, ненужную обязанность. Собирались деньги, и никто не зналъ, у кого касса. Выпускались прокламаціи, и ни одинъ агитаторъ не видѣлъ ихъ. Іону никто не можетъ поймать, бѣгаетъ гдѣ-то за своимъ репортерскимъ матеріаломъ для газеты. Рисецкій уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе за добываніемъ свидѣтельства о благонадежности для поступленія въ университетъ. Между тѣмъ, по словамъ Вѣры, достаточно начальству взглянуть на Рисецкаго, чтобы убѣдиться въ его полнѣйшей благонадежности во всѣхъ смыслахъ. Безпорядокъ, неискренность, инертность! Толкуютъ о возрожденіи, а сами трупы; гальванизируютъ себя этими фразами о возрожденіи. Вѣра суетится, бѣгаетъ, глаза горятъ, а все безъ толку. Единственно, кто дѣлаетъ что-нибудь,—это Костя, Женя, нѣсколько агитаторовъ изъ рабочихъ да... обстоятельства. Она, Наталья, бросилась помогать, но теперь видитъ, что гораздо лучше отойти и не прибавлять безпорядка. Ко всему еще Дара наотрѣзъ отказалась принимать участіе въ дѣлѣ, и многіе рабочіе сомнѣваются въ необходимости забастовки. Китъ важничаетъ и строитъ генерала. Это раздражаетъ и злитъ. Однимъ словомъ, чувствуется что-то дѣланное, ненормальное, насильственное.

Миронъ слушалъ молча, разсматривая Наталью и неожиданно бралъ за руку. Наталья сразу же умолкала, точно мысли ея наталкивались на стѣну. Потомъ быстро вырывала руку и продолжала. И снова Миронъ слушалъ, потомъ, усмѣхаясь, бралъ руку, сильно сжималъ ее, и Наталья опять вся блѣднѣла и умолкала.

— Перестаньте, Миронъ,—глухо сказала она однажды, не глядя на него.

— Почему?

— Сами знаете. Вы слишкомъ заразительны. Иначе я никогда больше не приду къ вамъ.

— Развѣ?

— Увидите.

Миронъ продолжалъ свое, а она снова приходила. Иногда уводила его къ себѣ и пѣла ему. Онъ лежалъ на кушеткѣ, курилъ и съ той же усмѣшкой смотрѣлъ на ея полную раздвоенную спину. А когда присаживалась къ нему, сильно обнималъ, притягивалъ къ себѣ и шепталъ безстыдныя страстныя слова. Наталья молча вырывалась, глаза становились безсильными, на блѣдныхъ щекахъ выступалъ румянецъ. Миронъ, тяжело дыша, наблюдалъ за ней. Въ большинствѣ случаевъ ничего не говорили, точно условившись вести игру молча.

Иногда Миронъ вдругъ вставалъ, одѣвался и уходилъ, не говоря ни слова. Наталья ищущимъ, вопросительнымъ взглядомъ провожала его. Но какъ всегда ничего не говорила.

О Дарѣ тоже никогда не заговаривали, въ особенности послѣ того, какъ онъ однажды сухо и рѣзко сказалъ, что ему разговоры о ней надоѣли и онъ находитъ ихъ безосновательными.

Въ забастовкѣ Миронъ не принималъ участія, но часто уходилъ къ Ѳедору. Было еще одно воскресное собраніе, но оно не удалось, такъ какъ всѣ были заняты стачкой, а кромѣ того рѣшили не собираться, пока не выяснится вопросъ на заводѣ.

Вопросъ скоро выяснился: общество неожиданно закрыло заводъ. Ходили слухи, что оно только и ждало стачки, чтобы ликвидировать свои запутанныя дѣла. Другіе утверждали, что это только тактическій шагъ со стороны общества. Во всякомъ случаѣ для самихъ стачечниковъ это вышло неожиданнымъ.

Тарасъ появился какъ разъ въ день закрытія завода. У
 Кисельскихъ сидѣлъ Китъ, когда Тарасъ пришелъ. Сообще-

ніе не произвело на него никакого впечатлѣнія, но вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ безцеремонно и пристально разсматривать Кита. Взглядъ былъ горячій, нездоровый, лицо лоснилось и было блѣдно-желто.

Китъ нахмурился, Вѣра удивилась, Дара сдержанно улыбнулась. А Тарасъ разсматривалъ, странно улыбаясь.

— Вы, кажется, очень довольны забастовкой?—наконецъ спросилъ.

Китъ удивленно отвѣтилъ.

— Вы нездоровы, Тарасъ?

— Я? Хо! Очень здоровъ. Но я васъ спрашиваю, вы довольны забастовкой?

— Очень доволенъ.

— Приближаетъ васъ къ соціализму?

— Да...—усмѣхнулся Китъ.

Тарасъ обвелъ его глазами съ ногъ до головы, повернулся къ Дарѣ и, кивнувъ на него головой, сказалъ:

— Онъ и соціализмъ... Много общаго находите?

Китъ покраснѣлъ, красивыя дугообразныя брови его нахмурились. Но съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Тараса.

— Тарасъ! Что съ вами? — съ удивленіемъ вскрикнула Вѣра.

Онъ, не отвѣчая ей, повернулся снова къ Киту:

— Вы удивляетесь? Чему? Тому, что я осмѣлился вамъ, генералу, такія вещи говорить, или въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что имѣете отношеніе къ соціализму?

— Тарасъ!—строго закричала Вѣра.—Идите къ себѣ сейчасъ же!

Тарасъ будто не слышалъ. Съ глубокой загорѣвшейся ненавистью смотрѣлъ онъ на Кита. Тотъ еще больше покраснѣлъ, но презрительно-удивленно усмѣхался. Тарасъ опять быстро повернулся къ Дарѣ.

— Вотъ этотъ человѣкъ меня соціализму училъ! Ну? Какъ вамъ это нравится? Онъ растлилъ меня духовно... Онъ... Этотъ генералъ... А? Слышите вы, вы меня соці-

ализму учили. Хм! Вѣдь это ужасъ! И только теперь я понялъ, какой это ужасъ! Вѣдь это все равно, какъ если бы отъ проститутки любовь узнать, любить ее, обожать и вдругъ узнать, что она—циничная равнодушная проститутка, никакого отношенія къ любви не имѣющая, но изъ...

— Тарасъ! Вы съ ума сошли?! Что съ вами?!—закричала испуганно Вѣра.

Китъ, изъ краснаго сдѣлавшійся вдругъ блѣднымъ, поднялся и всталъ. Вѣра растерянно смотрѣла то на Тараса, то на Кита. Дара съ еще бо́льшимъ вниманіемъ не шевелилась,—видно, она кое-что знала раньше.

Тарасъ замолчалъ и съ ожиданіемъ впился въ Кита глазами. Тотъ отвернулся отъ него и проговорилъ, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Я зайду въ другой разъ.

Тараса словно встряхнуло отъ злобы.

— Вотъ!—повернулся онъ къ Дарѣ.—Вотъ и все! Вотъ! Видите!.. Вѣдь онъ къ тому же еще трусъ, подлый трусъ. Вотъ онъ знаетъ, что я кое-что разузналъ о немъ, и не смѣетъ мнѣ ничего сказать. Не смѣетъ! Вотъ смотрите на него!

— Я съ сумасшедшими и больными говорить не умѣю!—глухо, не оборачиваясь, бросилъ Китъ, протягивая руку Вѣрѣ.

— Нѣтъ-съ!!—вдругъ вспыхнулъ весь Тарасъ.—А я хочу, чтобъ вы говорили! Отвѣчайте мнѣ сейчасъ же, откуда вы узнали, что моя сестра въ связи съ Мироно́мъ?

— Тарасъ!—слабо вскрикнула Вѣра.

— Вѣра! Да не мѣшайтесь вы! Ничего вы не знаете. Это мое дѣло. Отвѣчайте, вы! Откуда?

— Я ничего подобнаго никогда не говорилъ,—съ холоднымъ достоинствомъ повернулся къ нему блѣдный Китъ. Глаза его блестѣли зло и растерянно.

— Врете! Вы мнѣ сами говорили, что что-то знаете, ругали съ негодованіемъ Мирона, выгонять его изъ партіи брались. Называли Олю бѣдной. Этого не было?

— Нѣтъ. Вы меня не такъ поняли.

— Вотъ! Хм! Вотъ всегда такъ! Ну, а третьяго дня вы что говорили о Вѣрѣ и Миронѣ? Что? Отвѣчайте! Ахъ, вы сплетникъ, мерзость! Меня не замѣтили? Но я-то васъ замѣчаю. Я все знаю, все о васъ, о моемъ богѣ! Вѣдь я любилъ васъ, понимаете ли вы это, циникъ!

Тарасъ снова повернулся къ Дарѣ.

— И вѣдь чѣмъ взялъ, скажите вы мнѣ? Что онъ сдѣлалъ для организаціи? Цинизмъ принималъ я за реализмъ, нахальство — за смѣлость, беззастѣнчивость — за знаніе, трусость—за конспирацію. Понимаете ли вы это? А все усы, осанка, голосъ. Тѣло презрѣнное бога мнѣ сдѣлало... Бога!.. Ха... Вѣдь я такъ молодъ былъ... Слышите вы, богъ мой, я молодъ былъ... Ну, дайте же мнѣ въ морду, если не правда! Дайте! Я на колѣни за это стану передъ вами и этотъ самый кулакъ вашъ поцѣлую! Ну?

Китъ рѣшительно подошелъ къ Дарѣ и протянулъ руку. Дара пристально смотрѣла въ его блѣдное усмѣхавшееся недоброй улыбкой лицо. Подала свою руку.

Тарасъ расхохотался.

— Вотъ! Ха-ха-ха! Ахъ, вы соціалисты. Учителя правды! Онъ... учитъ... Онъ теперь ходитъ и уже учитъ, проповѣдуетъ всѣмъ какіе-то шарики отъ беременности... И на билліардѣ играетъ... Это—мой богъ! Ха-ха-ха! Нравственность проповѣдуетъ, громитъ Мирона. Миронъ—пакость, но Миронъ не лицемѣритъ. Слышите вы?! А вы какое отношеніе къ нравственности имѣете? Онъ — герой, бросилъ для революціи трехъ дѣтей и жену. Дѣти и жена голодаютъ, а онъ учитъ шарикамъ партійныхъ дѣвицъ и громитъ порокъ. Это неправда? Нѣтъ? А кто со своимъ отцомъ къ дѣвочкамъ бѣгалъ? Что смотрите? Тоже неправда — скажете? А кто самъ разсказывалъ объ этомъ? Не вы? Кто говорилъ о своемъ отцѣ съ такимъ цинизмомъ, что уши у всѣхъ горѣли? Не вы? И это учителя соціализма? Эти люди приходятъ намъ забастовки устраивать? Они пороки изгоняютъ? О нѣтъ,

теперь вы подождите! По-до-жди-и-те! Теперь съ вами не такъ...

Тарасъ уже весь дрожалъ, глаза страшно блестѣли, нависшій лобъ жирно блестѣлъ.

Изъ своей комнаты на крикъ вышелъ Сергѣй. Замѣтивъ необычайныя лица всѣхъ, онъ съ удивленіемъ остановился и тихо спросилъ:

— Въ чемъ дѣло, господа?

Китъ пожалъ плечами и указалъ на Тараса.

— Лѣчить его надо.

Тарасъ, увидѣвъ Сергѣя, закричалъ:

— Товарищъ Сергѣй! Идите сюда! Вотъ... Я несогласенъ съ Сергѣемъ, до глубины души несогласенъ, даже больше— зломъ проклятымъ называю всѣ эти души, метафизики, но Сергѣя я уважаю! Глубоко уважаю! Слышите, Сергѣй, я васъ глубоко уважаю, а вотъ этого господина... Слышите, Сергѣй, этотъ господинъ тоже доволенъ забастовкой ради соціализма... Ха-ха-ха! Вы не удивляйтесь! Теперь вездѣ начался поворотъ къ возрожденію, такъ онъ тоже громитъ порокъ, распущенность и пропагандируетъ шарики! Ха-ха-ха! Онъ вамъ предлагалъ? Навѣрно предлагалъ!

— Что такое? — изумленно смотрѣлъ на всѣхъ Сергѣй. Китъ, пожимая плечами, втискивая горло въ грудь и разводя руками, сталъ тихо съ возмущеніемъ что то говорить ему. Но Сергѣй, видно, не особенно слушалъ его, вопросительно глядя на Дару. Та же усмѣхалась и молчала. Вѣра окончательно растерялась и молча смотрѣла на всѣхъ.

А Тарасъ продолжалъ все съ большимъ возбужденіемъ:

— О чемъ онъ говоритъ, товарищъ Сергѣй? О шарикахъ? Или о соціализмѣ? Господинъ Михаилъ, генералъ Китъ, будьте добры немножко громче, и я хочу знать, какъ обращаться съ соціализмомъ и шариками. Ха-ха-ха! Онъ очень хорошо разсказываетъ, въ особенности о шарикахъ Съ подробностями, со слюнкой и съ добродѣтельными словами...

 Я слыхалъ... О, я услышалъ многое теперь, послѣ тюрьмы.

— Тарасъ, успокойтесь... — подошелъ къ нему Сергѣй

Тарасъ вдругъ страшно разсердился.

— Да чего вы?! Что вы вступаетесь за него? Вѣдь вы сами знаете, что это — пакость, вѣдь вы сами говорили что онъ... Что? Нѣтъ? Неправда? Вы не говорили, что этого господина трудно уважать? Что онъ заинтересованъ лишь ролью генерала, а до соціализма ему столько же дѣла, какъ курицѣ до сѣвернаго полюса? Это — не ваше выраженіе? Нѣтъ?

— Тарасъ, я васъ не понимаю...

— Почему? Почему не понимаете? Что я не такъ, какъ вы, не деликатенъ и говорю ему прямо въ морду правду? Да ему мало этого,—ему плевать нужно въ морду Вѣдь это... Вѣдь онъ гадитъ всѣхъ, онъ сестру мою Олю, эта гадина... Убирайтесь отсюда! Вонъ негодяй!

Тарасъ въ бѣшенствѣ бросился на Кита. Китъ машинально отступилъ назадъ, но Дара быстро схватила Тараса и удержала.

— Пустите, я ему плюну въ рожу. Кумиру моему плюну.. Пустите!

Сергѣй, легонько подталкивая и уговаривая Кита, проводилъ его въ переднюю.

Тараса усадили. Руки у него сильно дрожали, на губахъ выступила пѣна, онъ дышалъ съ трудомъ, точно въ минуту взбѣжалъ на высокую гору.

— Успокойтесь, Тарасъ, успокойтесь, голубчикъ, не нужно такъ... — взволнованно говорила Дара, пожимая его руки.

У Вѣры отъ испуга широко раскрылись глаза· она суетилась возлѣ него, предлагала воды, одеколону, заглядывала ему въ лицо.

Сергѣй, возвратившись, съ недоумѣніемъ обратился къ Дарѣ:

— Да что здѣсь вышло? Почему?

Дара неохотно стала ему объяснять, но Тарасъ сейчасъ же возбужденно перебилъ ее:

— Невѣрно! Я только плюнулъ на одного изъ кумировъ своихъ! Вотъ... Довольно! Они всѣ такіе, какъ этотъ. И вамъ, Вѣра, не вѣрю... Не вѣрю... Не для соціализма... и всякихъ тамъ душъ вы эту забастовку... Знаю. Не вѣрю. Вижу, почему... И вамъ, Дара... Все знаю, вижу... Довольно. Ложь, обманъ, гипнозъ, мерзость все и больше ничего! Нѣтъ ничего, никакихъ соціализмовъ, коммунизмовъ, анархизмовъ, все—ложь, обманъ, гадость! Довольно. Пустите меня. Извините, что... Ну, все равно. Васъ, Сергѣй, я уважаю. Не согласенъ съ вами, но уважаю. Смѣшно, но такъ чувствую. Пустите меня. Ну думайте, что разочарованіе... Да, я, можетъ, самъ потому замѣтилъ, что... тѣло мое.., но тѣмъ вѣрнѣе... Значитъ, да. Это, значитъ, вѣрное доказательство...

— Тарасъ, Тарасъ...

— ...А этотъ мерзавецъ... Охъ, какъ заболѣла голова! Но все равно... Онъ теперь пойдетъ и будетъ всѣмъ разсказывать, что я съ ума сошелъ. Солидно, съ убѣжденіемъ, серьезно... Пусть. Я, можетъ, и сойду съ ума,—съ души сойду, хе!

— Тарасъ, голубчикъ, довольно!

...—но еще не сошелъ, еще нѣтъ. О, нѣ-ѣтъ, еще, погодите... Еще много... И вы слушайте, вотъ слушайте меня, я васъ очень прошу. Я сдѣлаю гадость, я... Впрочемъ, я думаю, что это не гадость, я довелъ мысль до конца и самъ, понимаете: самъ думаю уже, что это—не гадость. Это очень важно... О, это... Но вы будете думать, что гадость... Такъ я это для Оли... Вы понимаете? Я знаю, что не надо этого говорить, но вы честные и... Впрочемъ, я еще не знаю. Но... Вѣдь если нѣтъ души, значитъ, все ерунда, заблужденіе... Стойте! Вы читали, что если курицу положить на полъ и провести отъ носа линію мѣломъ, то она будетъ лежать неподвижно? Правда? это — гипнозъ. Вотъ.

Вы не вѣрите? Что вы такъ странно смотрите на меня? Это—фактъ. Если хотите, мы попробуемъ. Знаете, всякаго человѣка можно загипнотизировать.

— Тарасъ, милый, лягте!

— И знаете, вѣдь это ужасно смѣшно, что мы всѣ похожи на этихъ курицъ съ линіями. Вы вотъ только возьмите и внимательно, внимательно подумайте надъ этимъ, и вы увидите, что ужасно смѣшно. Ха-ха-ха! Всѣ—курицы! Я знаю, вы не вѣрите, вы думаете, что я сошелъ съ ума. Это невѣрно. Бросьте эту мысль, она не выдерживаетъ критики. Я только все вижу. О, все, все вижу, всю эту вашу цивилизацію, культуру, мистицизмы всякіе... Вотъ какъ на ладони вижу. Поднялъ голову, понимаете... Хе! провели мнѣ линіи: мать — божественную, этотъ подлецъ — соціалистическую, тотъ —третью, а я взялъ да и поднялъ голову Ха... ха... ха! Взялъ и поднялъ. И ничего нѣтъ, и можно поднять, и линіи эти совсѣмъ ничего: просто мѣлъ и больше ничего. А другіе лежатъ и боятся..

— Ну, Тарасъ, вамъ нужно лечь! — рѣшительно взяла его подъ руку Дара и стала приподымать.—Вставайте. Довольно. Надо успокоиться, нечего тутъ тары-бары разводить...

— «Тары-бары»...—повторилъ Тарасъ, глядя на Дару съ болѣзненно-нѣжной улыбкой.

— Вотъ эти ваши словечки... Простыя... Вы, Дара, — очень умная, но вы—тоже курица. Вы тоже души боитесь. Но это—только мѣлъ. Вы увидите. Но вы—самая лучшая.

— Ну, ладно, ладно... Вставайте, идемте...

— Вы, Дара...

— Сергѣй, да помоги же! Вѣра!

Сергѣй и Вѣра бросились помогать. Тарасъ испугался.

— Что такое? Въ чемъ дѣло, господа? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Я самъ... Если нужно, то я самъ... Вотъ... Идемте... Я согласенъ.

Его отвели лечь и заставили лечь. Онъ покорно легъ и даже глаза закрылъ. Но сейчасъ же открылъ ихъ и сказалъ:

— Дара! Если такъ, то дайте мнѣ ваты. Я не могу... шумъ всякій... Впрочемъ, сидите, сидите, у меня есть, у меня есть. Вотъ... Я забылъ... У меня здѣсь всегда вата есть...

Онъ поднялъ подъ собой уголъ тюфяка и вынулъ изъ-подъ него комокъ ваты. Оторвавъ два кусочка, скрутилъ два шарика и заткнулъ ихъ въ уши.

— Теперь не такъ шумно...

Дара невольно улыбнулась.

Тарасъ сейчасъ же вынулъ одинъ шарикъ.

— Что вы сказали?

— Ничего...—отвѣтила Дара.

— А я думалъ... Улыбнулись вы... Вы—страшно хорошая, Дара... Такая понимающая... Вы не сердитесь на меня?

— Лежите и спите. А если будете болтать, буду сердиться.

Вѣра и Сергѣй озабоченно шептались о чемъ-то.

Тарасъ слабо улыбнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду... Я усталъ... Я ужасно усталъ. Я это почувствовалъ, когда легъ... Но... Вѣра! Я вамъ хочу сказать наединѣ нѣсколько словъ... Хорошо? Дара, не сердитесь, я нѣсколько словъ...

— Ну, глупости! Говорите, сколько хотите. Идемъ, Сергѣй!

Дара и Сергѣй вышли, а Вѣра подошла къ кровати. Она съ глубокой и робкой жалостью смотрѣла на него.

— Сядьте возлѣ меня,—чуть слышно, волнуясь, попросилъ онъ.

Вѣра быстро сѣла, взяла его руку и страннымъ, пугливо-ожидающимъ взглядомъ впилась въ него.

Тарасъ волновался.

— Вѣра...

Вѣра сжала руку, жалко какъ-то улыбнулась и ждала.

— Вѣра! Поцѣлуйте меня... Одинъ разъ... Одинъ... Пусть это будетъ не то... Я буду... Я когда не сплю, думаю о васъ... Всякія исторіи... Вѣра я...

Вѣра вдругъ обняла его, нашла своими губами его губы и крѣпко, судорожно застыла въ долгомъ поцѣлуѣ. Потомъ оторвалось, встала и, бросивъ шопотомъ «спите», быстро вышла.

Тарасъ приподнялся на локтѣ, хотѣлъ что-то сказать и, не сказавъ, въ недоумѣніи потеръ лобъ и, странно улыбнувшись, упалъ на подушку.

IX.

На другой день съ утра Тарасъ былъ тихъ, задумчивъ и печаленъ. Вѣра встрѣтила его за чаемъ нѣсколько натянуто и виновато. Но онъ этого не замѣтилъ и, очевидно, искалъ случая что-то сказать ей наединѣ.

Но это ему не удалось. Произошли событія, которыя отодвинули все на задній планъ.

Началось съ крестьянъ. Еще не встали утромъ изъ-за стола, какъ раздался звонокъ, и выбѣжавшая отворить Анисья прибѣжала въ столовую и объявила, что пришли «наши мужики» и хотятъ видѣть пана.

Оказалось,—депутація, притомъ самая нелѣпая, грязная, оборванная, составленная изъ бѣднѣйшихъ мужиковъ, арендовавшихъ у Кисельскаго землю. Когда-то онъ занимался адвокатурой, но теперь оставилъ и жилъ только съ аренды.

Мужики привезли деньги, но депутацію снабдили порученіемъ: просить пана Кисельскаго уступить землю по шести рублей десятину вмѣсто платимыхъ десяти. И употребили свою обыкновенную хитрость: въ депутацію выбрали самыхъ захудалыхъ мужиковъ, при чемъ, очевидно, велѣли имъ одѣться побѣднѣе и имѣть угнетенный видъ. Главой же депутаціи избрали Панаса Гныду, кротко-ѣдкаго старичка и Омелька Подкидька, придурковатаго молодого мужика, до странности похожаго на Сергѣя. Говорили въ селѣ, что Омелько былъ незаконорожденный сынъ Семена Васильевича, прижитый съ красивой, взбалмошной бабой-солдаткой. Семенъ Васильевичъ ничѣмъ этихъ слуховъ не подтверждалъ, но мужики упорно и хитро всегда выставляли напередъ Омельку, когда нужно было просить пана о чемъ-нибудь важномъ. И, странное дѣло, подкрѣпленныя такимъ образомъ просьбы ихъ почти всегда исполнялись, а Семенъ Васильевичъ каждый разъ словно не замѣчалъ Омельку. Но послѣ того бывалъ очень язвителенъ и насмѣшливъ съ домашними, что было признакомъ большого раздраженія на самого себя.

Теперь этотъ Омелько стоялъ впереди всѣхъ въ прихожей и ухмылялся. Иногда озирался назадъ и подмигивалъ односельчанамъ, утирая надѣтой на руку шапкой носъ. Односельчане угнетенно, глубоко вздыхали, крестились и съ тоскливымъ испугомъ смотрѣли на грязные слѣды своихъ ногъ.

Всѣ вышли изъ столовой въ гостиную послушать. Семенъ Васильевичъ хмуро выслушалъ Панаса Гныду и усмѣхнулся.

— Вамъ не стыдно, господа? — укоризненно покачалъ головой.—У васъ хватило совѣсти итти съ такой просьбой ко мнѣ?

Панасъ Гныда сложилъ молитвенно руки.

— Ой, паночку! Чтобъ насъ земля святая не носила, какъ намъ легко итти до васъ съ этой просьбой. Не совѣсти, а терпѣнья, паночка, не хватило! Голодъ не терпитъ...

— Ежели бъ у такихъ горницахъ,—вдругъ ухмыльнулся Омелько, подмигнувъ Вѣрѣ,—то и потерпѣть можно.

Вѣра покраснѣла, а Семенъ Васильевичъ покосился на Омелька и сердито сказалъ:

— Пустое, господа, выдумали, пустое!.. Нельзя. Я и такъ вамъ противъ сосѣдей-помѣщиковъ отдаю... просто за пустякъ, а вы... Нехорошо такъ, нехорошо... Вамъ ежели медъ, такъ тутъ и ложкой. Нехорошо...

— Паночку!—вскрикнулъ Панасъ.—Вотъ чтобъ мнѣ старому человѣку на томъ свѣтѣ черти языкъ вырѣзали и свиней имъ кормили, если я сбрешу вамъ хоть одно слово. Вѣрите, — полсела уже хлѣба своего не имѣютъ! Хоть на годъ намъ это облегченіе окажите... Смилуйтесь!.. Плюньте на насъ да скажите: «бѣсъ съ вами, берите». Ей Богу, паночку родненькій! Вотъ такъ скажите, да и пойдемъ мы себѣ. И пойдемъ, паночку... Ей Богу!.. Этотъ годъ платили десять, изъ шкуры лѣзли да платили, а теперь и шкура лопается. Ой, паночку, лопается наша шкура, чтобъ уже ворогамъ нашимъ такъ лопалась. Возьмите, паночку, шесть... Будьте отцомъ!

— Цѣна хорошая!—вздохнулъ Омелько и дружественно улыбнулся Сергѣю. У того лобъ былъ покрытъ рябью складокъ. Дара искоса посмотрѣла на него. Сама она все время стояла съ горящими внизу щеками и напряженно, остро всматривалась въ убогія, испуганныя фигуры крестьянъ. Изогнутыя брови грозно нахмурились, ноздри приподнимались, бѣлѣя на концахъ.

Тарасъ стоялъ въ самыхъ дверяхъ и исподлобья хмуро поглядывалъ то на Омелька, то на Сергѣя, точно сравнивалъ. Омелько, встрѣчая его взглядъ, глуповато-хмуро подмигивалъ, утираясь шапкой.

Мужики не сводили съ Кисельскаго морщинистыхъ, обвѣтренныхъ, слезящихся глазъ и робко и жадно ждали. Онъ съ усмѣшкой жевалъ свой усъ и слушалъ Панаса.

— Вотъ что,—вдругъ заявилъ онъ.—Послѣднее слово: уступаю вамъ еще одинъ рубль, но больше ни за что не могу. Ни за что!

— Паночку!

— Нѣтъ!—вдругъ почему-то сильно разсердился Семенъ Васильевичъ и сейчасъ же быстро раздражительно обернулся ко всѣмъ:

— Вотъ собрались. Что тутъ интереснаго?

— Вы бы ихъ хоть сѣсть пригласили!—громко и рѣзко сказала Дара.

Это вышло такъ неожиданно, что всѣ сначала и не поняли. Семенъ Васильевичъ даже съ недоумѣніемъ поднялъ брови, но сейчасъ же нахмурился, махнулъ рукой и съ злымъ раздраженіемъ сказалъ:

— Ахъ, оставьте вы пожалуйста хоть теперь... Не до вашихъ идей тутъ...

И повернулся снова къ крестьянамъ. Тѣ, тоже съ недоумѣніемъ поглядѣвъ на Дару, тотчасъ же опять жадно вытянули къ нему, какъ гуси, головы.

Дара зардѣлась вся до ушей, но ничего не сказала. Сергѣй тревожно кашлянулъ, переступилъ съ ноги на ногу и поправилъ пенснэ. Вѣра усмѣхнулась.

Дара вдругъ повернулась и, не спѣша, но твердо вышла изъ гостиной.

Сергѣй посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Семенъ Васильевичъ ни за что не уступалъ и былъ въ такомъ раздраженіи, что даже одинъ разъ грубо, нелѣпо выругался, отчего еще больше разсердился. Вѣра въ негодованіи быстро вышла. Остальныхъ же выгналъ Семенъ Васильевичъ, крича, что никому не позволитъ никакого контроля надъ собою. Еще соціализма нѣтъ, и онъ покорнѣйше проситъ позволить ему самому распоряжаться своей собственностью! Наставленій слушать не желаетъ.

Крестьяне окончательно были перепуганы и подавлены. Переговоры не привели ни къ чему.

Вручивъ двѣ тысячи Кисельскому, они по одному, спотыкаясь и неловко ступая по полу, вышли на лѣстницу. Стоя
 у себя въ комнатѣ у окна, Тарасъ видѣлъ, какъ они на улицѣ

одѣвали шапки, грустно, недоумѣло и долго совѣщались о чемъ-то и потомъ все такъ же гуськомъ поплелись куда-то налѣво.

Дара уже не видала этого. Она прошла къ себѣ въ комнату, сложила, по обыкновенію, руки на груди и быстро ходила изъ угла въ уголъ.

Постучали.

— Войдите!—крикнула она.

Вошелъ Сергѣй. Дара взглянула на него такъ, какъ смотрятъ на человѣка, о которомъ знали, что именно онъ войдетъ.

Сергѣй, пытливо и виновато поглядывая на нее, молча прошелъ къ столу и раскрылъ лежавшую книгу. Дара сейчасъ же отняла ее, отложила въ сторону и, смотря прямо въ лицо ему, рѣшительно заговорила:

— Вотъ что, Сергѣй: если ты пришелъ говорить мнѣ о томъ, что я сдѣлала глупость, наивность, а ты, конечно, за этимъ пришелъ...

— Ничего подобнаго...

— Ну, все равно, ты это думаешь. Погоди. Я сама это думаю. Этимъ, конечно, не поможешь. Но вотъ что: я больше не могу! Не могу, довольно съ меня! Невыносимо.

— Что именно? — тихо, безъ удивленія, словно заранѣе зная отвѣтъ, спросилъ Сергѣй, опять потянувшись за книжкой.

— Все это!—рѣзко оттолкнула она его руку отъ книги.— Или помѣщики мы,—тогда благотворительныхъ комедій нечего намъ ломать... Онъ уступилъ?

— Нѣтъ...

— Конечно. Такъ вотъ, или мы помѣщики, воры, да, я согласна съ Мироновъ... Впрочемъ, это я тебѣ и раньше говорила... Такъ вотъ: или помѣщики,—тогда ѣдемъ за границу, плюнемъ на всякія партіи, давай мнѣ нарядовъ, любовниковъ, развлекай меня... Или же съ комедіями разъ на-

всегда покончить: работать. Никакихъ рентъ, мужиковъ, ничего. Хочешь?

Сергѣй грустно улыбнулся.

— Дара, прости меня, я опять скажу: это наивно... Не обижайся... Но ты подумай, что̀ ты говоришь. Вѣдь сама знаешь, что это невозможно... Невозможно, смѣшно, ненужно...

— Ты находишь?

— Господи, Дара, ну, какъ же иначе? Вѣдь это выйдетъ такая же комедія, только смѣшнѣе и вреднѣе. Отдать землю крестьянамъ, надѣлать съ десятокъ мелкихъ буржуевъ, піявокъ, а самому бѣгать по урокамъ, искать переписки, дрожать надъ копейкой и не имѣть ни одной свободной минуты для партійной работы... Ну, къ чему это?

Дара смотрѣла ему прямо въ лицо. Усмѣхнулась.

— Скажи, Сергѣй, ты понимаешь, что я хочу или нѣтъ?

— Признаюсь, слабо понимаю...

— Это видно. Несмотря на то, что̀ мы чуть не каждый день до тошноты говоримъ объ этомъ, ты все-таки упрямо, какъ будто нарочно, не хочешь понять меня. Даже странно. Ты пойми, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до твоей земли. Продай ее, отдай деньги на партію, выбрось ихъ,— мнѣ это безразлично. *Я хочу работать.* Понимаешь? Не комедію ломать, а серьезно. На себя работать, сама себя содержать на свѣтѣ. Мнѣ стыдно корчить заступницу крестьянъ, когда сама беру съ нихъ. Мнѣ, вообще, стыдно, что меня кто-то содержитъ. Понимаешь ты меня или нѣтъ? Человѣкъ прежде всего долженъ быть активнымъ въ жизни. Прежде всего. А что это за активность, если самое главное, если все существованіе поддерживаютъ за тебя другіе? Что это?.. «Партія, служеніе партіи, на партію деньги». Вздоръ, самообманъ все! Заработай и дай на партію, — это иное дѣло. А давать то, что принесли крестьяне, это ерунда. Все отдай, если ужъ такъ! Э, да и не въ этомъ суть.

Скучно, нудно мнѣ безъ работы. Вотъ и все! Не могу, не привыкла...

— Ты вѣдь работаешь... для партіи...—совсѣмъ тихо и скучно сказалъ Сергѣй.

Дара усмѣхнулась.

— Ну, довольно...

Наступило тяжелое молчаніе. Дара ходила по комнатѣ, а Сергѣй усиленно разсматривалъ свои тонкія бѣлыя руки съ желѣзнымъ отливомъ.

— Ну, а если бы я... отдалъ все на партію? — вдругъ тихо, не поднимая головы, началъ онъ.

Дара остановилась.

— Ну?

— Ты пошла бы тогда со мной?.. И ничего бы... больше не было?

Дара молчала. Потомъ глухо спросила:

— Это была бы жертва для меня?

— Допустимъ...

— Нѣтъ, съ тобой бы не пошла тогда!

Какъ будто какое-то облегченіе послышалось въ ея голосѣ. Сергѣй внимательнымъ долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Почему?—наклонилъ опять голову.

— Потому, что *обязана* была бы платить тѣмъ же. Обязана была бы жить съ тобой. Не равными были бы. Знала бы, что для меня сдѣлалъ, а уходя отъ тебя, лишала бы всего. Тяжело.

Сергѣй съ еще бо́льшимъ вниманіемъ разсматривалъ свои руки.

— И только *поэтому* не пошла бы?

Дара сильно покраснѣла.

— Что значитъ?.. Конечно!

— Почему ты такъ ухватилась, что это жертва?

Дара нахмурилась.

— Потому, что это—жертва. Ты не самъ это дѣлаешь! Самъ увѣруй, что такъ нужно сдѣлать! Ну, оставимъ.

Руки у Сергѣя слегка дрожали, но онъ ихъ разсматривалъ.

— Значитъ?—бросилъ еле слышно.

— Что «значитъ»?

— И такъ тебѣ... невыносимо и... отдавъ все, невыносимо...

Дара не отвѣчала. Вдругъ въ страстной злобѣ заломила руки и встрепенулась всѣмъ гибкимъ, сильнымъ тѣломъ.

— Эхъ! Схватила бы все это проклятое, разметала бы къ чорту во всѣ стороны! Эхъ, какъ необыкновенно, шарлатански скверно все это! Фу!

— Значитъ?—еще тише и настойчивѣе повторилъ Сергѣй.

— Ничего не значитъ! Не знаю. Довольно объ этомъ. Посмотримъ... Иди, я хочу быть одна.

Сергѣй не двигался. Потомъ глубоко вздохнулъ, поднялъ голову и медленно пошелъ къ выходу.

Дара искоса наблюдала за нимъ, суровая, злая. Вдругъ быстро подошла къ нему, обняла за плечи, повернула голову къ себѣ и съ глубокой нѣжностью, жалостью заговорила:

— Прости, Сережа... Не могу я, голубчикъ... Ты, можешь, ты привыкъ, а мнѣ чуждо это все... Эти крестьяне... Какъ не вижу, еще туда-сюда, но какъ увижу... Но мы еще подумаемъ. Ты еще подумаешь... Ты хорошій. Ты мой тихій, нѣжный... Не сердись на меня, золотко...

Сергѣй взглянулъ на нее. Глаза большіе, чистые умоляюще глядѣли на него, губы свѣжія, нѣжныя раскрылись такъ по-дѣтски, безпомощно, трогательно.

Онъ мучительно медленно повелъ головой, усмѣхнулся, молча высвободился и вышелъ.

Дара неподвижно, съ болью смотрѣла ему вслѣдъ. А брови уже грозно хмурились.

X.

Тарасъ, по всѣмъ признакамъ, былъ глубоко и странно взволнованъ происшедшимъ. По уходѣ крестьянъ онъ долго ходилъ у себя въ комнатѣ, выходилъ въ гостиную, снова возвращался къ себѣ... Наконецъ одѣлъ свою пеструю фуражку и вышелъ изъ дому. Видъ у него былъ растерянный, напряженно-тревожный. И въ то же время казалось, что тревога и растерянность эти — безсознательны, что тревожится и торопится не самъ Тарасъ, быть можетъ, даже удивляющійся этому, а кто-то другой внутри его.

Возлѣ дома, гдѣ жилъ Миронъ, остановился и оглянулся. Да, домъ тотъ, гдѣ живетъ Миронъ. Тарасъ глупо ухмыльнулся и вошелъ на лѣстницу.

Миронъ чертилъ. Повидимому, спѣшилъ, но Тараса принялъ охотно, серьезно и даже нетерпѣливо, точно съ минуты на минуту ждалъ его.

— Почему такъ долго не приходили? Ну, ладно, ладно, садитесь... Я сложу мои принадлежности...

— Почему же я долженъ былъ притти къ вамъ? — сердито спросилъ Тарасъ. Онъ тяжело дышалъ, взойдя по крутой лѣстницѣ.

Миронъ сложилъ инструменты, повернулся къ нему и, дѣловито потирая руки, серьезно, быстро проговорилъ:

— Потому, милый, что вы—не дуракъ и не безчувственный малый. Ну, выкладывайте, что придумали?

— Я ничего не придумалъ. И откуда вы взяли...

— Ничего не придумали?—удивился Миронъ и даже покраснѣлъ слегка отъ гнѣва.—А Олю вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Давно?

— Дня три.

— Ну, вотъ! Такъ ступайте и сейчасъ посмотрите да послушайте ее. Уходите. Мнѣ некогда съ вами глупые разговоры разводить. Я думалъ... Уходите!

Тарасъ мрачно, пристально посмотрѣлъ на него и медленно, странно произнесъ:

— Кисельскому мужики деньги привезли. Аренду просили уменьшить, не согласился.

— Та-а-къ?—протянулъ, сразу успокоившись, Миронъ и въ свою очередь внимательно и даже съ любопытствомъ оглядѣлъ Тараса.

— Это хорошо-о... Почему же вы сразу этого не сказали? Великолѣпно. Ну, такъ какъ.

— Что «какъ»?

— Что думаете?

— По поводу чего?

Тарасъ былъ тревожно, но искренно удивленъ.

— Слушайте,—усмѣхнулся Миронъ.—Вы пришли ко мнѣ дурака валять или, въ самомъ дѣлѣ, не понимаете? Деньги эти... А сколько?

— Двѣ тысячи.

— Ничего себѣ... Ну, такъ какъ? Ну ясно и прямо спрашиваю васъ: деньги эти вы оставляете Кисельскому или отнимите, какъ у вора, и дадите своей семьѣ? Имѣйте въ виду, что Оля еле держится и не сегодня-завтра пойдетъ къ Салдѣеву. Я не могъ видѣть ее вчера и сегодня, но... (онъ полѣзъ въ карманъ и вынулъ кошелекъ) — вотъ вамъ пятнадцать рублей, возьмите ихъ и моментально, сейчасъ же несите къ себѣ домой. Это скажите, пока, а больше потомъ будетъ... Правда?

— Не знаю...—тихо сказалъ Тарасъ, машинально беря деньги.

Миронъ молча, испытующе поглядѣлъ на него.

— Да вы, милый человѣкъ, чего же, собственно, прибѣжали ко мнѣ? Сообщить радостную новость, что Кисельскіе денежки получили? «Не знаю». А кто же знаетъ, позвольте васъ спросить? Я, что ли?

Тарасъ глуповато улыбнулся. Миронъ наблюдалъ за нимъ.

— Ну, я васъ серьезно спрашиваю: по какой такой на-

добности вы явились ко мнѣ? Почему такъ спѣшили? Вѣдь вы отдышаться до сихъ поръ не можете. Ну?

— Не знаю!—буркнулъ, нахмурившись Тарасъ, и сталъ приподыматься.

— Да сидите!—крикнулъ Миронъ.—Когда мужики были? Давно?

— Полчаса... часъ...

— Хмъ! Никуда Кисельскій не выходилъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ что, Тарасъ: ступайте домой, то-есть къ Кисельскимъ, и слѣдите за старикомъ. Понимаете? А вечеромъ ровно въ восемь часовъ бѣгите сюда. Здѣсь будутъ ждать васъ... Впрочемъ, нѣтъ. Приходите сюда, я вамъ здѣсь скажу, гдѣ вы встрѣтитесь съ помощниками. У нихъ будетъ все, что нужно. Вамъ нужно будетъ только повести ихъ. Понимаете? Помощникамъ придется, навѣрно, половину дать...

Тарасъ блѣднѣя, все шире и шире смотрѣлъ на Мирона.

— Вы это о чемъ?—наконецъ растерянно перебилъ его.

— Я? О васъ. Сегодня ночью вы должны взять у Кисельскаго деньги. И непремѣнно сегодня, потому что онъ долго ихъ у себя держать не будетъ. Вы умно сдѣлали, что поспѣшили. Но дѣло нужно сдѣлать въ эту же ночь. Риску очень мало. Не берите только всего, такихъ господъ это раздражаетъ, оставьте и ему половину. Пятьсотъ помощникамъ, пятьсотъ себѣ. Что глядите такъ?

— Я этого не могу...—тихо сказалъ Тарасъ, блѣдно желтый весь.

— Почему?—рѣзко, строго спросилъ Миронъ.

Тарасъ молчалъ.

— Почему, я васъ спрашиваю? Боитесь?

Тарасъ презрительно и нетерпѣливо повелъ плечомъ и головой.

— Ну, такъ почему же? Безнравственно? Подло? Да?

Тарасъ потеръ лобъ.

— Не знаю...—съ трудомъ проговорилъ онъ.

— Но вы должны это знать! Слышите? Отвѣчайте: почему? Да скорѣе, ежели дѣлать, то времени терять на колебанія нечего. Ну? Да или нѣтъ?

— Н... нѣтъ...—выдавилъ изъ себя Тарасъ.

Миронъ нѣсколько мгновеній пристально разсматривалъ его, потомъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Эхъ, кваша вы! Лѣчиться вамъ нужно. Значитъ, вы не продумали до конца о ворѣ?

— Почему вы говорите со мной такимъ тономъ?—угрюмо спросилъ Тарасъ.

— Какимъ?

— Власть имѣющимъ.

— Это мое дѣло. Я васъ спрашиваю: продумали иль нѣтъ? Впрочемъ, праздный вопросъ. Лѣчиться вамъ сначала нужно. Ну, ладно... Плюньте.

Миронъ оборвалъ и заходилъ по комнатѣ. Затѣмъ остановился у стола и долго смотрѣлъ въ окно, странно улыбаясь. Въ желтовато-зеленыхъ глазахъ его пробѣгали насмѣшливо-веселыя искры.

— Ну, оставимъ это!—вдругъ повернулся къ Тарасу.— Слышите, Тарасъ? Оставьте. Не можете и не нужно. Придумаемъ что-нибудь другое. Идите домой, лягте и лежите. Это—самое лучшее въ вашемъ положеніи. Только деньги Олѣ занесите.

Тарасъ поднялъ голову и мутными глазами посмотрѣлъ на Мирона.

— Скверно мнѣ...— тихо, точно извиняясь, сообщилъ онъ.—Если бы не это, я бы продумалъ... Видите: вотъ, скажемъ, собаки... Онѣ тоже чувствуютъ раскаяніе, напримѣръ... Значитъ, есть совѣсть? Правда?

Миронъ недовольно поморщился.

— Оставьте, говорю! Идите домой.

— Нѣтъ, подождите... Такъ же нельзя. Это вѣдь не рѣ-

 шеніе вопроса. А если собаки... это, пусть такъ, значитъ,

и у нихъ нравственность есть? Но опять же, какое мнѣ дѣло, что у собаки нравственность? Правда? Я самъ по себѣ. Важно то, что у *меня* нѣтъ. У *меня*. А у меня... есть. Стойте! Это, значитъ, такъ: Кисельскіе мнѣ помогали... очень помогали... Да, помогали... Потомъ я иду и ночью говорю: давай деньги. Ты укралъ у мужиковъ, ты—воръ, о, я знаю,—постоянный, систематическій, законный, самый зловредный воръ... Э, это я хорошо знаю... Да... Но... ты, значитъ, мнѣ давай. А потомъ? Опять жить у нихъ? Ѣсть съ ними? Какъ будто ничего не случилось. Да развѣ это возможно?

Миронъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Думаете, что невозможно?—спросилъ онъ.

— Ну, а какъ же? Какъ же это возможно?!

— Ну, такъ и нечего объ этомъ толковать больше. Плюньте, идите домой и ни за что не дѣлайте. Боже васъ сохрани вдругъ схватиться и сдѣлать. Сами себя потомъ загрызете. Не нужно. Идите домой, придумаемъ что-нибудь другое. Нельзя.

— Вы такъ думаете?—нерѣшительно и недовѣрчиво заглянулъ ему въ лицо Тарасъ.

— Да, я такъ думаю. До свиданія.

И Миронъ рѣшительно удалилъ его изъ квартиры. При этомъ онъ самъ одѣлся и вышелъ съ нимъ на улицу.

Тарасъ послушно пошелъ въ томъ направленіи, куда шелъ Миронъ, и машинально дошелъ до квартиры Кисельскихъ.

Тихо было во всѣхъ комнатахъ. Въ прихожей висѣла шляпа старика Кисельскаго, что Тарасъ для чего-то съ удовольствіемъ отмѣтилъ, хотя сейчасъ же и забылъ объ этомъ.

День прошелъ тяжело для всѣхъ. Спать разошлись рано.

И вдругъ ночью, часа въ три старикъ Кисельскій разбудилъ Екатерину Андреевну, Екатерина Андреевна—Вѣру и Дару, Дара—Сергѣя, а Тарасъ проснулся самъ отъ шума голосовъ. Одинъ Коля спалъ.

Семенъ Васильевичъ былъ очень блѣденъ, полурастерянно, полунасмѣшливо улыбался и не могъ стоять на мѣстѣ, дѣ-

лалъ шага три впередъ и возвращался, снова три шага и возвращался.

Катерина Андреевна съ ужасомъ слушала его. Всѣ были поражены.

Семенъ Васильевичъ разсказалъ слѣдующее.

Едва онъ успѣлъ заснуть, какъ вдругъ былъ разбуженъ какими-то шорохами и свѣтомъ въ своей комнатѣ. Быстро приподнявшись на постели, онъ увидѣлъ прямо надъ собой двѣ фигуры въ маскахъ и картузахъ,—онъ отлично помнитъ, что въ картузахъ, еще у обоихъ козырьки блестѣли отъ свѣчи. Въ рукахъ револьверы.

— Браунинги?—для чего-то спросила Вѣра, вся мелко, нервно дрожа и кутаясь въ большой платокъ.

— Извините, мадемуазель, въ этомъ я не совсѣмъ хорошо разбираюсь, браунинги или какой чортъ!—бросилъ ей Семенъ Васильевичъ.

Словомъ, они были съ револьверами, и револьверы были направлены прямо на него. Всегда непріятно видѣть у себя передъ лицомъ дуло револьвера, а если ихъ два, то вдвойнѣ непріятно.

Гости въ маскахъ не затруднили его длиннымъ разговоромъ. Одинъ изъ нихъ шопотомъ предложилъ ему вручить имъ одну тысячу рублей, а другую великодушно разрѣшилъ оставить себѣ, ибо имъ извѣстно, что сегодня мужики принесли ему цѣлыхъ двѣ тысячи, каковыя въ банкъ еще не отнесены.

Въ домѣ было абсолютно тихо. Точно всѣ нарочно притаились. Возлѣ двери Сергѣевой комнаты чуть виднѣлась въ темнотѣ еще одна фигура. Можетъ быть, ихъ еще было съ десятокъ.

Предложеніе было сдѣлано настолько спокойно и увѣренно, что чувствовалось за нимъ непреклонное рѣшеніе стрѣлять въ случаѣ отказа. Ему, Семену Васильевичу, не хотѣлось доводить своихъ гостей до такихъ крайнихъ поступковъ. Поэтому онъ взялъ тысячу рублей и вручилъ пе-

реднему господину. Этотъ съ очень вѣжливымъ поклономъ принялъ, пересчиталъ и тутъ же зачѣмъ-то половину вручилъ другому. Очевидно, если одного поймаютъ, то другая половина все-таки уцѣлѣетъ.

Послѣ этого они все такъ же шопотомъ порекомендовали Семену Васильевичу не шумѣть, не кричать и, вообще, для собственнаго спокойствія поскорѣе забыть объ этомъ инцидентѣ. Они очень милые и заботливые люди. И ушли.

Однако онъ не удержался и разсказалъ сейчасъ же, какъ только они вышли. Пусть не обижаются, это ихъ не обезпокоитъ, а происшествіе довольно любопытно.

И Семенъ Васильевичъ нервно потиралъ руки.

Это было такъ невѣроятно, неожиданно, такъ просто и скоро, что всѣ сначала думали, не шутитъ ли Семенъ Васильевичъ. Но цѣпочка у дверей была перерѣзана, на полу остались слѣды грязныхъ ногъ, дверь стояла незапертой.

— Это кто-то свой! — въ возбужденіи вскричала Катерина Андреевна.—Непремѣнно свой!

— Почему? — удивился Сергѣй. Онъ былъ, повидимому, угнетенъ разсказомъ отца. Часто взглядывалъ на Дару, но она съ большимъ платкомъ на головѣ, прикрывавшимъ плечи, не смотрѣла на него. Была блѣдна и странно волнующе красива.

— Почему? — воскликнула Катерина Андреевна.—А потому, что кто же другой могъ знать, что получено отъ крестьянъ двѣ тысячи? Кто?

— Да кто угодно.

— Какъ это «кто угодно»?

— Ахъ, мама! Да сами крестьяне могли это сдѣлать. Или сказали кому-нибудь Мало кому...

Тарасъ большими, напряженными глазами смотрѣлъ на всѣхъ, сидя на диванѣ какъ-то страшно ровно, неподвижно, оцѣпенѣлый.

— Нѣтъ! — упрямо замотала головой Катерина Андреевна.—Это—свой! Нужно слишкомъ хорошо все знать, чтобы

притти въ тотъ же день. Чужой не могъ такъ знать расположеніе комнатъ, дверей и... всего. Они вѣдь прямо къ Семену Васильевичу прошли. Прямо... Безъ всякаго шума... Не искали... Я голову даю, что это... Миронъ!

— Ахъ, мама!—досадливо вскричала Вѣра.

Сергѣй криво улыбнулся. Дара съ глубокимъ изумленіемъ посмотрѣла на Катерину Андреевну и вся покраснѣла отчего-то.

— Что «мама»? — обернулась Катерина Андреевна въ сторону Вѣры.—Что? Этого не можетъ быть? Да?

— А одинъ изъ нихъ, между прочимъ, фигурой очень похожъ на Мирона,—усмѣхнулся Семенъ Васильевичъ, не переставая ходить.

Тарасъ вдругъ вскочилъ, растерянно, испуганно посмотрѣлъ и, пробормотавъ что-то, со страннымъ видомъ побѣжалъ къ себѣ. Никто не обратилъ на него особеннаго вниманія и скоро всѣ разошлись, какъ-то сразу прекративъ разговоръ о Миронѣ. Но всѣ стали задумчивы.

На другой день объ экспропріаціи стало извѣстно всей улицѣ, такъ что Семенъ Васильевичъ принужденъ былъ дать заявленіе въ полицію. Былъ составленъ протоколъ; осмотрѣли двери, перерѣзанную цѣпочку, невытертые слѣды ногъ и все записали.

Между прочимъ, утромъ за чаемъ, когда Семенъ Васильевичъ язвительно высказывалъ предположеніе о томъ, что придется имѣть дѣло съ полиціей, Дара вдругъ обратилась къ Катеринѣ Андреевнѣ и небрежно сказала:

— Мнѣ кажется, мама, что вамъ не слѣдуетъ ничего говорить о Миронѣ. Вы навѣрно ничего не знаете, а человѣка если не повѣсить, то въ тюрьмѣ подержать могутъ... Да и для насъ это нехорошо: подумаютъ, что мстимъ ему...

И глаза ея пытливо и напряженно слѣдили за Катериной Андреевной. Обведенные темной полосой, они казались полны какой-то ночной тайны. Видно, не спала всю остальную часть ночи.

Катерина Андреевна даже испугалась.

— Ну, конечно, конечно! Я только такъ... Вотъ еще недоставало, чтобъ еще и это стали о насъ говорить...

— Я это потому, что вы ночью...

— Ночью были всѣ возбуждены... — глухо сказалъ Сергѣй и закашлялся. Онъ выглядѣлъ очень плохо, былъ весь сѣрый, большая голова его казалась еще больше, а грудь плоская и согнутая, какъ вогнутое стекло. Желтая бородка уныло загибалась внутрь.

Тарасъ ничего не говорилъ и скоро ушелъ къ себѣ. Тамъ онъ легъ на неубранную кровать и, глядя въ потолокъ, лежалъ цѣлый день. Обѣдать не пошелъ. Иногда вскакивалъ, быстро, точно убѣгая отъ чего-то, бѣгалъ по комнатѣ и снова ложился.

Во всей квартирѣ тоже замѣчалось скрываемое возбужденіе. Старались говорить о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, намѣренно-беззаботно смѣялись, но у каждаго эта преднамѣренность замѣчалась слишкомъ ясно. Поэтому къ вечеру всѣ были уже хмуры, раздражены и прятались по своимъ угламъ.

Было часовъ шесть. Дара зажгла въ гостиной свѣчу и тихо играла что-то строгое и печальное.

Сергѣй будто за какой-то надобностью нѣсколько разъ неслышно выходилъ изъ своей комнаты, проходилъ въ гостиную, искалъ что-то и, покашливая, нерѣшительно смотрѣлъ въ красивую, словно выточенную спину Дары. Она, не оборачиваясь, искоса взглядывала на него и продолжала играть. Онъ уходилъ къ себѣ.

Вдругъ раздался звонокъ.

Дара поднялась и пошла отворить.

Вошелъ Миронъ.

— Здра-а-вствуйте! — весело протянулъ онъ, входя въ прихожую.—Тарасъ до-о-ма?

— Дома...—тихо отвѣтила Дара.—Входите...

— Я на мину-у-тку...

Дара молча повернулась и пошла къ Тарасовой комнатѣ.

— Тарасъ!—постучала въ дверь.

— Войдите!—глухо послышалось.

Дара открыла дверь и прерывисто, точно ей трудно было говорить, сказала:

— Тамъ... хочетъ... васъ видѣть... Миронъ...

— Миронъ?!—испуганно вскочилъ Тарасъ.

— Почему вы такъ?—будто удивилась Дара.

— Ничего... Такъ... Я сейчасъ... Я сейчасъ... Я вотъ только... Ну—да... Позвольте... Онъ тамъ?

Онъ окончательно растерялся. Въ блѣдной полосѣ фонарей съ улицы видно было его бѣгающіе, широко раскрытые, тревожные глаза.

— Да что съ вами?!—вдругъ разсердилась Дара.—Идите, онъ васъ ждетъ!

Тарасъ сейчасъ же торопливо бросился впередъ.

Миронъ ждалъ на порогѣ гостиной, спокойно посматривая вокругъ и одной рукой подтягивая усъ кверху.

— Войдите въ гостиную, — рѣзко бросила ему Дара.— Чего стоите тамъ?

— Я не надо-о-лго...

— Все равно.

Миронъ вошелъ. Дара прошла близко возлѣ него, посмотрѣла будто мимоходомъ въ лицо ему и поправила ногой коверъ.

Подбѣжалъ Тарасъ.

— Здравствуйте...—растерянно сказалъ онъ и ищущими глазами впился въ Мирона.

— Здра-а-вствуйте!—отвѣтилъ Миронъ, быстро, но внимательно окинувъ его глазами съ ногъ до головы. А мнѣ васъ ну-у-жно... Что вы такой? Нездоровы? Хочу сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Хорошо, я сейчасъ...—заторопился Тарасъ.—Мы здѣсь... или пойдемъ?

— Лучше пойдемъ...

 — Хорошо, я сейчасъ...

И продолжалъ стоять, странно глядя въ лицо Мирона, точно ища на немъ чего-то.

— А вы слышали, Миронъ, — вдругъ громко и спокойно заговорила Дара,—у насъ сегодня ночью экспропріація была...

— Да что вы?! — удивленно, быстро повернулся къ ней Миронъ.

— Да.

— Какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ. Явились замаскированные господа, прошли къ Семену Васильевичу и съ револьверами въ рукахъ потребовали тысячу рублей.

— Ну, и?—высоко поднялъ брови Миронъ.

Дара пристально посмотрѣла на него. Ноздри ея волновались.

— Ну, и Семенъ Васильевичъ далъ имъ. Они ушли. Вы развѣ объ этомъ не слыхали?

— Я? — весело удивился Миронъ. — А откуда же мнѣ знать? Вотъ такъ штука! Ну, и что же? Сейчасъ, конечно, слѣдовало полицію позвать. Какъ же такъ?!

Что-то искрящееся, насмѣшливо-веселое бѣгало въ его зеленоватыхъ глазахъ.

— Полиція была позвана.

— Да? Понятно! Это вѣдь чортъ знаетъ что такое! Семенъ Васильевичъ, конечно, сильно разстроенъ? Вотъ такъ исторія! Много ихъ было?

— Не знаю. Два были въ кабинетѣ. Семенъ Васильевичъ говоритъ, что одинъ изъ нихъ очень похожъ на васъ.

Миронъ весело расхохотался.

— На меня? Да не можетъ быть?! Вотъ это мнѣ нравится... Еще чего добраго вздернутъ... Ха-ха-ха! Да вѣдь они въ маскахъ, говорите вы, были?

Дара не сводила съ него глазъ, странныхъ, взволнованныхъ, мягкихъ.

— Фигурой похожъ.

— Фигурой? Ну, это еще туда-сюда... И больше ничѣмъ?

— А вы боитесь?

— Понятно! Вотъ не было печали! Удовольствіе на висѣлицу итти. Не желаю.

— Если это были не вы, такъ что же вамъ?

— Ну, это... знаете... Да слушайте: вы, кажется, не на шутку думаете, что это я былъ? Ха-ха-ха! Вотъ это мнѣ нра-а-вится!..

И Миронъ весело развелъ руками.

— Это любопы-тно! Ну, а вы, Тарасъ, все-таки того... берите вашу шапку да идемъ. Да что глядите такъ на меня, какъ на привидѣніе или въ самомъ дѣлѣ на экспропріатора. А? Идите одѣвайтесь, идемъ.

Тарасъ машинально повернулся и пошелъ въ свою комнату. Миронъ съ улыбкой глазъ оглядывался кругомъ.

Затѣмъ будто вспомнилъ что-то, вскрикнулъ «ага!» и быстро полѣзъ въ карманъ. Вынулъ какое-то письмо и съ любезной улыбкой протянулъ его Дарѣ.

— Хорошо, что вспомнилъ. Прочтите.

Дара развернула письмо и прочитала:

«Ты напрасно, Роня, ходишь, понапрасну ножки бьешь. Не ходи и дурака тутъ не строй. Съ меня смѣются уже за тебя, а ежели желаешь, чтобы тебѣ повѣрила, возьми свою Дару да Вѣру, приходи съ ними сюда, поклонись мнѣ въ ножки передъ всѣми, поцѣлуй въ руку меня и моего гостя, вотъ тогда буду видѣть, что уважаешь. А дамы твои пущай станцуютъ съ нашими гостями. И меня попросятъ. И пущай съ кавалерами приходятъ. А безъ нихъ и не лазь, бо выгоню. Марія Купченко.»

Дара, нахмуривъ брови, возвратила письмо Мирону.

— Она, навѣрно, въ пьяномъ видѣ писала это? — почти равнодушно проговорила.

— Возможно. И не одна, а коллективно. Но тѣмъ не менѣе приглашеніе ея принимаете? Вы когда-то хотѣли...

Дара посмотрѣла на него.

— Вамъ очень хочется, чтобы я обидѣла сестру?

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что пойду. Я этого не хочу...

— Какъ вы деликатны!

Миронъ неловко засмѣялся и спряталъ письмо.

Дара задумалась, точно сразу забыла о письмѣ и сумрачно разглаживала складки скатерти на столѣ. Высокая молодая грудь ея подымалась и опускалась. Она, повидимому, чѣмъ-то была сильно взволнована.

— Миронъ! Это вы сдѣлали экспропріацію? — вдругъ тихо, быстро спросила она и взглянула на него кроткими, довѣрчивыми, странными глазами.—Вы? Да?

Миронъ удивленно поднялъ брови.

— Да что вы?! Богъ съ вами!

— Миронъ, скажите мнѣ!

Миронъ вдругъ сразу покраснѣлъ весь. Глаза злобно потемнѣли. Онъ тоже понизилъ голосъ.

— Да вы что? Наивность разыгрываете или меня наивнымъ считаете? Что вы въ самомъ дѣлѣ? Хотите доискаться, кто выдралъ у васъ тысченку? Въ полицію обращайтесь!

Дара поблѣднѣла и молча глядѣла на него. И вдругъ приложила руку къ щекѣ и съ какимъ-то горестнымъ испугомъ, точно только сейчасъ замѣтивъ, тихо почти безсознательно протянула:

— Охъ, какъ же вы меня ненави-и-дите! Какъ ненавидите!

Миронъ быстро взглянулъ на нее, крякнулъ, безпокойно зашевелился и рѣшительно встряхнулъ головой, словно выбрасывая изъ нея что-то лишнее.

— Вы скоро тамъ, Тарасъ?—громко окликнулъ онъ.

— Сейчасъ... Сейчасъ... Ищу... — послышалось изъ комнаты Тараса.

Дара отняла руку и, точно отъ боли хмуря брови, глухо и твердо сказала:

— Скажите, вы очень меня ненавидите?

Миронъ еще больше нахмурился, безпокойно помялъ шляпу и ничего не сказалъ.

— Скажите, мнѣ теперь очень хочется это знать... Миронъ!

Миронъ взглянулъ на нее, усмѣхнулся и нетерпѣливо повернулся къ Тарасовой комнатѣ.

— Да скорѣе, Тарасъ! Какого чорта тамъ?

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать? — тихо бросила Дара, закусивъ губу и тяжело дыша.

— Нѣтъ!

— Почему?

— Потому, что не хочу.

— Почему же не хотите?

Миронъ круто, злобно повернулся къ ней.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ?! — вспыхнулъ онъ — Что вамъ нужно отъ меня? Что вамъ отъ моей ненависти или любви? Что за разговоръ такой? Скажи ей, ты ли сдѣлалъ... Да что вы?! Что за странная наивность такая? Съ какой стати я стану откровенничать съ вами, хотя бы и я сдѣлалъ? Ненависть? Какая ненависть? За что? Что вы мнѣ? Идите къ Кисельскимъ о чувствахъ толковать, а меня оставьте въ покоѣ. Или этой удочкой хотите выловить свою тысячу? Жаль, правда? Бѣдные! Ничего, мужички снесуть еще яичко, не простое, а золотое... Да и полиція постарается.

Дара закрыла лицо руками, точно защищая его отъ злыхъ, шипящихъ словъ. Отняла руки и блѣдная, со вздрагивающими отъ муки губами, криво улыбающимися, тихо сказала:

— Охъ, какъ вы больно мнѣ дѣлаете! Охъ, какъ больно!

И медленно покачала головой, какъ дѣлаютъ это при невыносимой голову кружащей боли.

Миронъ умолкъ, поблѣднѣлъ, быстро ступилъ къ ней и вдругъ сразу остановился.

— Э, такъ лучше! Все равно! Прощайте!

И круто повернувшись, поспѣшно, точно убѣгая, пошелъ

въ прихожую. Дара тихо, медленно опустилась на стулъ и все такъ же, криво, бессознательно улыбаясь, безсильно оперлась всѣмъ тѣломъ о его спинку.

Въ это время выбѣжалъ Тарасъ.

— Уже... Иду!.. Шапку искалъ... Подъ кроватью...

Онъ на бѣгу одѣвалъ фуражку и не замѣтилъ Дары.

На улицѣ нѣкоторое время шли молча. Миронъ былъ мраченъ, а Тарасъ тревожно, несмѣло заглядывалъ ему въ глаза и ежился отъ холода.

— Вы — дуракъ! — вдругъ рѣзко сказалъ Миронъ, поворачиваясь къ Тарасу.

Тотъ не обидѣлся, только удивился.

— Понимаете? Что смотрѣли на меня такъ? Что тутъ ужаснаго, если бы вы даже ничуть не сомнѣвались, что это я былъ? Что одну изъ многихъ тысячъ выдралъ у вора? Дуракъ вы! Смотритъ, какъ теленокъ на новыя ворота. Можетъ, болтали еще что-нибудь о нашемъ разговорѣ? Да?

— Нѣтъ, я никому ничего не говорилъ.

— То-то же. Еще этакой глупости нехватало. Сдѣлалъ я. При мнѣ пятьсотъ рублей, которые я вамъ сейчасъ дамъ. Другіе помощники взяли. Я вамъ ихъ не далъ бы, если бы не зналъ, что Оля не возьметъ отъ меня. Кромѣ того, я, вѣроятно, скоро уѣду отсюда.

Тарасъ что-то пробормоталъ.

— Молчите. Слушайте. Поэтому я ихъ вамъ даю. Вы такъ сдѣлайте: положите ихъ въ сберегательную кассу; нѣкоторое время будете жить, какъ раньше. Вы дали вашимъ тѣ пятнадцать рублей, что я далъ?

— Нѣтъ... Я забылъ...

— Эхъ, какъ вы глупы! Почему же не дали? Развѣ вы не понимаете, чортъ бы васъ забралъ, что вашимъ теперь каждый рубль дорогъ! Сейчасъ же ступайте и отнесите! Слышите?

— Хорошо... — прошепталъ Тарасъ.

— А пятьсотъ занесите въ сберегательную кассу и пока

не трогайте. Потомъ какъ-нибудь скажете, что встрѣтили одного знакомаго, который, войдя въ ваше положеніе, согласился найти для васъ денегъ. Понимаете? И возьмете сначала рублей сто. На эти деньги, или еще прибавивъ, нужно будетъ нанять для Оли мастерскую. Она пригласитъ еще товарищей и устроитъ артель, что ли. Это проектъ, но пока... Отца въ лѣчебницу. Сами въ санаторію. Иначе васъ всѣхъ чортъ возьметъ.

Тарасъ остановился.

— Я тоже вашихъ денегъ... не возьму... — съ усиліемъ сказалъ онъ.

— Что-о?? — протянулъ Миронъ.

— Я... не могу.

Миронъ пристально посмотрѣлъ въ лицо ему и расхохотался.

— Фу-ты идіоты же вы всѣ какіе! Ну, чего ради вы эту комедію строите?.. Идемте, мы обращаемъ на себя вниманіе... Почему вы не «можете»?

— А вы думаете, что я могу?

— Господи?...

— Постойте! Развѣ это не все равно, что сдѣлать?

— То-есть какъ?

— Такъ. Это все равно. Но я вѣдь не «продумалъ» *сдѣлать*? Правда?

— Ну?

Миронъ спрашивалъ уже не такъ увѣренно. Тарасъ замѣтилъ это.

— А если я не *продумалъ сдѣлать*, развѣ я имѣю право *взять*?

Миронъ нѣкоторое время молчалъ, глядя передъ собой нахмуренными, сосредоточенными глазами. Тарасъ безпокойно заглядывалъ ему въ лицо.

— Не вѣрно! — наконецъ рѣшительно встряхнулъ Миронъ головой.—Здѣсь вы берете отъ меня, а тамъ отъ Ки-

сельскаго. Тамъ вы *отнимаете*, а здѣсъ вамъ *даютъ*. Совсѣмъ новая комбинація. Ну, да это глупости. Берите деньги!

Миронъ вытащилъ изъ бокового кармана пакетъ и протянулъ Тарасу. Тарасъ нерѣшительно взялъ и, держа въ рукахъ, колебался.

— Прячьте, нечего. И сейчасъ же отправляйтесь къ вашимъ. А завтра утромъ занесите въ сберегательную кассу,— сегодня поздно. И кончено... Съ Олей поговорите и ни за что не допускайте до глупостей. Въ случаѣ чего, бѣгите ко мнѣ. Не застанете, оставляйте записку. Поняли?

— Да...

— И слушайте: возьмите себя въ руки. Соберите все свое самолюбіе. Вѣдь вы выглядите такой тряпкой, что смотрѣть на васъ совѣстно. Стыдно! Болѣзнь болѣзнью, а распущенность распущенностью. Если можете, забѣгите завтра сказать мнѣ, какъ все обойдется. А Кисельскіе твердо увѣрены, что это я?

— Нѣтъ... Подозрѣніе только... легкое.

Тарасъ рѣшительно спряталъ пакетъ и плотно сжалъ губы, точно рѣшившись на что-то.

— А какъ Дара отнеслась? — равнодушно бросилъ Миронъ, но искоса зорко поглядывая на Тараса.

— Дара ничего... Сегодня утромъ говорила, чтобъ ничего не говорить полиціи о подозрѣніи на васъ.

— Да?.. А къ... экспропріаціи какъ отнеслась?

— Ничего не говорила... Навѣрно, одобряетъ...

Тарасъ ухмыльнулся.

— Одобряетъ? — еще равнодушнѣе спросилъ Миронъ.— Стра-а-нно... Вы слышали?

— Да, она что-то такое сказала Сергѣю сегодня...

Тарасъ опять усмѣхнулся.

— Сергѣй очень... огорченъ... У соціалиста экспропріація... Ну-ну!

— Хмъ—протянулъ Миронъ задумчиво.

Помолчали. Тарасъ ежился отъ холода.

— Ну, все равно! — вдругъ сильно вздохнулъ Миронъ и засмѣялся.—Такъ и будетъ.

— Что?—спросилъ Тарасъ.

— Ничего. Это я такъ... Ну, такъ до свиданія. Мнѣ сюда... Завтра заходите.

— До свиданія. Зайду.

— Около четырехъ

— Хорошо...

Миронъ зашелъ въ подъѣздъ дома, гдѣ жила Наталья.

XI.

Только послѣ ужина Сергѣй спросилъ Дару, зачѣмъ приходилъ Миронъ. Дара очень равнодушно отвѣтила, что ему нуженъ былъ для чего-то Тарасъ. А на вопросъ, о чемъ говорили, зѣвая сказала:

— Такъ... Не помню... Пустяки какіе-то...

Сидѣли въ комнатѣ Дары. Сергѣй ходилъ изъ угла въ уголъ и осторожно покашливалъ. Дара играла ножомъ для разрѣзыванія книгъ.

Сергѣй остановился и сообщилъ Дарѣ, что онъ нашелъ точку зрѣнія, съ которой всего удобнѣе писать рефератъ о Миронѣ. Это—соціальная гигіена. Въ ней нѣтъ ни морали, ни классовъ. Она важна всѣмъ, какъ буржуямъ, такъ и рабочимъ. Всѣ заинтересованы въ поддержаніи общественнаго здоровья. Такимъ образомъ, Мирону не сдобровать.

Дара слушала со странной улыбкой, иногда краснѣя почему-то и нахмуриваясь. Обводила его тщедушную фигуру глазами и снова краснѣла. Но ничего не говорила.

Сергѣй говорилъ долго. Даже пришелъ въ возбужденіе Дара молчала.

Тихо было. Издали чуть слышно доносились звуки піанино. Играла, должно быть, Катерина Андреевна.

Сергѣй умолкъ и поглядывалъ на Дару. И вдругъ не-

ожиданно тихо предложилъ ей остаться у нея эту ночь, при чемъ покраснѣлъ и виновато, смущенно остановился предъ ней. Дара изумленно молча подняла на него глаза. Въ смущенномъ взглядѣ его было что-то боязливое, ожидающее точно онъ и боялся и ждалъ, что она откажется.

Дара покраснѣла, усмѣхнулась, молча встала, обняла его и тихонько выпроводила изъ комнаты.

— Ступай, ступай... Тебѣ спать нужно. Убирайся. Негигіенично...

И даже засмѣялась рѣзкимъ, сухимъ смѣхомъ. Сергѣй особенно не протестовалъ, бормоталъ что-то, тоже насильственно смѣясь. И въ смѣхѣ этомъ чувствовалось что-то и благодарное, и виноватое, и безпокойно-гнетущее, неразрѣшенное. На порогѣ остановился и хотѣлъ заглянуть ей въ лицо, но она съ мягкой рѣшительностью вытолкнула его и закрыла дверь.

Часовъ до двухъ ночи она не ложилась. Бурно ходила по комнатѣ, грозно нахмуривъ брови и сложивъ руки на груди. Садилась въ кресло, закрывала глаза и откидывала голову на спинку. Тогда лицо, подставленное подъ свѣтъ лампы, показывало горячій румянецъ внизу щекъ и волненіе чуткихъ ноздрей. Снова ходила и снова садилась.

Въ кровати она никакъ не могла улечься, ворочалась, глубоко вздыхала, раскрывалась, снова укрывалась.

На утро глаза ея были обведены темной полосой усталости, но въ лицѣ было выраженіе какой-то насмѣшливой, волнующей рѣшимости.

Часто за обѣдомъ посматривала на всѣхъ и про себя улыбалась, тотчасъ же пряча улыбку. И что-то враждебное пробѣгало въ глазахъ вслѣдъ за улыбкой, враждебное и непреклонное.

Вечеромъ, не говоря никому ни слова, одѣлась, посчитала деньги въ кошелькѣ и ушла. Улыбалась такъ же, какъ за обѣдомъ.

Шла она, видно, по извѣстному, ранѣе намѣченному ею

направленію, хотя часто и внимательно оглядывалась и присматривалась къ домамъ. Выйдя на небольшую улицу, она пошла увѣреннѣе. На перекресткѣ остановилась. Въ двухъ шагахъ былъ подъѣздъ какой-то гостиницы. Надъ дверьми горѣлъ большой фонарь, на стеклахъ котораго была надпись «Имперіаль», а у порога на стулѣ дремалъ швейцаръ въ ливреѣ и картузѣ съ галунами.

Дара рѣшительно подошла къ нему и громко спросила:

— Свободныя комнаты есть?

Швейцаръ быстро поднялъ голову, схватился, снялъ картузъ и, кланяясь, торопливо заговорилъ:

— Пожалуйте, пожалуйте!.. Естъ, есть... Вотъ сюда, вамъ большую?

— Да какую-нибудь. Только не грязную.

— Слушаю-съ.

Швейцаръ позвонилъ, вверху зазвенѣлъ звонокъ, и сейчасъ же послышались бѣгущіе мягкіе шаги. Вверху лѣстницы показался лакей.

— Пожалуйте наверхъ, вамъ тамъ покажутъ... — поклонился швейцаръ.

Дара медленно, спокойно поднялась и пошла за лакеемъ мимо ряда дверей номеровъ. Лакей былъ съ лысиной чуть не до шеи, маленькій, остренькій, съ умными, проницательными глазками.

Отворивъ одинъ изъ номеровъ, онъ зажегъ свѣчу и поднялъ ее. Комната была большая, чистая и даже уютная.

— Хорошо. Я беру ее,—сказала Дара.

— За вещами прикажете на вокзалъ съѣздить?

— Нѣтъ. Я безъ вещей.

— Не угодно ли самоварчикъ?

— Нѣтъ. Ничего не нужно. Поставьте свѣчу на столъ. И подождите.

Дара сняла шляпу, медленно воткнула шпильки, положила ее на столъ и, повернувшись къ лакею, почтительно ожидавшему, спокойно и строго сказала:

— Приведите мнѣ сюда мужчину.

Лакей сдѣлалъ большіе глаза.

— Какъ изволили сказать? — осторожно переспросилъ, боясь, очевидно, что не такъ понялъ.

— Я говорю, приведите мнѣ мужчину. Водите же вы мужчинамъ женщинъ. Ну, вотъ такъ же приведите мнѣ мужчину. Я заплачу ему и вамъ.

Лакей быстрыми взглядами осматривалъ ее и, видно, ничего не понималъ.

Дара строго и величественнно смотрѣла на него, нетерпѣливо хмурила брови.

— Ну, что же вы? Можете или нѣтъ?

— Такъ точно... Но только... Прикажете сейчасъ?..

— Да, сію минуту.

Лакей что-то сообразилъ.

— Слушаю-съ. Какъ прикажете прописать васъ?

— Анна Ивановна Иваненко.

— По паспорту-съ?

Дара гнѣвно посмотрѣла на него.

— Слушайте: вы слишкомъ разговорчивы, это мнѣ не нравится. Уходите и пришлите мнѣ другого.

— Виноватъ-съ... Я только... Какъ, значитъ, мы должны всякаго гостя...

— Довольно. Идите и дѣлайте то, что я вамъ сказала...

— Слушаю-съ...

Лакей задомъ попятился къ двери и исчезъ. Онъ былъ огорошенъ.

Дара сняла пальто, повѣсила его, подошла къ зеркалу и поправила волосы. Ноздри въ зеркалѣ чуть волновались, глаза были блестящи, на щекахъ горѣлъ легкій румянецъ. Волосы золотыми тяжелыми вѣнками вѣнчали чистый лобъ. Она усмѣхнулась сама себѣ въ зеркало и стала ходить по комнатѣ.

Прошло довольно много времени, но Дара все такъ же

ходила, наклонивъ слегка голову, скрестивъ руки на груди и чуть закусивъ нижнюю губу.

Когда послышался осторожный стукъ въ дверь, она подняла голову, удивленно оглянулась и сейчасъ же громко и спокойно сказала:

— Войдите!

Дверь медленно отворилась, и въ комнату осторожными, неувѣренными, но мягкими шажками вошелъ небольшой господинъ. Закрывъ дверь, за которой мелькнула лысая голова и бѣлая манишка лакея, господинъ, вытянувъ и потирая руки, будто моя ихъ надъ умывальникомъ, сталъ подкрадываться къ Дарѣ. Волосы на лбу его были аккуратно расчесаны на двѣ половины, на подбородкѣ висѣла плотная, точно изъ черной ваты сдѣланная бородка, глаза большіе, на выкатѣ, устремленные съ настороженнымъ, похотливо-жаднымъ любопытствомъ.

Дара, быстро обѣжавъ всего его глазами, холодно прищурила глаза и ждала.

— Здравствуйте...—необыкновенно мягко, ласково и съ улыбочкой сказалъ господинъ.

— Здравствуйте,—отвѣтила Дара.

Господинъ еще ближе подкрался и еще съ большой жадностью присматривался. Въ выпуклыхъ глазахъ появилась нелицемѣрное восхищеніе.

— Изволили только что прибыть?

— Да.

Дара еще разъ окинула его взглядомъ и вдругъ пошла къ двери. Господинъ предупредительно побѣжалъ за ней.

— Позвольте, я исполню... Вамъ угодно что-нибудь приказать лакею?

— Да. Я хочу сказать, чтобы онъ попросилъ васъ уйти. Вы мнѣ не нравитесь.

Господинъ покраснѣлъ и откинулся слегка назадъ.

— Какъ вамъ угодно...—съ достоинствомъ произнесъ онъ

и, усмѣхнувшись, добавилъ:—Только вы тоже не очень бы... Потому что мы вѣдь... тоже дамочекъ, такъ сказать... Хе!..

— Вы сами уйдете или звать лакея? — останавливаясь у звонка, спросила Дара.

Господинъ какъ-то смѣшно и, съ оскорбленнымъ видомъ покачивая головой, направился къ двери.

— Какъ вамъ угодно...—пренебрежительно, но съ легкой угрозой бросилъ онъ. И, остановившись на минуту у порога, добавилъ:

— Да-съ... Очень добродѣтельно... Поздравляю.

И вышелъ.

Дара невольно засмѣялась и позвонила.

Моментально мягко вскочилъ лакей.

— Вотъ что, милый,—строго обратилась она къ нему,— вы должны были сами понять, что стариковъ и обезьянъ мнѣ не нужно. Мужчина долженъ быть молодъ и красивъ. Понимаете?

Лакей почтительно поклонился.

— Можетъ, прикажете студента? — вкрадчиво вытянулъ лицо къ ней.—Студентъ здѣсь у насъ стоитъ, молоденькій и очень... подходящіе-съ. Я ужъ думалъ, да ихъ дома не было-съ, а сейчасъ пришли. Съ прогулочки. Они кажинъ день гуляютъ.

— Хорошо. Ведите.

Лакей повернулся и выскользнулъ изъ комнаты.

Дара сильно сжала ладонями горѣвшее лицо и задумалась. Вздохнула, быстро взглянула на шляпу, нерѣшительно подержала на ней взглядъ и, упорно тряхнувъ головой, опустила руки и снова заходила по комнатѣ, нетерпѣливо поглядывая на дверь.

Стукнули такъ же тихо и осторожно.

— Войдите!

Неловко отворилась дверь, и на порогѣ показалась тонкая, чуть согнутая фигура въ студенческой тужуркѣ. Сразу

же на Дару глянули робкіе, небольшіе глаза и молодое смущенное лицо.

— Виноватъ... Я, кажется... Можно войти?

Онъ былъ очень смущенъ, но не отрывалъ глазъ отъ Дары. Дверь за нимъ закрылъ кто-то, очевидно стоявшій въ коридорѣ.

— Можно. Входите,—приказала Дара.

Студентъ ступилъ нѣсколько шаговъ, остановился и виновато, по-дѣтски, молча улыбнулся. Подъ верхней губой у него была будто еще одна губа, зубы ровные и чистые.

Улыбнулась и Дара.

— Ну, садитесь...—ласково сказала, внимательно оглядывая его.

Студентикъ былъ, дѣйствительно, молоденькій, хорошенькій, какъ дѣвочка. Розовый, съ очень красными, пухленькими губами и синими глазами. На верхней губѣ золотистый нѣжный пушокъ.

Онъ неловко сѣлъ и снова улыбнулся.

— Мнѣ сказали, что... вамъ скучно... одной,—началъ онъ, все болѣе и болѣе краснѣя,—но я думалъ, что... Я думалъ какая-нибудь...

— А я развѣ не «какая-нибудь»?—съ улыбкой разсматривая его, спросила Дара.

— Да... То-есть...

— А вы знаете, для чего вы позваны сюда?

Студентъ испуганно посмотрѣлъ на нее.

— Виноватъ... Я, право... Я, можетъ, ошибся... Мнѣ сказалъ лакей...

Дара усмѣхнулась.

— Онъ вамъ вѣрно сказалъ. Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три.

— Развѣ? Не прибавили?

— О, нѣтъ. У меня только видъ такой...

— Первый годъ въ университетѣ?

— Нѣтъ, я уже на третьемъ курсѣ...

— Хм! Вы производите впечатлѣніе первокурсника. Ну, а вы сейчасъ очень поражены... всѣмъ этимъ?

Студентъ смѣлѣе глянулъ и даже задержалъ въ ея глазахъ свой взглядъ.

— Нѣтъ... То-есть, конечно...

Онъ замялся...

— Ну, а если бы сестра ваша пошла такъ, что бы вы?.. У васъ есть сестра?

— Есть.

— Ну?

Студентъ, видно, почувствовалъ себя скверно.

— Я, конечно, не знаю... Можетъ, вы недовольны... Я уйду, я не хотѣлъ васъ оскорбить... Мнѣ сказалъ лакей...

— Что же вамъ сказалъ лакей?

Студентъ опять испугался и хотѣлъ даже встать.

— Да сидите вы!—прикрикнула Дара.—Что сказалъ вамъ лакей? Какъ онъ передавалъ? А впрочемъ, глупости... Не интересно... Я васъ позвала такъ, какъ вы зовете къ себѣ проститутокъ. Слышите? Вы, можетъ, денегъ не возьмете... Но если хотите, я могу вамъ заплатить. Вы мнѣ нужны, какъ мужчина. Понимаете? Вотъ и все. Согласны?

Студентъ съ удивленіемъ, недовѣрчиво поглядывалъ на нее.

— Ну? Что же вы молчите?

Онъ прошепталъ:

— Я согласенъ...

— И деньги возьмете?

И Дара съ любопытствомъ остановила на немъ глаза.

Студентъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ... Какъ это вы!

— Почему же? Вы вѣдь на положеніи проститутки?

Онъ всталъ и безпокойно посмотрѣлъ на нее.

— Въ такомъ случаѣ... Я долженъ... Я уйду...

— Это васъ оскорбило? А если бы я васъ сравнила съ

врачомъ? Вотъ вы мнѣ необходимы, словно врачъ, и заплатила. Это ничего?

Она странно улыбнулась и ждала.

Студентикъ искоса смотрѣлъ на нее,—шутитъ или серьезно говоритъ.

— Это другое дѣло...—наконецъ осторожно сказалъ онъ.

Дара усмѣхнулась и встала.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Когда студентикъ уже уходилъ, онъ смотрѣлъ Дарѣ въ глаза съ такой молящей, робкой покорностью, что являлось желаніе пихнуть его ногой.

— Деньги возьмете?—не оборачиваясь и одѣвая передъ зеркаломъ шляпу, бросила Дара.

— Зачѣмъ вы такъ?—съ просительнымъ упрекомъ прошепталъ онъ.—Я васъ, какъ... [богиню] буду помнить, а вы...

— Я хочу, чтобы вы взяли. Подайте мнѣ мой мѣшочекъ.

Студентъ покорно подалъ ей сумку. Она открыла ее, вынула изъ кошелька десять рублей и протянула. Студентъ покраснѣлъ.

— Берите!—нахмурила брови Дара.—Слышите? Я хочу, чтобы вы взяли. Я не считаю этого дурнымъ. Это за услугу. Берите. А то при лакеѣ дамъ, больше устыдитесь...

Студентъ мучительно краснѣлъ, чуть не плача, протянулъ руку. Дара взглянула на него и спрятала деньги назадъ.

— Эхъ, вы!.. Ну, Богъ съ вами. Уходите. Пришлите мнѣ лакея. Да послушайте: здѣсь передъ вами былъ у меня одинъ господинъ. Я не захотѣла принять его, и онъ съ досады захочетъ, навѣрно, слѣдить за мной. Вы можете не допу-

 стить до этого?

— О, конечно!—встрепенулся студентъ.

— Спасибо. И сами не будете слѣдить?

— Если вамъ этого... не хочется...

— Понятно, не хочется. Ну до свиданія. Пришлите лакея.

Дара расплатилась съ лакеемъ, приказала позвать извозчика и такъ же спокойно, медленно и строго сошла внизъ, какъ и вошла. Изъ одной двери выглядывали любопытныя жадныя лица. Громко засмѣялись. Дара, не оборачиваясь, усмѣхнулась.

У подъѣзда стояли швейцаръ и студентъ. Извозчикъ откинулъ съ сидѣнія кожу и приготовилъ вожжи.

— До свиданія!—кивнула Дара студенту и швейцару. Оба низко поклонились.

Дара усѣлась, сказала извозчику «прямо» и уѣхала.

Тотчасъ же, словно ожидая этого, изъ дверей быстро вышелъ господинъ въ котелкѣ съ плотной бородкой и почти бѣгомъ направился за извозчикомъ. Студентъ моментально ринулся за нимъ, схватилъ его за локоть и остановилъ.

Черезъ двѣ минуты между ними уже разгорѣлась ссора.

Дара же кварталовъ черезъ пять отпустила извозчика и пѣшкомъ дошла домой, порой оглядываясь. Шла она, наклонивъ голову, какъ человѣкъ, подводящій итоги. Иногда поднимала лицо и смотрѣла на огонь фонарей. Въ глазахъ искрилась насмѣшливая улыбка, а подъ ними темныя полосы увеличились.

Проходя мимо дома, гдѣ жилъ Миронъ, она вдругъ остановилась, посмотрѣла на его окна,—въ нихъ свѣтилось,—и нерѣшительно стала переходить улицу. Но на половинѣ остановилась, повернула назадъ и быстро пошла домой.

Было часовъ десять. Въ столовой ужинали. Вѣра сидѣла желтая, закутанная въ большой платокъ и, высвободивъ изъ него правую руку, вяло ковыряла вилкой по тарелкѣ.

Дара какъ-то странно оглянула всѣхъ, усѣлась и съ аппетитомъ принялась ѣсть. Порой подымала голову, снова огля-

дывала всѣхъ, точно хотѣла что-то сказать и, чуть замѣтно улыбнувшись, снова наклонялась къ тарелкѣ.

— Я только что узнала одну тяжелую исторію,—вдругъ громко и съ мрачнымъ оттѣнкомъ сказала она и обвела всѣхъ глазами.—Даже видѣла конецъ... Только что.

Всѣ повернулись въ ея сторону. Она внимательно рѣзала мясо.

— Съ сестрой подруги моей одной... по гимназіи. Сегодня застрѣлилась, только что. Эсерка. Мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а она была на волѣ. Вы слушаете?

Всѣ слушали очень внимательно Катерина Андреевна даже лицо вытянула къ ней.

— Застрѣлилась или отравилась?—вдругъ вяло спросила Вѣра и положила вилку.

— Застрѣлилась. Мужъ ея...

— Это лучше...—поежилась Вѣра и плотнѣе закуталась.

— И неизвѣстно почему?—съ испуганнымъ участливымъ любопытствомъ спросила Катерина Андреевна.

— Нѣтъ, извѣстно. Это-то и интересно. Вы слушайте. Она оставила письмо.

— Ты читала его?—бросила Вѣра.

— Да.

— Страшно интересно, какой почеркъ у самоубійцъ.

— Не мѣшай, Вѣра,—тихо замѣтилъ Сергѣй.

— Да, такъ вотъ она оставила письмо,—наклонилась опять Дара къ тарелкѣ.—Излагаетъ причины... Мужъ въ тюрьмѣ. Неизвѣстно, когда выйдетъ, сидитъ уже годъ. Она—молодая, здоровая и, какъ сама о себѣ написала, «подлочувственная». Страстная, должно быть. Мужа, какъ человѣка да и какъ мужчину, раньше любила, хотя въ послѣднее время... Ну, это не важно. Однимъ словомъ, фактъ только тотъ, что съ мужемъ она не жила. А тутъ былъ товарищъ, которому она нравилась... Подай мнѣ соль, Вѣра... Да... Спасибо. Онъ ей тоже нравился. И, кажется, очень, судя по письму. Мужъ тоже зналъ объ этомъ, то-есть скорѣе догадывался, хотя

молчалъ... Сама же она сомнѣвалась... Не знала. Думала, просто чувственность, потребность въ мужчинѣ. У нея тутъ путанно. Одинъ разъ будто для того, чтобы провѣрить себя, другой разъ выходитъ, будто для того, чтобы удовлетворить себя, что ли, сдѣлала. А сдѣлала она такое. Пошла куда-то въ какую-то гостиницу и потребовала, чтобы ей привели мужчину. Конечно, нашлись... Она разсуждала такъ, что зла, молъ, отъ этого никому не будетъ, а она себя успокоитъ... И вообще... Ну, однимъ словомъ, сдѣлала вотъ это. Въ это время неожиданно выпустили мужа. И какъ-то стало ему извѣстно и даже не какъ-то, а просто тотъ самый, который былъ съ ней въ гостиницѣ, изъ досады, что она больше не хотѣла видѣться съ нимъ, написалъ обо всемъ мужу. Вотъ тутъ и вышла цѣлая исторія. Ее всѣ осудили, даже сестра, а мужъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя. Она и застрѣлилась.

Всѣ нѣкоторое время молчали.

— Да-а...—протянулъ Семенъ Васильевичъ, пуская вверхъ дымъ и слѣдя за нимъ.—Такихъ жизнь должна выталкивать.

— Почему?—спросила Дара и обвела всѣхъ взглядомъ.

Сергѣй задумчиво чертилъ что-то вилкой по скатерти; Катерина Андреевна смотрѣла передъ собой невидящимъ взоромъ, а Вѣра опять вынула руку и нервно мяла шарикъ изъ хлѣба на столѣ.

— Да потому, что она выталкиваетъ всѣхъ, нарушающихъ ея законы,—медленно и неохотно отвѣтилъ Семенъ Васильевичъ.

— Развѣ она нарушила, а не исправила?—усмѣхнулась Дара.

— Мм... этакъ много исправительницъ найдется...

Катерина Андреевна прислушалась.

— А мужчины не исправляютъ?—кинула она, вставая и складывая тарелки.

— Мужчина—одно, а женщина—другое. Мужчина исправилъ и отъ этого ничего не будетъ. А женщина... ребенка родитъ...

Дара пристально посмотрѣла на него, странно прищуривъ глаза.

— Родятъ и мужчины... Но если она приняла всѣ мѣры, чтобы этого не было?

Семенъ Васильевичъ поморщился.

— То все-таки это... мерзость. Женщина, ходящая по гостиницамъ и развратничающая тамъ,—противна.

— Неправда!—вспыхнула Дара.—Она не изъ разврата, а по необходимости.

— Ха! Мироново ученіе, однако, въ лѣсъ не идетъ...

— Мироново ученіе тутъ не при чемъ! Это—ученіе жизни и... простое непониманіе словъ. Развратникъ вотъ!—вдругъ ткнула она пальцемъ въ Сергѣя. Тотъ удивленно поднялъ голову. Глаза его съ какимъ-то тайнымъ испуганнымъ подозрѣніемъ остановились на Дарѣ.

Всѣ тоже съ удивленіемъ посмотрѣли на нее. Она съ вызовомъ усмѣхнулась.

— Развратникъ—вашъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, проѣдающій второе имѣніе. Развратникъ вашъ родственникъ Петръ, живущій только половой жизнью. Развратъ въ излишествѣ и вредѣ отъ него, а если...

Видно, раньше думала это. Но вдругъ остановилась и спокойно продолжала:

— Я это потому, что досадно, что мотивы невѣрно толкуете и притомъ она—мертва и защищать себя не можетъ... Я сама ея не одобряю. Не потому, что она такъ сдѣлала, а потому, что застрѣлилась. Значитъ, сама не вѣрила, что поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ... Она должна была объяснить все мужу... Правда, она объясняла... Ну, онъ не согласенъ. Ладно. Значитъ, нѣтъ никакого духовнаго пониманія, различно смотрятъ на вещи... А коли такъ, то и любви духовной быть не можетъ... Разошлись и кончено. А застрѣлилась—глупо.

— Преступленіе всегда найдетъ свое наказаніе...—глухо сказалъ Сергѣй, чертя опять вилкой по скатерти.

— Преступленіе?—наливая воды въ стаканъ, покосилась въ его сторону Дара.—Ты находишь это... преступленіемъ?

— Безусловно... Преступленіе противъ семьи, противъ своихъ обѣщаній, чистоты... ну, даже нравственности, если хочешь...

Дара выпила воды и усмѣхнулась.

— Странно... Что же, она должна была ждать мужа?

— Безусловно. Или же раньше разойтись съ нимъ. Но не обманывать.

Дара пристально посмотрѣла на него.

— Такъ. А если она любила его, если духовно она чувствовала его тогда близкимъ себѣ? Хотѣла жить съ нимъ, работать, вообще быть другомъ?..

— Ну, какая тамъ любовь, если идетъ къ другому да еще такъ грязно!

Сергѣй сказалъ это дрогнувшимъ рѣзкимъ голосомъ.

Дара чуть поблѣднѣла. Губы все такъ же усмѣхались.

— Но вѣдь она того... въ гостиницѣ не любила, она даже не знала его... Тѣломъ только знала одно мгновеніе... Вѣдь важна духовная любовь... И любовь эта осталась, допустимъ... Или это только въ теоріи, а на дѣлѣ это самое презрѣнное тѣло и составляетъ все? А? Пока она душой измѣняла ему съ товарищемъ, онъ зналъ и не отталкивалъ... Это молъ терпѣть можно, а чуть коснулись тѣла, тутъ ужъ и кончено? Преступленіе и презрѣніе?

Вѣра нервно смяла шарикъ.

— Во всякомъ случаѣ,—вдругъ рѣзко сказала,—далеко порядочнѣе и красивѣе было бы сойтись съ этимъ самымъ товарищемъ, если ужъ... А не мерзости!

Дара съ усмѣшкой поглядѣла на нее.

— Да? Очевидно, она думала иначе.

— Потому что ей хотѣлось просто развратничать!—сорвала руку со стола Вѣра и судорожно закуталась.

— Виноватъ!—вмѣшался Семенъ Васильевичъ, искоса на-

блюдавшій за Дарой.—А вы сами не находите ничего безнравственнаго въ ея поступкѣ?

— А вы находите безнравственнымъ?

— Да.

— Значитъ, вся нравственность, собственно, у васъ въ половомъ актѣ?—жестко бросила Дара. Она уже не усмѣхалась.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Нѣтъ-съ, извините, не «зачѣмъ же», а именно такъ. Мужъ зналъ, понимаете, зналъ о ея духовномъ влеченіи къ товарищу. Зналъ! Но не отталкивалъ. Не было безнравственно. Хотя вся, дескать, суть въ духовныхъ отношеніяхъ, тѣло это пустякъ... Но чуть коснулся другой мужчина этого пустяка, всѣ духовныя отношенія летятъ къ чорту. Въ чемъ же нравственность? Въ чемъ вся суть? Ложь!

— Если она, дѣйствительно, любила мужа, она могла подождать его,—бросилъ Сергѣй.

— А если не могла?

— Ну...—усмѣхнулся онъ.

— Ты не вѣришь? Да, тебѣ, можетъ, не понятно...

Сергѣй быстро взглянулъ на нее. Она враждебно, съ злой улыбкой встрѣтила его взглядъ.

— Ну, господа, довольно!—усиленно равнодушно и громко проговорила Катерина Андреевна, начиная убирать со стола. Вѣра опять выдернула руку и злобно глянула на Дару.

— Значитъ, ты оправдываешь эту гадость: итти въ гостиницу, звать какого-то мужчину, не зная, кто онъ, откуда... Ты можешь это оправдать?

Дара встала.

— Да, могу!—гордо, съ какимъ-то вызовомъ выпрямилась она.

Всѣ быстро посмотрѣли на нее.

— Да, могу! Во всякомъ случаѣ это красивѣе и порядочнѣе нежели то, что ты предлагаешь.

— То-есть?

— То-есть, сойтись съ этимъ товарищемъ и подъ видомъ духовнаго влеченія просто удовлетворять свою физическую потребность. А если еще взять да повѣнчаться, о, это совсѣмъ нравственно и красиво! Правда? «Красиво»... Это красиво—сойтись изъ простой, несознанной, темной потребности и дурачить себя и другихъ, что сошлись духовно? Это—нравственно? А то, что она не хотѣла дурачить и честно хотѣла провѣрить себя, это—преступленіе? Это—безнравственно, что она хотѣла душу свою оставить мужу, эту самую душу, которая для него будто составляла все? Какая ложь и, дѣйствительно, гадость! Скверная, жалкая ложь! Душу ему нужно? Тѣло и только тѣло,—вотъ вся его душа, нравственность, цѣломудріе, философія, все! Не тѣ, которые легко смотрятъ на физическія отношенія, безнравственны, а тѣ, для которыхъ въ нихъ такой ужасъ, мораль и всѣ семейныя отношенія. «Падшая, безнравственная» это—та, которая физически отдалась... Гадкіе лицемѣры предъ самими собою! Собственники! Сойди съ ума, умри, а не смѣй нарушать права собственности мужа. Жди! Или лги, закрывайся душой... Да, я одобряю эту женщину! Я жалѣю ее, что нехватило силъ у ней со смѣхомъ отнестись къ этому презрѣнію. Она была только преступница въ своихъ собственныхъ глазахъ. За это я жалѣю, но поступокъ ея привѣтствую!

Она повернулась и взволнованно и гордо вышла.

Всѣ сидѣли подавленные неловкостью и какой-то общей всѣмъ мыслью. Сергѣй блѣдный весь, со складками на лбу, сидѣлъ не шевелясь. Потомъ вдругъ медленно всталъ и, ни на кого не глядя, пошелъ за Дарой.

Она зажигала у себя лампу.

Сергѣй безъ стука вошелъ къ ней. Дара искоса посмотрѣла на него. Глаза смотрѣли на нее съ болью, страхомъ, жадные, боязливо-ищущіе.

— Дара!.. Какъ фамилія этой... которая застрѣлилась?

Голосъ былъ тихій, сдавленный.

— Ты ея не знаешь,—кинула Дара, надѣвая абажуръ. Лица ихъ отъ этого покрылись тѣнью.

— Но какъ ея адресъ?

— Зачѣмъ тебѣ?

— Такъ... Мнѣ интересно...

Видно, на лбу выступилъ потъ. Онъ вынулъ платокъ и вытеръ лицо. Глаза, широко-раскрытые, напряженно ждали.

Дара закрыла какую-то книгу, убрала бумагу, сдула пыль съ фотографій.

— Дара!..

— Да зачѣмъ тебѣ?

— Мнѣ нужно. Кто она? Гдѣ?..

Она сѣла въ кресло и устало вытянула ноги.

— Я не скажу,—холодно, жестко бросила.

— Почему?—чуть слышно, задыхаясь прошепталъ Сергѣй.

— Потому что не хочу. Вотъ и все. И я устала, хочу спать...

Сергѣй ступилъ къ ней два шага и остановился.

— Дара! Скажи мнѣ...

Онъ дрожащей рукой поправилъ пенснэ, замолчалъ, точно боялся своего вопроса. Дышалъ часто, неровно.

Дара неподвижно ждала. Лучъ лампы игралъ въ ея золотистыхъ волосахъ, разсыпавшись въ нихъ сіяніемъ. Лицо было въ тѣни.

— Скажи... только, Дара... Скажи... эта исторія была въ дѣйствительности?

— Была,—холодно промолвила Дара.

Сергѣй сдѣлалъ еще шагъ.

— Не... съ тобой?

Дара не пошевилилась. Молчала.

— А если бы со мной? Тебѣ же душа важна...

Усмѣхнулась.

Сергѣй подошелъ ближе и нагнулся къ ея лицу. Дара подняла къ нему большіе глаза свои. Онъ криво со страхомъ улыбался.

— Ты шутишь, Дара?

Она окинула холоднымъ брезгливымъ взглядомъ всю его фигуру.

— Нѣтъ, не шучу!

— Дара!!

Колѣни его вдругъ задрожали мелко-мелко, точно потеряли всю силу и вотъ-вотъ подогнутся.

— Это неправда...

Ужасъ, тоска, отчаяніе были въ его голосѣ.

— Это—неправда... Дара!

Дара молчала.

Онъ вдругъ упалъ на колѣни передъ ней, схватилъ холодными пальцами руку ея и жадно заглянулъ въ лицо ей. Губы дрожали, лицо жалко исказилось, на скулахъ выступили красныя пятна.

— Дара... Ради Бога... Не надо... Дарочка! Моя свѣтлая! Ты не могла... Скажи, что это неправда. Вѣдь это жестоко, это... Дара, это неправда, да? Что жъ ты молчишь? Боже мой, Дара, этого не можетъ быть!.. Моя чистая, прекрасная, ты не могла... Дара!

Дара усмѣхнулась.

— Да не было, встань!

— Нѣтъ, ты скажи... Скажи своимъ правдивымъ, смѣлымъ голосомъ...

— Скучно, Сергѣй...

— Зачѣмъ ты мучишь меня? За что?

— Это тебя такъ мучитъ?

— Дара, не нужно... Ну, пошутила, довольно... Довольно... Я не могу... Это меня...

Дара посмотрѣла ему въ перекосившееся измученное лицо и глубоко вздохнула. Усмѣхнулась и какъ бы насильно погладила рукой по щекѣ.

— Ну, успокойся... Я выдумала все это... Иди къ себѣ... Я не спала ту ночь, устала, хочу лечь. Иди, не думай...

— Такъ это неправда? Это неправда?

Глаза его жалко и жадно бѣгали по ея лицу.

Она рѣзко встала и высвободила свою руку. Въ углахъ губъ тѣнью промелькнула брезгливость.

— Сказала же тебѣ, что неправда. Больше вѣдь тебѣ ничего не надо. Выдумала все. Уходи, я спать хочу.

Сергѣй медленно всталъ, поправилъ пенснэ, повернулся, и, не говоря ни слова, пошелъ къ двери.

Дара посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Неправда все это! Слышишь, Сергѣй!—крикнула ему съ какой-то не то жалостью, не то раздраженіемъ за эту жалость, не то гнѣвомъ за недовѣріе.

Онъ, не оборачиваясь, вышелъ.

Дара гнѣвно сдѣлала шагъ впередъ, потомъ сразу же повернулась назадъ, подошла къ кровати и, нахмуривъ брови, стала быстро дѣлать постель.

XII.

Тарасъ, согласно своему обѣщанію, зашелъ на слѣдующій день къ Мирону. Передъ дверью въ квартиру онъ невольно остановился: на звонкѣ была налѣплена записка такого содержанія:

«Если идете по важному дѣлу, отворяйте дверь безъ звонка и входите. Если безъ дѣла, поворачивайте назадъ и уходите».

Тарасъ колебался, но отворилъ дверь и вошелъ. Осторожно постучался къ Мирону.

— Входи-и-те...—послышался протяжный голосъ.

Тарасъ вошелъ и въ удивленіи остановился у порога. Въ комнатѣ полутьма. Окно плотно завѣшено чѣмъ-то темнымъ. На стѣнахъ квадратомъ, въ сажень мѣста, четыре лампадки, краснаго, зеленаго, голубого и желтаго цвѣта. Свѣтъ ихъ неустойчивый, колеблющійся образуетъ на стѣнахъ и потолкѣ странное разноцвѣтное пятно. Внизу на полу въ квадратѣ на какой-то шкурѣ полураздѣтый Миронъ.

Возлѣ него бутылка странной круглой формы, стаканъ, какой-то бумажный пакетъ. Подушки, книги, чернила съ перомъ.

— Входи-и-те... — протянулъ Миронъ, не подымаясь.— Берите сту-улъ и садитесь... Если желаете, свѣ-ѣта, то можете сѣсть подъ свѣти-и-льниками.

Тарасъ нерѣшительно двинулся впередъ, нашелъ стулъ, поставилъ между двумя лампадками и сѣлъ.

— Хотите вина-а!—спросилъ Миронъ.

— Нѣтъ, спасибо... Что это вы... такъ?..

— Что?.. Свѣти-ильники? Я ихъ люблю-ю... Это лучше сѣраго дождя-я...

— Дождя нѣтъ...

— Все равно-о... Солнца нѣтъ... Ну, излага-а-йте... Я слу-у-шаю...

Миронъ взялъ стаканъ, налилъ въ него густой, казавшейся темной жидкости и, опершись на локоть, медленно сталъ прихлебывать. Темные волосы его были тщательно приглажены, усы аккуратно закручены, глаза отсвѣчивали цвѣтами лампадокъ и въ полутьмѣ казались сверкающими.

Тарасъ снялъ картузъ и потеръ лобъ.

— Пятнадцать рублей далъ и въ кассу занесъ.

— Похва-а-льно... Что О-о-ля?

— Они не вѣрятъ, что будутъ деньги... — буркнулъ Тарасъ.

— Естественно...

Тарасъ помялъ картузъ. Миронъ молча прихлебывалъ изъ стакана.

— Я вамъ эти деньги потомъ отдамъ... Потому и взялъ только... Это вы знайте...—серьезно сказалъ Тарасъ.

— Прекра-асно... Отдава-а-йте... А пока возьми-и-те на столѣ стаканъ и выпейте...

— Я не пью!

— Напра-а-сно... Это услаждаетъ тѣ-ѣ-ло, которое вы любите... Кро-омѣ того, я уѣзжа-аю.

— Уѣзжаете?—живо спросилъ Тарасъ.

— Да-а... А кромѣ сего, получилъ свободу на заво-о-дѣ. Свободенъ и не занятъ... Какъ это... есть стихи?.. Впрочемъ, стихи... не ва-а-жно...

— Разсчитали васъ?

— Да-а, находятъ, что мнѣ поле-е-зно перемѣнить хозя-я-евъ... Но это не ва-а-жно... Главное... Ну, главное всегда такъ пря-ячется, что даже со свѣтильниками не разсмо-о-тришь. Правда?

Тарасъ внимательно и хмуро поглядывалъ на него.

— Не знаю...

— Это са-а-мый правильный отвѣ-ѣ-тъ...

Лампадки мигали; двигались сплетенные въ пятно лучи, точно молчаливо и безпокойно боролись надъ головой Мирона; въ углахъ испуганно жались тѣни, будто слѣдили оттуда и боялись выйти.

— Я васъ не понимаю!—вдругъ съ усиліемъ сказалъ Тарасъ.—Почему вы это сдѣлали?

Миронъ отнялъ стаканъ отъ губъ.

— Что сдѣ-ѣ-лалъ?

— Это... Деньги у Кисельскаго? Почему?

— Оста-а-вьте, Тарасъ. Ску-у-чно...

— Я хочу знать! И хочу сказать, что я тоже... То-есть. Ну, однимъ словомъ, до конца мысль я могу довести. Вотъ, И возвращу вамъ... все.

Миронъ лѣниво потянулся рукой къ книгѣ, вытряхнулъ изъ нея письмо и поставилъ стаканъ. Взялъ письмо, вынулъ бумагу изъ конверта и, разворачивая ее, сказалъ:

— Вотъ я вамъ да-амъ пору-ученіе... Когда будете на улицѣ, бросьте это письмо въ я-ящикъ. Хорошо?

— Брошу.

— Я его прочту-у...

Миронъ подставилъ письмо подъ красную лампадку, немного поднялъ его и сталъ читать. Зеленая лампадка покрыла лицо его тоской. Или тоска шла изъ письма? Тарасъ хмуро ждалъ, бѣгая глазами вокругъ себя.

Въ письмѣ было:

«Дара! Я уѣзжаю. Уѣзжая, хочу сказать то, что никогда не говорилось между нами. Не я говорю, тоска говоритъ моя. Пусть она говоритъ. Пусть, я люблю, когда она говоритъ. Люблю, когда смѣется, у нея холодные, бѣлые, какъ снѣгъ, зубы. Она смѣется надо мной. Она знаетъ, что я люблю васъ. Ахъ, Дара, но даже она не знаетъ, до какой степени я люблю васъ! И вы засмѣетесь? Смѣйтесь и вы. Скажу еще смѣшнѣе: люблю такъ, какъ никогда еще не любилъ. Когда-то, когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ и вся земля дышала предчувствіями, когда душа была такъ усѣяна мечтами, что малѣйшій вѣтеръ сдувалъ ихъ, какъ цвѣтъ дерева, только тогда нѣчто похожее на эту любовь выросло однажды у меня... Да, да, улыбнетесь,—я тоже смѣюсь. Правда, я неуклюжій соблазнитель. Это было только разъ. Но я уже зналъ, что если было однажды, то почему не можетъ быть еще разъ? Поэтому я ждалъ. Много цвѣта спало съ души, а я все-таки ждалъ. Много женщинъ прошло мимо; многія задѣвали мое сердце, и въ немъ остались слѣды отъ ихъ поцѣлуевъ и проклятій. А я ждалъ. Были цвѣты, которые не сдувались. И я думалъ: «вотъ придетъ она сильная, свѣжая, родная. Она не будетъ плакать и просить. Она будетъ такъ сильна, что будетъ смѣяться надъ контрактами и договорами. Глубоко родная, пойметъ, и сольется, и впитаетъ меня въ себя. Сильная, какъ земля, она будетъ творить жизнь и разрушать гнилое».

«Ахъ, Дара, чего я только не передумалъ, ожидая! И когда пришли вы, сердце вдругъ дрогнуло и смущенно шепнуло: «это она»! Понимаете, Дара? Глупое сердце, откуда оно могло знать? Оно вѣдь только чувствуетъ. А вотъ смотрите, узнало же!

«Да, да, это такъ смѣшно. Правда? Но я скажу еще смѣшнѣе. Когда я думаю о томъ, что пришла уже та, съ которой я хочу имѣть ребенка,—смѣйтесь Дара,—я чувствую, какъ у меня кружится голова. Вотъ смѣшно! Сердце

такъ замираетъ, такъ великъ восторгъ, наполняющій его, что не помѣщается онъ весь въ сердцѣ, разливается въ руки, ноги, глаза. Тогда хочется плакать, потому что тѣсно ему и въ глазахъ. Тогда хочется плясать, потому что и въ ногахъ ему мало мѣста. Такъ смѣшно! Я часто смѣюсь по ночамъ. Тихо такъ вокругъ, шелеститъ время, уползающее въ прошлое. Знаете, какъ иногда мучительно-тоскливо шелеститъ оно? А я тихонько смѣюсь... И представьте: умная, разсудительная мысль говоритъ, что ничто не стоитъ во времени, даже такая любовь, а сердце,—что подѣлаешь съ глупымъ сердцемъ!—никакого вниманія не обращаетъ на это: хочетъ васъ, плачетъ, тянется къ вамъ, требуетъ ласки, отвѣта. Ну, гдѣ жъ я ему возьму ихъ, Дара? Смѣшно!..

«Тогда мысль приводитъ Вашъ образъ и говоритъ: «ну—вотъ тебѣ твоя Дара». Но это совсѣмъ не Дара, это—праздная дамочка, это—лѣнивый червячокъ жизни, это—трусливая ночная птица, которая не можетъ видѣть себя днемъ, это—чужая, далекая... Это—одна изъ тѣхъ, которыя никогда со свѣтомъ не ходятъ въ подвалы своихъ душъ изъ страха задохнуться отъ грязи. Но снаружи чистыя и спокойно увѣренныя.

«Тогда сердце начинаетъ топать ногами и кричать: «Это—не она!» — «Нѣтъ, она»—говоритъ разсудительная, умная мысль. «Лжешь! Это—не она. Она не можетъ жить въ гнили, она—живая, неспокойная!»—«Нѣтъ, она». И начинается ссора. О, какъ я не люблю этихъ ссоръ! Это хуже всего! Я тогда лежу и слушаю. Когда они помирятся? Дара! Вы этого не знаете? Можетъ, придетъ отъ васъ еще одна мысль и помиритъ ихъ?

«Или отъ старой мысли родится чувство и уничтожитъ старое? Да, тогда настанетъ миръ. А пока я лежу и слушаю. И терпѣливо жду.

«Какъ вы думаете, Дара, чего я дождусь? Можетъ, напи-

 шете мнѣ?

«Впрочемъ о чемъ же вы напишете? О томъ, что я очень искусный актеръ? Но это я и самъ знаю. Для чего же писалъ вамъ? А вотъ этого уже не знаю. Говорю я вамъ, не я пишу, а тоска моя. Она зла, она кусаетъ такъ больно, и зубы у нея холодные, бѣлые. Нѣтъ силъ выдержать. Я сажусь и пишу. А пошлю ли? Вотъ этого, дѣйствительно, не знаю. Если я самъ знаю, что вы уже не сомнѣваетесь въ моихъ актерскихъ талантахъ, то зачѣмъ больше писать? Правда?..»

На этомъ письмо кончалось. Миронъ усмѣхался. Потомъ медленно сложилъ его и такъ же медленно разорвалъ, сложилъ половинки и опять разорвалъ. Клочки аккуратно собралъ около бутылки.

Тарасъ, понуро ожидавшій, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Это—письмо, въ которомъ очень много грамматическихъ оши-и-бокъ,—потянулся Миронъ.—Я хочу написать другое-о-е... Я очень люблю писать грамматическія пи-исьма... Вы куда сейчасъ иде-е-те?

Тарасъ началъ подыматься.

— Сидите, я не для э-этого... Какъ дѣла съ душой у васъ? Не поддается, каналья?

— Поддастся!—угрюмо вдругъ усмѣхнулся Тарасъ.

Миронъ съ лѣнивымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Тарасъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и мялъ картузъ, кружа въ рукахъ.

— Поддастся? Это любопы-ытно... Когда-а?

— Скоро... Во всякомъ случаѣ, рабочихъ они не затянутъ уже въ свою философію... Это уже чорта съ два! Хм! Это подождутъ...

— Любопы-ытно... Что же вы «имъ» сдѣ-ѣ-лаете?

Тарасъ молчалъ. Пятно безвучно колебалось на стѣнѣ и потолкѣ. Миронъ взялъ стаканъ съ виномъ.

— Увидятъ! — вдругъ поднялъ голову Тарасъ.— Все увидятъ... Довольно!.. Будетъ съ насъ... Можетъ, этимъ

панкамъ и нужна философія, ну, а намъ... извините... Это извините уже... Будетъ съ насъ соціализмовъ... Достаточно загипнотизировали... Доста-точно...

Миронъ тихо улыбнулся.

— Будетъ съ рабочихъ и тѣ-ѣ-ла одного?

— Да! Это вѣрнѣе...

— Какой вы не хоро-о-шій... Все имъ, а рабочимъ только тѣ-ѣ-ло. Рабочимъ ску-у-чно бу-у-детъ.

— Нѣтъ легко только будетъ... Какъ балластъ выкинутъ всю эту... дррянь! Эти души ваши, эту ложь...

— И полетя-я-тъ.

— Да, и полетятъ! Вотъ...

Тараса, очевидно, раздражала вся эта обстановка, эти лампадки, Мироновъ тонъ.

— Не на-а-до, Тарасъ... Пусть на землѣ... Наоборотъ, дайте имъ и души, не гнилой, а свѣ-ѣ-жей... И интеллигентовъ, и поо-э-зіи, и хлѣ-ѣ-ба... Развѣ они не заслужи-или? Недо-обрый вы... У нихъ, именно, такъ ма-а-ло этого.. И тоски дайте и моли-итвы... Знаете, молитву? Когда хочется стать на колѣни и молиться... Не страхомъ и не про-осьбой, а любо-вью. Не знаете? Это хоро-о-шая молитва... Попробуйте...

Тарасъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Мирона.

— Значитъ, и вы...Бога ищите?

Миронъ лѣниво разсмѣялся.

— Ну, зачѣ-ѣ-мъ мнѣ... Я и самъ могу ходить по землѣ... Кто чувствуетъ себя совсѣ-ѣ-мъ слабо, тотъ опору ищетъ... А я еще пока самъ попро-о-бую... Я не о Бо-о-гѣ, а о моли-и-твѣ...

— Богу только молятся! —сердито сказалъ Тарасъ.

— Не та-акъ... Можетъ, я не вѣрно выража-а-юсь. Но это не ва-ажно... А вамъ полѣчиться нужно скорѣе... Тогда и съ душой спра-а-витесь...

 Тарасъ всталъ.

— Успѣю лѣчиться. До свиданія.

— Та́къ думаете? Возмо-о-жно... Ну, до свиданія... А вы все безъ пальто? Это—прохла-а-дно... Возьмите мое осеннее... Вонъ виситъ... Снимите...

— Не хочу. Мнѣ не холодно. Прощайте.

— Снимите пальто.

Тарасъ пожалъ плечами и снялъ пальто съ гвоздя.

— Примѣрьте...

— Да къ чему?.. Не холодно мнѣ...

— Не врите... Простудите едино-сущее тѣло, съ чѣмъ тогда останетесь? Надѣньте!

Тарасъ неловко надѣлъ. Видно, что онъ и самъ не разъ думалъ о пальто. Сидѣло мѣшковато, Миронъ былъ шире и выше.

— Велико немного...—усмѣхнулся Тарасъ.

— Ничего... Не холодно... Заходите... Потолкуемъ еще о вашей душѣ... Только когда не будетъ свѣтильниковъ... Тогда лу-у-чше... Дверь прихлопните за собой...

— Хорошо... До свиданія...

На порогѣ Тарасъ обернулся и сердито буркнулъ:

— Спасибо за пальто!

Миронъ молча улыбнулся и хлебнулъ изъ стакана.

На улицѣ Тарасъ остановился, подумалъ и, криво усмѣхнувшись, пошелъ по направленію къ дому Кисельскихъ. Иногда посматривалъ на пальто, пріятно грѣвшее и пахнувшее Мирономъ.

Къ Кисельскимъ не зашелъ. Зашелъ только во дворъ, постоялъ подъ окномъ Вѣриной комнаты, усмѣхнулся и снова вышелъ.

Долго бродилъ по улицамъ. Уже давно зажгли фонари. Раза два нерѣшительно начиналъ падать дождикъ, дѣлая камни тротуаровъ рябыми.

И совершенно неожиданно Тарасъ очутился передъ пивной, гдѣ собирались иногда партійные. Въ окно видно было угольный столикъ, за которымъ сидѣли Іона, Рисецкій, Китъ и Петръ.

Тарасъ угрюмо усмѣхнулся и вошелъ. Поздоровался со всѣми, кромѣ Кита, и сѣлъ. Китъ тянулъ пиво и холодно смотрѣлъ въ стаканъ. Длинные усы его были въ пѣнѣ.

— Хотите пива? — предложилъ Іона. Онъ былъ уже навеселѣ. Желто-бурая кожа его покрылась потомъ и теперь еще болѣе представлялась отдѣленной отъ черепа. Казалось, если взять за уши, то легко можно повернуть ее отверстіями глазъ на затылокъ и обратно; или встряхнуть и черепъ заболтается въ ней, какъ въ сумочкѣ.

Тарасъ отъ пива отказался и скоро впалъ въ хмурую, тупую задумчивость. Разговоровъ не слушалъ. Иногда подымалъ голову, смотрѣлъ на всѣхъ злыми, насмѣшливыми глазами и усмѣхался. Китъ искоса слѣдилъ за нимъ.

Рисецкій и Петръ спорили о борцахъ. Рисецкій побивалъ Петра именами. Онъ даже былъ лично знакомъ съ знаменитымъ Курочкинымъ. Ему не вѣрили и хохотали. Рисецкій обижался. Іона подзадоривалъ. Тогда Рисецкій вспомнилъ, какъ однажды Петръ не вѣрилъ, что онъ, Рисецкій, у себя въ уѣздѣ слыветъ модникомъ. Петръ не понялъ связи съ борцами, но все-таки усомнился и въ модничествѣ Рисецкаго.

Тарасъ ничего этого не слыхалъ. На него не обращали вниманія и были заняты собой. Вдругъ Тарасъ поднялъ голову и прислушался.

— Кто? Вѣра? Вѣра? Ха-ха-ха!

Петръ даже опрокинулся назадъ и сильно хлопнулъ по спинѣ Рисецкаго.

— Да, Вѣра!—твердо отвѣтилъ этотъ, отодвигаясь немного.

— Ну, серденько, это вы поете... Да еще и безъ нотъ. Безъ всякихъ нотъ, радость моя...

Рисецкій не слушалъ его:

— И утверждаю, что это... — на...а...натура возвышенная... ч...чистая...

Петръ, сдерживая дрожащій смѣхъ на губахъ, даже наклонился къ Рисецкому и будто съ усиленнымъ внима-

 ніемъ слушалъ его.

Рисецкій немного заикался, въ особенности, когда бывалъ въ волненіи.

— Б.. безусловно!.. Конечно, в...вамъ не понять этого... У васъ вся л...любовь только въ извѣстномъ актѣ...

— Конечно! Не въ «звукахъ же сладкихъ и молитвахъ»...

— ...А есть л...люди, к...которые находятъ это грязнымъ... к...которые умѣютъ любить в...воз...возвышенно.

Петръ фыркнулъ. Быстро повернулся къ Іонѣ и заговорилъ:

— У меня однажды былъ пріятель, который всегда говорилъ: «Наблюдай и выбирай: если женщина въ любви стремится вверхъ, это значитъ очень низко сидитъ. Такую смѣло атакуй». Истина абсолютная. Просто послѣднее слово науки.

Рисецкій презрительно улыбался. Іона засмѣялся:

— Истина абсолютная для пріятелей вашего пріятеля.

— ...Для П..петра въ особенности.

— Онъ же еще говорилъ,—продолжалъ Петръ;—«у каждаго свой половой вопросъ, но каждый желаетъ, чтобы всѣ рѣшали его такъ, какъ онъ. Тотъ, которому женщина нужна разъ въ мѣсяцъ, страшно негодуетъ, если другому недостаточно разъ въ недѣлю». И опять послѣднее слово науки. Да еще добродѣтелью называетъ...это... Вотъ, заслуга, что никуда не годится и потому не грѣшитъ! Ахъ, напримѣръ, Іона... Ха-ха-ха! Ахъ, вы стерва этакая!..

Іона сдѣлался серьезнѣе.

— Ваше объясненіе, Петруша, смѣшное. Дѣйствительно вы даже представить себѣ не можете, что человѣкъ можетъ совсѣмъ по другимъ причинамъ не итти къ проституткѣ.

— По какимъ!

— Ну, хоть бы по такимъ, что этимъ унижаетъ себя и ее. Что половой актъ можетъ быть только съ женщиной, которую любишь духовно... Только такъ!

Петръ искренно разсмѣялся и запѣлъ:

«Пой, ласточка, пой!..»

Іона разсердился.

— Глупо смѣяться! Если съ вами говорятъ... серьезно, то шутки нужно оставить.

— Милый человѣкъ!—схватилъ его за руку Петръ.—Ей Богу, смѣшно. Ну, подумайте сами, что вы сказали: «духовно».. Ха-ха-ха! А если вамъ ѣсть захочется, то и тогда нужно духовно проникнуться къ колбасѣ!

— Человѣкъ—не колбаса! Впрочемъ, для васъ, можетъ, и колбаса... Но вы не имѣете права не вѣрить...

— Онъ сердится! Сердце мое, я вѣрю вамъ! Ей Богу, вѣрю. Я всѣмъ вѣрю. Одинъ говоритъ: «это мерзость, я чувствую отвращеніе», я ему вѣрю. Другой говоритъ: «это хорошо, люблю»—и ему вѣрю. Каждый говоритъ, какъ онъ чувствуетъ. Не надо только врать. У меня былъ знакомый, который удивлялся, какъ можно, вообще, сходиться съ женщиной. Къ чему это? И я ему вѣрю. Этотъ былъ человѣкъ больной и ему вредно было. И не ходи. Вредно, питай отвращеніе, но зачѣмъ же другихъ заставлять чувствовать отвращеніе? Самъ не можешь, такъ и другимъ нельзя? Неблагородно. Но и это еще куда, милые мои, ни шло. А вотъ есть возвышенныя натуры, которыя врутъ,—это уже иное дѣло. Сама жмется, а кричитъ: «фу, фу, уходи». Это уже возвышенность, такъ сказать, пикантненькая. Да-съ, дорогой товарищъ Рисецкій...

— Если вы намекаете на Вѣру, то вы врете!—злобно и грубо сказалъ Рисецкій. Лицо его побагровѣло, глаза стали конусообразные.

Петръ медленно провелъ пальцемъ по усамъ. Губы его сдѣлались тоньше, но усмѣхались.

— Вру? Ладно. Въ такомъ случаѣ вотъ что: Вѣра меня считаетъ человѣкомъ-скотомъ, самцомъ, низменной натурой, правда?

— Да!

— Великолѣпно. Теперь хотите пари, что черезъ двѣ недѣли эта самая возвышенная Вѣра будетъ моей любовницей. Идетъ?

Іона и Китъ захохотали. Рисецкій круто уставился на Петра.

— Вы в...врете!..—наконецъ тяжело выговорилъ онъ.

— Это мы увидимъ, кто вретъ. Ну, хотите? На двадцать пять рублей. Хотите?

— Нѣтъ!—закричалъ Іона.—Кто проиграетъ, тотъ ставитъ грандіозную выпивку для всѣхъ, включая, конечно, первымъ дѣломъ свидѣтелей.

— Хорошо!—согласился Петръ.—Идетъ, Рисецкій?

Рисецкій еще не могъ притти въ себя.

— Ну, идетъ...—криво усмѣхаясь, проговорилъ онъ.

Китъ посматривалъ на Тараса. Тотъ сидѣлъ блѣдный, напряженный.

— Ладно!—тряхнулъ головой Петръ.—Смотрите же, не отвиливать потомъ. Ровно черезъ двѣ недѣли въ этотъ же часъ у меня въ рукахъ будетъ доказательство возвышенности Вѣры. Можетъ, это кому-нибудь будетъ не особенно пріятно, ха-ха-ха!.. но дорогой товарищъ Рисецкій изволили сами налѣзть. Только, господа, предупреждаю: ни одного слова никому объ этомъ, пока не окончится срокъ. Слышите? Иначе, я не отвѣчаю въ случаѣ проигрыша. Слово? Согласны?

— Слово! Согласенъ!—вдругъ громко и странно крикнулъ Тарасъ, откидываясь назадъ. Онъ снялъ картузъ и провелъ дрожащей, неувѣренной рукой по лбу.

Только Китъ обратилъ на это вниманіе.

— Вѣрно! Согласны! — подтвердилъ Іона. — Никому ни слова... Только позвольте, какія основанія вы имѣете для такого пари? Вѣдь это, собственно, дѣвицу... это броситъ тѣнь на дѣвицу. Она—нашъ товарищъ... Тутъ, знаете...

— Да-а...—протянулъ Китъ.—Такъ нельзя.

Петръ оглядѣлъ ихъ всѣхъ улыбающимся взглядомъ.

— Вамъ хочется подъ симъ предлогомъ послушать острень-каго или же въ самомъ дѣлѣ за «честь» вступились?

— Вотъ сволочь!—захохоталъ Китъ. Глаза у него были масляные, слегка пьяные.

Но Іона обидѣлся:

— Вы не имѣете права такъ говорить! Если вы говорите о дѣвушкѣ такія вещи, вы должны имѣть доказательства.

Петръ засмѣялся.

— Да я же черезъ двѣ недѣли ихъ дамъ. А ежели не дамъ, значитъ, чистая она... Вотъ и все... Но... ежели вы хотите сейчасъ, я и сейчасъ вамъ съ удовольствіемъ.

— Сейчасъ!—угрюмо бросилъ Рисецкій.

— Можно! Сейчасъ такъ сейчасъ...

Петръ налилъ пива, хлебнулъ и началъ:

— Основанія слѣдующія. Мы очень часто вдвоемъ ходимъ вечерами гулять. Это и Рисецкому извѣстно. Онъ иногда съ удовольствіемъ встрѣчаетъ насъ. Я, безусловно, человѣкъ низкій и погибшій, но Вѣра хочетъ спасти меня. Во что бы то ни стало!.. И только съ этой цѣлью всегда зоветъ меня. Но такъ какъ я безнадежный, то каждый вечеръ приходится очень долго убѣждать меня. Такъ что мы очень поздно возвращаемся домой. Очень поздно, понимаете, когда на лѣстницѣ уже темно и никто не ходитъ... Да-съ...

— Ну, такъ что жъ изъ этого?—нетерпѣливо сказалъ Іона.

Петръ отпилъ изъ стакана, вытеръ усы и лукаво взглянулъ на Іону.

— Изъ этого, конечно, еще ничего. А вотъ изъ того, что происходитъ на лѣстницѣ, уже кое-что можно вывести... Говорить съ подробностями, господа?

— Съ подробностями, съ подробностями!—закричали Іона и Китъ.

Рисецкій мрачно налилъ себѣ пива.

Тарасъ вдругъ встряхнулся и хрипло сказалъ:

— Дайте мнѣ пива!

Рисецкій налилъ ему. Онъ жадно выпилъ.

— Ладно... Значитъ, съ подробностями... Итакъ, бываетъ уже поздно, когда мы приходимъ на лѣстницу. До первой площадки мы добираемся скромно. На площадкѣ я цѣлую

ей руки. Вѣра бранится. На первой площадкѣ она всегда бранится. Затѣмъ подымаемся нѣсколько ступеней, и я заявляю, что не могу итти. Замѣтьте, это каждый день. Даже мнѣ немного совѣстно эту комедію ломать. А она ничего, даже будто не замѣчаетъ... Ишь, какъ слушаютъ! Ну, ладно. Останавливаюсь. Тогда Вѣра молча тянетъ меня. Я падаю и обнимаю ея ноги... Ноги у нея ничего, Рисецкій. Стройныя... Хе-хе-хе! Краснѣетъ... Часто думаете о нихъ?.. Хе!

— Ну, дальше!—подтолкнулъ Іона локтемъ.

— Дальше? Хм! Дальше, мои милые, слѣдуетъ такое, что нужно поставить точки и скромно опустить глаза...

И Петръ, дѣйствительно, сдѣлалъ пальцемъ по мокрому столу точки, наклонилъ голову на лѣвое плечо и скромно потупилъ глаза.

— А ну, къ чорту! Валяй дальше! Ничего!—возбужденно смѣясь, закричалъ Іона.

Петръ расхохотался.

— Ага, каналья! Ишь, морды жадныя какія!

Тарасъ самъ взялъ бутылку, налилъ сильно дрожавшей рукой и выпилъ.

Рисецкій тяжело, неуклюже разводилъ узоры по столу.

— Ну, дальше, дальше!—нетерпѣливо подмигнулъ Китъ.

— Говорить дальше, Рисецкій?—спросилъ Петръ.

— Ваше дѣло...—мрачно буркнулъ Рисецкій.

— Ладно! Мое, такъ мое. Ну, такъ вотъ—на слѣдующую площадку, значитъ, уже она меня тащитъ. Все время, замѣтьте, молчимъ. Больше уже ни нотацій, ни поученій, ничего.. И вотъ, господа, я вамъ скажу—страстность! Вотъ страстность, такъ страстность! То-есть, такое безстыдство, такое, я вамъ скажу, жадное, откровенное, отчаянное прямо безстыдство, что, вѣрите, мнѣ даже иногда неловко... Ей Богу!.. Но вотъ что интересно, постоянно съ ней какіе-то припадки случаются. Чортъ ихъ знаетъ... Вся начинаетъ дрожать, икать, зубы, какъ отъ холода, стучатъ, подергиваются... И ужъ конецъ... Прощайся и уходи... Не по- 193

тому ли она съ такой искренной злобой и говоритъ всегда объ этихъ мерзостяхъ, что, въ самомъ дѣлѣ, всегда съ ней такая мерзость выходитъ? Ей Богу!.. Я серьезно объ этомъ думалъ. Это хоть кого можетъ разозлить. Только она на меня напрасно злится... То-есть чортъ ее разберетъ. На другой день такая мука раскаянія, стыдъ, что даже мнѣ жалко. Такія нотаціи, негодованіе... А вечеромъ... лѣстница и все снова... Вотъ только эти припадочки!.. Дѣвица немножко съ брачкомъ, но...

Петръ прищелкнулъ пальцами и нагло засмѣялся въ лицо Рисецкому. Тотъ тяжело дышалъ, глядя въ столъ и разводя узоры.

Тарасъ водилъ рукой по лбу и блуждающими глазами смотрѣлъ на всѣхъ.

— Ну, а все-таки, что же на лѣстницѣ происходитъ?..— нехорошо засмѣялся Іона. Глаза у него подернулись какой-то прозрачной, похотливой пленкой.

— Ну, это ужъ слишкомъ подробно, мои милые...—усмѣхнулся Петръ.

— Но говорите уже до конца! Чего тамъ?—опять подмигнулъ Китъ.

— До какого вамъ конца? Конца еще нѣтъ. Будетъ черезъ двѣ недѣли...

— Но тамъ, на лѣстницѣ!—упрямо и неловко улыбаясь, воскликнулъ Іона.

Петръ потянулся.

— Не скажу... Да и говорить нечего... И ну васъ къ чорту, не желаю больше говорить!

Тарасъ вдругъ поднялся, дико посмотрѣлъ на всѣхъ и безъ шапки медленно пошелъ къ выходу. Всѣ съ изумленіемъ глядѣли на него.

— Въ чемъ дѣло?—удивленно оглянулся на всѣхъ Петръ.

Іона вмигъ вскочилъ, схватилъ фуражку Тараса и побѣжалъ за нимъ. Но тотчасъ же вернулся, сорвалъ съ вѣшалки свое пальто и шляпу, бросилъ всѣмъ «заплатите за меня, до свиданія» и выбѣжалъ.

Петръ съ недоумѣніемъ обратился къ Киту:

— Что собственно произошло здѣсь?

Китъ многозначительно усмѣхнулся и сталъ разсказывать. Петръ слушалъ, поднявъ брови

XIII.

Іона привелъ Тараса къ себѣ. Іона самъ не твердо держался на ногахъ, но Тараса поддерживалъ за локоть крѣпко и не выпускалъ всю дорогу. Тарасъ покорно повиновался.

— Вы будете спать у меня! — безапелляціонно рѣшилъ Іона.—Кончено. Никуда вамъ такому итти нельзя.

Онъ зажегъ лампу и усадилъ Тараса на кровать.

— Сидите... Вотъ такъ... И будетъ хорошо. Будете спать у меня. Положимъ матрацъ на землю; чортъ бы его подралъ, подѣлимся подушками и все дѣло съ концомъ. А это все чепуха. Вы этому не вѣрьте. Ей Богу, голубчикъ, не вѣрьте,—вретъ Петръ. Пьяная болтовня и больше ничего. Вретъ, собака, я его знаю. Потомъ самъ будетъ надъ нами смѣяться, что повѣрили... Ей Богу!

— Развѣ онъ такой? — безпомощно и жалко улыбнулся Тарасъ.

— Такой, сукинъ сынъ, такой! Я его знаю. Вретъ все, что придетъ въ голову. И представьте, парень вѣдь не глупый, но чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Ей Богу! Хорошій былъ когда-то партійный работникъ, а теперь... вотъ... Все отрицаетъ, сволочь, смѣется и только бабъ однѣхъ и знаетъ... Вотъ такая каналія... Но все вретъ, и вы ни одному слову не вѣрьте. Я васъ понимаю... Такое дѣло... Да... Но мы однако и тѣмъ не менѣе начнемъ постель дѣлать, правда? Вы вотъ такъ продолжайте сидѣть... Вотъ только пересядьте на этотъ стулъ, я возьму тюфячокъ... Вотъ такъ... И сидите... Сидите спокойно. А я тѣмъ временемъ... вотъ... Одѣяльце пока пусть тутъ полежитъ... О... А матрасикъ сюда, на полъ... Вотъ... Сидите, сидите...

Вотъ... Теперь мы такимъ манеромъ: вамъ одну подушку и мнѣ, а укроемся одинъ одѣяломъ, а другой—пальто... О... И будемъ спать, какъ помѣщики... Что жъ дѣлать? Скверно... Но ничего не подѣлаешь... Вотъ... А теперь раздѣвайтесь.

Тарасъ машинально повиновался. Раздѣлся и легъ на полу, укрывшись пальто.

Іона, не переставая говорить, тоже улегся, закурилъ и, выставивъ наружу бритое красное отъ выпивки лицо, потянулся.

— Вотъ и чудесно. Оно, конечно, лучше бы на мягкой кровати да рядышкомъ съ... Эхъ, дуракъ Петръ, дуракъ... Ну, да Богъ съ нимъ! Все проходитъ... А онъ просто вретъ...

Іона глубоко, однимъ носомъ вздохнулъ, потянулъ папиросу и покосился на Тараса. Тотъ лежалъ неподвижно, устремивъ въ потолокъ вздрагивающіе мутные глаза.

— Вамъ не жестко, голубчикъ? А?—спросилъ Іона.

Тарасъ очнулся.

— Что?

— Не жестко, говорю, вамъ?

— Нѣтъ.

Іона опять вздохнулъ.

— Бестія все-таки этотъ Петръ... Везетъ собакѣ!.. Эхъ!.. Ну, что жъ... Будемъ хоть спать... ежели... Хотите спать?

— Да... Я того... я буду спать.

— Ну, такъ спите. Спите. Покойной ночи.

И, потушивъ лампу, Іона заскрипѣлъ кроватью, повозился и затихъ.

Тарасъ не шевелился. Сначала было очень темно, потомъ понемногу стали замѣтны стѣны и бѣлая простыня на кровати Іоны. Съ улицы отъ фонарей доходилъ слабый свѣтъ.

Порой дребезжали по мостовой извозчики; раздавались громкіе голоса прохожихъ; хлопала внизу входная дверь. Гдѣ-то очень глухо слышался плачъ грудного ребенка.

 Іона раза два перевернулся на другой бокъ.

— Тарасъ!—вдругъ тихо позвалъ онъ.

Тарасъ молчалъ. Ему не хотѣлось говорить.

— Тарасъ!—громче окликнулъ Іона.

Тарасъ всхрапнулъ, точно встревоженный во снѣ.

Іона послушалъ, и слышно было, какъ перевернулся на спину.

Ребенокъ плакалъ настойчивѣе, очевидно задыхаясь гдѣ-то тамъ отъ собственнаго плача. Тикали часы на стулѣ возлѣ Іоны.

И вдругъ Тарасъ услыхалъ въ темнотѣ звуки, которые сильно толкнули его въ сердце . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тарасъ не выдержалъ и неожиданно для самого себя усѣлся на постели. Звуки сразу прекратились. На кровати было необыкновенно, мертвенно-тихо, даже дыханія Іоны не слышалось.

Тарасу было невыносимо стыдно. Быстро всталъ и торопливо въ темнотѣ началъ одѣваться.

На кровати было тихо.

Тарасъ стучалъ стульями, сапогами, уронилъ что-то со стола на полъ, но съ кровати не раздавалось никакого шороха. Іона словно умеръ.

Лишь когда Тарасъ уже одѣлъ пальто, онъ вдругъ завозился и, точно проснувшись только что, сонно спросилъ:

— Что такое? Кто здѣсь?

— Это я. Я ухожу...—глухо сказалъ Тарасъ.

— Куда? Зачѣмъ?—тревожно привсталъ Іона, а въ голосѣ чувствовалось что-то виноватое, сконфуженное, мучительно-неловкое.

— Такъ... Не могу спать... Заприте за мной дверь...

И Тарасъ въ темнотѣ направился къ дверямъ. Іона молча зашлепалъ за нимъ босыми ногами.

Очутившись на улицѣ, Тарасъ глубоко вздохнулъ и медленно пошелъ, куда глаза глядятъ.

Было уже поздно: прохожіе попадались рѣдко.

Тарасъ шелъ, наклонивъ голову съ застывшей на губахъ насмѣшливой болѣзненной улыбкой. Долго шелъ.

Остановившись, онъ замѣтилъ, что находится на какой-то странной улицѣ: домовъ почти не было, только высокіе каменные заборы, за которыми тоскливо шелестили высокія деревья, касаясь другъ друга полуголыми вѣтвями. Заборы освѣщались рядомъ фонарей, желтой пунктирной линіей сбѣгавшихъ внизъ и заворачивающихъ тамъ далеко направо. Посреди улицы тянулся бульварчикъ и виднѣлись пустыя скамьи.

Тарасъ медленно подошелъ къ одной изъ нихъ и усѣлся подъ фонаремъ.

Посидѣвъ минуты три съ закрытыми глазами, онъ вдругъ ухмыльнулся, вынулъ изъ бокового кармана свою большую записную книжку и, закусивъ губу, сталъ быстро писать:

«Пишу вамъ, Вѣра. Хочу вамъ писать, хочу говорить съ вами, кричать, рыдать передъ вами вотъ здѣсь, среди холодной, мокрой, тоскливой заброшенной улицы. Какъ когда-то въ тюрьмѣ (помните, вы любили письма мои?) хочу собрать печаль мою въ одинъ камень словъ и швырнуть его въ сердце ваше. Хочу обмакнуть мое перо въ черную пѣну страданія моего и вонзить его въ сердце Ваше».

Тарасъ вздохнулъ. Вѣтеръ зашелестилъ надъ головой его и затихъ, точно слѣдилъ за нимъ оттуда. Послюнилъ карандашъ и продолжалъ:

«Вѣра! Только что я видѣлъ собственными глазами гнусность и ложь, отъ которыхъ ушелъ на эту улицу. И сегодня же я слыхалъ рѣчи, ядомъ зажегшія мою кровь. Ужасныя, отвратительно-мучительныя рѣчи, отъ которыхъ я долженъ бы рыдать безумно... Но я, подлый, гадкій, я не рыдаю. Наоборотъ. Отравленное, гнилое тѣло мое горитъ отъ всѣхъ этихъ гадостей. И чувствую, какъ что-то гнетъ мои колѣни къ землѣ, и хочется пасть и молиться Вамъ, хочется въ дикомъ, сладострастномъ, чадномъ экстазѣ цѣ-

 ловать стопы Вашихъ ногъ... Вашихъ ногъ, Вѣра! О,

подлый! я не содрогаюсь даже отъ лжи Вашей. Мнѣ безумно жаль Васъ и себя. И болѣе, еще болѣе: я чувствую въ данную минуту, какъ одна мысль о Васъ священнымъ чѣмъ-то наполняетъ меня Священнымъ... Что со мной, я не понимаю. Гдѣ самолюбіе мое, не знаю. Я готовъ молиться лгущимъ глазамъ Вашимъ. Да, да, молиться, даже молиться готовъ, ибо таково мое чувство. И если тѣло, Вѣра, родило его, о, будь благословенно тѣло, родившее его. И если гнусность и ложь родили его, будьте благословенны и гнусность и ложь, родившія его!..»

Тарасъ горячими глазами посмотрѣлъ вверхъ, на деревья, на фонарь и еще быстрѣе, лихорадочнѣе сталъ писать:

«И какъ больно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тоскливо!.. Деревья шумятъ. Вдали спитъ черная громада города... Вѣтеръ заглядываетъ ко мнѣ, рветъ листки изъ книжки, словно хочетъ прочитать ихъ. Рви ихъ, вѣтеръ, рви! Разорви вмѣстѣ съ ними мою боль, тоску мою и мой хаосъ! Разорви и разнеси съ листомъ увядшимъ по черной спящей землѣ!..

«И какъ странно: все молчитъ, а въ душѣ у меня и крикъ, и плачъ, и дикая пѣсня. А ночь молчитъ, только вѣтеръ шумитъ, только дикую пѣснь все громче поетъ мое сердце. Вамъ поетъ эту пѣсню оно. О чемъ? Не знаю. Но пусть поетъ оно, какъ когда-то въ тюрьмѣ.

«Темное, какъ ночь. Молчаніе вокругъ. Сѣрой стальной полосой извивается вѣтеръ и воетъ вверху надо мной.

«Въ стальной полосѣ вѣтра проносятся съ мрачными лицами образы жизни моей.

«Больно, безумно.

«Поетъ лихорадочно-дикую пѣснь мое сердце, поетъ и тоскуетъ, и рветъ свою кровь.

«Больно!..

«Сонъ испуганно бродитъ вдали, далеко за сѣрой, стальной полосой. О, сонъ мой! О, ласковый, пьяный, не бойся, приди! Хоть разъ опьяни мою больную, усталую голову. Не бойся!

«Боится...

«Съ визгомъ холоднымъ извивается въ темной ночи молчанія стальная полоса вѣтра. А въ ней летитъ и скользитъ мое прошлое...

«Какъ больно!..

«Спятъ всѣ спокойные, спятъ всѣ невинные, спятъ всѣ покорные... Покорно идутъ по темнымъ и труднымъ тропинкамъ узенькихъ жизней. Устали и спятъ, довольные, невинные. Спите, бѣдные; спите усталые; спите, ушедшіе отъ раскрытыхъ холодныхъ очей безумной тоски!

«Вѣтеръ умолкъ. Гдѣ-то стоитъ и, пораженный чѣмъ-то, слушаетъ. Что онъ слушаетъ? Неужели нашлось еще что-то, чего не слыхалъ онъ за свою милліонно-вѣковую жизнь?

«Ахъ, онъ слушаетъ жалобу моего сердца, онъ слушаетъ дикую, страстную пѣснь моего сердца!

Больно, безумно!..»

Возлѣ скамейки вдругъ появилась какая-то женская фигура. Откуда она взялась, Тарасъ рѣшительно не замѣтилъ. Она была въ шляпкѣ и съ полураскрытымъ зонтикомъ въ рукѣ. Подошла вплотную къ нему, чуть не касаясь колѣней, остановилась и молча стала глядѣть на книжку.

Тарасъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Добрый вечеръ...—тихо и мягко сказала женщина, и видно было, какъ она просто и немного робко улыбнулась.

Тарасъ въ смущеніи пробормоталъ что-то въ отвѣтъ и поспѣшно спряталъ книжку въ карманъ.

— Писали?—спросила тѣмъ же тономъ женщина. — Холодно. Руки, должно, озябли. Можно возлѣ васъ сѣсть?

И не дожидаясь отвѣта, усѣлась рядомъ и слегка заглянула къ нему. Лицо некрасивое, красное, посинѣвшее отъ холода. Губы широкія, добродушныя; глаза тихіе, несмѣлые. Изъ-подъ плохонькой шляпки выбились на лобъ грязно-желтые волосы.

Тарасъ угрюмо искоса оглядѣлъ ее и сказалъ:

— Не знаете, который часъ?

— Не знаю... Должно, часа два, а то и три будетъ...

Онъ опять покосился.

— Что же вы такъ поздно... гуляете?

Она мягко, робко улыбнулась и ничего не сказала. Потомъ опять заглянула ему въ лицо, несмѣло, ожидательно. Тарасъ пошевелился и хотѣлъ встать.

— Уже идете?—грустно, покорно спросила женщина.

— Да... Нужно. Идите и вы... Поздно уже...

Женщина нерѣшительно помяла зонтикъ.

— А съ вами можно мнѣ пойти?

— Куда?—удивился Тарасъ.

— А къ вамъ... Спать... Ночку бы вмѣстѣ провели... А?

И она чуть смѣлѣе заглянула къ нему, даже слегка подмигнувъ и улыбаясь посинѣвшими губами.

Тарасъ покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Нѣтъ ко мнѣ нельзя... Я не того... я не одинъ живу...

Женщина вздохнула, но не переставала ожидательно глядѣть на него.

— Ты такой миленькій... Если бы ночевать у тебя, я пошла бы съ тобой...

Тарасъ смущенно поежился, потомъ сразу нахмурился и сказалъ:

— Да говорю же, не могу... Нѣтъ у меня квартиры.. Совсѣмъ нѣтъ... Нигдѣ.

Она снова вздохнула, повела скучными, тоскливыми глазами по сырой землѣ и прошептала:

— Мы тихонько прошли бы... А раненько я ушла бы... Ей Богу!..

Тарасъ внимательно, съ какой-то промелькнувшей тайною мыслью поглядѣлъ на нее.

— А домой почему не идете?

— Я далеко живу...—робко, неувѣренно прошептала она. И подвинулась ближе.

— Ты добренькій такой... А номерокъ можешь взять? Тутъ есть дешевые... за полтинникъ...

Въ карманѣ у Тараса было всего двадцать три копейки.

— Не могу... Денегъ нѣтъ... Копеекъ двадцать всего...

— Копеекъ двадцать?—внимательно спросила.

Вѣтеръ зашепталъ что-то деревьямъ, точно наскоро передавалъ имъ разговоръ людей. Деревья грустно качали головами. Вверху надъ ними нависло мутно-темное небо.

— Да... Вотъ всѣ...

И Тарасъ даже для чего-то торопливо вынулъ деньги и на ладони показалъ ей. Женщина жадно посмотрѣла и ничего не сказала. Тарасъ спряталъ деньги и запахнулъ полы пальто. Становилось холодно.

— И посидѣть со мной не хочешь?

— Холодно сидѣть...

— А ты поближе... Садись, я согрѣю... Оно, если вмѣстѣ сѣсть, такъ не такъ будто холодно. Вотъ такъ...

И она сама подсѣла близко къ нему, прижалась мягкимъ тѣломъ и обняла за плечи рукой, втиснувъ пальцы въ рукавъ.

Тарасъ неловко улыбался.

— Вотъ видишь... Вотъ такъ... Сейчасъ еще ничего, а потомъ теплѣе станетъ... Холодно становится теперь... Осень... Охъ, Боже нашъ, немилостивъ Ты къ намъ!

Она вздохнула и покачала головой.

Тарасъ вдругъ немного отвелъ голову и обернулъ къ ней лицо.

— Кто немилостивъ?

— Богъ... Говорится такъ.

— А почему же Онъ немилостивъ?

— Мы—немилостивы—и Богъ немилостивъ... За грѣхи.

— Онъ всегда такой?

— Кто?

Тарасъ усмѣхнулся.

— Какой ты чудной, цыпка. Ну, что, согрѣлся?

— Да, немного...

— Вотъ видишь...

Тарасъ смотрѣлъ передъ собой и насмѣшливо задумчиво усмѣхался.

Женщина вдругъ начала его легонько, полуробко, полуцинично щекотать.

Тарасъ смущенно покраснѣлъ, но руки ея не отнялъ. Женщина стала немного смѣлѣе.

— А такъ еще теплѣе? Правда? А?

Тарасъ поднялъ голову, поглядѣлъ на нее и въ глазахъ его промелькнуло что-то вызывающе, и отчаянное, и горячее.

Женщина ловила его взглядъ.

— Видно тутъ... Правда?—тихонько, вкрадчиво шепнула.

Тарасъ усмѣхнулся.

— А грѣхъ?

— Что грѣхъ?

— Грѣхъ вѣдь, а? Душу погубимъ...

— Душа погублена.

— Погублена?

Женщина, не отвѣчая, стала вставать, увлекая за собой Тараса.

— Идемъ туда... Тамъ темнѣе... А двугривенничекъ ты мнѣ дашь? А?

— За душу?

— Хе-хе-хе! Чудной ты, цыпка. Въ какомъ карманѣ? Въ этомъ?.. Ага, нащупала... Я только двугривенный... А три копеечки тебѣ оставлю. Или можно всѣ взять?

— Бери.

Вѣтеръ снова пугливо, торопливо зашепталъ деревьямъ. Деревья задрожали рѣдкими, мертвыми листьями и боязливо наклонялись къ людямъ.

. . . . . .

Когда фигура женщины исчезла внизу за пунктирной линіей фонарей, Тарасъ оглянулся и снова усѣлся на какую-то скамью. Лицо какъ-то осунулось, видъ у него былъ усталый, измученный.

Онъ долго сидѣлъ, вяло опершись на спинку скамьи, потомъ медленно вынулъ записную книжку, перечиталъ написанное и, усмѣхнувшись, сталъ снова писать:

«Пишу это черезъ полчаса. Очень любопытное явленіе: рѣшительно ничего уже священнаго нѣтъ. Абсолютно. Вотъ воображаю Васъ, Ваше лицо, крылатыя брови. Ну, и что жъ: лицо, какъ лицо, брови, какъ брови. Скучно. И смѣшно немного. Хе!»

Тарасъ посмотрѣлъ на фонарь, криво усмѣхнулся и продолжалъ.

«И настанетъ утро. Зачѣмъ? Что особеннаго въ томъ, что настанетъ утро? Скучно... Даже писать Вамъ скучно. А все почему? Интересно. Пришла изъ темноты женщина, проститутка, грязная, некрасивая и за двадцать три копейки забрала и унесла съ собой мою міровую скорбь, мои поползновенія на поэзію, забрала «священное», и у меня уже нѣтъ ничего... Вотъ это ловко! Вотъ это хорошая пощечина вѣчной, единственно-главной душѣ! Превосходно!»

Рука Тараса устало остановилась. Губы изогнулись въ болѣзненной гримасѣ. Вяло шевельнулся и продолжалъ:

«Только въ спинѣ и плечахъ ощущаю нервы. Вотъ и все. Будто деревцо со стволомъ и вѣтвями: каждая вѣтка ноетъ и болитъ... А интересно, что и проститутка вѣритъ въ свою душу. Но, какъ и всѣ, продала ее за двадцать три копейки для презрѣннаго тѣла...»

Посидѣлъ, посмотрѣлъ въ пространство и съ усмѣшкой продолжалъ писать:

«Я зашелъ однажды въ соборъ. Люди молились. Я вслушался въ молитвы, первый разъ я внимательно вслушался, вникъ въ ихъ суть. Всѣ онѣ говорятъ о томъ, чтобы Богъ спасъ отъ глада, мора, болѣзней, чтобы далъ насущнаго хлѣба... Для души? Нѣтъ, для тѣла. Вотъ комизмъ! Для тѣла! И никто не проситъ, чтобъ далъ гладъ, моръ и болѣзни для этого презрѣннаго тѣла. Никто. А всѣ между тѣмъ только для души живутъ...

Опять остановился, устало потеръ рукою лобъ и снова быстро сталъ писать:

«А вся жизнь? Эти дома, дороги, магазины, книги, университетъ вашъ, больницы—для души? А соціалистическая программа? Это ужъ высшее проявленіе души. О чемъ она?.. О заработной платѣ, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о распредѣленіи продуктовъ труда... И еще съ презрѣніемъ говорятъ о тѣхъ, кто не живетъ духовной жизнью. «Какъ скоты»... О, сумасшедшіе! Какъ бы я хотѣлъ быть этимъ здоровымъ, свободнымъ скотомъ! Какъ бы я хотѣлъ безъ этой вашей души валяться въ травѣ, пить лучи солнца, съ ревомъ бросаться на врага и любовно лизать своихъ дѣтенышей! И рѣшительно не думать о томъ, чтобы калѣки-люди собирались для того, чтобы вырвать у другихъ людей кусокъ мяса, что называется соціальной программой. Ничего не думать, никакихъ вашихъ душъ, культуръ, моралей, лживыхъ, сумасшедшихъ, чадныхъ. Солнце, трава, вода, просторъ, враги, подруга, дѣтеныши. О, проклятая мысль! Она лишила человѣка всѣхъ этихъ благъ! Она стала его Богомъ и тюрьмою, она завладѣла, какъ коварный лакей, довѣрчивымъ господиномъ — тѣломъ...»

Онъ устало остановился, перечиталъ написанное и насмѣшливо улыбнувшись дописалъ:

«А смѣшно, правда? Сидитъ жалкая фигура и царапаетъ важныя слова, философствуетъ... Ну, и какой толкъ изъ этого философствованія? Развѣ я могу эти слова, эти мысли довести до чувства, довести до того, чтобъ сдѣлать то, что изъ нихъ вытекаетъ? Жалкій калѣка, только и способный ныть, да... А, все равно... И этихъ мыслей уже нѣтъ... Усталъ безумно».

Онъ опустилъ руку и замеръ. Вѣтеръ осторожно шептался съ деревьями.

Тарасъ медленно, съ усиліемъ поднялся, засунулъ книжку въ карманъ и тихо поплелся внизъ. Видно было, не думалъ о томъ, куда шелъ. Долго бродилъ. Уже начинался разсвѣтъ,

когда онъ пришелъ къ своимъ. Оля, открывшая дверь, въ страхѣ отшатнулась, увидѣвъ его лицо. Но онъ молча подошелъ къ лежанкѣ, гдѣ спала Оля, не раздѣваясь легъ и сейчасъ же погрузился, какъ въ тину, въ густой и мутный сонъ.

XIV.

Миронъ собирался куда-то уходить, когда къ нему пришла запыхавшаяся Оля. Она не смотрѣла ему въ глаза, не обращала вниманія на его осунувшійся видъ, на выраженіе чего-то жесткаго и горькаго въ лицѣ, даже ничего не отвѣтила на удивленно-радостное привѣтствіе его. Смотря куда-то въ уголъ торопливо, тревожно стала разсказывать.

Опять пропалъ Тарасъ. Четыре дня, какъ нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. Пришелъ однажды рано утромъ, страшный какой-то, проспалъ часа три, испуганно схватился, попросилъ десять копеекъ и куда-то убѣжалъ. Сначала конвертъ просилъ для чего-то, но конверта въ домѣ не нашлось. Затѣмъ пришелъ. Вызвалъ ее въ сѣни, далъ какую-то книжку сберегательной кассы и сказалъ, что у него тамъ лежитъ пятьсотъ рублей. Пусть она распоряжается ими, какъ хочетъ. Не его, дескать, дѣло. Это все, что онъ можетъ. Ужасно странно! Что за деньги, откуда, гдѣ онъ ихъ взялъ?

— Деньги хорошія, не безпокойтесь,—медленно и задумчиво сказалъ Миронъ.—Но поведеніе Тараса, дѣйствительно, странное. И послѣ этого исчезъ?

— Да. Далъ мнѣ эту книжку, въ страшномъ раздраженіи замахалъ на меня руками, когда я попросила объяснить, и заявилъ, что онъ уже теперь знаетъ, что ему дѣлать. Не болтать, а дѣлать. Все настаивалъ на томъ, что онъ тоже можетъ что-то, что доведетъ что-то до конца... Все говорилъ «пора», «довольно», усмѣхался странно, со мной прощался, точно ѣхалъ куда-то... Все это... Я ужасно боюсь, Миронъ Антоновичъ... Что онъ задумалъ?

— Хмъ! Скверно... Боленъ онъ... Нервничаетъ...

— Но что же это за деньги, Миронъ Антоновичъ? Откуда онъ ихъ взялъ? Гдѣ?

— Деньги хорошія. Далъ ему одинъ господинъ... Не безпокойтесь.

Оля испуганными, испытующими глазами впилась въ Мирона.

— Это не тѣ... что у... Кисельскихъ?—тихо, боязливо прошептала она.

— Ну, какіе тамъ Кисельскіе?—поморщился Миронъ.— Чего ради? Вѣдь онъ въ ту ночь у нихъ же ночевалъ... Оставьте. Далъ ему одинъ господинъ. При мнѣ было. Просилъ только никому не говорить. А Тарасъ такъ глупо себя ведетъ, что, въ самомъ дѣлѣ, наводитъ на всякія подозрѣнія... Необходимо найти его...

— Онъ что-то говорилъ объ анархистахъ... Смѣялся надъ соціализмомъ, религіей, все, говоритъ, гипнозъ, лакеи... Какіе лакеи, что къ чему, ничего я не поняла...

— Ладно, мы его найдемъ...

— Ради Бога, Миронъ Антоновичъ!

— Да не только ради Бога, а ради его самого. Запереть свинью этакую въ санаторію и конецъ. Ему деньги давались не для глупостей. Отца вы помѣщаете въ лѣчебницу? Деньги есть теперь...

— Да... Но я не знала.

— Обязательно помѣщайте... А сами какъ?

Оля потупилась.

— Никакъ... Что же я?..

— Съ Салдѣевымъ?.. Какъ?

Оля молчала и сумрачно расправляла концы платка.

— Все ждетъ? А, Олечка?

— Нѣтъ, уже не ждетъ...

— То-есть, какъ?—быстро спросилъ Миронъ.

Оля подняла на него глаза и чуть усмѣхнулась.

— Нечего ему ждать, отказала рѣшительно...

— А!.. Ну, конечно...

— А вы что думали?

— Да подумалъ, что уже пошли... Но хорошо. Теперь ужъ ничего этого не надо... Деньги есть, все пойдетъ хорошо...

— Не знаю...—глубоко, тяжело вздохнула она и повернулась уходить.

— Уходите уже?

— Да... Пойду... возьму денегъ... Гаврила грозилъ, что въ шпики поступитъ...

— Развѣ?

— А! У насъ тамъ такое... До свиданія!

— Подождите. Какъ же я васъ увижу, чтобы сообщить о Тарасѣ?

— Не знаю...

— Написать вамъ можно?

— Можно.

— Ну, хорошо. Напишу.

Оля молча подала ему руку и пошла къ выходу.

— Вы и до сихъ поръ сердитесь на меня, Оля?

— Я??

Она остановилась, повернула къ нему блѣдное личико съ удивленными, грустными-грустными глазами и обвела ими лицо его.

— Нѣтъ?

Она молча и медленно съ отрицаніемъ, покачала головой, посмотрѣла въ глаза долгимъ страннымъ взглядомъ и, ничего не сказавъ, вышла.

Миронъ нахмурился, задумчиво постоялъ у окна и вышелъ за ней.

Направился къ анархистамъ. Анархисты двусмысленно ухмылялись, разводили руками и увѣряли, что ничего не знаютъ о Тарасѣ. Миронъ даже выругалъ одного изъ нихъ, но ничего не добился. Ясно было, что они Тараса гдѣ-то скрываютъ.

 Впрочемъ, вскорѣ онъ и самъ появился.

Къ Кисельскимъ не заходилъ, но его видѣли на биржѣ, на улицахъ и чаще всего у завода. Стачка приходила къ концу, потерпѣвъ полную неудачу. Рабочіе толпами шли къ конторѣ. Тараса чаще всего видѣли у заводскихъ воротъ. Разсказывали, что онъ имѣлъ видъ безумнаго. воспаленные глаза, странно блестящіе, неподвижные, сухой, всегда раскрытый ротъ, постоянно проповѣднически поднятая рука и хриплый, возбужденный голосъ. Ни заводская администрація, ни полиція не препятствуютъ ему проповѣдывать, такъ какъ большая часть его рѣчей или полна какого-то выкрикиванія о гипнозѣ какомъ-то, или же направлена противъ интеллигенціи, соціализма, религіи и тому подобнаго. Призываетъ всѣхъ къ «возмущенію тѣла противъ души», изгоняетъ будущее,—однимъ словомъ, близокъ къ помѣшательству. Его слушаютъ со смѣхомъ и со страхомъ. Но есть и сочувствующіе. Однажды встрѣтивъ Кита и Рисецкаго на собраніи агитаторовъ, онъ пришелъ въ невѣроятное бѣшенство и, если бы не удержали рабочіе, навѣрно произошло бы несчастіе.

— Работать, негодяи! Работать!! — кричалъ онъ, задыхаясь. — Представители рабочаго класса? Я вамъ покажу! Вонъ!! Рабочихъ обдираете, да еще въ представители его лѣзете! Иди сюда, выломай руки на моей работѣ, тогда представительствуй! Учители! Я васъ поучу, подождите-ка немного. Гипнотизаторы!!

Рисецкій до того былъ испуганъ, что не показывался съ тѣхъ поръ ни на одномъ собраніи, а Китъ возмущенно ходилъ по всѣмъ и агитировалъ за немедленное изгнаніе Тараса изъ организаціи.

Съ Вѣрой онъ совсѣмъ не видѣлся. Она нѣсколько разъ заходила къ Олѣ, но никогда не заставала Тараса дома, а Оля принимала ее все суше и холоднѣе.

Наконецъ, однажды, она получила такое письмо:

«Вѣра! Я съ Вами видѣться не хочу. Слышите Вы это или нѣтъ?! Что Вамъ нужно отъ меня? Зачѣмъ Вы безпо-

коите родныхъ моихъ? Я, какъ мужчина, Вамъ не гожусь, значитъ нечего Вамъ и возиться со мной. Да и, вообще, прекратили бы Вы уже свою «дѣятельность» среди рабочихъ. А то можетъ непоздоровиться. Забастовка проиграна, при чемъ Вы даже не догадываетесь, сколько народу погубили. Представители! Занимайтесь себѣ своими «духовными» дѣлишками въ темныхъ уголкахъ, толкуйте о гармоніи и родствѣ душъ и получайте аренду съ мужиковъ. Это болѣе подходитъ къ Вамъ, чѣмъ мѣшаться въ жизнь рабочихъ. Меня же лучше не трогайте, а то нарветесь. Тарасъ».

Вѣра для чего-то показала это письмо Дарѣ. Дара, прочитавъ, съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Что это значитъ?

Вѣра странно улыбалась блѣдными губами.

— Такъ себѣ...

— Что «такъ себѣ»?

— Интересное письмо, правда?

— Да... То-есть... Но почему онъ къ тебѣ теперь... такъ...

— Какъ?

Дара внимательно посмотрѣла на Вѣру. Лицо желтое, подъ глазами фіолетовые синяки, взглядъ горячечный.

— Ты плохо выглядишь,—вскользь замѣтила Дара.

— Развѣ? А мужчины находятъ, что я теперь именно обаятельна. Одинъ такъ и сказалъ: «вы—обаятельны». Даже не «вы», а «ты — обаятельна». Ха-ха-ха! Почему ты такъ смотришь? Развѣ не вѣрно? Думаешь, Миронъ сказалъ? Да?

Дара чуть покраснѣла.

— При чемъ тутъ Миронъ?

— Совсѣмъ не при чемъ? Развѣ?

— Вѣра, ты—странная всѣ эти дни...

— Очень? Это потому, что Миронъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, и я не знаю, выходить мнѣ за него или нѣтъ.

Дара не сводила съ нея своихъ нахмуренныхъ, чистыхъ глазъ.

Вѣра легко засмѣялась.

— Какъ ты посовѣтуешь?

Дара усмѣхнулась.

— Я посовѣтовала бы тебѣ лучше валерьяновыхъ капель принять.

— Да? Сегодня вечеромъ приму! Что жъ? Будемъ и мы брать отъ жизни... должное... Правда? Ты, кажется, въ этомъ опытна?

— Ты, Вѣра, хочешь ссоры. До свиданія.

И Дара спокойно ушла къ себѣ.

Вечеромъ возбужденіе Вѣры дошло до высшей степени. Нѣсколько разъ одѣвалась и снова раздѣвалась. Наконецъ ушла.

Пришла черезъ часа три; отказалась отъ ужина, заперлась у себя и никому не сказала ни слова. Видъ у нея былъ недоумѣвающій, жалкій, разбитый.

Катерина Андреевна какъ увидѣла ее, такъ и застыла: такой видъ у нея бывалъ послѣ жестокихъ истерическихъ припадковъ. Но сказать ничего не посмѣла. Въ послѣднее время въ семьѣ Кисельскихъ какъ-то само собой установилось, что никто ни о чемъ другъ друга не спрашивалъ. Говорилось только о самыхъ пустыхъ и необходимыхъ вещахъ. Каждый жилъ самъ по себѣ.

Семенъ Васильевичъ почти каждый вечеръ уѣзжалъ, и всѣмъ было извѣстно, что онъ ѣздитъ къ своей старой любовницѣ, съ которой часто и тяжело пьетъ.

Сергѣй совершенно не выходилъ изъ своей комнаты. Съ Дарой видѣлся только за ѣдой, ни о чемъ не говорилъ и точно не замѣчалъ ея. Коля цѣлыми днями пропадалъ и приходилъ только спать. Но даже ему никто ничего не говорилъ.

На другой день Вѣра не вышла ни къ чаю, ни къ обѣду. Къ себѣ никого не впускала.

Вечеромъ прибѣжалъ Костя и усиленно сталъ добиваться къ ней. Долго не хотѣла пускать, но Костя не отставалъ и

даже весь покраснѣлъ отъ торопливости и раздраженія. Желто бѣлые кудри его и такія же брови рѣзче оттѣнились краской щекъ.

— Вы слышите? Очень важно! Пустите!

И онъ даже стукнулъ кулакомъ въ дверь.

Вѣра пустила. На ней былъ темный капотъ. Голова перевязана мокрымъ платкомъ; все лицо истомленное, заострившееся, впадины на щекахъ темныя.

— Что съ вами?—испугался Костя.

— Ничего... Больна немного... Въ чемъ дѣло?

Костя торопливо сталъ разсказывать. Заводъ совсѣмъ открытъ, начались работы. Уступокъ, конечно, никакихъ, наоборотъ: многихъ не приняли, плату убавили, заводятъ строгости. Рабочіе—злы. Его, Костю, чуть не побили. Возлѣ завода еще пуще проповѣдуетъ ежедневно Тарасъ. Его охотно слушаютъ. Тонъ совсѣмъ фанатика, фразы напыщенныя. А это страшно дѣйствуетъ на массу. Онъ, Костя, обращался къ Киту, но этотъ генералъ несетъ какую-то чушь о деморализаціи и бранится, какъ извозчикъ. Іоны нѣтъ, Рисецкій боится, Наталья толкуетъ о кружкахъ стариннаго типа. Все безъ толку, нигдѣ никакой иниціативы. Толкнулся только что опять къ Киту и нашелъ въ пивной, въ компаніи съ Петромъ и Рисецкимъ...

— Съ Петромъ?—живо, испуганно перебила Вѣра

— Да, съ Петромъ.

— Когда вы его видѣли?

— Да говорю же—только что. И представьте: съ ними Тарасъ. Послѣ всего... они съ нимъ. Дикій какой-то... Пьетъ, кричитъ... И всѣ тоже. Хохочутъ, ревутъ... Какая-то гадость!.. Я попробовалъ говорить съ Іоной... Э, куда тамъ! Всѣ въ какомъ-то возбужденіи... Что съ вами, Вѣра? Что вы?

Вѣра пошатнулась и невѣрными шагами подошла къ кровати.

— Ничего, ничего... Голова немного...

Она безсильно легла. И вдругъ быстро приподнялась и сѣла.

— Вы ихъ только что видѣли?

— Да...—съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее Костя.

— Вы знаете, гдѣ эта пивная? Да, конечно... Можете меня туда проводить?

— Могу.

Вѣра сорвала мокрую повязку съ головы, метнулась по комнатѣ, одѣла на капотъ пальто, на голову набросила платокъ и задыхаясь сказала:

— Идемъ!

Костя изумленный, и даже испуганный, едва поспѣвалъ за ней.

Черезъ десять минутъ они уже подъѣзжали къ пивной. Вѣра ни слова не произнесла во всю дорогу.

— Это здѣсь?—кивнула она на желтыя окна, когда Костя остановилъ извозчика.

— Да. Вы зайдете?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Вы позовите мнѣ... Петра. Нѣтъ! Позовите Тараса. Не говорите, кто. Скажите, одна дѣвица ждетъ. Я буду тамъ. Скорѣе!

Костя покорно зашелъ въ пивную, а Вѣра отошла въ сторону и стала нервно, быстро ходить по тротуару, путаясь въ подолѣ капота.

Минуты черезъ двѣ изъ пивной вышелъ Тарасъ. Оглянувшись, онъ пошелъ къ Вѣрѣ. Она торопливо направилась къ нему навстрѣчу.

— Я съ вами хочу поговорить!—глухо, но сильно бросила она ему прямо въ лицо.

Тарасъ даже отшатнулся. Онъ, видно, совсѣмъ не ждалъ ея.

— Идите за мной! Слышите?

— Куда?

— За мной, говорю вамъ!

Тарасъ минутку неподвижно постоялъ, потомъ сорвался съ мѣста и чуть не крикнулъ:

— Ладно, идемъ! Идемъ, чего же! Ха!

Вѣра пріостановилась, обернулась, но сейчасъ же еще быстрѣе пошла. Тарасъ за ней.

— Что вы здѣсь дѣлали... въ пивной?—вдругъ грозно остановилась она.

— Что? Пили за вашу покойницу-дѣвственность!—грубо сразу же выпалилъ онъ ей въ лицо.

Вѣра быстро поднесла для чего-то руку къ горлу и молча широкими застывшими глазами посмотрѣла на него.

— Что? Не ожидали-съ? Хе! И о душѣ толковали... Очень хорошая душа у Петра... Родственная...

Вѣра такъ же стояла застывшая, омертвѣвшая.

— На этомъ основаніи-съ онъ пошелъ на пари, что сдѣлаетъ васъ своей любовницей... И выигралъ. Правда? Только съ истерикой и припадочкомъ... У васъ всегда припадочки въ такихъ случаяхъ. Поэтому-то и о духовной любви вы такъ хорошо поете, что физическая съ препятствіями.. Хе-хе-хе!... Но это пикантно, говоритъ Петръ... Нѣтъ? А? Вчера вечеркомъ у Петиньки...

— О-о!—вдругъ простонала Вѣра и, повернувшись, побѣжала отъ него внизъ по улицѣ.

Тарасъ захохоталъ, злобно, съ болью и бѣшенствомъ. И, повернувшись, также чуть не побѣжалъ въ другую сторону.

Въ пивную онъ больше не зашелъ. Съ кривой улыбкой на лицѣ, размахивая руками, порой останавливаясь и дико хохоча, онъ производилъ впечатлѣніе безумнаго. Прохожіе испуганно обходили его, останавливались и глядѣли вслѣдъ.

Въ какомъ-то глухомъ переулкѣ онъ вдругъ остановился. Наступалъ обычный припадокъ безсилія, усталости и тупости. Послѣднее время они продолжались минутъ по десяти. Мысль замирала, руки опускались, ноги подкашивались и казались сдѣланными изъ ваты. Въ такихъ случаяхъ онъ опирался о стѣну и ждалъ, пока пройдетъ, или садился, если было на что.

Онъ оглянулся и невдалекѣ увидѣлъ возлѣ воротъ ска-

меечку. Шагахъ въ двухъ горѣлъ фонарь. Усаживаясь, онъ около скамьи, почти у ногъ своихъ, замѣтилъ какую-то кучу лохмотьевъ. Лохмотья что-то бормотали сиплымъ, пьянымъ басомъ и шевелились, шевелились съ досадой, повидимому стараясь приспособиться къ положенію.

Тарасъ тупо поглядѣлъ на нихъ и застылъ. Лохмотья пошевелились, пошевелились и затихли.

Надъ заборомъ въ голыхъ вѣтвяхъ деревца, какъ попавшій въ паутину комаръ, тонко пищалъ вѣтеръ. Пустынно, сыро и тоскливо было вокругъ.

Вдругъ откуда-то сбоку солидно и густо загудѣлъ колоколъ; тяжелая волна звуковъ неторопливо и переливаясь, какъ длинная полоса бархата, проплыла надъ головой. За ней другая, третья.

Лохмотья вдругъ шевельнулись, забормотали что-то, и Тарасу видно стало, какъ изъ-подъ нихъ высвободилось косматое лицо въ шапкѣ, напоминающей шапки древнихъ бояръ, затѣмъ поднялась рука и лохмотья стали креститься. Открестившись, голова снова нырнула въ лохмотья и лохмотья, повозившись, опять затихли.

Тарасъ сначала равнодушно глядѣлъ на это, потомъ вдругъ, точно его толкнуло что-то, вытеръ рукою лобъ и тупо съ усиліемъ окликнулъ:

— Землякъ!

Никакого отвѣта.

— Слышь, землякъ!

Лохмотья шевельнулись и изъ-подъ нихъ глухо и хрипло послышалось:

— Ну, чего?

Тарасъ опять потеръ лобъ, словно стараясь растерет подъ нимъ туманъ и уловить свое желаніе.

— Ты... это... Ты зачѣмъ крестился?

Лохмотья сильнѣе зашевелились.

— Какъ сказалъ? — гораздо явственнѣе, очевидно, уже снаружи захрипѣлъ басъ.

— Крестился сейчасъ, говорю, зачѣмъ?

— Кто?

— Да ты.

Лохмотья не двигались, очевидно, припоминая.

Тарасъ уже живѣе слѣдилъ за нимъ. Видя, что лохмотья припоминаютъ, усмѣхнулся.

— Ну?—наконецъ послышалось.—Дакъ чево надо тибѣ?

— Да зачѣмъ, говорю, крестился? По какой причинѣ?

— Да ты чево?—сталъ уже, видно, раздражаться басъ.—«Крестился». Ну, крестился... Звонъ слыхалъ?

— Слыхалъ...

— Ну, такъ какого жъ чорта лѣзешь... Курить есть?

— Нѣтъ...

— Ну, и дуракъ... А зачѣмъ креститься, спрашиваешь...

И голова съ неудовольствіемъ снова стала погружаться въ лохмотья.

— Хмъ! А если звонъ, такъ надо, значитъ, креститься?

Голова опять высунулась и даже съ удивленіемъ уставилась на Тараса. Глаза у него были оплывшіе, желтые, борода всклокоченная, съ сѣдыми прогалинами. Выраженіе лица строгое.

— Ну, а ты думалъ какъ? Танцувать нада?—наконецъ внушительно и съ нѣкоторомъ будто любопытствомъ пробасила она.

Тарасъ усмѣхнулся.

— А креститься зачѣмъ? Ну, звонъ... Такъ что жъ изъ этого? Ты вѣдь и самъ не замѣтилъ, какъ перекрестился. Зачѣмъ же это?

Лохмотья даже выравнялись и сѣли. Очевидно, имъ хотѣлось поближе разсмотрѣть, съ какимъ это дуракомъ пришлось бесѣдовать.

Осмотрѣвъ Тараса, голова въ боярской шапкѣ рѣшительно, строго и кратко произнесла:

— Звонъ—изъ церкви?

— Ну...

— А ты не нукай. Изъ церкви, спрашиваю тибе.
— Изъ церкви.
— А церква Божая?
— Ну...
— Не нукай, говорю, а отвѣчай.
— Божья.
— Ну, теперь понялъ?
— Нѣтъ, не понялъ?

Голова даже выругалась съ досады и удивленія.

— Да ты совсѣмъ дуракъ или приставляешься?! Да ты кому крестишься: Богу или нѣтъ?

Тарасъ съ еще большимъ, какимъ-то острымъ любопытствомъ разсматривалъ голову. Улыбнулся и сказалъ:

— Значитъ, ты думаешь, что Богъ тебя замѣтитъ?

— Ну, а какъ же!—безъ единой нотки сомнѣнія и даже съ нѣкоторой угрозой просипѣлъ басъ.

— А если не замѣтитъ? Что тогда?

— Ну братъ, знаешь что:—разсердился вдругъ голова,—ступай ка своей дорогой, а то я тебѣ такія шутки покажу... Тоже, сволочь, шутить чѣмъ нашелъ!.. Хлюстъ...

И не желая больше разговаривать, лохмотья снова свернулись и затихли.

Тарасъ, усмѣхаясь, не переставалъ смотрѣть въ его сторону.

— А зачѣмъ на землѣ лежишь? Слышь, землякъ?
— А твое какое собачье дѣло?
— Ложись здѣсь, на скамейкѣ. Мокро тамъ.
— Батьку своего поучи... «На скамейкѣ»...
— Вѣрно. Я встану, а ты ложись.

Лохмотья не отвѣчали. Затѣмъ изъ нихъ вдругъ высунулась голова и внушительно проговорила:

— Запомни: на землѣ лежишь, никуда не упадешь. На скамейкѣ ляжешь, на землю упадешь. Ниже земли ничего нѣтъ. Понялъ?

И уже окончательно, не ожидая даже отвѣта, голова спряталась, лохмотья свернулись и превратились въ темную кучу, сливавшуюся съ землей.

Тарасъ долго сидѣлъ неподвижно, все такъ же улыбаясь. Звонъ давно затихъ. Только вѣтеръ попрежнему жалобно пищалъ и бился въ голыхъ вѣтвяхъ.

Вдругъ Тарасъ всталъ, нагнулся къ лохмотьямъ и толкнулъ ихъ.

— Землякъ!

— Ну?—быстро и сердито развернулись они, выставивъ голову.—Какого еще дьявола?

— Значитъ, надо креститься? А? Тебѣ жъ уже некуда падать, ниже земли ничего нѣтъ... Ха-ха-ха!

И круто, отвернувшись, Тарасъ быстро зашагалъ внизъ по переулку.

А голова еще долго смотрѣла ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами. Потомъ не то съ завистью, не то съ неодобреніемъ закачалась, и пробасивъ:

— Здо-о-рово...

Завернулась въ лохмотья и снова приникла съ ними къ землѣ.

XV.

Наталья лежала на кушеткѣ, а Миронъ ходилъ по комнатѣ и подтягивалъ усы вверхъ. Видъ у него былъ взлохмоченный, какой-то шершавый. Наталья, смѣясь, говорила ему не разъ, что онъ похожъ теперь на волка зимой, злобнаго, голоднаго, одинокаго, которому вездѣ не везетъ и котораго всѣ гонятъ и боятся.

Дѣйствительно, работы нигдѣ не находилось, на старомъ мѣстѣ не принимали, дома не сидѣлось. И Миронъ все чаще заходилъ къ Натальѣ. Слушая это сравненіе, онъ иногда вдругъ усмѣхался, точно оскаливалъ зубы, и что-то недоброе мелькало по отношенію и къ самой Натальѣ въ этой улыбкѣ.

— Сядьте Миронъ, надоѣли...—вдругъ капризно проговорила Наталья, вытягиваясь и выгибая кверху высокую грудь.

— Мнѣ полезно...—потянулъ онъ усъ, продолжая ходить.

— Притомъ вы сегодня какой-то... очень подозрительный... Не нравится мнѣ ваша улыбочка...

— Мнѣ очень ве-е-село...

— Навѣрно... Вишь, какъ щетина наежилась. Если бъ темно, у васъ, навѣрно, фосфоромъ глаза свѣтились...

— Потуши-и-те ла-ампу и уви-и-дите...

— Да, съ вами въ темнотѣ... Покорно благодарю...

— Я не укушу...

— Ну, и похуже можетъ быть...

Они посмотрѣли другъ на друга. Сѣрые, полуприкрытые глаза Натальи поблескивали странными огоньками. Блѣдное лицо, угломъ срѣзанное на лбу темными волосами, лежавшими, какъ два крыла, сегодня казалось еще блѣднѣе. Яркія губы чуть раскрылись отъ жаркаго дыханія. Что-то необычное было въ ней въ этотъ вечеръ.

— Подайте мнѣ зеркало!—вдругъ приказала она.

Миронъ лѣниво подалъ зеркало и снова заходилъ.

Наталья посмотрѣлась. Ниже глазъ горѣли два небольшія пятнышка, точно кто-то сильно ущипнулъ тамъ.

— Скверно... Возьмите, поставьте обратно... А сами одѣвайтесь и уходите... Довольно на сегодня.

Миронъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Да, да... Мнѣ ваше присутствіе вредно... До свиданія.

Миронъ усмѣхнулся.

— Вѣдь я скоро уѣзжаю. Можетъ, послѣдній ве-е-черъ...

— Все равно... Да вы, въ самомъ дѣлѣ, уѣзжаете или болтаете только.

— Можетъ, и въ са-а-момъ дѣлѣ... Смотря по обстоятельствамъ.

— А что же это за обстоя-я-тельства?

— Вся-я-кія...

— Работы нѣтъ?

Миронъ скривился.

— Да, и э-это...

— А еще что?

— Мно-о-гое...

Онъ остановился и сталъ странно глядѣть на нее, засунувъ руки въ карманы. На губахъ и въ глазахъ блуждала улыбка.

Наталья повела глазами по всей своей полной фигурѣ, прикрыла слишкомъ выставившуюся ногу и чуть покраснѣла.

— Что смотрите такъ?

— Любу-у-юсь... Вы очень зарази-и-тельны...

— Ну, нечего... Вы лучше скажите, что это еще такое «многое»?

— Мно-о-гое...

— А я вхожу въ это «мно-о-гое»?

— Можетъ быть.

Миронъ вдругъ спокойно усѣлся возлѣ Натальи, взялъ ея руку и крѣпко сжалъ.

— Миронъ! Что вы? Съ ума сошли?

— Лежите и не волну-у-йтесь. Я не съѣ-ѣмъ васъ. А мнѣ такъ лучше. Да и ва-а-мъ.

Наталья приподнялась и хотѣла встать, но Миронъ сильно обнялъ ее и поцѣлуемъ положилъ назадъ. Завязалась молчаливая борьба.

Вдругъ Наталья затихла, отвернула въ сторону голову и, тяжело дыша, тихо сказала:

— Миронъ... Оставьте...

Миронъ отклонился и, не выпуская ея рукъ, такъ же тихо отвѣтилъ:

— Я сильнѣе...

— Физически да...

— Можетъ, и иначе...

Наталья смотрѣла на него полузакрытыми глазами. Красныя пятна подъ глазами стали ярче и больше.

— Что вамъ нужно?—сказала шопотомъ.

— Ничего. Хочу, чтобы вы были честны съ собой. Вы насилуете себя.

— Это скучно, Миронъ. Скажите новенькое...

— Вы насилуете себя.

— Пустите руки!

— Нѣтъ.

— Буду кричать.

— Не будете.

Наталья потянула руки. Миронъ сжалъ ихъ.

— Больно, глупый!

— Ничего. Я скоро уѣзжаю. Хочу вамъ сдѣлать больно на прощаніе. Слышите?

— Вы—самоувѣренны.

— Не о-о-чень...

Она слабо потянула руки.

— Когда ѣдете?

— Скоро.

— Пустите руки!

— Нѣтъ.

Наталья еще больше закрыла глаза. Яркія губы на поблѣднѣвшемъ лицѣ полураскрылись и манили къ себѣ. Грудь высоко вздымалась. Миронъ, неровно дыша, разсматривалъ ее со странной, злобно-мстительной и хищной улыбкой.

— А это грустно, что вы уѣзжаете... Серьезно!—вдругъ тихо сказала она, раскрывая глаза.

— Развѣ? Попросите, не уѣду...

— Я не умѣю просить. Только приказываю.

— Все равно. Ваше приказаніе будетъ равняться просьбѣ.

— Ишь какой! Нѣтъ, серьезно, почему уѣзжаете?

— Нужно.

— Врете... Почему? А?

Она лукаво прищурилась и низомъ приблизила къ нему голову.

У Мирона блеснули глаза, но онъ не двинулся.

— Почему? Скажите.

— Не скажу.

— Я никому не буду говорить... И, можетъ, если скажете, и уѣзжа-а-ть не нужно будетъ... А?

И лукаво-лукаво заглянула къ нему вверхъ.

Миронъ сильнѣе сжалъ ея руки, но молча усмѣхался.

— Не скажете? А догадаться можно?

— Можно...

Наталья прищурилась, подумала и, вытянувъ немного губы, жалобно прошептала:

— Я недога-а-длива... Скажите сами...

Миронъ поднесъ одну руку къ губамъ, поцѣловалъ, потомъ другую, опустилъ и посмотрѣлъ на Наталью длиннымъ что-то говорящимъ взглядомъ.

— Это отвѣтъ?—улыбнулась она, потупивъ глаза.

— Можетъ быть.

— Фи! Вы—слишкомъ осторожны... Говорите же!

— Говорить?

— Да.

Миронъ сильно притянулъ ее къ себѣ и хотѣлъ поцѣловать, но она ловко и быстро отвернула голову, высунула языкъ и откинулась назадъ.

— Получилъ?

Миронъ молча улыбнулся.

— Говорите, если васъ спрашиваютъ!

— Я уже забылъ, о чемъ спрашиваютъ.

— Почему уѣзжаете?

— Нужно.

— Я не хочу, чтобъ вы ѣхали. Это—скучно. Слышите?

— Приказываете не уѣзжать?

— Да. Не смѣйте уѣзжать!

Наталья полусерьезно смотрѣла на него.

— Нѣтъ, уѣ-ѣ-ду. Ну-у-жно.

— Совсѣмъ не «ну-у-жно»... Слышите: совсѣмъ не нужно. Можно великолѣпно и такъ жить. Вы милый, и я буду ску-

чать безъ васъ. Оставайтесь. Я буду вамъ игра-ать, будемъ чита-ать... Правда?

Она опять подвинула, какъ кошечка, низомъ голову и улыбалась ему вверхъ лукаво и чуть насмѣшливо.

Миронъ, молча усмѣхаясь, быстро окидывалъ глазами всю ея сладострастно изогнутую фигуру. Она зорко слѣдила за его взглядами.

— Хорошо? Будемъ играть, мечтать... Больше ничего... Но славно-славно такъ будетъ. Правда?

— Нѣтъ.

Наталья будто удивилась.

— Нѣ-ѣ-тъ? Но почему же?

И глаза заискрились волнующе, лукаво.

— Мнѣ переста-а-ла нравиться му-у-зыка...

— О, какъ жаль! Ну, будемъ читать. И это нѣтъ? Ну, будете проповѣдывать мнѣ «честность съ собой», а я буду слушать... И ни разу не засну! Ей Богу! Хотите?

— Нѣтъ.

— Ну, вы — глупый... Ой, не жмите руки, — больно... Больно же, глупый!.. Кусаться буду... Увидите... А... Вотъ... А что? Ага!.. Ну, довольно. А, зачѣмъ уѣзжаетъ глупый? А? Зачѣмъ?... Меня боится? Да?.. А если я его попрошу, останется?

— Хорошо попросите?

— Хорошо.

— Можетъ, останусь.

— Только я не умѣю просить...

— Я научу...

Миронъ тихо, осторожно обнялъ ее лѣвой рукой. Наталья вся вздрогнула, но ничего на сказала. Глаза ея смотрѣли вверхъ и казались скорбно-молящими. Въ нихъ, дѣйствительно, былъ какой-то просящій испугъ, ожиданіе, волненіе.

Миронъ наклонился къ самому лицу ея и прошепталъ:

— Повторяйте за мной...

Наталья слабо улыбнулась.

— Хорошо.

— «Мой милый»... Ну!

Наталья немного заколебалась.

— Повторяйте же: «мой милый!»

— «Мой милый»...

— «Не уѣзжай»...

— ...«Не уѣзжай»...

— «Я ничего не хочу отъ тебя»... Ну!

— «Я ничего не хочу отъ тебя»...

— «Но буду послушна»...

Наталья слабо отстранилась.

— Пустите.

— Повторяйте же!..

— Пусти, у меня голова кружится... Пусти... Уходи... Уйди! . . . . . .

. . . . . .

Наталья раскрыла глаза, подняла голову, торопливо поправила платье и по дорогѣ нѣжно обняла за голову сидѣвшаго Мирона.

— Ну, теперь не уѣдешь, гадкій? Нѣтъ?

Миронъ медленно повернулся къ ней, со странной улыбкой оглядѣлъ ее всю, осторожно высвободилъ голову и всталъ.

— Нѣтъ, уѣ-ѣ-ду,—усмѣхаясь, лѣниво потянулся. И сталъ искать глазами шляпу.

— Ты куда?

— Домо-о-й...

— Почему? Зачѣмъ?!

— А чего-о же мнѣ бо-о-льше?.. Вы говорили, что безъ любви душъ не мо-о-жете отдаться... Я доказалъ проти-и-вное и ухожу-у...

Наталья медленно сѣла и широкими глазами глядѣла на него.

 Миронъ усмѣхнулся.

— А если бы не уѣзжа-а-лъ, любовь нашихъ тѣлъ прекрасно расцвѣла-а бы у насъ. Но, во-пе-е-рвыхъ я уѣзжаю, а во-вторыхъ... Ну, это не ва-а-жно... Итакъ, до свиданія...

Наталья закрыла лицо руками и закачала головой.

— О, какъ же вы гадки!.. Какъ гадки... Какъ неблагородно, мерзко... О, Боже!

Миронъ жестоко улыбнулся.

— Ра-а-звѣ? Это ма-а-ленькій урокъ... Васъ только такъ учить надо... Слишкомъ ужъ надоѣли вы мнѣ... всѣ! До свиданія!

— О, какъ гадко!.. Какъ гадко!..

Миронъ, усмѣхаясь, поднялъ съ полу шляпу, надѣлъ ее и вышелъ въ переднюю. Тамъ одѣлся и ушелъ.

На улицѣ подъ фонаремъ остановился и оглянулся. Въ окнѣ второго этажа виднѣлась фигура Натальи. Онъ насмѣшливо снялъ шляпу, поклонился, засмѣялся и быстро пошелъ направо.

Вѣтеръ радостно, торопливо зашепталъ ему въ уши, точно сообщая, что произошло здѣсь на улицѣ, пока Миронъ былъ тамъ въ комнатѣ. Миронъ жестко улыбался.

XVI.

При посредствѣ Ѳедора и его знакомыхъ Мирону удалось заручиться рекомендаціей на заводъ въ Одессѣ, гдѣ онъ могъ бы получить работу. Нужно только было поспѣшить. Но Миронъ этого какъ разъ и не дѣлалъ. Онъ или лежалъ неподвижно на диванѣ, или, не отрываясь, со страстью работалъ цѣлыми днями надъ картиной. Никуда почти не выходилъ, а если заходилъ къ Ѳедору, то все время возился съ дѣтьми, уклоняясь отъ разговоровъ объ отъѣздѣ. Марья Матвѣевна, жена Ѳедора, глядя на оживлявшееся въ игрѣ съ дѣтьми лицо Мирона, часто говорила:

— Вы бы себѣ завели, Миронъ Антоновичъ... хоть одного. Вишь какъ любите дѣтвору... Чего тамъ? Такую да

сякую... Попалась не противная и конецъ... А то домудруетесь до старости... Давайте я васъ женю!

Марья Матвѣевна любила говорить обо всемъ рѣшительно и прямо. Миронъ усмѣхался, но послѣ такихъ разговоровъ уходилъ скорѣе отъ Ѳедора и долго бродилъ по улицамъ. Очень часто проходилъ мимо дома Кисельскихъ.

А придя домой, или лежалъ долго на диванѣ, или рѣшительно садился къ столу и писалъ письма. Каждое сейчасъ же рвалъ и каждое начиналось:

«Дара! Я измучился, усталъ»...

Или же:

«Дара! Мнѣ очень часто казалось, что мы страшно близки другъ къ другу. Или я создалъ Вамъ душу, которую полюбилъ, какъ идіотъ»...

Или:

«Дара! Это невыносимо наконецъ! Я хочу съ вами поговорить»...

И, написавъ на листикѣ эти двѣ-три строчки, со злобой рвалъ ихъ и отшвыривалъ. И опять ложился на диванъ.

Однажды, когда онъ лежалъ такъ, неожиданно пришла Маруся. Подъ лѣвымъ глазомъ у нея былъ большой фіолетовый синякъ. Въ рукахъ чемоданъ, который она съ ожесточеніемъ бросила на полъ въ передней. Дышала тяжело. На обрадованнаго Мирона почти не смотрѣла и сейчасъ же заявила:

— Не радуйся, не къ тебѣ пріѣхала. По дорогѣ зашла посмотрѣть... Да денегъ взять. Есть?

Миронъ торопливо вынулъ кошелекъ.

— Потомъ! Спрячь... Ну, какъ живешь?.. Получилъ мое другое письмо, гдѣ писала, чтобъ съ компаніей не являлся?

— Получилъ.

— Ладно... Я сейчасъ къ подругѣ... Поступаемъ въ другой домъ... Оттуда ушла. Сволочь проклятая! Ну, ничего... Это такъ ей не пройдетъ. Вотъ! Видишь? — повернула она къ Мирону синякомъ лицо.—Дралась... Съ хозяйкой. Поли-

ціей грозитъ. «Политика». Подожди, я тебѣ покажу полицію. Мы тоже знаемъ ходъ въ полицію. Какъ шлюха, такъ и не человѣкъ?..

Миронъ молча смотрѣлъ на нее. Маруся замолчала и грозно смотрѣла въ окно въ мутное небо.

— Эксплуататорка проклятая! Сама чѣмъ была? Забыла? Такой же, не лучше...

— Изъ-за чего же вышло?—тихо спросилъ Миронъ.

— А изъ-за того, что одному сволочѣ - студенту въ морду заѣхала. Больно гордъ былъ. Да и ей не спускала, грабить себя не позволяла. «А! Ты, говоритъ, политикой отъ брата заразилась». Ну, я ей и показала политику. Будетъ помнить.

Она злобно усмѣхнулась. Помолчала.

— А тѣ дуры... Терпятъ. Она съ кого наживается? Не съ насъ? «Боимся, въ полицію заберутъ». Небось, меня не забрали, еще и деньги всѣ отдала. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Ну, ничего... Я имъ еще покажу!

Она грозно тряхнула головой. Опять помолчала.

— Жарко у тебя! — вдругъ сердито, съ раздраженіемъ сказала.

Въ комнатѣ было даже холодно, такъ какъ Миронъ совсѣмъ въ тотъ день не топилъ.

— Да, жарко!—торопливо сказалъ онъ.—Ты бъ раздѣлась на минутку. Натопилъ я, простудишься потомъ... Раздѣнься...

Маруся молча, не глядя на него, сняла шляпу, пальто и положила на стулъ. Сама сѣла на другой.

— А ты какъ? — смотря въ сторону, хмуро и даже съ надменностью опять заговорила. — Все своими глупостями занимаешься?

— Какими?

— Да этими чертежами?

— Нѣтъ... Выгнали съ завода.

Она быстро глянула на него, обвела глазами лицо и отвернулась.

— Морда у тебя измѣнилась. Тоскуешь или не обѣдаешь? Деньги есть у тебя?

Миронъ опять полѣзъ въ карманъ.

— Да къ чорту ты... со своими деньгами!—съ раздраженіемъ крикнула Маруся. — Сейчасъ въ карманъ лѣзетъ! Больше твоего имѣю... Есть деньги, спрашиваю?

— Есть.

— А если нѣтъ, у меня возьми...

— Нѣтъ, спасибо, есть... А можетъ, Маруся, самоварчикъ поставить? Чайку напьемся... А?

— Куда тамъ самоварчикъ! Я ухожу сейчасъ...

— Да отдохни хоть немного... Я скоро...

И Миронъ быстро пошелъ изъ комнаты.

— Не надо!—крикнула Маруся.

Но Миронъ уже вышелъ. Тогда она схватилась, вышла за нимъ въ кухню, оттолкнула его отъ самовара и сказала:

— Уйди, я сама. А то будешь тутъ возиться три часа, а мнѣ нужно итти... Убирайся!

Но и послѣ чаю она не ушла и ночевать осталась. Осталась и на слѣдующій день, такъ какъ бѣлье Мирона оказалось изодраннымъ и необходимо было его починить. Затѣмъ обнаружилось, что у него совсѣмъ нѣтъ теплыхъ рубахъ. На это также понадобилось время. О подругѣ и поступленіи въ другой домъ разговора не заводили. Иногда Маруся уходила, но возвращалась выпивши или на похмельѣ. Тогда начинала укладывать свой чемоданъ, который почему-то оказывался въ неисправности, за что доставалось Мирону. Онъ молчалъ. Дня два она съ нимъ не разговаривала, но за то Миронъ слышалъ, какъ у себя что-то зубрила или громко читала. Иногда звала его и сердито говорила:

— Объясни, какъ тутъ... Дурацкая грамматика твоя...

Миронъ объяснялъ, сначала рѣдко, потомъ чаще, и наконецъ занимался съ ней каждый день. Маруся схватывала и усваивала все съ удивительной легкостью, но все такъ же сердито и хмуро.

— А за сколько... эту всю комедію... подготовку-то эту можно пройти?—спрашивала.

— Годъ, два...

— Пройдемъ раньше! Чорта съ два я буду два года эту ерунду выдѣлывать...

И снова исчезла на день или два. Миронъ ни слова не говорилъ объ этихъ исчезновеніяхъ. Самъ онъ или простаивалъ цѣлые дни возлѣ картины или лежалъ на диванѣ. Еще больше посѣрѣлъ, въ глазахъ часто застывала насмѣшливо-грустная улыбка.

Иногда Маруся выходила изъ своей комнаты, приходила къ нему и, усѣвшись на полу у дивана, брала руку Мирона и прижимала ее къ лицу своему съ судорожной, страстной нѣжностью. Чаще всего это бывало въ сумерки, когда не видно было выраженія лицъ.

Рѣдко-рѣдко говорили что-нибудь. Больше молчали. Миронъ другой рукой гладилъ ея голову, а она беззвучно цѣловала руку его и крѣпко, порывисто жала ее и прижимала къ лицу, къ шеѣ, къ груди своей. И часто горячія слезы теплыми и сейчасъ же холодѣющими струйками пробѣгали по рукѣ. Онъ наклонялся тогда къ головѣ ея и нѣжно, долго цѣловалъ ее.

Потомъ опять, чуть ли не въ тотъ же вечеръ, вдругъ раздраженіе, гордое, злобное, и исчезновеніе на день или два.

Въ одинъ изъ «нѣжныхъ» дней Маруся сидѣла у Мирона и читала. Миронъ лежалъ на диванѣ.

Вдругъ раздался звонокъ. Миронъ пошелъ въ переднюю и сейчасъ же возвратился съ Олею. Она была страшно блѣдна, съ измученнымъ, похудѣвшимъ лицомъ, глаза усталые, большіе, застывшіе въ тоскѣ.

Миронъ взглянулъ на нее и остановился.

— Что съ вами, Оля?!

Она повела глазами по комнатѣ, ища стулъ. Марусѣ молча кивнула головой. Миронъ торопливо подставилъ ей

стулъ. Она сѣла, продолжая дышать съ трудомъ и молча смотрѣла по комнатѣ.

Миронъ и Маруся переглянулись.

— Тарасъ убитъ...—вдругъ тихо сказала Оля, все такъ же водя глазами по комнатѣ.

— Что?!—вскрикнулъ Миронъ.

Маруся взглянула на Мирона и тоже широко, испуганно раскрыла глаза къ Олѣ.

— То-есть, не совсѣмъ убитъ... Очень раненъ... Умретъ не сегодня-завтра... Васъ хочетъ видѣть... И Вѣру... И Дару...

— Позвольте... Я его еще третьяго дня утромъ видѣлъ около...

— Да, а вечеромъ разорвалась бомба и... разбила его...

— Бомба?

— Да... Онъ приготовлялъ бомбу... У анархистовъ... Произошелъ взрывъ...

— Фу, какъ это... Очень раненъ?

Оля не глядѣла ни на Мирона, ни на Марусю, точно все ей надоѣло до усталости, до отвращенія. Отвѣчала тупо, почти насильно.

— Да, очень... Всю правую половину... Два дня безъ чувствъ... Сейчасъ пришелъ въ сознаніе... Васъ хочетъ видѣть... Идите... Я пойду къ Вѣрѣ...

Она стала подыматься. Миронъ мрачно кусалъ губы.

— Какъ же удалось перевезти его къ вамъ?

— Не знаю... Анархисты... Привезли и убѣжали...

— На отца вашего это повліяло здорово...

— Отца нѣтъ. Въ лѣчебницѣ...

— Да? Уже?

Оля равнодушно посмотрѣла по комнатѣ.

— До свиданія... Идите... Онъ ждетъ васъ...

— Иду. А зачѣмъ ему бомба была, не знаете?

— Хотѣлъ взорвать студентовъ съ профессоромъ въ ауди-

 торіи...

Миронъ широко посмотрѣлъ на нее.

— Откуда знаете?

— Самъ сказалъ... Письмо у него...

Оля двинулась къ дверямъ. Маруся поспѣшно, съ глубокой жалостью глядя на нее, открыла ей дверь. Оля не прощаясь, ушла.

— Это тотъ парень, который приходилъ когда-то съ Дарой?—тихо спросила Маруся.

— Да... Ну, я ухожу...

Маруся помогла ему одѣться, крѣпко молча поцѣловала и выпустила.

Когда Миронъ подходилъ къ домику, въ которомъ Щербины снимали свою комнату-кухню, его нагнали на извозчикѣ Оля, Дара и Вѣра. У Дары были большіе, напряженные глаза, нахмуренныя брови и легкій румянецъ отъ морознаго воздуха. Вѣра—желтая, еще болѣе измученная, чѣмъ Оля—испуганная, недоумѣвающая. Обѣ тоже были въ платкахъ.

Съ Мирономъ поздоровались такъ, словно раньше ничего между ними не произошло. Обмѣнялись даже нѣсколькими фразами, сказанными почему-то шопотомъ.

Оля ввела всѣхъ въ маленькія сѣни въ пристройкѣ, а затѣмъ въ комнату. На нихъ сразу пахнулъ тяжелый, спертый воздухъ, запахъ лѣкарствъ, человѣческаго дыханія, горѣлой соломы и еще чего-то кислаго и остраго.

Сначала ничего нельзя было разобрать. Комната низкая, полутемная. Полъ земляной. Большой, длинный столъ у окна. У стола неподвижная крупная женская фигура.

Всѣ нерѣшительно остановились у порога.

— Сюда... За мной...—тихо сказала Оля и прошла дальше.

Всѣ двинулись за ней. Спереди Вѣра, которую пустили первой, затѣмъ Дара и сзади всѣхъ Миронъ. Женская фигура у стола не двигалась.

За печью на широкой постели лежало какое-то тѣло, замотанное въ одѣяло и съ обвязанной бѣлымъ головой. Вся

правая половина лица и плечо были скрыты подъ бѣлой повязкой, видно было только лѣвый глазъ, кончикъ носа и сухой, запавшій ротъ; глазъ былъ полузакрытъ, все лицо неподвижно, мертвенно-блѣдно, съ синей свинцовой полосой подъ глазомъ.

Оля осторожно наклонилась надъ Тарасомъ. Всѣ стояли робко, не шевелясь, напряженно глядя на обвязанную голову. Она осталась неподвижной, но глазъ чуть дрогнулъ, шевельнулся ротъ и еле слышно, хрипло изъ него вырвалось:

— Пришли... Вижу... Спасибо...

Всѣ такъ же стояли, ожидая чего-то, не зная, что дѣлать. Стояли и смотрѣли.

— Покаралъ-таки Господь!—вдругъ негромко, но угрюмо и тяжело послышалось сзади. Всѣ быстро обернулись.

Оля вмигъ вся вспыхнула.

— Мама!—шагнула она къ столу съ загорѣвшимся взоромъ.—Перестаньте хоть теперь! Слышите? Дайте хоть умереть... Я еще остаюсь вамъ. Молчите, иначе я не знаю, что сдѣлаю!

Мать стояла все такъ же неподвижно, крупная, мощная, угрюмая. Слова дочери, видно, скользнули по ней, не задѣвъ ея тяжелыхъ, собственныхъ думъ. Но замолчала.

Оля тотчасъ же отвернулась и опять подошла къ изголовью Тараса. Онъ слабо поднялъ къ ней глазъ и вопросительно посмотрѣлъ.

— Что тамъ?—съ усиліемъ прохрипѣлъ.

— Ничего, Тарикъ, ничего...—громко, какъ глухому, успокаивающе сказала она.

Онъ еще посмотрѣлъ на нее, потомъ опустилъ вѣко и прошепталъ:

— Миронъ!

— Миронъ!.. Миронъ!..—обернулись всѣ къ Мирону, давая дорогу.

 Миронъ тяжело подошелъ къ самой постели.

Тарасъ остановилъ на немъ полузакрытый, тусклый глазъ.

— Я вамъ... все время... хотѣлъ... мой долгъ... отдать... Но... не удалось... Оля отдастъ...

Миронъ повелъ плечомъ.

— Нѣтъ... Она отдастъ... Если себѣ... не хотите... отдайте... на партію... для гипноза...

Онъ слабо скосилъ свой блѣдно-синій ротъ въ улыбку. И закрылъ глазъ. Сталъ похожъ на трупъ.

Миронъ медленно спиной отошелъ и остановился сзади Вѣры. Она дрожала мелкой дрожью, машинально сгоняя съ лица нервныя струйки.

Тарасъ вдругъ открылъ глазъ и нашелъ Вѣру. Всмотрѣлся и опять улыбнулся своей страшной улыбкой.

— Какіе... вы всѣ... испу-ганные...—съ тяжелымъ усиліемъ прошепталъ. И, замолчавъ, мучительно повелъ бровью и застоналъ. Затихъ и опять открылъ глазъ.

Всѣ ждали.

— Когда... моя душа... разбивалась... вы не боялись... и спокойны... А тѣло... разбито... и ужасъ...

И опять усмѣхнулся и закрылъ глазъ. И не открывая его, прошепталъ:

— Прочтите.

Оля тотчасъ же осторожно вынула изъ-подъ подушки какую-то бумагу и подала ее Мирону.

— Громко...—прохрипѣлъ Тарасъ.

— Читайте громко, ему не слышно...—шопотомъ прибавила Оля.—Онъ это письмо носилъ при себѣ, чтобы послать въ тотъ день... Читайте.

Миронъ послушно взялъ большой листъ бумаги, развернулъ его, прокашлялся и сталъ читать:

«Въ Университетъ. Совѣту профессоровъ и всему «обществу»—отъ взорвавшаго вмѣстѣ съ собой аудиторію студентовъ»...

— Громче...—просипѣлъ Тарасъ.

— Громче!—повторила Оля.

Миронъ подошелъ ближе къ постели и повысилъ голосъ:

«Я взорвалъ аудиторію для того, чтобы встряхнуть васъ ужасомъ. Ужасъ заставитъ васъ подумать надъ тѣмъ, что прочтете. Смерти и крови вы только внимаете. Говорю къ вамъ кровью и смертью. Слушайте же!

Съ тѣхъ поръ, какъ страхъ родилъ боговъ, вы, жрецы ихъ, вы всѣ книжные, мыслящіе, духовно поработили насъ, работающихъ.

И тѣмъ сильнѣе рабство это, чѣмъ болѣе вы и мы вѣримъ въ ваше превосходство надъ нами.

Цѣлью жизни вы объявляете угожденіе душѣ и освобожденіе отъ тѣла; душой и духовнымъ вы тысячелѣтія гипнотизируете человѣчество и себя самихъ.

Трепещущіе, покоряющіеся, нищіе, убогіе духомъ, кающіеся, смиренные прославляются.

Причастные къ культурѣ, прогрессу, умножающіе сокровища духа геніями нарекаются. Имъ на площадяхъ воздвигаются памятники. И съ благословеніемъ внимаютъ словамъ ихъ и чтутъ память ихъ. Ибо душѣ служатъ, умножая сокровищницу духа, избавляя человѣчество отъ власти тѣла.

О, наивная, ужасная ложь! Тѣмъ болѣе ужасная, что у самихъ лгущихъ принимается за правду.

Одинъ изъ вашихъ сказалъ: «будьте честны съ собой», то-есть не лгите себѣ, то-есть то, что думаете, чувствуйте также. О, если бы вы не лгали себѣ, если бъ только лгали намъ! Тогда бы ложь ваша не была бы такъ могущественна и такъ одуряюща! О, если бы вы не лгали себѣ, вы увидѣли бы, что ваше служеніе душѣ только потому хорошо, что хорошо отъ него вашему тѣлу.

Вы увидѣли бы, что вся ваша сокровищница духа—не болѣе, какъ ящикъ со средствами для удовлетворенія тѣла. Всѣ же геніи ваши—не болѣе, какъ лакеи его.

Но вы этого не сдѣлаете. Къ чему бы вамъ это? Развѣ служеніе душѣ, цивилизаціи, прогрессу не даетъ вамъ спокойныхъ дворцовъ, прекрасныхъ любовницъ, вели-

колѣпныхъ винъ, автомобилей, аэропланов? Развѣ вамъ часто случается жить въ хибаркахъ и глодать собственные пальцы отъ голода? Развѣ ваши тѣла не упитаны, не чисты, развѣ ваши самки истощены и дряблы, какъ опорожненные мѣшки? Развѣ этотъ профессоръ, взлетѣвшій на воздухъ, этотъ учитель жизни, этотъ служитель въ храмѣ науки довольствовался духовной пищей и не кушалъ за обѣдомъ настолько, сколько моей семьѣ хватило бы на мѣсяцъ? И развѣ ему хуже отъ того, что онъ, разсказывающій птенцамъ своимъ о томъ, какъ производятся товары, считаетъ себя выше тѣхъ, которые производятъ эти товары?

А птенцы, эти готовящіеся въ гипнотизаторы, эти двигатели науки, культуры, развѣ имъ плохо отъ того, что они за это двиганіе будутъ имѣть автомобили, аэропланы и всѣ блага великой цивилизаціи? Они ихъ не будутъ дѣлать,— нѣтъ, это сдѣлаютъ другіе: низшія, грубыя полуживотныя, не читающія книгъ, не пишущія ихъ, какъ скоты, копошащіяся тамъ внизу.

А за это изъ жалости и состраданія птенцы придутъ къ копошащимся внизу и будутъ ихъ учить, наставлять, будутъ просвѣщать ихъ темныя души и гипнотизировать всякими благами, небесными и земными. Они будутъ обѣщать при соціализмѣ все то, что сами имѣютъ теперь. За это будутъ называться представителями копошащихся внизу. И искренно не будутъ замѣчать, что всѣ учители и представители большею частью почему-то уже теперь, сейчасъ имѣютъ то, что обѣщаютъ учимымъ въ будущемъ соціализмѣ.

О, нѣтъ, они даже героями назовутся и имъ поставятъ памятники. Они не увидятъ своей лжи. Нѣтъ, нѣтъ, вамъ это не выгодно, вамъ тепло и удобно подъ вашимъ гипнозомъ.

Но слушайте! Есть такіе, которымъ слишкомъ неудобно становится! Есть такіе, которымъ холодно, которымъ тѣсно подъ этими тысячелѣтними покровами безумія. Ихъ тѣла не упитаны, кожа ихъ не лоснится, и они сомнѣваются въ душѣ

и цивилизаціи вашей, они непочтительны къ сокровищницѣ духа и храмамъ наукъ. Слышите?

Есть поднявшіе головы и стряхнувшіе гипнозъ и видящіе міръ новорожденными глазами. Есть честные съ собой и эти лгать себѣ не могутъ. Этимъ душно и тѣсно. Этимъ страшно среди васъ, какъ среди безумныхъ. Эти полны бѣшенства, какъ среди лицемѣровъ. Этимъ стыдно, какъ среди самодовольныхъ дураковъ. Этихъ душитъ горячая жалость, какъ среди безнадежно больныхъ.

Берегитесь! Когда они увидятъ всю ложь, когда новорожденная мысль ихъ вспыхнетъ пламенемъ чувства, они не удовольствуются пѣснями о великой культурѣ и соціализмѣ. Они выйдутъ на улицы и будутъ биться головами о мостовыя. Они будутъ въ злобѣ рыдать, будутъ хватать перваго встрѣчнаго и грызть ему горло. Они разрушатъ ваши храмы цивилизаціи и, какъ муловъ, запрягутъ васъ въ работу. Представительствуйте, жирные! Представительствуйте, братолюбивые и жалостливые!

О, эти не будутъ лгать себѣ. Имъ это не выгодно. И подкупить вы ихъ не сможете, ибо, разъ познавшій ужасъ лжи въ себѣ, не пойдетъ въ ряды лгущихъ. Скорѣе въ смерть, какъ я! Я иду въ смерть. Ибо лгать себѣ больше не могу, какъ и не могу выносить вашей лжи.

Но иду, полный ненависти, презрѣнія и протеста. Смерть двухсотъ-трехсотъ вашихъ загипнотизированныхъ, готовящихся въ учителя гипноза, пусть сопровождаетъ мой протестъ.

Ужасъ пусть идетъ со мной!

Страданіе и ужасъ родили боговъ и гипнозъ, страданіе и ужасъ разрушить должны ихъ!

Рабочій Тарасъ Щербинъ».

Всѣ стояли блѣдные. Тарасъ широко открылъ свой глазъ, и что-то лихорадочное, горячее, дикое было въ немъ.

— Да! Только такъ!—прохрипѣлъ онъ.

 Миронъ возвратилъ письмо Олѣ. Рука слегка дрожала.

— Только такъ!..—повторилъ Тарасъ, ожидательно и возбужденно вращая глазомъ отъ одного къ другому.

Дара пристально, нахмуривъ брови, смотрѣла на него. Вѣра смахивала струйки и, казалось, не слышала ничего. Оля наклонилась къ Тарасу, поправила повязку и съ мукой сказала:

— Тарикъ, тебѣ нельзя волноваться...

Тарасъ повелъ бровью, точно сгоняя муху.

— Развѣ я не правъ? Говорите! — прохрипѣлъ онъ къ Мирону.

— Вы правы...—тихо сказалъ Миронъ.

— Что?—даже чуть приподнялъ голову и сейчасъ же застоналъ Тарасъ.

— Вы правы! — поспѣшно и громко повторилъ Миронъ.

Тарасъ усмѣхнулся.

— Да?.. А вы?

— И я правъ.

— Тоже?

— Да.

Тарасъ опять скривилъ въ усмѣшку посинѣвшій ротъ.

— Тарикъ! Родной, да нельзя же говорить! Уходите, господа!—умоляюще обратилась Оля къ гостямъ.

Тарасъ нетерпѣливо сморщилъ носъ.

— Не мѣшай, Оля... Все равно... умру... Часомъ раньше... часомъ...

Онъ застоналъ, закрылъ глазъ и нѣсколько секундъ лежалъ, какъ мертвый. Казалось, онъ уже умеръ.

Всѣ безпокойно зашевелились. Но Тарасъ открылъ глазъ и тихо, чуть слышно спросилъ:

— Вы... думаете... что правы... и живете?

Миронъ помолчалъ.

— Да?

— Говорите громче!—сердито предупредила Оля.

— Да, Тарасъ. Могу жить. Вы тоже честны съ собой, но оттого и не можете жить.

Тарасъ лежалъ безъ движенія. Казалось, онъ даже не слыхалъ ничего. Но вдругъ шевельнулъ глазомъ и тихо прохрипѣлъ:

— Я... продумалъ... до конца...

И затихъ. Всѣ не двигались.

— Уходите, господа! Уходите!—съ мольбой зашептала Оля.—Даже не прощайтесь... Довольно... Ему это вредно... Умоляю...

Миронъ закивалъ головой, сейчасъ же попятился назадъ. Дара тоже отодвинулась, потянувъ за собой Вѣру. Вѣра съ удивленіемъ оглянулась на нее.

— Уходимъ...—тихо шепнула Дара.

— Уже?.. Да, да... Но я хочу попрощаться... Можно это? Да?

Тарасъ вдругъ открылъ глазъ и поискалъ взглядомъ.

— Уходите?.. — прохрипѣлъ онъ приглушенно. — Прощайте... Зломъ... не помните... Я тоже... Вѣра, останьтесь... на минутку...

Вѣра съ недоумѣніемъ, испуганно посмотрѣла на всѣхъ. Она вздрагивала, ее всю передергивало.

— Останьтесь на минутку,—недовольно и сердито объяснила ей Оля.—Только сейчасъ же уходите.

Миронъ и Дара тихонько отошли къ двери и вышли. Вѣра осталась.

Женская фигура у стола все время не шевелилась, только уже не стояла, а сидѣла, ровно и прямо, опершись о стѣну. Казалось, она такъ же, какъ сынъ, была вся разбита и каждое движеніе доставляло ей острую муку. Надъ ней мрачно и хмуро темнѣли многочисленные лики святыхъ.

На дворѣ почувствовалось, какъ тяжелъ и густъ воздухъ въ комнатѣ.

Шли молча. Миронъ закурилъ папиросу, засунулъ руки въ карманы и хмуро глядѣлъ предъ собой. Дара шла съ наклоненной головой, сурово сжавъ брови.

— Вы давно видѣли сестру?—вдругъ, не подымая головы, спросила Дара.

— Она уже дома,—бросилъ Миронъ.

Дара посмотрѣла на него.

— Сама пришла?

— Да.

XVII.

Больше до самой Мироновой квартиры не говорили ни слова.

Передъ подъѣздомъ Миронъ остановился и, не глядя на Дару, сухо сказалъ:

— Можетъ, зайдете къ намъ? Маруся хочетъ съ вами повидаться...

Дара внимательно посмотрѣла на него, отвернулась и молча, въ странной задумчивости, глядѣла куда-то.

Миронъ искоса посматривалъ на нее. Румянца уже не было, нѣжная, свѣжая кожа губъ покрылась блѣднымъ налетомъ, брови крѣпко сдвинулись къ переносью, точно прилипли. И на чистомъ лбу надъ ними образовались горбинки съ тѣнями.

— Идемте...—вдругъ тихо, нерѣшительно сказала она и первая вошла въ подъѣздъ.

Но Маруси дома не оказалось. Миронъ тревожно подошелъ къ столу и нашелъ записку:

«Сейчасъ приду. Не безпокойся. Взяла тоска. Прогуляюсь. Маруся».

Сейчасъ придетъ...—сказалъ Миронъ.—Обождите... И если хотите, раздѣньтесь... Чего вы, кажется, еще ни разу не дѣлали у меня...

Дара опять странно посмотрѣла на него и стала молча раздѣваться.

— Она уже не хочетъ уходить... отъ васъ?—спросила, усаживаясь на диванѣ.

— Не знаю... Кажется, нѣтъ... А, впрочемъ, все можетъ быть... Нужно уѣхать въ другой городъ...

— Скоро уѣзжаете?

— Да... Думаемъ... на-дняхъ...

Настало молчаніе.

Миронъ сѣлъ у стола и сталъ смотрѣть въ окно. Дара откинула голову на спинку дивана, закрыла глаза и сидѣла, какъ въ обморокѣ.

Вздохнула. Миронъ, не двигаясь, искоса посмотрѣлъ на нее. Отвелъ глаза, снова посмотрѣлъ и глядѣлъ, уже не отрываясь. Дара не шевелилась.

Миронъ вдругъ повелъ головой, точно выпутывая ее изъ чего-то, порывисто всталъ и заходилъ по комнатѣ.

Дара на секунду открыла глаза и снова закрыла ихъ, вздохнувъ глубоко, всей грудью. И вздохъ ея былъ долгій, прерывистый, словно стоящій на порогѣ къ рыданію.

Миронъ остановился. И сейчасъ же снова заходилъ. И снова сѣлъ къ столу, склонивъ голову на руки и замеръ.

Стало тихо-тихо. Гдѣ-то очень далеко прорывались звуки рояля и то одни лишь высокіе, а низкіе, должно быть, умирали по дорогѣ.

Дара отвела голову отъ спинки, посмотрѣла на Мирона и тихо сказала:

— Миронъ!..

— Что?—не подымая головы, глухо отвѣтилъ онъ.

Дара приложила концы пальцевъ къ вискамъ, подержала такъ и вдругъ встала, подошла къ нему и несмѣло коснулась рукой головы его.

— Миронъ...

Онъ поднялъ голову, повернулъ къ ней лицо и, глядя вверхъ, точно молясь ей, молча ожидалъ.

— Вы... очень дурно... думаете обо мнѣ?..

Говорила чуть не шопотомъ, читая что-то между словами, но не отрывая глазъ отъ его лица, вглядываясь въ него.

— Я?!

Онъ вдругъ всталъ, странно усмѣхнулся и заходилъ по комнатѣ. И, все такъ же усмѣхаясь, сѣлъ на диванѣ.

Дара медленно повернулась, подошла къ нему, постояла и сѣла рядомъ, нечаянно коснувшись рукой его руки. Миронъ весь вздрогнулъ и быстро отодвинулъ руку.

— Сядьте дальше...—угрюмо буркнулъ онъ.

Дара молча придвинулась ближе, заглянула въ глаза ему и вдругъ, схвативъ его голову, страстно, сильно повернула къ себѣ и съ мукой, чуть не со злобой заговорила:

— Да что же молчишь ты?! Что? Любишь? Что молчишь? Вѣдь ты измучилъ меня!.. Я не могу больше... Не могу! Не любишь, говори сразу! Говори!

Она опустила руки и съ мукой ожиданія смотрѣла на него. Щеки внизу пылали, грудь часто и бурно вздымалась и опускалась.

Миронъ поблѣднѣлъ.

— Дара...—хрипло, съ испугомъ прошепталъ онъ.

— Нѣтъ?—крикнула она.

— Господи!—вдругъ схватилъ онъ себя за голову. Потомъ съ бѣшеной, дикой радостью отнялъ руки, посмотрѣлъ на Дару, прижалъ къ себѣ, отстранилъ, снова посмотрѣлъ, прижалъ. Она, сразу ослабѣвшая, безвольная, мучительно улыбаясь, поддавалась каждому его движенію.

И вмигъ отодвинулъ ее, быстро осмотрѣлъ съ головы до ногъ и закрылъ лицо руками.

— Что съ тобой?—тревожно, но съ сіяющими глазами схватила она его за руки, стараясь оторвать.

— Ничего, ничего... Подожди... Мнѣ больно... Голова кружится... У меня слишкомъ это... Неожиданно такъ... Ты подожди... И лицо глупое... Я долженъ... Ты не смотри на меня...

И онъ всталъ, быстро прошелъ въ уголъ, потрогалъ что-то на лицѣ и возвратился. Дара вся свѣтлая, разгорѣвшаяся, съ полузакрытыми глазами и откинутой головой, ждала его.

Сѣлъ возлѣ нея. Благоговѣйно, съ мукой любви взялъ за руку и смотрѣлъ. Она въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Моя Дара...—тихо, медленно, съ удивленіемъ сказалъ, точно вслушиваясь, впиваясь въ музыку этихъ словъ.

Дара, не открывая глазъ, улыбнулась.

— Моя Дара...—еще тише сказалъ.

Высокіе звуки рояля доносились издалека, какъ сладкія воспоминанія.

— Безконечно родная... До боли любимая моя!..

Замолчалъ.

— Говори...—чуть слышно шепнула Дара.

Но онъ молча поднесъ руку ея къ губамъ и тихо прижался къ ней. Дара открыла глаза, усталые и блестящіе, покорные и мучительно-счастливые. Они, казалось, молили о чемъ-то.

— Не могу говорить... Все не то, что скажу...

— Молчи...

Снова впился въ руку. Рука вздрагивала, точно отъ токовъ, покорная, безвольная, нѣжная.

— Дара...

Наклонилась ближе. Глаза не отрывались отъ глазъ. И вмигъ вся зажглась, вспыхнула, горячо обхватила, впилась жаркимъ стонущимъ поцѣлуемъ въ губы, и замерли.

Отвела голову его, отклонилась и смотрѣла тоже съ удивленіемъ, нѣжностью, счастливымъ недоумѣніемъ.

— Миронъ? Да?.. Мой? Какъ странно... Господи, какъ ты смотришь... Такимъ никогда не видѣла... Ты можешь быть такимъ нѣжнымъ?

Онъ покраснѣлъ и провелъ рукой по лицу.

— Глупая рожа... Я самъ чувствую... Но это такъ неожиданно... И...

— Развѣ ужъ такъ неожиданно?

— Дара! Какъ же могъ думать... послѣ... всего того?.. Думалъ,—конецъ...

— И такъ бы и уѣхалъ, если не сегодня?..

— Не знаю... Мучился бы...

— А я думала, что придешь-таки... Ждала... Охъ, какъ ждала! Цѣлые дни тебя, бывало, ждала! Звонокъ, а я вся замру, силъ нѣтъ подняться, слушаю всѣмъ тѣломъ, не твой

ли голосъ... Нѣтъ. Нѣсколько разъ подходила уже къ твоему дому и возвращалась... «Нѣтъ, думаю, не пойду. Если любитъ,—придетъ, напишетъ»...

— Я писалъ...—виновато вставилъ Миронъ.

— Я не получала ничего,—съ испугомъ сказала Дара.

— Потому что я не посылалъ..

— Какъ? А гдѣ же письма?

— Вонъ...—кивнулъ онъ на клочки, лежавшіе на столѣ.

Она встала и, не выпуская его руки, поискала глазами.

— Гдѣ? Я не вижу.

— Клочки... Я ихъ рвалъ...

Дара молча посмотрѣла на него.

— Немедленно склеить ихъ! Онъ рвалъ!

— Только одного клочки...

— Одного? Хорошо. Я тебѣ принесу свои и за это ты и ихъ склеишь. О ъ ихъ рвалъ!

Она сѣла и, сжавъ руку, пригрозила:

— Подожди, у меня много кой-чего накопилось! Придется расплачиваться. Ты думаешь, я объ этомъ не думала? Ого! Всѣ ночи напролетъ обдумывала. Охъ, Миронъ, сколько я о тебѣ передумала! Какъ не вѣрила тебѣ, какъ иногда ненавидѣла тебя! Силѣ твоей не вѣрила. А иногда... близкій ты мнѣ... родной безконечно, точно въ одной семьѣ выросли... Иногда... ночью воображаю: ты мой, вотъ сидишь, а я подхожу къ тебѣ и вотъ такъ...

Она нѣжно-нѣжно провела рукой по лбу его, по щекамъ.

— ... глажу... А ты...

Миронъ вдругъ крѣпко обнялъ ее и спряталъ лицо на груди у нея.

— Что ты, милый?

— Ничего, ты говори... Я буду такъ... Лицо у меня глупое... Не хочу...

— Чудакъ!—прижала она его голову.

Миронъ живо поднялся.

— Нѣтъ, ты пойми: я ощущаю, какъ въ глазахъ у меня, понимаешь, въ глазахъ, вотъ здѣсь... стоитъ любовь... Горячіе такіе... Ничего подобнаго я никогда не переживалъ... Неловко даже, стыдно... То-есть, чувствую себя какимъ-то мальчишкой... Прямо удивительно... Никогда не думалъ... Хочется вдругъ глупо-глупо засмѣяться или крикнуть звѣрскимъ, какимъ-нибудь ревущимъ крикомъ... Ну, ты подумай!

Дара счастливо, радостно засмѣялась, схватила голову его и прижала опять къ груди.

— Глупый! Глупый мой! Глупый, любимый, жестокій. Да, да, жестокій. Сколько мучилъ меня, обижалъ... Что смотришь? Неправда?

Миронъ поднялъ голову и смотрѣлъ на нее.

— А послѣ экспропріаціи? Что ты мнѣ сказалъ? «Тысячи жаль?» Охъ, какъ мнѣ больно было... Больнѣе, обиднѣе всего... Но ничего, хорошо даже... Но жестоко, жестоко ты это сказалъ. Ты развѣ вѣрилъ, что мнѣ жаль? Вѣрилъ? Да?

Миронъ посмотрѣлъ въ пространство.

— Видишь ли,—медленно и немного виновато проговорилъ,—какъ тебѣ сказать?.. Иногда мнѣ казалось, что ты не такая, какъ они, чужая имъ, тяготишься ихъ жизнью... А иногда... «Что же, думаю, хорошо ей, любятъ ее, она любитъ, успокаиваетъ себя, что работаетъ въ партіи»... Ну, и...

— И тогда ты вѣрилъ, когда говорилъ?

— Да, тогда вѣрилъ. Злоба противъ тебя была. «Вишь, думаю, знаетъ, что... нравится мнѣ и этимъ хочетъ выпытать... Добро свое защитить»...

— Да какое оно мое?! — съ отвращеніемъ вскрикнула она.

— Знаю, Дарусь,—усмѣхнулся Миронъ,—но тогда такъ думалъ... То-есть и не долго, такъ... немного. Потомъ стыдно... стало...

— Но вѣдь это ты сдѣлалъ? Да?

— Я.

— А деньги отдалъ Тарасу?

— Откуда ты знаешь?

— Ахъ, какъ это трудно узнать! Достаточно присмотрѣться къ этому самому Тарасу... Ну, конечно, я тебѣ тогда не повѣрила. Но зато послѣ того... ясно увидѣла, что... несправедлива... была къ тебѣ... И все-таки не знала, люблю ль тебя всего или... можетъ, какъ мужчину... То-есть просто потребность... Имѣй въ виду, я... ужасно нескромная, Роня...

— Я это знаю...

Дара густо покраснѣла, смутилась.

— Откуда?—тихо, удивленно прошептала.

— Такъ... Наблюденія...—улыбнулся онъ.

— Ну ерунда. Фу, глупый! Убирайся. «Наблюденія». Никакихъ наблюденій у тебя нѣтъ. Смѣется. Ну ладно, подожди меня!

— Подожди и ты...—тихо, сдавленнымъ шопотомъ сказалъ Миронъ, глядя прямо ей въ глаза.

Дара сдѣлалась вдругъ какой-то серьезной, чуть не испуганной; поблѣднѣла.

— Отодвинься...—легко коснулась его рукой и закрыла глаза.

— Что съ тобой? Дарусь! Голубка!..

— Ничего... Голова закружилась... Не трогай, не трогай меня!..

Миронъ тоже поблѣднѣлъ, всталъ и возбужденно заходилъ по комнатѣ.

Дара откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и проводила рукой по лицу. Высокая грудь вздымалась тяжело, трудно.

— Роня!—тихо позвала.

Миронъ тотчасъ же подошелъ и сѣлъ возлѣ нея. Она обняла его за шею, прижалась къ нему и положила голову его на грудь себѣ.

— Сиди такъ... Молчи... Хорошо мнѣ такъ...

И вдругъ подняла его лицо, заглянула и жадно, жарко стала цѣловать глаза, лобъ, носъ, усы.

— Безумно хорошій!.. Безумно любимый!.. Безумно желанный!.. Чистый, сильный, прекрасный мой!.. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно... Сиди... Такъ сиди...

— Ты уйдешь отъ меня... сегодня? — задыхаясь, спросилъ Миронъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Никуда не уйду... Некуда мнѣ больше итти. Некуда, любимый, некуда, родной мой!.. Съ тобой... Только уѣдемъ... Да? Уѣдемъ, Роня?

— Да, да...

Миронъ отодвинулся, тяжело дыша, задыхаясь.

— Роня, не нужно такъ...—вся блѣдная, тоже задыхающаяся, умоляюще прошептала Дара.

— Не могу... Не виноватъ... Сейчасъ пройдетъ...

И такъ сдавилъ свои руки, что даже легкій трескъ послышался.

— Какой дикій... Боже, какой дикій! Нѣтъ!

Она сразу встала, отошла къ столу, постояла и строго сказала:

— Ну, Миронъ! Сейчасъ мнѣ встать и прійти въ добродѣтельный видъ! Нечего!

Онъ посмотрѣлъ на нее и слабо улыбнулся.

— Ну, ну, нечего! Покажи свою картину... Вставай!

Сама не подходила къ нему и была еще блѣдна.

— Картину?

Онъ точно очнулся. Провелъ рукой по лбу и сильно вздохнулъ.

— Да. Я хочу, наконецъ, видѣть ее.

Миронъ умоляюще посмотрѣлъ на нее.

— Въ другой разъ, Дарусь... Потомъ... Другое настроеніе... Какъ-то... Она ни къ чорту не годится... Ей Богу! А сейчасъ не хочется портить... Ну черезъ часъ, два...

— Ну тема хоть какая?

— Тема?.. Да сама увидишь... Ну, рожденіе жизни изъ трупа, если хочешь... Да не стоитъ... Потомъ...

Дара разсмѣялась, подошла къ нему и ласково-любовно погладила по головѣ.

— Какой ты... смѣшной... Такимъ еще не знаю тебя... Ну, Богъ съ тобой...

И вдругъ сняла руку, отошла и, нахмурившись, остановилась у стола лицомъ къ окну.

Миронъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой, Дара?

Она медленно повернулась къ нему.

— А Тарасъ?—тихо сказала.

Миронъ тоже нахмурился и пригладилъ для чего-то волосы.

— Вѣдь совсѣмъ забыла... Точно и не было ничего...

— Да-а...

Слабо доносились звуки улицы. У сосѣдей кто-то читалъ вслухъ.

— Ну что жъ?—сильно вздохнула и точно встряхнулась Дара.—Мертвымъ не поможешь. Давай бумаги, конвертъ, буду Сергѣю письмо писать.

Выраженіе лица было жесткое, суровое.

Миронъ поднялся и хотѣлъ искать бумагу, какъ послышался звонокъ.

— Маруся, должно быть...—бросилъ онъ и пошелъ отворить.

Дѣйствительно, возвратился съ Марусей. Она была въ большомъ тепломъ платкѣ. Увидѣвъ Дару, остановилась, быстро размотала платокъ и, раскрывъ блеснувшее радостью лицо, пошла ей навстрѣчу.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте...

Пожали руки, смутились обѣ. Затѣмъ Дара обняла Марусю и крѣпко поцѣловала.

— Долго васъ не видѣла...—еще смущенная, сказала Маруся.

— Теперь всегда будете видѣть...—покраснѣвъ немного, усмѣхнулась Дара. И взглянула на Мирона.

— Очень пріятно... Это хорошо...—любезно отвѣтила Маруся.

— Каждый день даже...—все такъ же усмѣхаясь, добавила Дара.

Маруся внимательнѣе посмотрѣла, сначала на Дару, потомъ на Мирона.

— Да не можетъ быть?!—вдругъ радостно всплеснула руками.—Вотъ это... Да правда? Ой, боюсь, что не такъ подумала...

— Остаюсь у васъ совсѣмъ...—помогла Дара.

Маруся вдругъ сдѣлалась страшно серьезной. Рѣшительно, не говоря ни слова, подошла къ Мирону, обняла, крѣпко поцѣловала, затѣмъ съ тѣмъ же торжественнымъ видомъ направилась къ Дарѣ и такъ же расцѣловала и ее.

— Вотъ это я понимаю!—тряхнула головой.—Вотъ такъ давно нужно было, а то...

Кто-то тихо, робко позвонилъ.

Маруся замолчала. Миронъ вышелъ открыть. Передъ дверью стояла Вѣра. Стояла какъ-то чуть перегнувшись впередъ, точно присматривалась къ чему-то передъ собой. Глаза широко раскрытые, страшно блестящіе, безумные. Руки опущены вдоль тѣла.

Миронъ даже отступилъ шагъ назадъ.

Она, не говоря ни слова, медленно, не мѣняя позы, прошла въ переднюю, а оттуда въ комнату Мирона.

Ни на Дару, ни на Марусю не обратила вниманія. Подошла къ стулу у стола, сѣла и застыла. Лицо передергивалось струйками, но она не сгоняла ихъ.

Дара и Маруся молча вопросительно-испуганными глазами обратились къ вошедшему Мирону. Онъ пожалъ плечами и подошелъ къ Вѣрѣ.

— Ну что, Вѣра?—громко сказалъ.—Какъ Тарасу? Лучше?

Вѣра посмотрѣла на Мирона. Подумала.

— Умеръ...—тихо сказала и сейчасъ же встала, подошла къ стѣнѣ и внимательно стала разсматривать какой-то рисунокъ.

— Это оригиналъ или... копія?—вдругъ обернулась къ Мирону.

Всѣ переглядывались.

— Оригиналъ...

— У васъ есть талантъ...

Подошла къ другому. И, не посмотрѣвъ, отвернулась и пошла къ выходу. На порогѣ остановилась и сказала:

— Это, господа, смѣшно думать, что онъ черезъ меня... Но какъ хотите... Ты идешь, Дара?

Дара быстро посмотрѣла на Мирона, Марусю.

— Нѣтъ, я... не пойду.

Вѣра будто сознательнѣе взглянула на всѣхъ.

— А-а... — поднявъ брови, точно догадавшись или только что замѣтивъ что-то, протянула.—Ну, тогда...—И, странно разсмѣявшись, быстро вышла.

— Помѣшалась! — испуганнымъ шопотомъ [воскликнула Маруся, какъ только хлопнула входная дверь.

Дара стояла, грозно нахмуривъ брови.

Миронъ быстро сталъ одѣваться.

— Я пойду за ней. Послѣжу, куда пойдетъ. Нельзя такъ... Страшно разстроена. Бумага на столѣ, Дара.

И торопливо вышелъ.

Дара задумчиво сѣла къ столу и долго сидѣла не шевелясь. Маруся возилась съ чѣмъ-то въ кухнѣ.

Миронъ возвратился.

— Пошла домой. Проводилъ до самаго дому. Это ее разстроило. Ставь самоваръ, Маруся. Нужно лампу зажечь. Темно уже. Ты писала?

Дара словно проснулась. Глубоко вздохнула.

— Нѣтъ... Напишу еще... Скверно все это... Ну, да что жъ... Давай бумагу.

Миронъ зажегъ лампу, далъ ей бумагу и ушелъ въ кухню

къ Марусѣ. Потомъ одѣлся и куда-то вышелъ. Скоро возвратился со свертками въ рукахъ.

Дара все сидѣла за письмомъ.

— Не могу писать!—обернулась къ Мирону.—Ну, что я ему скажу? Люблю тебя? Да онъ и самъ это знаетъ... Да и съ какой стати докладывать? Ухожу, да и только. Онъ и самъ, знаетъ почему.

И рѣшительно разорвавъ написанное, взяла чистый листикъ бумаги и написала:

«Сергѣй! Прощай. Ухожу. Почему, самъ знаешь. Враждебности къ тебѣ нѣтъ. Всегда буду вспоминать съ теплой нѣжностью за многое твое хорошее. За дурное ты не виноватъ, хотя... Ну, во всякомъ случаѣ измѣнить не въ силахъ.

Прощай. Ничего не прошу; будешь зломъ поминать,—поминай; добромъ вспомнишь,—тебѣ же лучше. Видѣться не слѣдуетъ. За своими вещами пришлю Костю. Прощай! Дара».

— Господа! Чай готовъ!—закричала изъ передней Маруся.

— Сейчасъ! Черезъ двѣ-три ми...

И не успѣлъ Миронъ окончить, какъ снова послышался звонокъ, но такой рѣзкій, неистовый, что Миронъ такъ и кинулся изъ комнаты. Однако его предупредила испуганная Маруся. Открывъ дверь, она тотчасъ же отошла въ сторону передъ блѣднымъ, запыхавшимся Колей въ разстегнутой шинели, съ отсунутой на затылокъ фуражкой.

Миронъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Дара... у... васъ?—грубо и съ трудомъ выдыхнулъ онъ, ища глазами.

Видъ у него былъ необыкновенный.

— Я здѣсь, Коля... Въ чемъ дѣло?—отозвалась отъ порога Мироновой комнаты Дара.

Коля быстро подошелъ къ ней.

— Идите... къ намъ... Сергѣй... зоветъ... Вѣра... застрѣлилась...

Слова кусками вырывались у него изъ горла. На лбу была красная полоса отъ фуражки, на ней, какъ роса, блестѣлъ потъ.

Всѣ сразу подались впередъ.

— Что вы говорите?!—испуганно вскричала Дара.

— Господи!—вырвалось у Маруси.

Миронъ ступилъ шагъ и замеръ.

— Только... что... Пришла и сейчасъ же... Записка... Сергѣй хочетъ... Я не... знаю...

Отъ быстрой ли ходьбы, отъ чего ли другого онъ не могъ говорить, задыхался, путался. И вдругъ, повернувшись всѣмъ тѣломъ къ Мирону, съ неожиданной ненавистью закричалъ:

— Все черезъ... васъ, проклятый! Чтобъ вамъ... Ненавижу!.. Идете, Дара?

— Иду. Идите! Иду сейчасъ.

Коля рѣзко повернулся и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

Дара бросилась въ комнату, торопливо одѣлась, быстро подошла къ продолжавшему молча стоять Мирону и крѣпко обняла.

— Ты придешь?—тихо спросилъ онъ.

— Конечно!—громко и твердо сказала она.—До свиданія, Маруся...

Хотѣла итти, но, вспомнивъ что-то, возвратилась, взяла со стола письмо и сказала:

— Это вмѣсто разговора будетъ. Приду скоро.

Миронъ и Маруся остались одни..

Миронъ легъ на диванъ и молча лежалъ, не двигаясь. Маруся тоже усѣлась у стола и хмуро задумалась. Раза два вставала, ходила зачѣмъ-то въ кухню и къ себѣ, возвращалась и снова садилась.

И вдругъ неожиданно бросила:

— Она любила тебя?

Миронъ шевельнулся и хрипло спросилъ:

— Что ты сказала?

— Она любила тебя?

— Кто?

— Вѣра...

— Да... Не знаю... Нѣтъ.

Прошло часа полтора. Миронъ не вставалъ. Раза два закурилъ, но не говорилъ ни слова. Маруся, не отрываясь, смотрѣла въ огонь лампы.

Слышны были мягкіе удары вѣтра въ окно, точно большая птица пуховой грудью налетала на него и отлетала.

— Можетъ, и Дара не придетъ?—вдругъ проговорила Маруся.

Миронъ не сразу отвѣтилъ.

— Придетъ,—коротко бросилъ, точно нагнавъ Марусинъ вопросъ, заглянулъ въ лицо ему и узналъ.

Дара не шла.

Вѣтеръ иногда взвизгивалъ, какъ продрогшая собака за дверью. Потрескивала лампа. По угламъ недвижно жались тѣни. Печаль смерти затаилась въ нихъ.

Вдругъ раздался звонокъ.

И Миронъ и Маруся разомъ вскочили и бросились въ прихожую. Дара.

Быстро прошла въ комнату, вѣющая чуть морознымъ воздухомъ, свѣжая, съ нахмуренными бровями, вздымающимися ноздрями.

— Застрѣлилась...—коротко кинула, снимая шляпу.

— Умерла?—глухо спросилъ Миронъ, беря шляпу изъ ея рукъ.

— Въ високъ.

Дара стянула пальто и отбросила на диванъ.

— Оставила записку. Приблизительно такъ: «Раздвинула покровы и увидѣла себя, свою негодность, мерзость и ненужность. Больше тоже лгать себѣ не могу, жить противно, умираю»... Что-то о честности съ собой

и о тебѣ, да забыла. Нарочно это мѣсто хотѣла запомнить цѣликомъ. И какъ разъ забыла. Всю дорогу припоминала и...

— Очень горюютъ?—тихо спросила Маруся.

— Да... То-есть. Ошеломлены всѣ. Семена Васильевича привезли пьянымъ. Но отрезвился. Катерина Андреевна обезумѣла, проклинаетъ тебя, Миронъ, что-то грозитъ донести, обнаружить... Тяжело. Сергѣй упалъ въ обморокъ... Безъ меня... Фу, устала я!

Она сѣла и поправила волосы.

— На меня всѣ набросились... Кромѣ Сергѣя. Но разговоръ короткій былъ. Жаль Вѣру, но если это былъ единственный выходъ, то... хорошо сдѣлала. Впрочемъ, говорю, глупости... А вы заждались?

— Да-а,—глубоко вздохнулъ Миронъ, точно просыпаясь, и тяжело заходилъ по комнатѣ.

— Я сразу, какъ только она вошла, замѣтила это въ ней,— проговорила Маруся.—Либо помѣшалась, либо съ собой порѣшить задумала... Въ такую минуту и самъ не знаешь, что тебѣ говорятъ, что дѣлаешь... Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше сдѣлала... Смогла хотя, и за то спасибо... Чай будете пить?—рѣзко и хмуро закончила она.

— Не знаю...—устало, невнимательно сказала Дара.

— Подогрѣю все-таки...

Маруся вышла.

Миронъ подошелъ къ Дарѣ, тихо обнялъ ее.

— Изъ труповъ наша жизнь рождается?—негромко сказалъ. И въ углахъ губъ и глазъ не то насмѣшливо, не то съ тоской и грустью выступила улыбка.

Дара посмотрѣла на него, вдумалась и такъ же негромко, чуть задумчиво отвѣтила:

— Не мы ихъ сдѣлали...

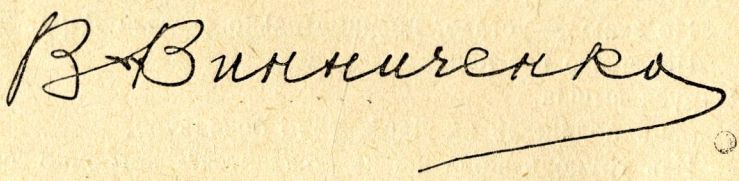
И вмигъ встрепенулась, встала, тряхнула головой.

— А если и мы... Что жъ? Сильное живетъ, слабое гибнетъ. Мертвыхъ не воскресить. А какихъ такъ и воскрешать не слѣдуетъ... Э, что тамъ!.. Вотъ глядѣла на нихъ...

И горе ихъ какое-то... дряблое. Жалѣть ихъ даже какъ-то серьезно нельзя... Совсѣмъ не то, что у Тараса... Тамъ горе... А тутъ... Чужіе они сами себѣ. Сергѣя только жаль очень... Да и то по-другому... Эхъ, довольно! Трупы, такъ трупы! Изъ труповъ выходитъ жизнь?.. Все равно, пусть откуда хочетъ выходитъ, лишь бы жизнь! Жить хочу. Жить, Миронъ, работать, создавать и разрушать. Правда? Довольно. Труповъ не воскресимъ. Помогать живущимъ. Цѣлуй! На трупахъ цѣлуй! Крѣпко, радостно!

Миронъ посмотрѣлъ на нее, радостно вспыхнулъ и сильно, страстно обнялъ.

— И какъ можно скорѣе ѣдемъ отсюда. Да?—немного отклонилась.—Какъ можно скорѣе! Новыя мѣста, люди, все новое. Къ чорту старое! Довольно. Работать и жить! А теперь цѣлуй! Цѣлуй, мой свѣтлый, цѣлуй бѣшено, крѣпко, назло всѣмъ трупамъ, смертямъ, гнили, лжи, старью! Цѣлуй!



Евгеній Чириковъ.

ЛѢСНЫЯ ТАЙНЫ.

(СОНЪ ХУДОЖНИКА).

Комедія въ 5-ти картинахъ.

Посвящаю моей Алёнушкѣ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ ПЬЕСѢ ЛИЦА:

1) ЛѢСНОЙ СТОРОЖЪ. ЛѢСОВИКЪ. } Играетъ одно лицо.
2) СТОРОЖИХА. БАБА-ЯГА. } Т о ж е.
3) ЗОРЬКА. АЛЕНУШКА. } Т о ж е.
4) ХУДОЖНИКЪ. ФАВНЪ. } Т о ж е.
5) ЧЕРТЯКА.
6) ВОДЯНОЙ.
7) РУСАЛКА.
8) ПРОСВИРНЯ.
9) ДАМА.
10) ДѢВУШКА.
11) ПОНОМАРЬ.

Заяцъ, Лягушка, Медвѣдь, Бѣлые грибы.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Глухой смѣшанный лѣсъ. Склонъ оврага. Лѣсная сторожка съ крыльцомъ и лавочкой. Въ оврагѣ, въ рамкѣ камышей и осоки,—сонное озеро съ кувшинками и лиліями. Лѣтній вечеръ: по травѣ золотыя пятна и узоры тѣней, румяная вода въ озерѣ. Гдѣ-то кукуетъ кукушка. Сторожиха сидитъ на крылечкѣ и прядетъ льняную пряжу, проворно суча нитку на веретено. Зорька стоитъ съ ведрами на коромыслѣ около озера.

Зорька. А я буду купаться...

поставила ведра на травку, спряталась въ камышахъ, раздѣлась и бултыхнулась въ воду.

А-а! Холодно!..

рветъ кувшинки и лиліи, плететъ вѣночекъ и пѣвуче тянетъ:

Буду я, младешенька, вѣночекъ сплетать. А сплету вѣночекъ,—отдамъ миленькому... Ай! Лягушка-квакушка!.. Прочь отъ меня!..

Изъ лѣсу на косогоръ выходитъ бѣлокурый молодой человѣкъ съ дорожнымъ приборомъ для живописи и съ ружьемъ на плечѣ. Вышелъ, осмотрѣлся, положилъ ружье, уставляетъ мольбертъ... Вдругъ съ озера сорвалась и съ испуганнымъ кряканьемъ полетѣла дикая утка. Молодой человѣкъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ по уткѣ. Зорька завизжала и спряталась въ камышахъ. Молодой человѣкъ изумленъ и заинтересованъ.

Художникъ. Не убилъ ли я вмѣсто дикой утку — русалку?..

Сторожиха. Ну, опять охотники...

Зорька. Уходи!

Художникъ. Пріятный голосокъ... Не бойтесь! Кто тамъ, въ камышахъ?..

Зорька. Уходи!..

Художникъ сѣлъ къ мольберту и украдкой бросаетъ взоръ на озеро.

Не смотри!

Художникъ. Не безпокойтесь: я не смотрю...

Зорька. Бабушка! Бабушка-а!

Художникъ складываетъ мольбертъ. Сторожиха бросила пряжу, идетъ къ оврагу...

Сторожиха. Меня зоветъ... Что ты кричишь?.. Водяной, что ли, тебя поймалъ?.. Гдѣ ты тамъ?..

Зорька. Человѣкъ смотритъ!..

Сторожиха. Да гдѣ ты тамъ?..

Зорька. Въ камышахъ я!.. Голая!.. Прогони человѣка!

Сторожиха оглядѣлась вокругъ, увидала Художника и погрозила ему пальцемъ.

Художникъ. Я, бабушка, не смотрю... Должно быть, это я—человѣкъ, котораго...

собралъ вещи, идетъ къ Сторожихѣ.

Сторожиха. Ай-ай! А еще образованный!..

Художникъ. Я ничего дурного, бабушка... Это вышло совершенно случайно... Я вышелъ къ озеру, хотѣлъ порисовать, — вдругъ утка... вонъ изъ тѣхъ камышей!..

Сторожиха. Да ты не гляди туда, дай дѣвкѣ од[illegible]ся... Уходи отсель!..

качнула головой; Художникъ пошелъ къ сторожкѣ; за нимъ—Сторожиха.

Видишь, что дѣвушка купается, а самъ...

Художникъ. Въ томъ-то и дѣло, что я, бабушка, не видалъ, а когда выстрѣлилъ...

Сторожиха. А тебѣ увидать хотѣлось?..

Художникъ. Это случайно... Я вовсе не ожидалъ, бабушка, что... я выстрѣлилъ въ утку, вдругъ жен-

скій крикъ... Я испугался, не ранилъ ли женщину или дѣвушку... Я, бабушка...

Сторожиха. Какая я тебѣ бабушка?..

Художникъ. Такъ... вообще...

Сторожиха. Откуда же ты, внучекъ, взялся?

Художникъ. Я потерялъ дорогу... Часа три уже брожу по лѣсу... Какъ мнѣ выйти на дорогу? Усталъ!.. присѣлъ на старую упавшую березу.

Сторожиха. Дорогъ въ лѣсу много. На какую тебѣ?

Художникъ. Къ новому хутору...

Сторожиха. Э-э, братъ!.. Далеко забрелъ... Отъ насъ до новаго хутора не меньше пятнадцати верстъ!

Художникъ. Неужели?..

Сторожиха. А ты какъ думалъ?.. Ужъ никакъ не меньше двѣнадцати... Что же это ты безъ пути бродишь по лѣсу?.. Охотникъ — не охотникъ, землемѣръ—не землемѣръ...

Художникъ. Художникъ я, бабушка...

Сторожиха. Инженеръ, что ли?

Художникъ. Нѣтъ... Я пишу картины...

Сторожиха. А я думала... У насъ есть слухъ, что по нашему лѣсу желѣзную дорогу хотятъ вести... Что же это ты въ такую глушь картины-то зашелъ рисовать?..

Художникъ. Мнѣ такое мѣсто надо: глухое, нетронутое...

Сторожиха. А зачѣмъ же ружье-то у тебя?..

Художникъ. На случай... Въ другой разъ на глухаря или тетерку набредешь... Вотъ видишь, — сейчасъ чуть утку не убилъ...

Сторожиха. Помирать полетѣла утка...

Зорька. Бабушка-а!..

Сторожиха. Опять кричитъ...

Зорька. Человѣкъ ушелъ?

одѣла рубашонку, вышла изъ камышей, надѣла на голову вѣнокъ, наполнила водой ведра.

Художникъ. Она боится людей?..

Сторожиха. Съ малыхъ лѣтъ въ лѣсу съ нами живетъ... Обдичала... Сиротка: безъ отца и безъ матери...

Зорька. Бабушка-а!..

подняла ведра на коромыслѣ и медленно идетъ домой.

Человѣкъ ушелъ?..

Сторожиха. Вотъ дурная!.. Съѣстъ онъ, что ли, тебя, человѣкъ-то?

встала, пошла къ оврагу,

Художникъ. Избушка на курьихъ ножкахъ... Баба-Яга-костяная нога и внучка... Хорошій мотивъ для картины...

Зорька. Не пойду я... Пусть уходитъ... Боюсь я его...

Сторожиха. Что онъ тебѣ сдѣлаетъ?

Зорька. Стыдно мнѣ...

Сторожиха. Глупая... Иди,—ушелъ онъ...

возвращается къ сторожкѣ. Зорька раздумываетъ у кустовъ, рветъ листочки, хлопаетъ ими, втягивая въ ротъ. Поетъ кукушка.

Зорька. Кукушка, кукушка! Много ли лѣтъ мнѣ жить?. Одинъ, два, три, четыре... Ну, сбилась!.. Все кукуетъ... У-у, долго проживу!..

Въ это время Художникъ бесѣдуетъ со Сторожихой.

Художникъ. Не боитесь жить въ лѣсу?

Сторожиха. А чего бояться-то? Не бойся волка, не бойся медвѣдя, а бойся злого человѣка! Мы людей больше чѣмъ звѣрей боимся... Прошлогодней зимой медвѣдь вонъ тамъ, подъ оврагомъ, до самой весны спалъ... А осенью волки подъ окошкомъ воютъ... Не трогаютъ насъ...

Художникъ. А въ лѣшаго вѣрите?

Сторожиха. А какъ же не вѣрить, когда мой старикъ раза три его своими глазами видѣлъ? Лѣсовикъ намъ ничего не сдѣлаетъ: на одномъ дѣлѣ стоимъ—лѣсъ караулимъ...

Художникъ. Нѣтъ ли, бабушка, молочка?

Сторожиха. Была у насъ коза, да и ту барсукъ задавилъ. Одинъ козелъ остался. Погоди: Зорька воды принесетъ, самоварчикъ для тебя поставимъ. Вода у насъ вкусная, чистая, какъ хрусталь... Изъ родника беремъ...

Художникъ. У васъ есть самоваръ?! Не ожидалъ въ этой лѣсной трущобѣ встрѣтиться съ такимъ другомъ...

Сторожиха. Что же это она? Зорька!.. Гдѣ ты тамъ! Иди скорѣе... Дѣдушка скоро вернется, — самоваръ надо налаживать... Зоренька-а-а!..

Зорька при первомъ окрикѣ пошла впередъ и появилась съ ведрами на коромыслѣ и съ вѣнкомъ на головѣ; на коромыслѣ болтается красненькій головной платочекъ. Сторожиха ушла въ избу. Зорька идетъ и не замѣчаетъ Художника.

Зорька. Буду я, младешенька, вѣночекъ сплетать... А сплету вѣночекъ,—отдамъ миленькому...

неожиданно увидала Художника, смутилась, сняла вѣнокъ и накинула на голову платочекъ, прикрывъ имъ лицо.

Художникъ. Ну-ка, Зорька, дай напиться!

Зорька пріостановилась, отвернулась въ сторону.

Зорька. Пей! Не жалко...

Художникъ бросилъ шляпу, припалъ на колѣни и пьетъ прямо изъ ведра, поглядывая на дѣвушку.

Художникъ. Глаза, какъ у Сказки... На зарѣ купалась Зорька въ розовомъ туманѣ...

Зорька. Напился?

украдкой взглянула на юношу.

Художникъ. Нѣтъ еще. Вода, какъ нектаръ... И сама ты...

Зорька. Скоро ты, что ли?..

Художникъ. Лѣсная русалка...

Зорька. Ну, будетъ...

опустила ведро съ коромысла на траву.

Пей все!

съ задорнымъ смѣхомъ пошла прочь. Юноша всталъ и восхищеннымъ взоромъ провожаетъ ее до крыльца.

Художникъ. Вотъ открытіе!.. Зорька! Я напился,— возьми ведро!

Зорька смѣется въ избѣ. Онъ прислушивается и улыбается.

Да это находка для художника!

идетъ къ окну, заглядываетъ.

Зорька! дай мнѣ огонька!.. Закурить папиросу...

Поднялось окошечко, выглянула Сторожиха.

Сторожиха. Чего тебѣ?

Художникъ. Спичекъ. Закурить...

Сторожиха исчезла.

А бабушка похожа таки на Бабу-Ягу!

Сторожиха. Вотъ запалки! Держи! Не потеряй! Въ лѣсу онѣ дороги...

бросила коробочку спичекъ, стукнула окошечкомъ. Художникъ поднялъ спички.

Художникъ. Гм!.. Шведскія спички!.. И самоваръ!.. Это грубо возвращаетъ къ дѣйствительности...

Гдѣ-то заблеялъ козелъ. Художникъ подошелъ къ хлѣвушку у стѣны сторожки.

Скучно безъ козы?.. Ты, братецъ, похожъ на голодающаго Фавна!..

подражаетъ блеянью козы; козелъ отзывается. Отходитъ. На крыльцо вышла Зорька, вытряхаетъ самоваръ.

Овдовѣлъ вашъ козелъ, Зорька?

Зорька. Вдовый...

Художникъ. А сколько тебѣ лѣтъ?

Зорька. А почему я знаю?!

Художникъ. Не знаешь?..

подалъ ей выпавшій на земь кранъ самовара.

Зорька. Спасибо! Что года-то считать!.. Зачѣмъ?..

Художникъ. Что ты отварачиваешься?

Зорька. А ты что больно приглядываешься?

ставитъ на крылечкѣ самоваръ.

Художникъ. Приглянулась. Я тебя не укушу... Сбрось платокъ,—онъ не идетъ къ тебѣ...

Дѣвушка опускаетъ платокъ еще ниже.

Зорька. Сглазишь...

Художникъ. Не надо красоту прятать... Любишь кого-нибудь?

Зорька. Кого тутъ любить-то? Козла, что ли?

Платочекъ скатился.

Художникъ. Ты похожа на лѣсную Фею... Сбрось платокъ!..

Дѣвушка обернулась, и довольная улыбка, скользнувшая по ея лицу, открыла ровные бѣлые зубы.

Зорька. На кого похожа?

Художникъ. На лѣсную царевну... на русалку!..

Зорька. Русалка у насъ въ озерѣ живетъ... Дѣдушка ее раза два весной видѣлъ...

Художникъ. Хочешь, я тебя нарисую?

Дѣвушка взглянула и отвернулась.

Зорька. Не хочу.

Художникъ. Почему?

Зорька. Грѣхъ!..

Художникъ. Вотъ вздоръ!..

Зорька. Боюсь,—приворожишь!.. Можетъ быть, ты—колдунъ... почему я знаю?..

Художникъ. Развѣ тебѣ не хочется полюбить меня?

Зорька. Какой проворный!..

Дѣвушка звонко засмѣялась и пошла въ избу.

Художникъ смотритъ вслѣдъ.

Художникъ. Изумительные глаза, губы и улыбка...

сѣлъ на пень, набрасываетъ въ альбомѣ эскизъ упавшей березы.

Спитъ вѣчнымъ сномъ старая береза!..

Съ любопытствомъ и подозрительностью къ нему подходитъ Сторожиха.

Сторожиха. А ты, должно быть, не здѣшній?

Художникъ. Я?.. Не здѣшній... Я издалека... Изъ большого города... изъ столицы...

Сторожиха. Видно сразу: и по обличью, и по разговору... У насъ этакихъ нѣтъ... Какъ же ты въ нашу сторону-то попалъ?

Художникъ. Въ новомъ хуторѣ гощу... на дачѣ...

Дѣвушка выглядываетъ изъ окна, потомъ идетъ за ведромъ, изъ котораго пилъ Художникъ.

Зорька. Не допилъ!..

Художникъ. Грозой, что ли, повалило эту березу?

Сторожиха. А кто ее знаетъ?.. Давно ужъ она гніетъ тутъ... Я еще молодая была, какъ ее свалило... Старикъ сказываетъ, что на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь наша сторожка стоитъ,—Чортово логово было... Бывало мы, дѣвки, боялись этого мѣста вотъ какъ: и близко не подходили!.. И теперь въ народѣ наше мѣсто «Чортовымъ логовомъ» зовутъ... Сказываютъ, что вонъ тамъ на горкѣ чортъ просвирню удавилъ... Сюда до сей поры подъ Ивановъ день клады рыть ходятъ... Мой старикъ одинъ разъ видѣлъ, какъ огонь синій надъ муравейникомъ горѣлъ... Копалъ, только ничего не нашелъ: «слова» не знаетъ...

На крылечкѣ появилась дѣвушка, уноситъ самоваръ въ избушку.

Зорька. Иди чай-то пить!...

Художникъ. Принесла бы ты мнѣ сюда, на травку!..

Сторожиха. Знамо, на волѣ-то вкуснѣе... Въ избѣ душно... Возьми скатерку да постели на травкѣ-то!.. Да медку ему принеси, ломоть хлѣба посоли...

Художникъ. Вотъ спасибо, бабушка!..

Зорька устраиваетъ чай на травкѣ.

Пора, бабушка, замужъ внучку-то!..

Незамѣтно рисуетъ Зорьку.

Зорька. А ты-то что хлопочешь?

Сторожиха. А, можетъ, посватать хочетъ?..

Зорька. Я за него не пойду...

Сторожиха. Барыней бы стала!.. Въ городу жить стала бы, въ шелкахъ да въ бархатѣ...

Зорька. Здѣсь лучше...

Сторожиха. Вкусно ѣсть да сладко пить, да мягко спать...

Вдали слышенъ лай собаки и звукъ рожка.

Зорька. Дѣдушка идетъ... Дѣдушка-а-а! Иди скорѣй чай пи-и-ть!

Дѣдушка кричитъ «ого-го-го!» Зорька пошла навстрѣчу дѣдушкѣ, Художникъ сѣлъ около скатерти.

Художникъ. Скатерть-самобранка... Свой медъ-то?

Сторожиха. Свой... Было три улья, да два медвѣдь изломалъ.

Художникъ А, можетъ быть, лѣшій?

Сторожиха. Все можетъ быть...

Художникъ. Красивая, бабушка, у тебя внучка...

Сторожиха торопливо сплюнула въ сторону.

Сторожиха. Въ добрый часъ сказано...

Художникъ. Хочу портретъ къ нея красками написать...

Сторожиха. Вонъ вѣдь, какъ она тебѣ приглянулась!..

Художникъ. Уговори ее! Я пріѣду завтра...

Сторожиха. Она не дастся... Что ужъ съ насъ портреты-то писать? ты съ городскихъ красавицъ пиши!.. Чего ее смущать-то... Повадишься ходить, какъ козелъ въ огородъ...

Художникъ. Я заплачу...

Сторожиха. За что?... Она вѣдь у насъ не продажная, баринъ.

Художникъ. Ты, бабушка, не такъ поняла мои слова...

Сторожиха. Ни къ чему это... Вотъ какой въ нашихъ мѣстахъ случай былъ... Въ тотъ годъ, какъ новый хуторъ строили... Набрала дѣвка земляники, идетъ по дорогѣ,—навстрѣчу баринъ на тройкѣ съ колокольцами, съ бубенцами, сбруя въ золотѣ, удила-серебреныя, ямщикъ въ шляпѣ съ перомъ... «Тпру! Чего, дѣвка, несешь?..»—«Земляникуˆ!»—«Почемъ?»—«Пятнадцать копеекъ»—«Сыпь сюда». Снялъ баринъ съ ямщика шляпу съ перомъ и поставилъ. Дѣвка на подножку тарантаса встала, только хотѣла землянику высыпать, а баринъ подхватилъ ее подъ мышки, посадилъ съ собой рядомъ и свистнулъ... И помчалась тройка, только дымъ подъ колесами заклубился... Такъ съ тѣхъ поръ и пропала дѣвка...

Художникъ. Какой же это баринъ-то? Откуда?

Сторожиха. Въ томъ-то вотъ и дѣло!.. Неизвѣстно... Можетъ быть, нечистая сила въ барина обернулась... Ты вотъ пришелъ, говоришь, что съ новаго хутора, что изъ столицы погостить пріѣхалъ...

Художникъ. Ну!

Сторожиха. А кто тебя знаетъ, кто ты такой?

Художникъ. Нечистая сила?

Сторожиха. Мы тебя не знаемъ, никогда не видали...

Слышны голоса Зорьки и Сторожа.

Вонъ и старикъ идетъ...

Появляется Лѣсной Сторожъ съ ружьемъ и котомкой съ съ грибами. Поклонился, недовѣрчиво осмотрѣлъ гостя.

Сторожъ. Чай-сахаръ твоей милости!..

поигралъ въ рожокъ.

Опять мой кобель за зайцемъ увязался...

снялъ съ плечъ кузовъ, полный грибами.

На-ка, старуха!.. Мало нынче грибовъ... Дождей нѣтъ... Ты, баринъ, чей же будешь?

Сторожиха унесла грибы въ избу.

 Художникъ. Съ новаго хутора...

Сторожъ. Никогда тебя не встрѣчалъ... Не случалось...

Художникъ. Я недавно пріѣхалъ...

Сторожъ. Такъ... Съ дороги сбился?

Художникъ. Да, колесилъ, колесилъ...

Сторожъ. А есть ли крестъ-то на шеѣ?

Зорька испуганно взглянула на Художника и ушла въ избу.

Художникъ. А что?

Сторожъ. Лѣсовикъ, видно, обошелъ... По нашимъ мѣстамъ безъ креста несподручно... Какъ же ты назадъ-то?.. Далеко, вѣдь. Засвѣтло на большую дорогу не выйдешь...

Художникъ. А ты меня не проводишь?

Сторожъ. Нельзя мнѣ... Завтра чуть-свѣтъ надо на мѣстѣ быть: шалашъ на Чортовой трясинѣ поставилъ: кряквы появились.

Художникъ. Утки?

Сторожъ. Утки...

взялъ ружье Художника.

А ты тоже этимъ дѣломъ балуешься?

Художникъ. Балуюсь...

Сторожъ. Двухстволочка!.. Аглицкая!.. А противъ моего все-таки не возьметъ... Золото, а не ружье!.. Мнѣ за него одинъ баринъ четвертную давалъ и то я не отдалъ... На сто саженъ беретъ...

Художникъ взялъ одностволку сторожа, разсматриваетъ ее.

Этому ружью, можетъ, больше тысячи лѣтъ..

Зорька. Дѣдушка! Иди чай пить!

Сторожъ. Сейчасъ, внучка... Этому ружью... ровно 1178 годовъ!

Художникъ. Этого, старикъ, быть не можетъ... Тысячу лѣтъ тому назадъ и ружей-то не было!.. Порохъ-то изобрѣли только... ну, лѣтъ семьсотъ тому назадъ...

Сторожъ. Думаешь, вру?.. Изволь, гляди! Читать цифирь можешь?.. Это который годъ? 732, а теперь у насъ который? Ну, сколько этому ружью годовъ выходитъ?..

Художникъ. Это помѣченъ не годъ, а... просто номеръ!

Сторожъ сердито вырвалъ свое ружье изъ рукъ юноши.

Ну, номеръ, такъ номеръ!.. Спорить съ тобой не буду...

Дѣвушка вышла на крылечко, пугливо посматриваетъ на юношу.

Зорька. Иди, дѣдушка, чай пить. А тебѣ налить, что ли?

Сторожъ. Кобель пропалъ... Безъ него на Чортовой трясинѣ ничего не сдѣлаешь!.. Эка горе-то!.. Не хошь ли, баринъ, со мной за утками?..

Художникъ. Пойдемъ. А далеко?..

Зорька, посвистывая, зоветъ собаку: «Шарикъ! Шарикъ!»... углубляется въ лѣсъ, продолжая свистать и кричать «Шарикъ!»... Темнѣетъ.

Сторожъ. Верстъ пять-шесть...

Художникъ. Отчего же?.. А утокъ тамъ много?

Сторожъ. Другой разъ бываетъ... прямо туча! Только надо умѣючи... Коли пойдешь, такъ болтать зря нечего: часика три соснуть, да и маршъ! Чтобы къ зарѣ на мѣстѣ быть... Теперь ужъ все равно: домой не пойдешь на ночь-то... Въ такія трущобы заберешься безъ солнышка-то, что потомъ и не выберешься... Иди въ избу!.. Поговоримъ, какъ слѣдуетъ...

Оба ушли въ избу. Зорька вернулась, ходитъ около сторожки и со страхомъ и любопытствомъ заглядываетъ въ окно на гостя.

Зорька. Кудрявый!..

вздохнула.

Что мнѣ въ немъ? Ушелъ, да и нѣтъ его...

отошла къ березѣ, ковыряетъ кору и тянетъ:

Буду я, младешенька, вѣночекъ сплетать... А сплету вѣночекъ,—отдамъ миленькому...

Сторожиха идетъ въ хлѣвушокъ.

Сторожиха. Ночевать у насъ будетъ...

Зорька. Вотъ навязался!..

опять заглядываетъ въ окно. Сторожиха проходитъ обратно.

Сторожиха. Ну, чего уставилась?..

Зорька. А гдѣ, бабушка, я лягу?..

Сторожиха. Со мной, въ сѣняхъ... Гдѣ положатъ, тамъ и ляжешь! Прибери скатерку-то!..

прошла въ избу. Зорька прибираетъ скатерку и посуду; вышелъ Художникъ.

Художникъ. Хорошо у васъ, Зорька!..

Зорька. Понравилось?

Художникъ. Такъ бы и не ушелъ... никогда!..

Зорька. Вотъ что! Привязчивый какой!..

Художникъ. Приворожила ты меня...

Зорька. Чѣмъ я тебя приворожила?

Въ окошечко выглянула Сторожиха.

Сторожиха. Зорька!.. Подь въ избу!..

Зорька. Иду!...

пошла, оглянулась, ласково улыбнулась и скрылась. Въ избѣ загорѣлся огонекъ. Художникъ встряхнулъ головой, посмотрѣлъ на избушку и задумчиво черезъ бородку посвисталъ. На крыльцо вышелъ Сторожъ, доѣдаетъ хлѣбъ. Взошла луна.

Сторожъ. Ежели итти,—ложиться надо... Спанья нашего не больше трехъ часовъ осталось. Какъ мѣсяцъ падать начнетъ, такъ и маршъ!.. Ты гдѣ ляжешь?

Художникъ. Ужъ не знаю... Въ избѣ, пожалуй,—будетъ душно... Гдѣ-нибудь тутъ...

Сторожъ. Комаровъ не боишься?

Художникъ. А много?

Сторожъ. Да не меньше, чѣмъ блохъ въ избѣ... Ты, миленокъ, вотъ чего: дамъ я тебѣ тулупъ свой... Завернись и лягъ вонъ тутъ, подъ березой-то... А ружье надо въ избу... отсырѣетъ... Зорька! Дай ему тулупъ мой... Онъ на волѣ ляжетъ...

взялъ ружье и унесъ въ избу. Вышла Зорька съ тулупомъ.

Зорька. Гдѣ ляжешь?

Художникъ. А вонъ подъ березой, которую черти повалили.

Зорька. На ночь чертей поминаешь... Вотъ они тебѣ ночью-то...

пошла въ избу...

Художникъ. Зорька!

Дѣвушка пріостановилась.

Зорька. Ну!..

Художникъ. За тебя можно чорту душу отдать...

Зорька. Ложись!.. Да Богу не забудь помолиться, а то сонъ нехорошій увидишь...

Дѣвушка пошла въ избушку, брякнула колечкомъ двери.

Художникъ. Зорька! Ушла!..

Гдѣ-то заливается Шарикъ, гоняя зайца... Художникъ укладывается подъ березой. Погасъ огонекъ въ избушкѣ.

Не поймаешь, Шарикъ, зайца!..

Стукнуло окошечко, выглянула Зорька, смотритъ большими глазами и говоритъ: «Спитъ онъ»...

Тьма. Занавѣсъ. Свѣтъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Та же декорація, только лѣсная сторожка превращается въ избушку Бабы-Яги, Зорька—въ Аленушку, Сторожиха—Бабу-Ягу, Лѣсной Сторожъ въ Лѣшаго, а Художникъ въ Фавна. Тихій вечеръ. На старой упавшей березѣ сидитъ Аленушка, плететъ вѣнокъ изъ дикихъ цвѣтовъ и тихо мурлыкаетъ пѣсенку; около нея стоитъ молодой лѣнивый Чертяка съ гармоникой подъ мышкой, грызетъ сѣмячки и, помахивая хвостомъ, влюбленно смотритъ на лѣсную красавицу.

Чертяка. Кому это ты плетешь вѣночекъ?..

Аленушка. Себѣ...

Чертяка сладко потянулся.

Чертяка. Что же, такъ мнѣ ничего отъ тебя и не будетъ?..

Аленушка. Понапрасну трешься...

Чертяка вздохнулъ, опустилъ хвостъ.

Достань ка мнѣ желтыхъ кувшинокъ и бѣлыхъ лилій!..

Чертяка. Буду я для тебя въ воду лазить!.. Поцѣлуй,—достану...

Аленушка. Не полѣзешь?..

Чертяка медленно направляется къ озеру.

Чертяка. На ночь измокнешь... Трясучку схватишь...

Аленушка. Не полѣзешь?..

Чертяка кладетъ на кочку гармонику, пробуетъ ногой воду.

Чертяка. Хоть бы когда-нибудь поцѣловала!.. Одинъ только разъ!.. Стоитъ для тебя въ водѣ бултыхаться.

лѣзетъ въ озеро, собираетъ кувшинки и лиліи и ворчитъ что-то. Аленушка звонко смѣется.

Аленушка. А ты окунись,—будетъ теплѣе!..

Чертяка лѣниво бродитъ по озеру.

Скорѣй! Какой ты лѣнивый!..

Чертяка. Успѣешь! Не стоитъ для тебя стараться.

вылѣзъ изъ воды, отряхивается какъ собака.

Хоть бы одинъ разъ поцѣловала!..

Забравъ гармонику, подходитъ, подаетъ кувшинки и лиліи.

Аленушка. Ну, поцѣлуй ногу!.. Только смотри: одинъ разъ!..

Чертяка припалъ на корточки и цѣлуетъ ногу.

Будетъ же! будетъ! Пусти!.. Дѣдушка Водяной!.. Дѣдушка Водяной!..

Въ озерѣ изъ кочекъ выставляется голова Водяного.

Что онъ озорничаетъ!..

Чертяка поднимается и стоитъ, прижавшись къ дереву, какъ провинившійся школьникъ, перебирая въ рукѣ свой хвостъ.

Водяной. Ты опять тутъ къ дѣвкѣ пристаешь?.. Обрадовался, что матери дома нѣтъ?

Чертяка. Что же, и поиграть нельзя?.. Сама разрѣшила, а потомъ...

Аленушка. Да! Я тебѣ велѣла одинъ разъ, а ты... исцарапалъ ногу!.. Убирайся отсюда!..

Водяной. Я вотъ сейчасъ вылѣзу... Я тебѣ, озорникъ, оборву хвостъ-то!..

Чертяка. Придешь когда-нибудь къ намъ въ оврагъ за земляникой... Одной ногой тогда не отдѣлаешься... Попомни это!..

медленно уходитъ въ лѣсъ.

Аленушка. Не дождешься!.. Ногу исцарапалъ, чортъ проклятый!..

Водяной. Побереги хвостъ, повѣса!..

Чертяка пропалъ въ чащѣ лѣса; удаляясь, играетъ на гармошкѣ «Матаню» и подпѣваетъ:

Миленькій! Часы при васъ:
Погляди, который часъ!
Это, милка, не часы,
Одна цѣпочка для красы!..

Аленушка надѣла на голову вѣнокъ.

Аленушка. Погляди, дѣдушка! Хорошо?..

Водяной. У-у, бѣдовая!.. Смотри, не ходи одна въ оврагъ за земляникой!..

Аленушка. Скучно, дѣдушка...

сняла вѣнокъ, опустила голову.

Некому, дѣдушка, вѣночекъ подарить!..

Водяной. Подари мнѣ!

Аленушка. Ты старый, сѣдой... Ты некрасивый, дѣдушка...

Водяной. У-у, бѣдовая!.. Иди купаться!..

Аленушка. Холодно!..

Водяной. Я теплые ключи открою!..

Аленушка. Не хочу: ты щекотать будешь...

Вдали слышенъ лай псовъ, выстрѣлъ и охотничій рогъ.

Водяной. Тсс!...

Исчезъ. Аленушка стоитъ, насторожилась съ опущеннымъ въ рукѣ вѣнкомъ, на лицѣ испугъ и радость... Лай псовъ все дальше и дальше, стихло. Въ озерцѣ задребезжала лягушка.

Аленушка. Опять пришелъ бѣлокурый человѣкъ съ голубыми глазами! Отчего такъ загорѣлись вдругъ мои щеки и такъ сильно забилось сердце...

радостно смѣется.

Почему я смѣюсь?..

Вдали кукуетъ кукушка.

Ахъ, кукушка, у него такія злыя собаки!.. Если бы я встрѣтила его въ сумракѣ лѣса одного, безъ собакъ, я подошла бы къ нему близко и надѣла бы на его русые волосы этотъ вѣнокъ!..

смолкла, опустила голову.

У него злыя собаки... Кукушка-кукушка! Долго ли мнѣ ждать?..

Кукушка вдругъ смолкла.

Замолчала. Не знаетъ... Перестаньте, лягушки, дребезжать! Дайте мнѣ послушать, о чемъ думаетъ лѣсъ...

Лягушки смолкли.

Лѣсъ шумитъ, шумитъ, шумитъ... И днемъ и ночью шумитъ лѣсъ... Днемъ о чемъ-то тихо шепчетъ, и мнѣ хочется смѣяться, сладко, радостно смѣяться, а ночью... Непривѣтливо шумитъ лѣсъ ночью, точно сердится... За что? Не знаю... Ночью я боюсь тебя, лѣсъ... Ты все ворчишь ночью и пугаешь мое сердце... Ночью мнѣ кажется, что... онъ... не любитъ меня... Лѣсъ! Не любитъ онъ меня?..

опустивъ голову, уходитъ въ избу.

Не знаетъ лѣсъ... Никто не знаетъ...

Проходитъ Пономарь съ кузовомъ грибовъ за плечами и гнусаво тянетъ что-то себѣ въ бороду.

Пономарь. Заморился...

сѣлъ на пень, отираетъ потъ съ лица краснымъ платочкомъ.

Яко банею омылся со главы до пятъ...

кричитъ въ лѣсъ:

Ѳеодосія... Гм!... Сокрылась, яко тать въ нощи... Ѳеодосія!..

Изъ кустовъ показывается Просвирня.

Просвирня. Здѣсь я! Не ори!..

Пономарь. Не отлучайся отъ мужа своего!..

Просвирня. Съ тобой къ вечеру не дойдешь... Все присаживаешься... Дохлый какой!..

подошла, сѣла на травкѣ.

И я разопрѣла...

Пономарь косится, всталъ—почесываетъ за косичкой и гнусаво тянетъ что-то.

Жарко!.. За пазухой, какъ въ котлѣ съ кипятком... Оставь ты! И такъ горю вся...

Пономарь. Пещь огненная! Не омыться ли намъ, Ѳеодосія, въ озерѣ?!

Просвирня поглядѣла и хитро ухмыльнулась.

Просвирня. Поди, омойся!.. А я здѣсь посижу... А потомъ я пойду...

Пономарь. А ежели, Ѳеодосія, совмѣстно?.. а? Грѣха въ этомъ нѣтъ...

Просвирня начинаетъ хохотать, Пономарь тоже.

Просвирня. Пойдемъ, чортъ съ тобой... Пособи встать-то, дохлый!..

Вдали пронзительный свистъ Лѣсовика и стукъ его трещотки. Пономарь и Просвирня испугались и проворно скрылись въ лѣсу. Въ окнѣ избушки загорается красноватый огонекъ. Всплыла надъ лѣсомъ луна, посеребрила озеро, облила лѣсъ серебристымъ туманомъ. Изъ глубины озера всплыла Русалка, прислушалась, осмотрѣлась и, усѣвшись на кочкѣ, стала расчесывать волосы. Хрустъ валежника, мужскіе голоса, — Русалка, вытянувъ шею, прислушалась и бултыхнулась въ воду... Слышенъ голосъ Лѣсовика: «Гляди подъ ноги-то! Опять упадешь!» Появляется Лѣсовикъ, похожій на старый дубовый пень, въ лаптяхъ, подпоясанный лыкомъ, за поясомъ рукавицы, на поясѣ—караульная колотушка; за Лѣсовикомъ идетъ Фавнъ со свирѣлью.

Лѣсовикъ. Ну, вотъ и пришли... Погодь ка здѣсь, я сейчасъ...

подошелъ къ избѣ, взглянулъ въ окошко и вернулся.

Фавнъ. Куда же ты меня привелъ?

Лѣсовикъ. Къ нашей Ягѣ... Она съ Нечистью ласковая... Можетъ быть, къ какому-нибудь дѣлу тебя опредѣлитъ... Все лучше, чѣмъ безъ дѣла по свѣту шляться... Человѣчьяго духа она не терпитъ, а отъ тебя козломъ пахнетъ—это невредное...

Фавнъ. Ну, гдѣ же эта Яга?..

Лѣсовикъ. Дома ея нѣтъ. Въ городъ полетѣла... Къ полночи вернуться должна... А безъ нея нехорошо въ избу лѣзть... Не любитъ она этого безпорядку... Присядь здѣсь!..

Фавнъ. Скажи, другъ, Нимфы у васъ водятся? или Феи, Наяды, Дріады?..

Лѣсовикъ. Лѣсныя бабы, что ли?

Фавнъ. Ну да, женщины!

Лѣсовикъ, Этакихъ нѣтъ, не слыхать... У насъ одна баба: Яга, да и та старая...

Фавнъ. Плохо, старикъ!..

Лѣсовикъ. А ты, видно, большой охотникъ до бабъ-то?.. Хе-хе-хе!..

похлопалъ по плечу Фавна.

Фавнъ. Одна женщина и притомъ пожилая!

сидитъ и разсматриваетъ свое копыто

Ногу испортилъ... Трудно ходить по вашимъ лѣсамъ...

Лѣсовикъ. У насъ, братъ, самъ чортъ ногу сломитъ, а не то что заблудшій... Ты, я вижу, привыкъ къ мягкимъ муравамъ да къ чистымъ рощамъ... Намъ нельзя... Мы, братъ, въ трущобахъ прячемся... Кажній годъ глубже въ лѣсъ уходимъ... а все-таки годъ отъ году меньше спокою видимъ... Люди смѣлѣе дѣлаются...

Фавнъ. Ну, а въ рѣкахъ и озерахъ у васъ, кромѣ рыбъ, птицъ и лягушекъ, водится что-нибудь?

Лѣсовикъ. Ты опять насчетъ бабъ?.. Вонъ въ этомъ озерѣ живетъ молодая бабенка, только на нее, братъ, не разсчитывай,—она съ утопленникомъ путается... Съ нашимъ братомъ и знаться не хочетъ... Человѣчьихъ дѣвокъ много по лѣсу лѣтомъ бродитъ, только, вѣдь... Ты какъ: креста боишься?

Фавнъ. Не люблю людей съ крестами... и въ очкахъ съ книгами... Они прогнали насъ съ родины... Это ча-

родѣи, предъ которыми пропадаютъ всѣ тайны горъ, лѣсовъ и морей...

Лѣсовикъ. Наши дуры пугливыя!.. Всѣ бѣгутъ безъ оглядки, какъ почуютъ насъ... Ежели на которой креста нѣтъ, прямо бери руками... Я двухъ измялъ прошлымъ лѣтомъ.

Отворяется окошечко, звенитъ дѣвичій голосокъ.

Аленушка. Кто тамъ разговариваетъ? Ты—Лѣшій?

Фавнъ вздрогнулъ, насторожился, хвостъ трубой поднялъ.

Лѣсовикъ. Я, Оленушка!..

Аленушка. Съ кѣмъ?

Лѣсовикъ. Гостя привелъ! Заблудящаго!

Фавнъ хотѣлъ кинуться на голосъ, но Лѣсовикъ схватилъ его за хвостъ.

Погоди! Нехорошо... Вишь, какой ты непутевый: сразу загорѣлся...

Фавнъ. Не держи меня за хвостъ, иначе я..,

лягнулся, но Лѣсовикъ увернулся отъ удара и схватилъ Фавна за шиворотъ.

Лѣсовикъ. Надо оставить. У насъ, братъ, этого нельзя, чтобы сразу, какъ волкъ на ягненка... Это—Ягова дочка... Мать узнаетъ, шкуру тебѣ спуститъ...

Опять звенитъ дѣвичій голосокъ.

Аленушка. А кто онъ, гость? Можетъ быть, бѣлокурый человѣкъ съ голубыми глазами? Поймалъ?

Лѣсовикъ. Человѣчью дѣвку какъ ни корми, она все къ людямъ норовитъ...

Аленушка. Поймалъ?..

сбѣгаетъ съ крыльца, увидя Фавна, останавливается въ изумленіи и вдругъ заливается веселымъ, звонкимъ смѣхомъ.

Какой смѣшной!

озираетъ Фавна съ головы до ногъ, протягиваетъ руку.

Ну, здравствуй! Какія мохнатыя ноги!.. Ты не здѣшній?

Фавнъ немного обиженъ.

Фавнъ. Я съ береговъ Бирюзоваго моря!..

Лѣсовикъ. Чортъ Заморскій!..

Фавнъ. Я бѣдный изгнанникъ, блуждающій по землѣ безъ пріюта...

Пристально вглядываются другъ въ друга.

Аленушка. Ты смѣшной... Ты ужасно смѣшной, но... Ты не человѣкъ?

Фавнъ вздрогнулъ, проникся презрѣніемъ.

Фавнъ. Нѣтъ. Я потомокъ Великаго Пана. Я—Фавнъ, рожденный на берегахъ Бирюзоваго моря отъ избытка радости и сладкихъ грезъ весенней Ночи... А ты... Ты похожа на одну изъ Нимфъ моей родины... У тебя смѣхъ и радость въ глазахъ... Но зачѣмъ ты скрыла лохмотьями свое гибкое тѣло?..

Дѣвушка сконфузилась, потупилась, теребитъ рубашку.

Аленушка. Это рубашка... Она уже истрепалась, но мать обѣщала мнѣ подарить новую...

Фавнъ. Сбрось эти лохмотья! Хочешь: ты побѣжишь, а я буду ловить тебя!

Лѣсовикъ. Вишь, куда гнетъ!.. Ну и дошлый!..

Фавнъ. Сбрось эти лохмотья: они мѣшаютъ и рукамъ и ногамъ!

Дѣвушка раскатилась смѣхомъ и побѣжала прочь къ избушкѣ.

Аленушка. Какой смѣшной!.. Безстыдникъ!..

Фавнъ обезкураженъ.

Лѣсовикъ. Какъ же это, братецъ, дѣвушкѣ рубаху снять?.. Ты при матери этого не скажи: она тебѣ... Чудакъ, братецъ!..

Фавнъ. Почему?

Лѣсовикъ. Русалка у насъ дѣйствительно живетъ въ чемъ мать родила, такъ вѣдь она — въ водѣ... А когда другой разъ на берегъ выйдетъ, такъ вся водяной травой обовьется и чуть что, если мужчину зачуетъ, — сейчасъ бултыхъ въ воду!.. Вотъ ежели

мужчина утопнетъ, такъ тамъ уже безо всякаго стѣсненія, потому — дома... А что, неужели у васъ всѣ нагишомъ ходятъ?

Фавнъ. У насъ сами боги не скрывали своей наготы...

Лѣсовикъ. А зимой?

Фавнъ. У насъ не бывало зимы... У насъ вѣчно цвѣли розы и вѣчно зеленѣли луга и деревья..

вздохнулъ, вспомнилъ родину и воодушевился.

Край счастливый, безпечальный,
Край любви обѣтованной!..
Тамъ все—радость, смѣхъ и свѣтъ...
Тамъ лазуренъ неба цвѣтъ...
Тамъ и въ рощахъ, и въ садахъ—
Дерева всегда въ цвѣтахъ...
Тамъ подъ тѣнію ракитъ
Нимфа радостная спитъ...

Лѣсовикъ. Гм!.. Чудеса!.. Тебѣ у насъ несподручно.

Фавнъ. Опять пойду... Буду искать, гдѣ горячо солнце и не вянутъ цвѣты...

Лѣсовикъ. А я, братецъ, люблю зимой въ лѣсу ходить: подъ лаптями похрустываетъ, деревья какъ въ серебряномъ пуху, отъ морозца потрескиваютъ, по снѣгу алмазы горятъ... Хорошо!..

Стихли. Фавнъ груститъ. Вдругъ плескъ воды,—въ озерѣ, въ камышахъ, показалась Русалка, оглядѣлась, испуганно вскрикнула: «Ахъ!» и спряталась.

Фавнъ насторожился, потомъ кинулся къ озеру.

Фавнъ. Наяда!..

Лѣсовикъ. Русалка это... Все охотника молодого ждетъ... Обѣимъ дѣвкамъ вскружилъ голову... Обѣ изъ человѣчьяго роду, вотъ ихъ и тянетъ къ человѣку... Только одной надо живого, а другой мертваго... Обѣ ко мнѣ пристаютъ: обойди да приведи... А на немъ крестъ... Да вѣдь оно и то сказать: Ягова

дѣвчонка въ возрастъ пришла, — не понимаетъ еще, а чуетъ что-то... что любить пора... Хоть и выросла съ нами, а природа все сказывается.

Аленушка. Лѣшій! Иди сюда! Мнѣ скучно!..

Лѣсовикъ. Ты посиди покуда, а я сбѣгаю... Чего она тамъ...

Фавнъ посидѣлъ на пенькѣ и побрелъ къ озеру. Усѣвшись на берегу, онъ играетъ на свирѣли, желая выманить Русалку. Лѣсовикъ вернулся, увидѣлъ Фавна.

Лѣсовикъ. Вишь, хитрый какой!.. Ее, братъ, не обманешь дудочкой!..

Фавнъ. Не выходитъ...

Лѣсовикъ. Она, братецъ, баба твердая... умная баба... Утопись,—тогда, можетъ, и получишь...

Фавнъ печально возвращается, жмется.

Фавнъ. Сыро... И холодно...

Лѣсовикъ. Зяблый ты: только ночь упала, а ты ужъ и жмешься... Теперь еще ничего, а вотъ къ утру зубами пощелкаешь... Надо тебя уважить—огонекъ запалить. Нака покуда кафтанъ,—прикройся, миленокъ... Въ чужомъ краю всяка тварь—сирота...

прикрылъ Фавна кафтаномъ.

Фавнъ. Путь тяжелый и далекій...
Всѣмъ чужой и одинокій,
Я скитаюсь много лѣтъ,
А конца скитаньямъ нѣтъ!
Вѣчный страхъ—моя стихія...
Нѣдра горъ, лѣса глухіе
Мнѣ пристанище теперь...
Вмѣсто нимфы—дикій звѣрь...

Лѣшій наломалъ хворосту, высѣкъ огнивомъ огонь, разжегъ костеръ. Присѣли. Лѣсовикъ набилъ и закурилъ трубку.

Лѣсовикъ. Не хочешь ли махорочкой побаловаться?

Фавнъ брезгливо отворачивается и кашляетъ.

Не любишь? Которые не выносятъ... Понимать надо...

разглядываетъ ноги и хвостъ Фавна.

Копыто у тебя обнаковенное, какъ у чорта, а вотъ хвостъ! Занятный у тебя хвостъ. Вѣрно!.. Хм!.. А блоха, поди, все-таки есть?..

Фавнъ. Оставь хвостъ! Это неделикатно.

Лѣсовикъ. Поберегать надо. Вонъ у нашего Чертяки весь хвостъ моль объѣла. Молодой, а хвостъ, какъ у голодной коровы...

Фавнъ. У васъ водятся коровы?

Лѣсовикъ. И коровы, и овцы, и бараны...

Фавнъ. Ихъ пасутъ пастушки?

Лѣсовикъ. Пастухи съ собаками.

Фавнъ. Печально!..

Тихо. Вдали прозвучала гармоника. Фавнъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать.

Лѣсовикъ. Не бойся! Сиди! Думаешь, человѣкъ?.. Нѣтъ. Это нашъ Чертяка...

подкладывая въ костеръ хворосту.

Избаловался парень... По ярмаркамъ да по гульбищамъ, водку пьетъ, пряники ѣстъ, съ деревенскими колдуньями путается... Совсѣмъ свое дѣло позабылъ... Скоро его люди и бояться перестанутъ...

вздохнулъ и поникъ головой.

Не такъ было въ старое время: бывало, чортомъ обругаться боялись, а теперь... Ни Богомъ, ни Чортомъ не напугаешь... На той недѣлѣ съ Просвирней его въ лѣсу встрѣтилъ: оба выпимши, подъ руку другъ дружку ведутъ и поютъ... Да что поютъ-то?.. Сказать нехорошо...

Вдали слышны колокольчики.

Тсс! Тихо!.. опять колокольчики... Хм... Почитай, кажній день колокольчики стали звенѣть... Раньше этой дорогой боялись ѣздить...

вдругъ рѣзко засвистѣлъ и захохоталъ; эхо прокатилось по лѣсу.

Теперь и Ягу не такъ ужъ боятся... А кто виноватъ?.. Сами, милый... Все охота на людей походить... Тс!.. Не иначе, какъ опять купецъ ѣдетъ... Купцы съ ярмарки ѣдутъ... Попугать надо. Давай ка кафтанъ-то!

надѣваетъ кафтанъ.

Пойду лошадокъ обойду, тарантасъ подъ оврагъ спущу, колесо сломаю, либо сердешныхъ вытащу... засвисталъ, дѣловито пошелъ въ лѣсъ и застучалъ колотушкой. Фавнъ боится, прислушивается... Когда все стихло, онъ сѣлъ на упавшую березу, поигралъ на свирѣли, потомъ сладко позѣвнулъ, почесался и, забравшись на толстый сукъ плакучей березы, заснулъ. Луна встала выше и залила лѣсъ голубоватой дымкой... Гдѣ-то защелкалъ соловушекъ. Лягушка выскочила изъ озера, допрыгала до Фавна и, вытаращивъ глаза, уставилась на него. Фавнъ шевельнулъ хвостомъ,—Лягушка испугалась, заквакала и бултыхнулась въ озеро. Изъ кустовъ выскочилъ Заяцъ, понюхалъ Фавна, чихнулъ и скрылся. Русалка всплыла надъ водой, за ней вылѣзъ Водяной и сталъ пускать изо рта пузыри въ воду. Русалка тихо поетъ тоскливую пѣсенку и раскачивается, сидя на упавшей въ воду березѣ. Но вотъ вѣтерокъ снова донесъ звонъ колокольчиковъ, и Русалка съ Водянымъ скрылись. Изъ чащи выходитъ Чертяка съ горшкомъ, наполненнымъ горящими свѣтлячками. Онъ крадется къ окошку и смотритъ въ избушку.

Чертяка. Милая! Зазнобушка!.. О чемъ грустишь, красота моя?..

вздохнулъ, тихо стучитъ въ окно. Оконце поднимается.

Аленушка. Кто тамъ?

Чертяка благоговѣйно протягиваетъ къ окну горшокъ съ свѣтляками.

Чертяка. Я принесъ тебѣ свѣтляковъ... Поцѣлуй хоть одинъ разъ!

Аленушка. Убирайся!.. Не люблю!..

Опустилась и стукнула створка окошка.

Чертяка. Знаю я, кого тебѣ надо!.. Только бы встрѣтить... удавлю я его на осинѣ!..

отошелъ, сѣлъ на пенекъ и потихоньку плачетъ. Гдѣ-то щелкаетъ соловушекъ. Фавнъ завозился, проснулся, сѣлъ на деревѣ и уставился на Чертяку, а тотъ, случайно увидя Фавна, пересталъ вдругъ плакать и уставился на него. Фавнъ спрыгнулъ съ дерева, Чертяка бросился прочь, фыркаетъ... Потомъ они тихо, осторожно приближаются другъ къ другу, начинаютъ махать хвостами и улыбаться другъ другу, потомъ берутся за руки и радостно смѣются.

Занавѣсъ тихо падаетъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Та же декорація. Разгорается румяная заря утра. Лѣсъ постепенно наполняется радостнымъ щебетаньемъ птицъ. Надъ озеромъ колыхается и таетъ бѣлый туманъ. Русалка купается, садится на зеленой кочкѣ и расчесываетъ волосы. Съ кряканьемъ поднимаются и улетаютъ куда-то дикія утки... Чертяка, свернувшись клубочкомъ, спитъ подъ упавшей березой; около него гармоника и недопитая бутылка водки... Гдѣ-то закуковала кукушка. Изъ избушки выходитъ Аленушка съ полотенцемъ на рукѣ.

Аленушка. Встану я по утру раненько, умоюсь водицей студеной, утрусь бѣлымъ полотенцемъ...

идетъ къ озеру, умывается, утирается полотенцемъ, улыбается небесамъ.

Красной Зорькѣ улыбнуся, а тебѣ, сыръ-дремучій лѣсъ, поклонюся.

кланяется въ поясъ лѣсу. Изъ кустовъ восхищенно смотритъ Фавнъ.

Фавнъ. Она молится Великому Пану!..

Аленушка. Шуми, сыръ-дремучій лѣсъ, тихо-ласково, навѣвай сладкую грусть тоску на милаго! Шепни ему, сыръ-дремучій лѣсъ, про любовь мою, про тоску мою, про пугливое сердце дѣвичье!.. Не буди его, сыръ-дремучій лѣсъ, а потихоньку скажи ему на ушко, что сохнетъ по немъ дѣвица красная, что сгораетъ она отъ огней розовыхъ на зарѣ утренней и вечерней...

Гдѣ-то закуковала кукушка.

Плачетъ бѣдная кукушечка, одинокая сиротинушка...

тихо плачетъ.

По миломъ дружкѣ сокрушается..

Фавнъ. Не плачь, милая лѣсная дѣвушка!..

Аленушка. Ахъ! Это... кто?.. Ты это... Я не плакала... Нѣтъ, нѣтъ!..О чемъ же мнѣ плакать?.. Смѣшной какой... О чемъ мнѣ плакать?

Фавнъ. Ты плакала о Великомъ Панѣ... Не плачь! Не вѣрь, что умеръ Великій Панъ! Онъ живъ... Онъ скрывается въ невѣдомыхъ странахъ, гдѣ нѣтъ горя, а только великая радость... Гдѣ люди — какъ боги и боги, какъ люди...

Аленушка. А гдѣ эти невѣдомыя страны?..

Фавнъ. Надо искать... Никто не знаетъ. А кто зналъ— тѣ забыли... или умерли... Не надо плакать... Онъ вернется... Будемъ искать его съ трепетомъ въ сердцѣ, съ улыбкой на устахъ, съ любовью въ глазахъ...

Аленушка. Я не знаю, о чемъ ты говоришь... Не понимаю тебя...

Фавнъ. Хочешь я научу тебя молиться Великому Пану?

Изъ избы вышла злая, растрепанная Яга, прислушалась, крадется и подглядываетъ.

Подойди ближе!

Дѣвушка недовѣрчиво приближается.

Аленушка. А можетъ твой богъ сдѣлать такъ, чтобы... меня... полюбили?.. Этого никто не можетъ...

Фавнъ. Можетъ!.. Онъ уже сдѣлалъ это!..

внезапно обнялъ и цѣлуетъ Аленушку, та отбивается.

Аленушка. Я закричу... я закричу... Оставь—ты меня! Безстыдникъ!

Баба-Яга. Цыцъ!..

Фавнъ отскочилъ. Аленушка стоитъ. Яга подошла къ Фавну и опустила голову и, схвативъ его за руку, уволокла въ избу; потомъ вернулась и набросилась на Аленушку:

Ахъ ты поганка! Цѣлуется съ мужчиной чуть не на глазахъ у матери!..

Аленушка. Онъ насильно поцѣловалъ...

Баба-Яга. У васъ, дѣвокъ, всегда насильно!..

Выглянулъ Водяной и вмѣстѣ съ Русалкой съ любопытствомъ прислушиваются къ ссорѣ.

Меня этимъ не проведешь, поганка!..

Аленушка. Прогони его вонъ, если боишься, что я... Сама къ нему лѣзешь, а...

Баба-Яга. Молчи, поганка!.. Не твое дѣло мать учить...

Дѣвушка пошла прочь, отирая глаза рукавомъ рубашки.

Аленушка. А вотъ ты съ нимъ цѣлуешься... Сама я видѣла....

Баба-Яга. Вонъ, гадина!.. Чтобы глаза мои не видали тебя...

погналась за Аленушкой, — та сбѣжала къ озеру, сѣла на бережкѣ и плачетъ, потомъ уходитъ въ лѣсъ. Яга возвращается назадъ и видитъ спящаго Чертяку.

Ахъ вы, черти проклятые. Солнце взошло, а онъ спитъ, какъ младенчикъ...

взяла бутылку, выпила черезъ горлышко остатокъ водки, сплюнула.

Налопался водки и храпитъ!..

пнула Чертяку ногой.

Проснись, окаянный, чтобъ тебя разорвало!..

Чертяка сѣлъ, чешется.

У-у!.. пьяница!.. Протри зенки-то!.. Опять рога обломалъ!..

Чертяка. Вчерась съ Пономаремъ подрались...

Яга пошла въ избу.

Баба-Яга. Иди—неси дровъ, топи печку!.. Ступку вычисти, метлу приготовь!

Чертяка. Въ одну минуту!..

всталъ, потянулся. Хотѣлъ допить водку.

Ахъ!.. Слопала, старая карга!..

нехотя пошелъ за дровами. Баба-Яга ведетъ изъ избы Фавна на веревкѣ на водопой.

Баба-Яга. Что хвостъ-то повѣсилъ?.. Когда съ дѣвчонкой говоришь, такъ трубой его держишь, а на меня глядѣть не хочешь!..

Фавнъ. Пить хочу...

Баба-Яга. Ну иди, что ли!.. Что это у тебя? Погоди ка! Никакъ облѣзать сталъ?..

остановилась, разсматриваетъ и приглаживаетъ шерсть Фавна, оглянулась по сторонамъ:

Обними! Покрѣпче!..

Фавнъ нехотя обнимаетъ Ягу

Фавнъ. Пить хочу!.

Баба-Яга. Пойдемъ!.. Кабы ты, безчувственный, понималъ мою любовь...

Русалка захохотала, захлопала въ ладоши и скрылась.

Водяной. Старая баба, одинъ зубъ остался... Тьфу!

Баба-Яга. Ты мнѣ не свекоръ, а я тебѣ не сноха?.. За собой наблюдай, старый хрычъ!.. Пей! Плюнь на нихъ!..

Водяной. Ни стыда, ни совѣсти!

побулькалъ въ водѣ пузырями и спрятался.

Фавнъ. Сними веревку! Не могу воду достать... Это грозо варварство...

Баба-Яга. Кабы ты былъ порядочнаго поведенія, я не держала бы тебя на веревкѣ... Для твоей же пользы: ты за бабой готовъ на край свѣта побѣжать... Себя не помнишь... А теперь поберегаться надо: какъ разъ въ лапы къ людямъ попадешь. Тебя же жалѣю... Пей больше! Воды не жалко...

Фавнъ. Не хочу. Веревка мѣшаетъ...

Баба-Яга. Ну, пойдемъ въ избу!..

Чертяка несетъ въ избу дрова.

Фавнъ. Если бы ты меня любила, ты не держала бы меня на веревкѣ... Развѣ можно любить на веревкѣ?

Баба-Яга. А кабы ты любилъ, не понадобилась бы и веревка... Иди въ избу... Чайку поьепмъ, блиновъ поѣдимъ... Будетъ хныкать-то, не махонькій...

ведетъ Фавна въ избу. Чертяка выноситъ изъ избы самоваръ, вытряхиваетъ, разжигаетъ огонь, ворчитъ.

Чертяка. Въ аду жить лучше, чѣмъ у этой старой бабы! Спокою ни днемъ, ни ночью не знаешь... Я не обязанъ твоимъ любовникамъ прислуживать... То въ городъ бѣги за сахаромъ, то достань ей мази для волосъ, то меду, то... Ужъ не знай еще, чего захочешь, окаянная!..

Изъ лѣсу крадется Аленушка.

Аленушка. Гдѣ она, проклятая?

Чертяка. Въ избѣ она...

поглядѣлъ, вздохнулъ.

Аленушка. Пропала моя головушка...

тихо плачетъ, отирая слезы рукавомъ.

Чертяка. Ушла бы куда-нибудь... на вѣки!

Аленушка. Некуда, чортушка!..

Чертяка. Въ городъ ушла бы! Въ услуженіе къ господамъ поступила бы!

Аленушка. Боюсь, чортушка...

Чертяка. Хочешь вмѣстѣ уйдемъ? а?

Чертяка подскакалъ и опустился на корточки около дѣвушки.

Аленушка. Нѣтъ.

Чертяка. Какъ хочешь... Не заплачу... Эхъ, ты! Какъ я тебя любилъ! Какъ я страдалъ по тебѣ!.. Ну, а теперь перегорѣло мое сердце, какъ угли въ самоварѣ... Зола и пепелъ!...

Аленушка. Прости меня, чортушка! Самъ знаешь: другого люблю.

Чертяка вскочилъ, какъ ошпаренный, обозлился.

Чертяка. Не растравляй!.. Иди, куда хочешь!

Аленушка, понуривъ голову, медленно скрывается въ кустахъ.

Пожалѣешь потомъ, да поздно будетъ... Сама придешь... «Возьми меня, чортушка», скажешь...

Только напрасно... Атандé, мамзель, съ авансами! и больше никакихъ!

смотрится въ самоваръ.

Что я хуже другихъ, что ли? Много васъ... Не заплачемъ...

стучитъ самоваромъ. Появляется встревоженный Лѣсовикъ, тяжело дышитъ, отдувается.

Лѣсовикъ. Уфъ! Инда не отдышусь! Гдѣ Яга-то?

Чертяка. Въ избѣ...

Лѣсовикъ. У насъ неблагополучно...

Идетъ къ избѣ, Чертяка останавливаетъ

Чертяка. Не ходи! Безъ докладу не велитъ теперь пускать.

Лѣсовикъ. Что же это за порядки?.. Какъ же можно ждать, когда со всѣхъ сторонъ въ старый боръ люди идутъ...

Чертяка. Неужто?..

Лѣсовикъ. Съ топорами, съ лопатами, съ пилами... Шалаши поставили, огни разжигаютъ... Что, милый, дѣлать-то будемъ?.. Куда теперь намъ?.. Покричи Ягу-то!...

Чертяка. Она не одна: съ миленькимъ!

сплетничаетъ что-то на ухо, хихикаетъ.

Вчерась меня въ городъ посылала за тюфякомъ... Жестко спать, говоритъ, кости болятъ...

Лѣсовикъ. Тьфу! Одна глупость на умѣ...

подошелъ къ окну, стучитъ палкой въ подоконникъ...

Эй! Яга! Дома, что ли?

Отвѣта нѣтъ. Заглянулъ въ окно, плюнулъ и отошелъ.

Погодить надо... Ахъ ты, драть тебя съ хвоста!..

Въ избѣ крикъ Яги. Съ крыльца идетъ провинившійся въ чемъ-то Фавнъ. Голосъ Яги въ сѣнцахъ.

Баба-Яга. Какой же ты мужчина?... Баба ты пареная...

Фавнъ. Я не виноватъ... Злая женщина...

подошелъ, шепчется съ Чертякой, тотъ осторожно хихикаетъ. Лѣсовикъ идетъ въ избу.

Чертяка. Попалъ, братецъ...

Фавнъ. Злая женщина. Царапается, какъ кошка...

сердито стукнуло оконце, Яга выкинула на земь веревку.

Баба-Яга. Чортъ! Привяжи его, олуха, покуда къ березѣ: пусть пасется...

Чертяка. Иди, братъ... На меня не сердись: я вѣдь не по своей волѣ тебя привязываю...

неувѣренно идетъ съ веревкой къ Фавну, побаивается его, пожимаетъ плечомъ, манитъ къ себѣ. Фавнъ опустилъ вдругъ голову, Чертяка воспользовался моментомъ.

Я тебѣ подлиннѣе конецъ-то пущу... Все веселѣе будетъ... А ужо уѣдетъ Яга, гулять пойдемъ... На новый хуторъ дачники пріѣхали... Бабы есть...

подмигнулъ. Фавнъ вздыхаетъ, садится и покачивается.

Фавнъ. Развѣ можно любить безъ радости!..

Чертяка. Ей, каргѣ, все равно... Ей бы только мужикъ крѣпкій...

Фавнъ. А Лѣшій?.. Вѣдь она...

Чертяка. Лѣшій? Старъ! А главное — онъ строгой жизни... Онъ, братецъ, на этотъ счетъ блюдетъ себя...

Опять стукнуло оконце, выглянула Яга.

Баба-Яга. Эй, ты! Приготовь ступку и метлу!..

Чертяка. Сію минуту!.. Ѣхать хочетъ... Помалкивай... Погляди за самоваромъ-то!..

Чертяка приготовляетъ ступку и метлу, Фавнъ раздуваетъ самоваръ.

Ступка-то трещину дала... Того и гляди,—развалится... Въ ремонтъ пора...

Въ избѣ строгій голосъ Яги: «Не учи. Сама знаю». Съ крыльца идетъ Лѣсовикъ безъ шапки.

Лѣсовикъ. Сейчасъ на Лысую гору поѣдетъ... Ай-ай, строптивая!.. Вы тутъ, молодчики, не спите... Время такое, что всѣмъ надо потрудиться...

Чертяка. На веревкѣ держитъ... Усовѣсти ее!.. Его привязала, а меня сторожемъ поставила... Чего тутъ сдѣлаешь?..

Фавнъ. Она боится, что я убѣгу... Не вѣритъ честному слову. Да пусть Венера поразитъ меня любовью къ этой старой женщинѣ, если я не сдержу своей клятвы... Я привыкъ, чтобы мнѣ вѣрили...

Съ крыльца идетъ Яга въ образѣ старенькой старушки изъ богадѣльни, въ черномъ чепчикѣ съ бѣлыми кружевцами, направляется къ ступкѣ; за ней идетъ Лѣсовикъ и убѣждаетъ спустить Фавна съ веревки.

Лѣсовикъ. Этакого заморскаго чорта да въ дѣло не употребить!.. По нашимъ мѣстамъ онъ можетъ такого страху на человѣка нагнать, что на сто верстъ наши мѣста обходить будутъ.

Яга садится на ступку, Чертяка и Лѣшій помогаютъ.

Баба-Яга. Хорошо: спусти его съ веревки... Только чтобы не убѣжалъ...

Чертяка. Я за нимъ погляжу... Онъ пугливый. Одинъ не убѣжитъ...

Баба-Яга. Бабу увидитъ, ничѣмъ не удержишь... Такой характеръ...

Чертяка. Да я за версту бабу не подпущу!.. Чтобы я дозволилъ ему...

Баба-Яга. Ну, ладно, спустите!.. Только ужъ поглядывать надо, чтобы...

Чертяка. Будь спокойна!

Лѣсовикъ. Куда онъ побѣжитъ?.. Онъ нездѣшній...

Чертяка подалъ метлу, усадили Ягу, она уѣхала.

Скажи мнѣ спасибо!.. Я тебя съ веревки вызволилъ...

развязываетъ веревку.

Фавнъ. Я тебѣ, старикъ, очень признателенъ!.. Очень!.. Вѣдь это же варварство!.. Я — не козелъ и не бычокъ, чтобы... Я потомокъ Великаго Пана...

Чертяка радостно перекувырнулся на травѣ и побѣжалъ къ самовару.

Чертяка. Старикъ! Давай чай пить!

Лѣшій подсѣлъ, Фавнъ стоитъ поодаль.

А ты, нѣмецъ? Хошь, чашечку налью? съ медомъ?

Фавнъ. Не хочу... Я люблю виноградный сокъ...

Лѣсовикъ. Какъ это чайку не попить?!.. Чудной народецъ?.. Понимать надо... Шелъ я давеча по дорогѣ и нашелъ вотъ эту бумагу!

вынулъ изъ-за пазухи свернутую газету.

Чертяка. Газета это... Дай ка сюда!

вырвалъ изъ руки Лѣшаго и развертываетъ.

Лѣсовикъ. Что въ ней прописано? Про насъ нѣтъ ли чего?

Чертяка. Про себя они это пишутъ... Больно имъ наплевать на насъ...

читаетъ по складамъ.

«Да-ма среднихъ лѣтъ ищетъ молодого домашняго секретаря съ высшимъ образованіемъ».

Лѣсовикъ. Гм!.. Какъ теперь эти слова понять? Про что она тутъ?..

Чертяка. Какъ же это не понять? Очень даже понятно.

что-то шепчетъ на ухо Лѣшему.

Лѣсовикъ. Да неужели?... Ахъ, ты!..

Чертяка. Кабы я гдѣ курсъ кончилъ!.. Вотъ, нѣмецъ!.. Ты и читаешь прытко и писать можешь... Всласть пожилъ бы!..

Фавнъ. Не желаю... Оставь меня!..

тихо отлягиваясь, пошелъ и скрылся въ кустахъ.

Лѣсовикъ. Хорошій онъ парень... Люблю его... Повадка у него хорошая...

Вдали звонъ колокольчиковъ.

Слышишь? Опять ѣдутъ... Ахъ, дѣла-дѣла!.. Чайку попить некогда...

всталъ, попугалъ хохотомъ.

Идтить надо... Не боятся... Ахъ, ты...

ушелъ въ лѣсъ. Чертяка пьетъ чай съ блюдечка и читаетъ газету. На косогорѣ появляются двѣ женщины въ свѣтлыхъ костюмахъ, въ соломенныхъ шляпахъ, подъ цвѣтными зонтиками.

Дѣвушка. Мама! Земляника!.. Красная, душистая! У-у... какъ много!

Дама. Ахъ! дѣйствительно... Какая масса!.. Давай набирать къ обѣду... со сливками...

бросили на траву раскрытые зонтики, сумочки и шляпки, ползаютъ и ѣдятъ землянику, расползлись въ разныя стороны.

Ты, кажется, собираешь прямо въ ротъ.

Дѣвушка. Неправда! Я ѣмъ только самую спѣлую, которая мнется въ рукѣ... Ахъ, прелесть! Какая вкусная!.. Мама! Грибъ! Я нашла большой бѣлый грибъ... Посмотри: срослись два вмѣстѣ: большой и маленькій, словно мать съ ребеночкомъ.

Дама. Это хорошее предзнаменованіе!..

Дѣвушка. Правда?

Дама. Это значитъ, что ты въ нынѣшнемъ году выйдешь замужъ... Ахъ! И я нашла!.. И представь: тоже двойняшка!..

Дѣвушка. Я буду сбирать грибы, а ты—землянику...

отходитъ, скрывается въ лѣсу. Дама сѣла, вынула изъ сумочки зеркальце, смотрится, охорашивается и, вздохнувъ, сентиментально произноситъ.

Дама. Такъ мало прожито, такъ много пережито!..

разсматриваетъ грибъ, качаетъ головой. Вдругъ испуганный крикъ,—дочка бѣжитъ къ матери.

Дѣвушка. Мама! Тамъ кто-то шевелится...

Дама. Ахъ, какъ ты меня напугала! Можно ли такъ визжать?.. Сумасшедшая...

Дѣвушка пугливо оглядывается.

Кто-то живой, страшный...

Дама. Навѣрно, увидѣла зайца и... Трусиха!..

Дѣвушка. Не заяцъ, мама! Большой, мохнатый... Я боюсь...

Дама. Ну, кто же можетъ быть?.. Медвѣдь?

встала, оправляетъ прическу и платье.

Дѣвушка. Не знаю, похожъ на огромную обезьяну... Уйдемъ! Я видѣла, видѣла!.. Ну, скорѣй же!

тянетъ мать за рукавъ.

Дама. Ахъ, наказаніе какое! Дай же мнѣ хоть застегнуться!

Снова отчаянный визгъ Дѣвушки: изъ кустовъ выскакиваетъ Фавнъ; женщины, побросавъ зонтики, шляпы и сумочки, стремительно бѣгутъ въ лѣсъ; Дѣвушка скрывается, а Дама въ изнеможеніи падаетъ, Фавнъ радостно хохочетъ, прыгаетъ около Дамы, та теряетъ сознаніе. Чертяка бросаетъ чай,—бѣжитъ на косогоръ, Фавнъ наклоняется надъ Дамой, обходитъ ее со всѣхъ сторонъ, потомъ садится на корточки и плотоядно смотритъ ей въ лицо. Приближается Чертяка.

Чертяка. Поймалъ?..

посмотрѣлъ на Даму, презрительно махнулъ рукой и, собравъ зонтики, сумочки и шляпки, понесъ ихъ къ избѣ. Расположившись на крыльцѣ, онъ любуется вещами.

Одинъ зонтикъ Просвирнѣ, а другой... Яга возьметъ... Чортъ съ ней!.. Коробочка!.. Зеркало!.. Шпильки! Платочекъ! Это годится!

спряталъ платокъ подъ мышку.

Два двугривенныхъ. Вотъ это пріятно! Здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня!..

взялъ гармонику, зонтикъ и пошелъ.

Эй, ты, нѣмецъ! Брось ее! Грошъ ей цѣна! Пойдемъ разгуляться къ Просвирнѣ!..

скрылся въ лѣсу. Дама шевелится, открываетъ глаза.

Дама. Гдѣ я? Что со мной?!.

Фавнъ. Не бойся! Я тебѣ не сдѣлаю ничего дурного!..

Дама приподнялась на локтѣ, сперва испугалась.

Дама. Кто это?!

Смотрятъ другъ на друга. Дама улыбнулась.

Неужели?.. Сонъ это или... Да вѣдь это Фавнъ?!

Фавнъ. Ты не ошиблась...

обнялъ ее за талію.

Почему ты такая жесткая?..

Дама ласково отстраняетъ его руку.

Дама. Однако... Это слишкомъ!.. Ты не думай, что я какая-нибудь... Оставь руку! Я дама изъ общества...

Фавнъ. Почему ты такая жесткая?..

обнялъ снова за талію и укололся.

Ай! Почему ты колючая?.. и жесткая?..

Дама. Жесткая? Вотъ наивность! Я въ корсетѣ... Отвернись: я должна привести въ порядокъ свой костюмъ... Ну! отвернись же!

Фавнъ отвернулся, Дама застегивается, оправляетъ прическу.

Ты укололся булавкой... Ахъ, какой смѣшной! Теперь можешь смотрѣть... Только смотрѣть!

грозитъ ему пальцемъ.

Имѣй въ виду, что только полгода тому назадъ я похоронила своего мужа...

Фавнъ. Хочешь, будемъ играть?

Дама. Играть?.. Ты совсѣмъ мальчикъ!.. взрослый мальчикъ! Помоги мнѣ встать! Дай мнѣ твою руку!..

Фавнъ. Хочешь: будемъ бѣгать: ты бѣги и прячься, а я буду тебя искать и ловить...

Дама укоризненно покачала головой.

Дама. Лучше мы погуляемъ...

взяла Фавна подъ руку, идутъ въ ту сторону, куда убѣжала Дѣвушка.

Нѣтъ, мы пойдемъ лучше туда, подъ горку!.. къ озеру!.. Тамъ прохладнѣе...

остановилась, кричитъ:

«Ли-на! Ау!»

слушаетъ; отвѣта нѣтъ.

Убѣжала... Имѣй въ виду, что я здѣсь не одна: со мной моя дѣвочка... Ты ужасно напугалъ ребенка...

вырвала руку и побѣжала.

Ну, лови!..

Оба со смѣхомъ скрылись въ кустахъ оврага. Оттуда пробѣжалъ испуганный заяцъ, слетѣла какая-то птица; съ озера снялась и улетѣла съ кряканьемъ дикая утка. Все стихло. Вдругъ гдѣ-то плачетъ и кричитъ Дама. Изъ кустовъ бѣжитъ Фавнъ и несетъ шелковую юбку и парикъ. Юбку бросилъ у крыльца, сѣлъ на упавшую березу и съ удивленіемъ разсматриваетъ парикъ, пожимаетъ плечами.

Фавнъ. Это была волшебница: изъ молодой и красивой она превратилась въ лысую и беззубую старуху... выронилъ парикъ, смотритъ на него и боится поднять, потомъ пятится и вдругъ начинаетъ карабкаться на дерево... Забрался на толстый сукъ и спрятался въ зелевыхъ вѣтвяхъ березы; видна одна только мохнатая нога съ копытомъ... Аленушка несмѣло подходитъ къ избѣ, всматривается, прислушивается, заглядываетъ въ окно, радостно вздыхаетъ.

Аленушка. Никого нѣтъ... Одна!.. Я люблю быть одна...

увидала шелковую юбку.

Ахъ! Что такое? Здѣсь была человѣческая женщина?.. Но гдѣ же она?..

вошла въ избушку, вернулась.

Нѣтъ никого... Можетъ быть, это принесъ мнѣ бѣлокурый человѣкъ съ голубыми глазами?.. Онъ такъ

ласково тогда смотрѣлъ на меня въ лѣсу... Можетъ быть, онъ любитъ меня... Какъ она шумитъ! Словно вѣтеръ въ осокѣ. И какая гладкая-гладкая, словно озеро на закатѣ солнца!.. Отчего же не примѣрить!..

убѣжала съ юбкой въ избу, надѣла юбку и вышла, подбодрилась, ходитъ по крыльцу.

Какъ она шумитъ... Ахъ, да тутъ и зонтикъ, и шляпа!.. Ну, конечно, это онъ, бѣлокурый человѣкъ съ голубыми глазами!..

надѣла шляпу, взяла зонтикъ и, подобравъ лѣвою рукою подолъ юбки, пошла къ озеру

Дѣдушка! Дѣдушка Водяной!..

Изъ озера выглянулъ Водяной, испугался и спрятался.

Не узналъ! Дѣдушка Водяной! Не бойся! Это я, Аленушка!.. Боится!.. Русалка! выплыви, погляди на меня!.. Не хочетъ...

вздохнула и съ грустью посмотрѣла вокругъ себя.

Некому на меня поглядѣть... Пойду на дорогу... Можетъ быть... Лягушки! Скажите мнѣ, любитъ онъ меня или нѣтъ?..

Заверещали лягушки.

Молчите! Вы ничего не знаете!

Лягушки замолчали

А я знаю... У меня радостно стучитъ сердце...

тихо пошла въ лѣсъ, мелодично, протяжно кричитъ: «Ау! ау! ау!»; грохнулъ далекій выстрѣлъ и прозвучалъ рожокъ. Аленушка скрылась и снова какъ лебедь кричитъ гдѣ-то «Ау! ау! ау!» И снова ей вторитъ рожокъ. Изъ кустовъ идутъ подъ ручку Чертяка съ Просвирней; Чертяка въ жилеткѣ, навеселѣ; у Просвирни—зонтикъ и платочекъ, которымъ она обмахивается.

Чертяка. Довольны ли подарочками?

Просвирня. Очень растрогали!.. Платочекъ душистый... Зонтикъ модный... Почемъ брали?

Чертяка. Ничего не составляетъ... За рупь за двадцать пять съ полтиной... Не угодно ли сѣмячками позабавиться?

Просвирня. Къ этому я вполнѣ равнодушна. Вы сыграли бы что-нибудь хорошенькое для времяпрепровожденія... Скоро надо домой: Пономарь вернется...

Чертяка. Отчего же не сыграть... Съ полнымъ даже удовольствіемъ, вашъ покорный слуга...

Въ томъ концѣ на улицѣ
Лупятъ милку на крыльцѣ,
Поглядѣть хотѣлося,
Да какъ она вертѣлася!..

Просвирня. А вы спойте что-нибудь чувствительное...

Чертяка.

Милая Ѳедося,
Ты меня не бойся!
Я тебя не трону,
Ты не безпокойся!..

заигрываетъ съ Просвирней.

Просвирня. Оставьте. Я—щекотливая...

Проходятъ подъ оврагъ и скрываются.

Фавнъ. Пьяница и воръ!.. Обокралъ меня и подарилъ своей дамѣ... Не нравится мнѣ здѣшнее общество... Старыя женщины, мужики, водка, скверныя слова...

Вдали рѣзкій свистъ и хохотъ Лѣшаго.

Ну, вотъ, опять этотъ грубый мужикъ идетъ...

спрятался въ вѣтвяхъ березы.

Надоѣли!..

Изъ лѣсу выходитъ Лѣсовикъ.

Лѣсовикъ. Эй! кто дома есть? Всѣ разбѣжались...

увидалъ на травѣ парикъ.

Видно, барыню съ новаго хутора поймали!.. Вонъ вѣдь какъ они ее обдѣлали: только голову оставили... Гм!.. Да и голова-то пустая: кожа да волосы... Это

ужъ безпремѣнно заморскій чортъ орудовалъ: наши такъ аккуратно не могутъ...

походилъ, увидалъ ногу Фавна.

Аа! Вонъ онъ гдѣ. Словно птица заморская...

подошелъ, поднялъ вверхъ бороду.

Вишь, съѣлъ барыню безъ остатковъ и спитъ... Слѣзай! Будетъ нѣжиться!

дернулъ Фавна за ногу.

Фавнъ. Не дергай, пожалуйста, меня ни за ноги, ни за хвостъ!

Лѣсовикъ. А что такъ?

Фавнъ. Это неделикатно...

слѣзаетъ съ дерева, отворачивается

Лѣсовикъ. Это ты барыню раздѣлалъ?

Фавнъ. Я...

Лѣсовикъ. Молодчина, братъ!.. Яга вернулась?

Фавнъ. Нѣтъ.

Лѣсовикъ. А гдѣ Чертяка?

Фавнъ. Тамъ!..

Лѣсовикъ. Ахъ, бездѣльникъ!.. Другіе работаютъ, а онъ, подлецъ, нога объ ногу не ударитъ!.. Одинъ?

Фавнъ. Съ толстой женщиной.

Лѣсовикъ. Вотъ я его накрою... Будетъ онъ у меня шаромыжничать!..

дѣловитой походкой ушелъ и исчезъ подъ оврагомъ.

Проходитъ межъ деревъ и кустовъ Пономарь.

Пономарь. Ѳеодосія, Ѳеодосія!.. Ого-го-го, Ѳеодосія!..

Зашевелились камыши, — осторожно выглянула Русалка.

Русалка. Ау!

Пономарь страшно озадаченъ, озирается.

Пономарь. Не она... Кто тамъ, въ камышахъ? Ого-го!

Русалка. Ау!

Пономарь. Гм!.. Звонкій голосъ, блудомъ напоенный... Грѣховное обольщеніе!..

Русалка сѣла на кочку, расчесываетъ волосы.

крадется, смотритъ черезъ кусты.

Русалка. Кто тамъ крадется? А-а! Мужчина съ косой!.. звонко смѣется и качается на березѣ.

Пономарь. Я полагалъ, — утопающая взываетъ о помощи...

Русалка. Хотѣлъ спасти? Иди сюда!..

Пономарь. Кто ты такая?

Русалка. Женщина!

Пономарь. Вижу... Я — относительно званія и мѣстожительства...

Русалка. Развѣ тебѣ не все равно?.. Кого ты ищешь?.. Женщину?..

Пономарь. Не женщину ищу я, а свою законную жену Ѳеодосію.

Русалка. Посмотри, кто изъ насъ лучше: я или Ѳеодосія. Иди расчеши мнѣ волосы: они спутались...

Пономарь. Гм... Волосъ дологъ, а умъ коротокъ... Развѣ ты не видишь, какого я званія? Хоть бы спряталась...

Русалка. Иди! Спрячемся въ камышахъ и будемъ слушать, какъ они шепчутся между собой!

Пономарь боязливо оглядѣлся по сторонамъ.

Пономарь. А ты—тише! Говорю, жена тутъ ходитъ гдѣ-то...

Русалка. Ты трусливъ, какъ заяцъ и...

Пономарь. Не то чтобы трусливый, а ежели кто увидитъ,—очень ужъ нехорошо для моего званія... немного приблизился.

Вѣроятно, вода холодная?

Русалка. Иди, попробуй!

Пономарь пробуетъ воду.

Пономарь. Глубоко тутъ?

Русалка. Мелко... Я сижу на днѣ.

Пономарь. А ну-ка, встань!

Русалка. Какой ты хитрый... Иди купаться!

Снова Пономарь оглядѣлся по всѣмъ сторонамъ.

Пономарь.. Въ моемъ званіи совмѣстное купаніе съ лицомъ женскаго пола...

Русалка. А ты сбрось свое званіе на траву, а самъ...

Пономарь. Лучше вылѣзай на бережокъ... Здѣсь, во мхахъ, мягко... Посидимъ рядкомъ—потолкуемъ ладкомъ...

сѣлъ, манитъ Русалку рукой и головой.

Русалка. Поймай меня!..

шумно плеснулась и скрылась.

Пономарь. Гм... Гдѣ она? Пропала... Гм!.. И день-то сегодня постный... Ахъ, ты!

вздохнулъ и, присѣвъ, сталъ энергично снимать сапоги.

Во грѣхѣ родимся!..

Въ этотъ моментъ раздался свистъ Лѣсовика, Пономарь схватилъ снятый сапогъ и опрометью побѣжалъ въ лѣсъ; появляется и слѣдомъ за нимъ бѣжитъ испуганная Просвирня съ зонтикомъ подъ мышкой; Фавнъ, думая, что Просвирня гонится за нимъ, безъ оглядки мчится въ чащу лѣса. Русалка звонко смѣется.

Занавѣсъ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Та же декорація. Передъ разсвѣтомъ. У костра сидятъ: Лѣсовикъ, Фавнъ и Чертяка. Говорятъ осторожно, таинственно.

Чертяка. Куда ты побѣжишь? Некуда...

Лѣсовикъ. Я въ Сибирь, въ тайгу уйду... Пойдемъ, нѣмецъ, на привольныя мѣста!.. Тамъ такіе лѣса,— конца краю нѣтъ!..

Фавнъ дрожитъ, ежится, пугливо озирается по сторонамъ.

Фавнъ. Не знаю, ничего не знаю...

Чертяка. Куда ему: коли его тамъ комары лѣтомъ не заѣдятъ, такъ все одно зимой отъ стужи околѣетъ...

Лѣсовикъ. Всѣ врозь... Въ старое время крѣпко другъ за дружку держались, а теперь... Къ легкой жизни всѣ рвутся... На погибель она всѣмъ намъ...

Чертяка. А по-моему, Яга правильно объясняетъ: старой жизни конецъ пришелъ, никуда не спрячешься; надо приспособиться, чтобы промежду людей жить и свое дѣло дѣлать...

Лѣсовикъ. Я, братъ, старовѣръ: я на это не пойду... По моему, лучше на осину, чѣмъ въ городъ...

Чертяка. Да ты былъ ли когда-нибудь въ городѣ-то?

Лѣсовикъ. Не былъ... И никогда близко не подойду...

Чертяка. Вотъ то-то и есть!.. У тебя, старикъ, понятія настоящаго нѣтъ...

Фавнъ. Странно вы, Чортъ, разсуждаете!.. Въ лучшемъ случаѣ мы очутимся въ городѣ на положеніи рабочаго скота... А вѣрнѣе всего попадемъ въ руки уче-

ныхъ людей и очутимся въ желѣзной клѣткѣ какого-нибудь музея, а по смерти найдемъ могилу въ банкѣ со спиртомъ...

Лѣсовикъ. Правильно говоришь!.. Сколь было всякой Нечисти въ старое время, а гдѣ теперь она?

Чертяка. Дураки были... Въ своемъ видѣ хотѣли... А теперь научились... Ты думаешь, мало въ городѣ всякой Нечисти проживаетъ?..

Лѣсовикъ. Конецъ приходитъ...

Чертяка. Въ городѣ даже очень хорошо... Весело!.. На кажнемъ углу—трахтéръ, музыка гремитъ, лошади взадъ-впередъ по улицамъ скачутъ, народъ валомъ валитъ, ступки катятся, кричатъ, визжатъ и звонятъ, синіе огни съ желѣзныхъ веревокъ бросаютъ; окна огромадныя, дома выше лѣса дремучаго... А какъ ночь,—видимо-невидимо огней загорается и полный разгулъ для времяпрепровожденія идетъ... Обернешься человѣкомъ, идешь по тротуару въ цилиндрѣ, портфель подъ мышкой... Сейчасъ руку кренделемъ: «Мадамъ! дозвольте васъ проводить!» Въ трахтéръ! Угощенье... «Ахъ, оставьте пожалуйста!» То да се, трефы—козыри...

Лѣсовикъ. Слушать тебя тошно... Поганецъ!..

плюнулъ и отошелъ прочь.

Чертяка. И вѣдь какія красоточки есть!..

Фавнъ. Всѣ Нимфы, Дріады и Наяды перебѣжали въ городъ... Здѣсь остались только однѣ старыя и толстыя женщины!

Чертяка. Всѣ въ людей обернулись... Только мы, дураки...

Лѣсовикъ. Обернуться еще въ пень, либо въ медвѣдя—можно, а чтобы въ человѣка... Тьфу! Мнѣ не пристало. Пущай ужъ молодые поганятся, а я... Я въ Сибирь, въ тайгу уйду... Тамъ привольно... Можно по совѣсти... Ты вонъ въ гармошку играешь, водку

хлыщешь, съ Просвирней... Мы съ нѣмцемъ въ городъ не пойдемъ...

Фавнъ. Въ городъ не пойду...

Лѣсовикъ. Что-то долго Яга... Видно, и у нихъ, на Лысой горѣ, согласья нѣтъ... что слыхать объ Аленушкѣ?.. Такъ и пропала дѣвушка... безъ слуха, безъ вѣсти?..

Чертяка. Яга не велитъ объ этомъ говорить... Убѣгла она съ бѣлокурымъ человѣкомъ... въ городъ...

Лѣсовикъ. Я такъ и полагалъ, что осрамитъ она только Ягу... Какъ человѣка не корми, а онъ все изъ лѣсу норовитъ...

Свѣтаетъ. Смутно доносится далекій стукъ топоровъ. Всѣ встревожены, прислушиваются. Вѣтерокъ,—стукъ топоровъ яснѣе.

Фавнъ. Что тамъ?

Лѣсовикъ погрозилъ ему пальцемъ. Опять слушаютъ.

Лѣсовикъ. Слышишь?

Чертяка. Слышу.

Лѣсовикъ. Рубятъ...

Чертяка. Рубятъ...

Фавнъ жмется отъ ужаса, суетится...

Фавнъ. Что же дѣлать?.. Господа, что же теперь... какъ намъ быть?..

Лѣсовикъ. Погоди тумашиться!.. Дай срокъ!.. Съ бабами первый храбрецъ, а тутъ...

Фавнъ. Я слышу шаги... кто-то идетъ...

Лѣсовикъ. Помолчи!

вмѣстѣ съ Чертякой испытующе обнюхиваетъ воздухъ. Не безпокойся!

Фавнъ. Не опасно, старикъ?..

Лѣсовикъ. Не бойся!..

Тревожная пауза. Топоры стихаютъ.

Чертяка. Заря встаетъ...

Фавнъ. Холодно...

Лѣсовикъ. Роса стала падать... Пойдемъ покуда что въ избу. Чайку бы хорошо!..

Всѣ, какъ заговорщики, идутъ въ избу.

Чертяка. У меня, нѣмецъ, водочка есть... Хочешь погрѣться?

Фавнъ. Не люблю, но боюсь лихорадки...

Чертяка. Стало быть, рюмочку выпьешь?

Фавнъ. Одну выпью...

Скрылись въ избушкѣ. Взошло солнце и вдругъ вѣтеръ явственно донесъ звонкіе удары многочисленныхъ топоровъ и пѣніе рабочихъ мужиковъ:

«Вотъ разокъ, да вотъ разокъ, еще махонькій разокъ!..»

Слышенъ шумъ вѣтра, звонъ металла, — прилетѣла въ ступкѣ съ метлой Баба-Яга. Чертяка выбѣжалъ изъ избы встрѣчать, за нимъ Лѣсовикъ. Чертяка пронесъ въ избу новый чемоданъ и двѣ картонки.

Баба-Яга. Всю растрясло... Здравствуй, старикъ! Что у тебя глаза красные?

Лѣсовикъ. Здравствуй, старуха!.. Поплакалъ маленько... Слышь, рубятъ нашъ лѣсъ?

Баба-Яга. Знаю, знаю... Ты пожалуйста не зови меня старухой!.. Не люблю я этого...

Лѣсовикъ изумленъ, покачалъ головой.

Лѣсовикъ. Хорошо... А ужъ мы тебя заждались... Не знали, что и думать...

Баба-Яга. Ступка въ дорогѣ поломалась. Совсѣмъ разваливается и чинить не стоитъ...

Яга идетъ къ крыльцу, Лѣшій безъ шапки—за ней.

Лѣсовикъ. Ну, что, какую вѣсточку съ Лысой горы привезла?

Баба-Яга. Въ городъ надо собираться!

Скрылась въ избѣ. Лѣсовикъ застылъ на мѣстѣ, тупо смотритъ въ землю.

Не пойду... Лучше ужъ... на осину...

Въ избѣ крикъ Яги. Появился захмелѣвшій Фавнъ.

Фавнъ. Я выпилъ только двѣ рюмки... Даю тебѣ честное благородное слово—Великаго Пана!..

Появились Чертяка и Яга. Фавнъ усѣлся на упавшей березѣ и играетъ на свирѣли веселую пѣсенку.

Чертяка. Что же мнѣ его спаивать?... Онъ вѣдь не маленькій, понимаетъ, что водка не вода...

Баба-Яга. Безобразіе, развратъ, пьянство!..

Лѣсовикъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторонку.

Чертяка. Мы безъ устали работали...

Баба-Яга. Работали?.. Ахъ ты, пустозвонъ!.. И ты работалъ?

Фавнъ. Работалъ.

Баба-Яга. Гдѣ она, ваша работа?..

Чертяка. Сдѣлайте такое ваше одолженіе... Сію минуту!

подаетъ зонтикъ, шляпку и сумочку.

Мы съ нѣмцемъ двухъ дачницъ задрали...

Баба Яга. И ты, лодырь?..

Фавнъ. Она не вѣритъ!

вытащилъ изъ-подъ березы и принесъ Ягѣ корсетъ и парикъ.

Чертяка. Зря гнѣваешься...

Баба Яга. А гдѣ же бабья кожа?

Чертяка кинулся на крыльцо, ищетъ и не находитъ.

Чертяка. Аленушка, видно, украла... Больше некому... Было два зонтика и двѣ шляпки, а теперь одинъ зонтикъ и одна шляпка...

Незамѣтно скрылся въ кустахъ.

Баба-Яга. А что ты, старый пень, смотрѣлъ?.. Какъ же это ты проворонилъ, когда дѣвка-поганка съ бѣлокурымъ человѣкомъ убѣжала?!

Лѣсовикъ. Не досмотрѣлъ... Что сдѣлаешь?.. Теперь другая забота въ сердцѣ.

Баба-Яга. Оглохъ, значитъ! Не слыхалъ, какъ по дорогѣ тройка проѣхала?

Лѣсовикъ. Видно, колокольчики подвязали... Не слыхать было...

Баба-Яга. Собирайтесь къ отъѣзду... Приказъ—всѣмъ въ городъ... Старикъ! возьми заступъ съ лопатой и кладъ на яру выкопай да сюда принеси!..

Лѣсовикъ. Можно вырыть. Не долго... Какъ же? Значитъ,—конецъ!

Баба-Яга. Конецъ, старикъ. Надо поскорѣй убираться... По нашимъ мѣстамъ желѣзная дорога пройдетъ... Нечего и думать... Иди работай!.. Не разсыпь, смотри, какъ понесешь...

Лѣсовикъ. А донесу одинъ-то?..

пошелъ въ хлѣвушокъ за ломомъ и лопатой.

Баба-Яга. Эй ты, лодырь!.. Не тебя, а вонъ того...

Фавнъ. Это я—лодырь?..

Баба-Яга. Иди пособить старику!.. Ну, иди!..

Фавнъ идетъ за Лѣсовикомъ въ глубь лѣса. Баба-Яга роется въ сумочкѣ.

Шпильки да булавки. А вотъ эта вещица чего-нибудь стоитъ!

вынула зеркальце, смотрится.

Для своихъ лѣтъ я сохранилась очень хорошо! Перчатки!.. А что въ этой коробочкѣ?.. А-а! Румяна, пудра... Чортъ!

Появляется Чортъ, прячущій за спиной папиросу.

Баба-Яга. Сбѣгай на озеро и скажи Водяному и Русалкѣ, что скоро люди придутъ, воду изъ озера спустятъ, а оврагъ засыпать начнутъ... Какъ хотятъ, было бы сказано... Попроси рыбки, чтобы закусить на дорогу...

Чертяка. Въ ступкѣ поѣдешь?

Баба-Яга. Развалилась ступка... Тамъ погляжу... Иди скорѣй!

Чертяка пошелъ къ озеру, а Яга осталась на крыльцѣ, надѣла парикъ, смотрится въ зеркало.

Ну, еще бы!..

румянится, преображается въ моложавую женщину и

уходитъ въ избушку. Чертяка условнымъ свистомъ вызвалъ Водяного.

Чертяка. Яга проситъ рыбки... Уважь, дѣдушка!..

Водяной. Самъ сожрешь?

Чертяка. Оборви хвостъ, если вру... Когда я тебѣ вралъ?!

Водяной. Ну, ладно... Собирай!

скрылся, пустилъ пузыри и началъ выбрасывать на берегъ большихъ карасей. Чертяка хохочетъ отъ радости. Ловитъ ихъ и насаживаетъ за жабры себѣ на хвостъ.

Чертяка. Довольно! Благодаримъ покорно!.. Покурить не желаете ли?

хвастается портсигаромъ. Выглянула Русалка.

А еще Яга вамъ сказать велѣла, что въ скорости придутъ сюда люди, лѣсъ вырубятъ, озеро ваше спустятъ, высушатъ, а оврагъ засыпятъ...

Водяной. Брешешь ты, повѣса!..

Чертяка. Оторви хвостъ, не вру!.. Когда я тебѣ вралъ?..

Водяной. Не вѣрю тебѣ...

Чертяка. А между прочимъ, мнѣ наплевать!.. Счастливо оставаться.

пошелъ прочь. Русалка сѣла на кочкѣ и стала плакать жалобнымъ воемъ, пока Водяной не уволокъ ея въ омутъ. Чертяка несетъ въ избу рыбу. Навстрѣчу выходитъ преобразившаяся въ молодую барыню Яга.

Баба-Яга. Обжарь на сковородкѣ въ медвѣжьемъ салѣ.

Чортъ взглянулъ на преображенную Ягу и оцѣпенѣлъ отъ изумленія.

Не узналъ? Ну, нечего пялить зенки-то... Проходи.

Чортъ, продолжая оглядываться, уходитъ въ избу. Яга, прогуливаясь взадъ-впередъ около крыльца, что-то обдумываетъ. Въ это время Лѣсовикъ съ Фавномъ несутъ изъ лѣсу кладъ: огромный котелъ, полный золотыми деньгами.

Фавнъ. Погоди! Я больше не могу... Поставимъ!.. Отдохнемъ!

Опустили на земь котелъ.

Лѣсовикъ. Пусти ты, баринъ!.. Одинъ донесу...

Фавнъ пошелъ впередъ, увидалъ Ягу, остановился, поставилъ хвостъ трубой и улыбается.

Баба-Яга. Что слюни-то распустилъ?

Фавнъ. Давай играть: ты побѣжишь, а я...

Баба-Яга. Не узналъ? А гдѣ же кладъ?..

Лѣсовикъ. Иду, иду, Яга!.. Не сумлевайся!..

несетъ котелъ.

Фавнъ пытливо вглядывается, тихо подходитъ къ Ягѣ, виляетъ хвостомъ.

Фавнъ. Я тебя не узналъ... Ты...

любовно смотритъ и вертится около Яги.

Лѣсовикъ. Пудовъ пять-шесть тутъ будетъ... Гдѣ его поставить-то?

Баба-Яга. Ставь сюда, около крыльца!..

Лѣсовикъ поставилъ чугунъ, разогнулъ спину и, увидя преобразившуюся Ягу, хлопнулъ себя по бедрамъ. Гдѣ-то звенятъ колокольчики.

Лѣсовикъ. Нехорошо, Яга... Намъ это не подходитъ...

Баба-Яга. А ну, тебя къ... Слышишь, колокольчики звенятъ?

Лѣсовикъ. Знамо, слышу, а только надо бы одуматься...

топчется, опустивъ голову, поднялъ выпавшій изъ котла золотой и положилъ въ котелъ.

Баба-Яга. Иди на дорогу, напугай лошадей и веди сюда!..

Лѣсовикъ. Нашто тебѣ?..

Баба-Яга. Иди, потомъ узнаешь...

Лѣсовикъ пошелъ въ лѣсъ, Фавнъ стоитъ вдали и конфузливо любуется Ягой.

Лѣсовикъ. Гдѣ это видано, чтобы... Ни стыда, ни со-

вѣсти, ни страха... А коли самъ ничего не боишься, такъ и тебя никто не боится...

скрылся въ лѣсу.

Баба-Яга. Ну, миленькій, пора и въ путь собираться...

Фавнъ. У тебя прекрасные волосы!..

Баба-Яга. Вотъ то-то и есть!..

Яга кокетничаетъ съ Фавномъ.

Фавнъ. У тебя розы на щекахъ...

Баба-Яга. А зубы?

Фавнъ. Какъ перлы жемчужныхъ раковинъ твои зубы!..

Баба-Яга. Погоди-ка, я вѣдь тебѣ гостинца изъ города привезла...

пошла въ избу; Фавнъ, приближаясь къ крыльцу, провожаетъ ее восхищеннымъ взоромъ и помахиваетъ хвостомъ. Яга вернулась съ огромной вѣткой винограда.

Возьми!..

сѣла на крыльцѣ.

Поди сюда, поближе, сядь вотъ тутъ и кушай!..

Фавнъ хватаетъ виноградъ, приходитъ въ восторгъ, смѣется, играетъ съ виноградомъ, почти плачетъ отъ радости.

Фавнъ. Ты была на моей родинѣ?!. Давай плясать, кружиться и прыгать!..

начинаетъ носиться въ вакхическомъ танцѣ, подыгрывая себѣ на свирѣли.

Баба-Яга. А то ужъ будетъ!.. Вишь, какъ обрадовался...

пошла въ избушку, принесла веревку и внезапно накинула ее на голову Фавна. Только теперь онъ узналъ Ягу.

Фавнъ. Зачѣмъ веревка?.. Сними веревку!.. А-а!

Баба-Яга. Не кричи!.. Для твоей же пользы дѣлается.. Въ городъ въ такомъ видѣ нельзя...

Фавнъ. Я не хочу въ городъ!..

Баба-Яга. Иди!.. Своей пользы не понимаешь...

Увела Фавна въ избу. Гдѣ-то кукуетъ кукушка, все ближе звенятъ колокольчики и все громче звенятъ то-

поры... Чертяка выноситъ на крыльцо чемоданъ, три картонки, воруетъ изъ котла деньги, суетится, услыхалъ колокольчики.

Чертяка. Ведетъ... Никакъ тройку... Ого-го-го!

Рѣзкій свистъ Лѣшаго, колокольчики забрянчали близко, слышно «тпру» и лошади остановились... Голосъ Лѣшаго:

«Назадъ! Баловать!»

Появляется задокъ тарантаса съ подвѣшенною дегтярницей.

Чертяка. Тройка? Привяжи лошадей-то!

Лѣсовикъ. Тройка.

вышелъ съ картузомъ въ рукѣ.

Уфъ! Уморился... Гонялъ, гонялъ...

Чертяка. А сѣдоки?

Лѣсовикъ. Обратный ѣхалъ... Бросилъ лошадей и убѣгъ... Картузъ обронилъ, а на козлахъ кафтанъ оставилъ...

Чертяка выхватилъ изъ руки Лѣсовика картузъ, побѣжалъ и вернулся съ кафтаномъ. Разсматриваетъ.

Чертяка. Весь въ дырахъ!.. Ну да на первый случай ладно...

надѣлъ кафтанъ и картузъ.

А вотъ подпоясаться нечѣмъ.

Лѣсовикъ далъ ему свое лыко.

Ну, готово, прощай, моя Просвирня!

Лѣсовикъ. Хвостъ-то видать! Подбери его повыше! Эхъ, вы!

Чертяка. Подберемъ!.. Это дѣло пустое...

Лѣсовикъ. Подвязали бы на всякій случай и колокольчики-то!

Чертяка. Не трогай!.. Съ колокольчиками веселѣе!..

Лѣсовикъ. А ужъ я въ ночь пойду... спокойнѣе... Какъ мѣсяцъ надъ лѣсомъ встанетъ,—котомочку за спину и маршъ!.. Въ далекіе края, во дремучіе лѣса...

Стукнуло оконце. Лѣшій снялъ шапку, Чертяка оправился.

Баба-Яга. Лошади готовы?

Чертяка. Готовы! Тройка!.. Что, же, старикъ, не поѣдешь съ нами?

Лѣсовикъ отмахнулся рукой.

Ну, помоги что ли въ послѣдній разокъ!..

понесъ чемоданъ, а Лѣсовикъ котелъ съ золотомъ.

Лѣсовикъ. Прикрыть бы надо чѣмъ.

Чертяка. Фартукомъ завяжемъ...

возится у тарантаса... На крыльцѣ появляется помолодѣвшая Яга, въ шляпкѣ, съ зонтикомъ, въ перчаткахъ, съ сумочкой; за нею печальный Фавнъ въ пиджачной парѣ, въ котелкѣ, съ тросточкой...

Баба-Яга. Вытри глаза и высморкайся!.. Ну, можно ѣхать... Чугунъ съ деньгами уложили?

Чертяка. Все, какъ слѣдуетъ... Сѣна вотъ въ тарантасѣ мало.

Лѣсовикъ. Аха-ха! Дѣла! дѣла!.. Не знай ужъ, когда теперь свидимся...

Баба-Яга. Дай руку!

Взяла Фавна подъ руку, и они двинулись къ тарантасу.

Ну, прощай, старикъ.

Лѣсовикъ. Чай, передъ путемъ посидѣть надо... Присядьте не надолго!..

Всѣ разсѣлись, кто на крыльцѣ, кто на пенькѣ, кто на упавшей березѣ; помолчали.

Лѣсовикъ вздохнулъ и всталъ.

Лѣсовикъ. Ну что жъ дѣлать-то? Поѣзжайте ужъ!...

Чертяка обнялъ его.

Пропадешь ты, малый...

Фавнъ тоже хотѣлъ обняться съ Лѣсовикомъ, но Яга придержала его за рукавъ и первая подала Лѣсовику руку. Ея примѣру послѣдовалъ и Фавнъ. Усѣлись. Вздрогнули колокольчики.

Лѣсовикъ. Никогда ужъ, видно, не увидимся больше...

Баба-Яга. Если вздумаешь,-приходи въ городъ... Мы будемъ всегда рады тебѣ...

Лѣсовикъ. Гдѣ ужъ!..

Баба-Яга. Ѣхать надо... Ну, трогай!

Лѣсовикъ. Прощайте, милые!.. Коли я тебя, нѣмецъ, когда обидѣлъ чѣмъ,—не помни этого... Совсѣмъ ты теперь бариномъ сталъ... Счастливо вамъ!.. Навѣки вѣковъ...

Чертяка вскочилъ на козлы, подобралъ вожжи и ударилъ по лошадямъ... Лѣсовикъ долго слушалъ колокольчики, потомъ сѣлъ на крылечкѣ и задумался; пошелъ, оглянулся, остановился и тихо заплакалъ... Опять зазвенѣли топоры въ лѣсу. Закуковала кукушка. Изъ лѣсу, опираясь на палки, идутъ: Бѣлые Грибы, нѣкоторые ведутъ за руку своихъ ребятишекъ. Остановились подъ окномъ и поютъ:

Помоги намъ, Яга-матушка!
Помоги намъ, Лѣшій-батюшка!
Люди злые рубятъ нашъ сыръ-боръ,
Топчатъ старыхъ, топчатъ малыихъ...

Лѣшій. Что вамъ, ребятушки?

Грибы опустились на колѣни и запѣли:

Стономъ стонетъ нашъ дремучій лѣсъ,
Подъ сѣкирой къ землѣ клонится,
Плачутъ сосны многолѣтнія,
Плачутъ бѣлыя березоньки..
Бьемъ челомъ вамъ до сырой земли:
Помогите, поусердствуйте!

Лѣсовикъ. Нѣтъ, братцы, Яги: убѣжала... А я вамъ даю, ребятушки, полную волю: бѣгите отъ бѣды подальше, а на меня не гнѣвайтесь... Теперь я для

васъ ничего не могу сдѣлать... Самъ себя не знаю куда дѣвать... Идите себѣ...

отираетъ слезу.

Грибы. Куда же намъ теперь, батюшка?..

Лѣсовикъ. Идите въ дальніе лѣса, на привольныя мѣста, въ Сибирь, въ тайгу-матушку! Всѣхъ насъ она приметъ, всѣхъ приласкаетъ и прикроетъ .. Я и самъ туда думаю... Сладко жить въ родныхъ лѣсахъ, на родимой землѣ: каждую сосну, каждую бѳрезу, каждый кустъ съ рожденія знакомъ, а что сдѣлаешь? Конецъ пришелъ...

тихо и безпомощно заплакалъ.

Грибы долго галдѣли, потомъ поклонились Лѣсовику и двинулись подъ оврагъ. Скрылись, а въ тишинѣ еще долго звучитъ ихъ пѣсня: «Стономъ стонетъ нашъ дремучій лѣсъ», сопровождаемая плачемъ дѣтей и смѣшивающаяся съ пѣніемъ далекой кукушки и съ звонкими ударами топоровъ. Лѣсовикъ надѣлъ за спину котомку, взявъ въ руки батожокъ и поклонившись на всѣ четыре стороны, задумчиво пошелъ; оглянулся, остановился у березы и снова заплакалъ. Изъ лѣсу бѣжитъ запыхавшійся Чертяка, увидалъ Лѣсовика:

Чертяка. А-а! Старикъ! Ты здѣсь еще?

Лѣсовикъ. Здѣсь, милый... Жалко... Всю жизнь прожилъ... Сейчасъ пойду...

отираетъ слезы. Чертяка бѣжитъ въ избушку.

Чертяка. Самоваръ позабыли!..

Лѣсовикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, обвелъ взорами лѣсъ.

Лѣсовикъ. Прощай, сыръ-дремучій лѣсъ!!

поклонился на всѣ стороны, побрелъ и скрылся въ лѣсу.

Появилась страшно взволнованная Просвирня.

Просвирня. Ой! Батюшки! Свѣтики!.. Никого нѣтъ...

увидала вышедшаго изъ избы съ самоваромъ въ рукахъ Чертяку, загородила ему дорогу съ крыльца.

Куда? Позабавился да и ладно?!

Чертяка. А вы—пустите! Меня ждутъ...

Просвирня. Вотъ нынче какъ!.. Все мила была, а теперь «пусти»! Что ты со мной сдѣлалъ?!

Чертяка. Ничего плохого!..

отстранилъ, прошелъ мимо упавшей въ слезахъ на крылечкѣ Просвирни, оглянулся—стало жалко, вернулся, наклонился, треплетъ по плечу:

А ты будетъ! Брось ревѣть-то!

Просвирня. Разнесчастная я сиротинушка. А и некому-то за меня заступитися... Поглядите, люди добрые...

Чертяка. Брось, говорю, Ѳедося!.. Чай, я не померъ!

поставилъ самоваръ.

Послушай ка: какъ только первый цвѣточекъ изъ земли выглянетъ,—ворочусь домой!... и первымъ дѣломъ мы съ тобой...

Просвирня. Отвыкнешь, позабудешь, съ другой свяжешься...

Чертяка. Я? Съ другой? Даже обидно отъ васъ слушать такія жестокія слова!

бьетъ кулакомъ въ грудь свою.

Чтобы я, когда-нибудь... кого-нибудь... чтобы полюбилъ или тамъ, что-нибудь другое...

Просвирня. Всѣ вы такъ говорите!

Чертяка. Когда я тебѣ вралъ?... Вотъ то-то и есть!.. Потерпи... А весной, какъ грачи прилетятъ, такъ и я съ ними...

что-то шепчетъ ей на ухо. Просвирня отираетъ слезы.

Просвирня. А зимой-то какъ? Зима-то долгая, холодная, а ночи-то темныя, одинокія... Всю подушечку въ слезахъ потоплю...

Чертяка. Что подѣлаешь?!.

Просвирня. Чего ты въ городу-то не видалъ? Что за сласть одинокому жить на чужой сторонѣ!

Чертяка. На мѣсто опредѣлюсь... Весной въ мундирѣ, при шпагѣ пріѣду?!.

Просвирня. Небойсь и узнавать-то тогда не захочешь?!.

Чертяка. Я? васъ?.. Однако вы...

Просвирня. Милый мой! Ненаглядный мой! Дай наглядюсь въ послѣдній разокъ! Кабы ты зналъ мою печаль, мою грусть-тоску!..

обняла, тихо плачетъ на груди.

Чертяка. Понимаю... Очень даже хорошо понимаю... оглянулся вокругъ.

Вотъ чего... Пойдемъ ка, проводи меня!.. Пару словъ надо тебѣ сказать...

Просвирня. Ужъ не знаю, какъ... Мужъ хватится... Теперь онъ по слѣду за мной ходитъ...

Чертяка. Не бойся! Ничего не будетъ... Волковъ бояться,—въ лѣсъ не ходить...

Просвирня. Смотри же: весной ждать буду!..

Чертяка. Сказано, какъ отрѣзано...Мое слово—кремень... поднявъ самоваръ.

Вотъ что, Ѳедося: бери-ка его себѣ!

Просвирня. Мнѣ? Самоваръ?.. Тебя заругаютъ...

Чертяка. Бери знай! Въ знакъ памяти... Скажу: старикъ укралъ и кончено!..

Просвирня отираетъ слезы, грустно улыбается.

Просвирня. Что же не взять!.. За кажнимъ чаемъ тебя вспоминать буду...

Чертяка. Ну! До скораго!

Просвирня. Смотри—напиши!

взяла самоваръ, всхлипываетъ.

Чертяка. А то какъ же?.

Просвирня. Провожу... все равно ужъ... Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ...

Скрылись въ лѣсу. Откуда-то издалека доносится пѣніе идущей на работы артели дровосѣковъ и пильщиковъ. Артель проходитъ позади сцены и поетъ.

Разненастный день субботній—нельзя въ полѣ работать.
Нельзя въ полюшкѣ работать: ни боронить, ни пахать.
Пойду съ горя въ чисто поле, во зеленый лѣсъ гулять,
Во зеленомъ томъ лѣсочкѣ соловей-пташка поетъ...

Когда артель прошла и пѣсня уже стихаетъ, изъ лѣсу идетъ съ узелкомъ Аленушка, въ костюмѣ Зорьки, но въ темномъ платочкѣ на головѣ; въ лицѣ и во всей фигурѣ печать пережитаго горя. Остановилась, перевела духъ и съ мольбой и страхомъ смотритъ на родную избушку.

Аленушка. Боюсь... Очень боюсь... Какая я бѣдная... опустилась на травку и заплакала.

Всѣмъ я теперь чужая...
поднялась, приближается къ публикѣ, стоитъ съ узелкомъ. Опять заплакала, упала передъ крыльцомъ на колѣни.

Ахъ, прости меня, Яга-матушка! Не гнѣвись на меня, Лѣшій-батюшка! Согрѣшила я, окаянная... Ушла отъ васъ красной дѣвушкой, а вернулась домой...
робко заглянула въ окно, потомъ въ дверь и вернулась, стоитъ съ узелкомъ, неподвижно смотритъ въ одну точку.

Одинокая... Никого теперь нѣтъ у меня...
обводитъ взоромъ лѣсъ, воду, небеса, грустно улыбается.

Простите меня, земля и вода, прости меня, солнце красное!.. Прости меня и ты, сыръ-дремучій лѣсъ!..
сѣла на бережкѣ, пригорюнилась. Кукуетъ кукушка.

Давай вмѣстѣ плакать, бѣдная кукушечка!..
тихо плачетъ. Изъ воды появляется голова Водяного.

Водяной. Аленушка! Не узналъ я тебя!.. Поди поближе, посмотри на меня!

Аленушка. Стыдно мнѣ, дѣдушка!

Водяной. О чемъ плачешь? Раньше смѣялась, а теперь...

Аленушка. Теперь не умѣю, дѣдушка!

Водяной. Раньше пѣла пѣсенки, а теперь...

Аленушка. Разучилась, дѣдушка!

Водяной. Гдѣ же твоя радость, Аленушка?

Аленушка. Потеряла, дѣдушка!

Водяной. Гдѣ же твое счастье, Аленушка?

Аленушка. Схоронила, дѣдушка... Отдала его любимому...

Водяной. А что тебѣ далъ за него любимый?

Аленушка. Только слезы, дѣдушка...

тихо плачетъ.

Водяной. Эхъ ты... Несчастная ты... Куда же ты теперь пойдешь?

Аленушка. Скажи мнѣ, куда пошелъ, дѣдушка, Лѣшій?

Водяной. Туда, въ темный боръ!..

Аленушка. Прощай!.. Пойду искать дѣдушку...

Водяной. Пропадешь...

Аленушка. Все равно... Я потеряла все, что любила... Прощай!..

поклонилась и тихо, задумчиво побрела и скрылась въ чащѣ лѣса, слышенъ ея жалобный далекій голосъ: «Дѣдушка, дѣдушка!» Снова звонъ топоровъ, далекая пѣсня артели дровосѣковъ: «Вотъ пойдетъ, да вотъ пойдетъ!» сопровождаемая грохотомъ падающихъ деревьевъ... Пробѣгаетъ заяцъ, крадется волкъ, бѣгутъ молодыя елочки и березки, улетаютъ утки; пугливо озираясь назадъ, уходитъ изъ вырубаемаго лѣса медвѣдица съ медвѣжатами... Тьма, постепенно переходящая въ свѣтлую ночь...

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Все попрежнему. Луна глядитъ черезъ лѣсъ, сверкаютъ на небѣ звѣзды. Художникъ спитъ подъ березой. Въ избушкѣ загорѣлся огонекъ. Съ крылечка тихо идетъ Зорька. Подошла съ спящему и съ ласковымъ любопытствомъ смотритъ на красиваго юношу... Вздохнула...

Зорька. Откуда пришелъ? Кудрявый?!. Сладко спитъ... Будить жалко...

постояла, опять вздохнула.

Баринъ! Итти пора!.. Не слышитъ...

отошла, встала за березкой, смотритъ на небо.

Скоро мѣсяцъ за лѣсъ укатится, звѣзды потухать начнутъ... Будить пора...

медленно подходитъ, склоняется, тихо шепчетъ:

Баринъ!

Юноша очнулся, радостно вздрогнулъ, встряхнулъ головой и, быстро приподнявшись на мѣстѣ, привлекъ къ себѣ и крѣпко цѣлуетъ дѣвушку.

Художникъ. Сонъ!

Дѣвушка ласково, словно нехотя, освобождается.

Зорька. Не цѣлуй... Увидятъ... Будетъ ужъ... Какой ты жадный!..

вырвалась, отошла, остановилась.

Все лицо горитъ... Какой ты!.. Зачѣмъ это? Встань! Пора итти... Мѣсяцъ за лѣсъ падаетъ... Слышишь?

Юноша всталъ, сладко потянулся, манитъ рукой Зорьку.

Художникъ. Зорька!.. Пойдемъ за водой!

Зорька. Ночью боюсь къ озеру ходить...

Художникъ. И со мной боишься?

Зорька. А съ тобой... Съ тобой еще больше боюсь...

Художникъ. Почему?

Дѣвушка потупилась, перебираетъ косу.

Зорька. Не скажу, самъ догадайся!..

Художникъ. Старикъ проснулся?

Дѣвушка поглядѣла на избушку.

Зорька. Проснулся... А бабушка спитъ...

Художникъ. А ты почему не спишь?

Зорька. Я всю ноченьку глазъ не закрыла...

Художникъ. Отчего?

Зорька. Не знаю. Не спалось. Я два раза мимо тебя проходила, ты спалъ крѣпко, не слыхалъ.

Художникъ. Проспалъ тебя...

Зорька. Проспалъ...

Художникъ. Эхъ... Прощай, Зорька!

Зорька. Что же, прощай!

Художникъ. Во снѣ я полюбилъ тебя.

Зорька. Во снѣ и разлюбишь...

Художникъ. Когда же мы съ тобой увидимся?..

Зорька. А зачѣмъ намъ съ тобой видѣться?..

Художникъ. Ты мнѣ полюбилась... Не вѣришь?

Зорька. Нѣтъ. Негдѣ намъ съ тобой увидаться... Я только къ озеру да за земляникой хожу... И завтра пойду за земляникой...

Художникъ. Куда же ты пойдешь?

Зорька. Вонъ туда, за оврагъ хожу! Тамъ много земляники...

Художникъ. Смотрѣлъ бы на тебя и смотрѣлъ...

Зорька. Приворожить хочешь?

Художникъ. Хочу...

Зорька. Лучше бы не приходилъ сюда...

Художникъ. Почему?

Дѣвушка взглянула, улыбнулась и потупилась.

Зорька. Не скажу...

Стукнуло оконце.

Сторожъ. Проснулся, что ли?

Зорька. Проснулся...

Дѣвушка тихо-тихо пошла въ избушку.

Художникъ. Не совсѣмъ, старикъ...

Сторожъ. А ты что тамъ, Зорька, дѣлаешь? Иди въ избу!

Зорька. Я ему воды испить подавала... Иду...

Вышелъ Сторожъ съ ружьемъ за плечами.

Сторожъ. Пора, баринъ!.. Я боялся, какъ бы дождя не было: съ вечера тучки бѣгали... Вызвѣздило!.. Ну!.. Готовъ, что ли?

Художникъ. Пойдемъ...

вскинулъ ружье за спину и медленно пошелъ за старикомъ, оглянулся и исчезъ въ лѣсу... Зорька долго стоитъ съ устремленнымъ вслѣдъ ему взоромъ.

Зорька. Откуда пришелъ? Лучше бы не видала тебя... Пришелъ и ушелъ и нѣтъ его!..

Вдали охотничій рожокъ и лай Шарика.

Никогда не увидимся!..

стоитъ на крылечкѣ, пригорюнилась, грустно и тихо тянетъ:

Стану я, младешенька, вѣночекъ сплетать, а сплету вѣночекъ—отдамъ миленькому!..

встала, припала къ косяку крыльца, отираетъ рукавомъ слезы.

Кудрявый!..

Очень далеко—рожокъ и лай собаки.

ЗАНАВѢСЪ.

Евгений Чириков

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

В. ВИННИЧЕНКО. Честность съ собой. 1

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ. Лѣсныя тайны. 255

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“,
Москва, Мясницкая, д. 34, кв. 10. **Телефонъ 18-48.**
С.-Петербургъ, Невскій, 55, кв. 14.

„ЗЕМЛЯ“.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря, разсказъ. **Шоломъ Ашъ.**—Грѣхъ, драматическая картина. **Иванъ Бунинъ.** — Тѣнь птицы, разсказъ. **Иванъ Бунинъ.**—Изъ „Золотой Легенды“, **Генри Лонгфелло. Борисъ Зайцевъ.** — Крестовый походъ дѣтей, разсказы **М. Швоба. А. Серафимовичъ.**—Дочь, разсказъ. **А. Ѳедоровъ.**—Петля, разсказъ. Стихотворенія:—**А. Блока, С. Городецкаго, Н. А. Морозова, Е. Тарасова, Г. Чулкова, А. Ѳедорова.**

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ, повѣсть. **Иванъ Бунинъ.**—„Небо и Земля“, мистерія **Байрона. Борисъ Зайцевъ.**—Спокойствіе, разсказъ. **Н. Крашенинниковъ.**—Меблированыя комнаты, разсказъ. **Н. Олигеръ.**—Бѣлые лепестки, разск. **А. Ѳедоровъ.**—Король Мустанговъ, разсказъ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ.

В. Башкинъ. — Липы шумѣли, разсказъ. **А. Купринъ.** — Яма, повѣсть (часть первая). **Н. Олигеръ.**—Осенняя пѣсня, повѣсть. **Ѳедоръ Сологубъ.**—Старый домъ, разсказъ.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Наложенъ арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати).

М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I. **Шоломъ Ашъ.**—Земля, разсказъ. **Евгеній Чириковъ.** — Домъ Кочергиныхъ, пьеса.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ.

Евгеній Чириковъ.—Лѣсныя тайны. **В. Винниченко.**—Честность съ собой. Обложки работы **И. Я. Билибина.**

Цѣна 1-го и 2-го сборниковъ по 1 р. 25 к., 3-го—5-го по 1 р. 50 к.

Печатается сборникъ 6-й, подготовляются сборники 7-й и 8-й, въ которыхъ будутъ напечатаны: **М. Арцыбашевъ.** — У послѣдней черты, романъ (окончаніе). **Д. Айзманъ.**—Послѣ бури, разсказъ. **А. Кипиенъ.**—Мга, разсказъ. **Н. Крашенинниковъ.**—Жизнь Игнатія Ильича, разсказъ. **А. Купринъ.** — Яма, повѣсть (окончаніе). **А. Купринъ.**—Гранатовый браслетъ, разсказъ. **Ѳедоръ Сологубъ,**—разсказъ. **Евгеній Чириковъ.**—Утро жизни, разсказъ. **Саша Черный**—сатиры. **С. Юшкевичъ.**—Miserere, пьеса и др.

А. КУПРИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Молохъ. Ночная смѣна. Болото. Походъ. Одиночество. Ночлегъ. Лѣсная глушь. Дознаніе. Въ циркѣ. На покоѣ.

Томъ II. Поединокъ.

Томъ III. Трусъ. Мирное житіе. Корь. Жидовка. Конокрады. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Allez! Вечерній гость. Собачье счастье. Убійца. Брилліанты. Бѣлыя ночи. Пустыя дачи.

Томъ IV. Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Господня рыба. Тостъ. Счастье. Демиръ Кая. Искусство.

Томъ V. На переломѣ (Кадеты). Олеся. Морская болѣзнь. Суламиѳь.

Томъ VI. Во славу живымъ и умершимъ. Шутки. Очерки и разсказы.

Обложки работы **И. Я. Билибина**. Цѣна каждаго тома **1 р. 25 к.** Въ изящномъ полукожаномъ переплетѣ **2 р.**

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Томъ IV.

Человѣческая волна. Милліоны.

Обложка работы **И. Я. Билибина**. Цѣна **1 р. 25 к.**

ИВ. БУНИНЪ.

ДЕРЕВНЯ.

Обложка работы **М. Соломонова.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Е. ЧИРИКОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧУЖЕСТРАНЦЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Чужестранцы. Инвалиды.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ

Содержаніе: Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миніатюры.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТИХІЙ ОМУТЪ.

(Картинки дореволюціонной провинціи.)

Содержаніе: Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злобы дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартальнаго надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго общества. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные. Батюшка съ матушкой. О «свѣтлыхъ явленіяхъ». Религіозное воспитаніе. Въ поискахъ за правосудіемъ. Лягушки. Одинъ въ полѣ воинъ. Радикальное средство. На родинѣ Некрасова. Провинціальная печать. Новая организація гласности. Престижъ власти. Въ сахарномъ королевствѣ.

Печатается

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ.

Содержаніе: На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы.

Обложки работы **М. И. Соломонова.** Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЭРТЕЛЯ

въ 7-ми томахъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ) и критико-біографической статьей

Ѳ. Д. Батюшкова.

Содержаніе:

1-й томъ.—Записки Степняка. Часть первая. }
2-й томъ.—Записки Степняка. „ вторая. } 2 р. 50 к.
3-й томъ.—Волхонская барышня. Минеральныя воды. 1 р. 50 к.
4-й томъ.—Двѣ пары. Карьера Струкова. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. 1 р. 50 к.

5-й и 6-й томы—романъ **„Гарденины“** съ предисловіемъ графа **Льва Николаевича Толстого.**

5-й томъ.—Гарденины. Часть первая. }
6-й томъ.—Гарденины. „ вторая. } 2 р. 50 к.
7-й томъ.—Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихины дѣти. Духовидцы. Спеціалистъ. Восторги. Разговоръ. 2 р.

Изъ предисловія графа **Льва Николаевича Толстого** къ роману **„Гарденины“.**

«Я очень радъ былъ случаю перечесть Гардениныхъ. Несмотря на нездоровье и занятія, начавъ читать эту книгу, я не могъ оторваться, пока не прочелъ всю и не перечелъ нѣкоторыхъ мѣстъ по нѣскольку разъ.

«Главное достоинство, кромѣ серьезности отношенія къ дѣлу, кромѣ такого знанія народнаго быта, какого я не знаю ни у одного писателя, кромѣ сильной, часто несознаваемой авторомъ любви къ народу, который онъ иногда хочетъ изображать въ темномъ свѣтѣ,—неподражаемое, невстрѣчаемое нигдѣ достоинство этого романа, это удивительный по вѣрности, красотѣ, разнообразію и силѣ народный языкъ. Такого языка не найдешь ни у старыхъ, ни у новыхъ писателей. Мало того, что народный языкъ его вѣренъ, силенъ, красивъ, онъ безконечно разнообразенъ. Старикъ дворовый говоритъ однимъ языкомъ, мастеровой другимъ, молодой парень третьимъ, бабы четвертымъ, дѣвки опять инымъ . . . . . .

«. . Длятого, кто любитъ народъ, чтеніе Эртеля—большое удовольствіе. Для того же, кто хочетъ узнать народъ, не живя съ нимъ, чтеніе это самое лучшее средство. Для того же, кто хочетъ узнать языкъ народный, не древній, которымъ уже никто не говоритъ, и не новый, которымъ, слава Богу, говорятъ еще не многіе изъ народа, а тотъ настоящій, сильный, гдѣ нужно—нѣжный, трогательный, гдѣ нужно—строгій, серьезный, гдѣ нужно—страстный, гдѣ нужно—бойкій и живой языкъ народа, которымъ, слава Богу, еще говоритъ огромное большинство народа, особенно женщинъ, старыхъ женщинъ, тому надо не читать только, а изучать народный языкъ Эртеля».

Ясная Поляна, 10 декабря 1908 г. **Левъ Толстой.**

Ив. БУНИНЪ.

ДЕРЕВНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Обложка работы **М. Соломонова.**

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

ЖАТВА.

Содержаніе: Жатва. Король Мустанговъ. Актриса. Ледъ.

БУРУНЫ.

Содержаніе: Долгъ. На зарѣ. Степанъ Стоговъ. Сказка. Судъ Соломона. Женщина. Съ матерью. Идолъ. Весеній день. Воспитаніе. Пѣвица. Человѣкъ.

КОРОЛЕВА

Содержаніе: Королева. Чудо. Птицеловъ. Любовь и Смерть. Феноменъ. Змѣи. Чиновникъ. Коллега. Любовь. Стихи.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ЗЕМЛЯ.

РОМАНЪ.

Обложки работы **И. Я. Билибина.** Цѣна каждой книги **1 р. 25 к.**

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ.

Обложка работы **А. М. Арнштама. Цѣна 1 р. 25 к.**

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

Р. КИПЛИНГА.

Переводъ и предисловіе **Н. П. А.** Подъ редакціей **Ив. БУНИНА.**

Содержаніе:

Книга первая. Возвращеніе Имрэя.—Могила предка. — Мостостроители. — На голодѣ. — Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата. — Дѣло рядового. — Среди отверженныхъ. — Лиспетсъ.— Безъ благословленія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области. — Въ лѣсу. — Молодые сатрапы.—Въ проходѣ. — Пиратъ съ маяка. — На полицейскомъ посту. — Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангъ-утанга.—ВиВилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка. — Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.— «Любовь женщинъ».— Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Обложки работы **И. Я. Билибина.** Цѣна кажд. тома **1 р. 50 к.**

Редьярдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано **присужденіемъ въ 1908 году Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.**

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти исключительно и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной обстановки англо-индійской жизни онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ, съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью съ другой, изобразилъ онъ и типы своихъ соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Печатается книга третья.

ТОМАСЪ МАННЪ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

РОМАНЪ

Переводъ подъ редакціей **Г. Рачинскаго.**

Цѣна **1** руб. **50** коп.

КРУШЕНІЕ СЕМЬИ.

(БУДДЕНБРОКИ).

Романъ въ двухъ томахъ.

Томъ I-й—цѣна 1 р. 25 к. Печатается томъ II-й.

Полный переводъ **Ю. Спасскаго.**

Обложки работы **М. И. Соломонова.**

ЭЛЬЗА ІЕРУЗАЛЕМЪ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ.

Романъ въ двухъ томахъ.

Переводъ подъ редакціей **Я. БЕРМАНА.**

Обложка работы **А. М. Арнштама.** цѣна за оба тома **1**р. **75** к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ВАМПИРЪ.

Романъ **Владислава Реймонта.**

Авторизованный переводъ **Е. Загорскаго.**

Душевная жизнь дѣтей.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ

подъ ред. прив.-доц. **Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.**

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій — освѣтить внутреній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

Все изданіе составитъ 15 томовъ, въ которые войдутъ слѣдующія сочиненія:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—«Введеніе въ науку о дитяти». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся краткія указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается, какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторіи педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Перэ. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе «нравственный», и благодаря этому въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обоянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ нравственнымъ (и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, ревности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто «знаніямъ», авторъ стремится показать, что бо́льшее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное «дѣланіе». Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія— проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберлэнъ. Дитя. Очерки эволюціи человѣка.

(Въ двухъ томахъ.)

Подобно Болдуину, и Чемберлэнъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода.

(Въ двухъ томахъ.)

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ — такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія.

(Въ двухъ томахъ.)

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіей по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ «соціальное существо» благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка.

(Въ двухъ томахъ.)

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознавая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ спеціально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинаетъ формироваться женщина. Какъ и О Ши, Холлъ настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

С. Холлъ. Сборникъ статей по психологіи дѣтства.

С. Холлъ — одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководительства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Вышли изъ печати:

Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. **Д. А. Колоцца.** Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. **Б. Перэ.** Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. **О'Ши.** Роль активности въ жизни ребенка.

Печатаются:

. Чемберлэнъ. Дитя. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна за 15 томовъ—**22 р. 50 к.** Въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ — **30 рублей. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ **2 рубля** (безъ переплетовъ—**1 р. 50 к.**) и ежемѣсячно до погашенія причитающейся за доставленные томы суммы по **1 руб. 50 коп. Вышедшіе томы доставляются немедленно** остальные—по мѣрѣ выхода.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ФРИДРИХА НИЦШЕ

подъ общей редакціей профес. **Ѳ. Зѣлинскаго, С. Франка, Г. Рачинскаго и Я. Бермана.**

При сотрудничествѣ: **Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейликмана, Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина** и др.

«Московское Книгоиздательство», желая пойти навстрѣчу давно назрѣвшей среди русской читающей публики потребности, предприняло изданіе на русскомъ языкѣ полнаго собранія сочиненій великаго нѣмецкаго философа-поэта. Оно рѣшило дать всѣмъ интересующимся творчествомъ Ницше, но не имѣющимъ возможности изучать его сочиненія въ подлинникѣ, образцовый, наиболѣе близкій къ оригиналу переводъ, для чего привлекло къ участію въ переводной работѣ лучшія литературныя и научныя силы, преимущественно изъ числа писателей, занимавшихся спеціально изученіемъ Ницше.

Задавшись цѣлью, по мѣрѣ возможности, облегчить русскому читателю задачу изученія твореній Ницше, издательство нашло цѣлесообразнымъ воспроизвести на русскомъ языкѣ не только сочиненія Ницше, законченныя и изданныя при жизни автора, но и важнѣйшія изъ оставшихся въ рукописяхъ работъ его, а также почти весь библіографическій матеріалъ, данный въ нѣмецкомъ изданіи фирмы C. G. Naumann въ Лейпцигѣ; **кромѣ того, изданіе будетъ пополнено оригинальными статьями, объясненіями, комментаріями и т. д., написанными для русскаго изданія спеціалистами;** въ послѣднемъ же томѣ будетъ дана **біографія** Ницше, составленная на основаніи всѣхъ опубликованныхъ до настоящаго времени матеріаловъ.

Все изданіе составитъ **десять роскошныхъ томовъ** (около 5000 стр. текста) съ приложеніемъ портретовъ Ницше, факсимиле его рукописей, видовъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, и пр.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ: II-й томъ. **Несвоевременныя размышленія. Мы филологи.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Э. Метнера, С. Франка. IX-й томъ. **Воля къ власти.** Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. III-й томъ. **Человѣческое, слишкомъ человѣческое. Отдѣльныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи.** Указатель афоризмовъ. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, С. Франка.

ПЕЧАТАЕТСЯ: Томъ I-й. **Рожденіе трагедіи** и др. Вступительная статья проф. Ѳ. Зѣлинскаго. **ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:** **Такъ говорилъ Заратустра** въ пер. Вячеслава Иванова и др. томы.

Изъ отзывовъ печати:

...Мы получимъ, наконецъ, такое собраніе сочиненій Ницше, какого заслуживаетъ этотъ своеобразный властитель думъ очень недавняго прошлаго. Судя по первому вышедшему тому (второму), внѣшность новаго изданія будетъ болѣе чѣмъ безукоризненной: думаю, печать, портреты—все это высоко подымается надъ уровнемъ, обычнымъ на нашемъ книжномъ рынкѣ. Видна любовная редакторская рука, которая переноситъ въ русское изданіе все то, что собрали критическая и комментаторская литературы о Ницше на его родинѣ. Участіе въ редакціонномъ комитетѣ такихъ заслуженныхъ

именъ, какъ проф. Ѳ. Зѣлинскій и С. Франкъ—даютъ право надѣяться, что крайняя тщательность, проявленная въ первомъ выпускѣ, не оставлена будетъ до конца изданія. *„Въ Мірѣ Искусствъ“ № 10—12, 1909 г.*

Прекрасную задачу поставило себѣ „Московское Книгоиздательство“, рѣшивъ издать на русскомъ языкѣ въ надлежащемъ переводѣ полное собраніе сочиненій Ницше. Потребность въ такомъ переводѣ давно уже назрѣла. До сихъ поръ русскій читатель, интересующійся творчествомъ Ницше, принужденъ былъ пользоваться большею частью убійственнымъ переводомъ гг. Антоновскаго, Арс. Введенскаго и Васильева (изд. Клюкина). Русскіе переводчики не только не передавали намъ характерныя особенности этого поистинѣ художника и мастера слова, но, что еще ужаснѣе,— нерѣдко искажали смыслъ его рѣчи. А вѣдь кто, кромѣ Ницше, такъ бережно, съ такой любовью относился къ каждому своему слову, кто еще умѣлъ такъ тонко въ словахъ передавать состояніе души человѣческой, ея интимнѣйшія и сокровенныя тайны? Свои мысли, настроенія и эмоціи Ницше всегда облекалъ въ художественную форму—форму афоризмовъ. Онъ придавалъ огромное значеніе стилю, ибо „стиль долженъ жить“.

Этотъ томъ (второй) содержитъ въ себѣ четыре части „Несвоевременныхъ разсужденій“. Первая часть „разсужденій“ извѣстна подъ заглавіемъ „Давидъ Штраусъ—исповѣдникъ и писатель“. Въ этомъ юношескомъ произведеніи Ницше со всей силой своей страстности возстаетъ противъ „самодовольно-позитивистич. критики Штрауса“; здѣсь еще замѣтны глубокіе слѣды вліянія Шопенгауэра. Здѣсь Ницше сохраняетъ самую нѣжную связь съ романтическимъ пессимизмомъ. Въ книгѣ помѣщены также остальныя три части „Несвоевременныхъ разсужденій: „О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни“, „Шопенгауэръ—какъ воспитатель“ и „Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ“; въ нихъ Ницше все еще находится подъ вліяніемъ Шопенгауэра и Вагнера и единственный выходъ изъ отчаянія и пессимизма онъ усматриваетъ въ искусствѣ, въ музыкѣ. Онъ преклоняется передъ Вагнеромъ, но уже къ концу этого періода замѣчается нѣкоторое охлажденіе къ Вагнеру, заканчивающееся, какъ извѣстно, полнымъ разрывомъ съ нимъ. Ницще въ періодъ, когда имъ были написаны „Несвоевременныя разсужденія“, какъ справедливо отмѣчаетъ въ предисловіи С. Франкъ,— не похожъ на позднѣйшаго Ницше, въ которомъ привыкли видѣть прежде всего разрушителя и отрицателя, аморалиста и нигилиста. И однако именно въ этихъ юношескихъ лирическихъ „разсужденіяхъ“ „молодой духъ философа-поэта раскрылся цѣликомъ съ той неподдѣльной искренностью самообнаруженія, какая возможна лишь въ юности“.

Въ книгѣ приложены прекрасныя статьи Е. Фёрстеръ-Ницше и интересные комментаріи къ „вагнеровскому вопросу“ Э. Метнера. Предлагаемый вниманію читателей 2-ой томъ изданъ образцово.

„Кіевскія Вѣсти“, 6/XI 1909 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За 10 томовъ безъ переплета (обложка работы И. Я. Билибина)—**30 руб.** Въ десяти роскошныхъ полукожаныхъ переплетахъ (по рисунку А. М. Арнштама)—**40 руб.** РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **2 руб. 50 к.** (безъ переплетовъ—**1 р. 50 к.**) и ежемѣсячно до погашенія причитающейся за доставленные томы суммы по **1 руб. 50 к.** **Вышедшіе томы доставляются немедленно,** остальные—по мѣрѣ выхода.

Р. ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Переводъ и редакція прив.-доц. Моск. унив. *Д. Викторова.*

Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія.

Цѣна **3** руб. **75** коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской философской литературы. Отсутствіе хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *научное* изученіе исторіи философіи возможно только черезъ непосредственное, тщательное штудированіе подлинниковъ; послѣднее не можетъ быть и не должно быть замѣнено никакими хотя бы самыми основательными и подробными чужими изложеніями. Допущеніе между мыслью изучающей и мыслью изучаемой посредствующей инстанціи въ видѣ *третьяго сознанія*, по-своему преломляющаго, отражающаго и освѣщающаго чужую мысль, оправдывается только на *первыхъ* ступеняхъ ознакомленія съ системами философскихъ идей. Здѣсь обращеніе къ третьему лицу, вводящему и истолковывающему, можетъ быть, не только полезно, но прямо необходимо. Тѣмъ отвѣтственнѣе и труднѣе является дѣло историка философіи и тѣмъ важнѣе бываетъ выбрать съ самаго начала подходящій общій курсъ, достаточно ясный и облегчающій, съ одной стороны, и достаточно объективный, аналитическій и широкій по умонастроенію—съ другой. Нерѣдко все послѣдующее, уже самостоятельное воспріятіе и пониманіе философскихъ системъ бываетъ сдвинуто въ извѣстномъ направленіи, тенденціозно, неполно, благодаря тому направляющему вліянію, которое мысль изучающаго получила первоначально отъ того или иного историка философіи. И вотъ именно съ этой точки зрѣнія курсъ Фалькенберга отличается цѣлымъ рядомъ достоинствъ. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемыя идеи труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ онѣ могутъ быть охарактеризованы въ изложеніи; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность учесть и указать читателю такіе оттѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются, или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ...»

«Русск. Вѣд.» 17-го ноября 1909 г.

К. МАРКСЪ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей **В. Базарова и И. Степанова.**

Общая редакція **А. Богданова.**

Томъ I (съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ тремъ томамъ) . . .	Цѣна	2 р. 75 к.
„ II	„	2 „ 50 „
„ III часть I	„	1 „ 75 „
„ III „ II	„	1 „ 75 „

Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ 11 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к. и ежемѣсячно по 1 руб.

Изъ отзывовъ печати:

„...но и въ 1905 г. второй и третій томы «Капитала» существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая — она. Пробѣлъ этотъ взялись восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ — вполнѣ серьезное, научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая— она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаются, правда, неточности, но все это мелочи, неизбѣжныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ «Капитала», и не искажающія коренныхъ теоремъ автора. А переводъ Николая—она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе...“

А. Изгоевъ („Русская Мысль“, августъ 1908 г.).

Я. БЕРМАНЪ.

Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія.

Содержаніе: Діалектика у Маркса, Энгельса и Дицгена.—Діалектика у Гегеля.—Діалектическія схемы.—Діалектика и эволюція.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

В. Іерузалемъ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив. **Д. Викторова.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бенно Эрдманнъ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ О ДУШѢ И ТѢЛѢ.

Переводъ **Н. Н. Вокачъ** и прив.-доц. Моск. унив. **И. Ильина.**
Съ предисловіемъ прив.-доц. **Д. В. Викторова.**

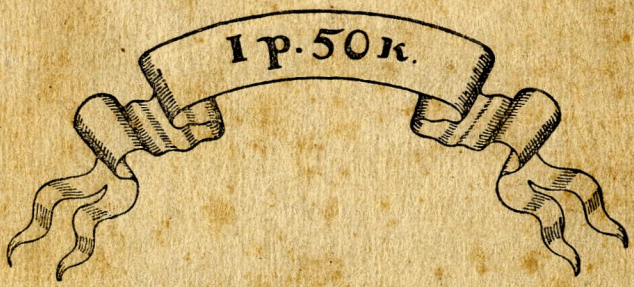
Вильгельмъ Вундтъ.

Очерки психологіи.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. **Д. Викторова.**

9.69 (1986)

3458



РЛ 3458/4

Земля

сб. 5